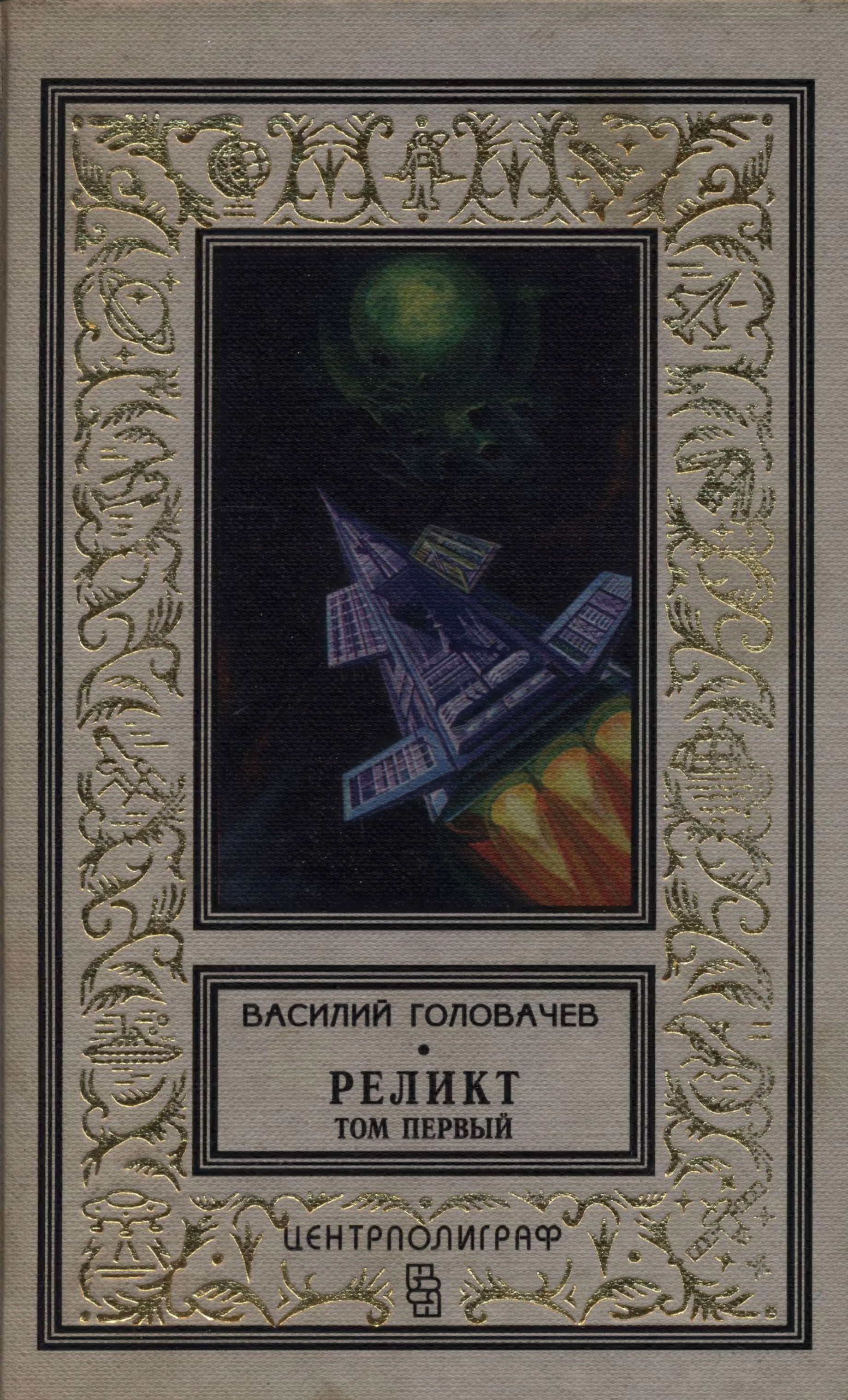

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ
•
РЕЛИКТ
ТОМ ПЕРВЫЙ
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Классическая

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1996

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

РЕЛИКТ

РОМАН В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 1

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

ББК 84.Р7
Г61

Серия
«Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»

Художник А.Б. Державин

ISBN 5-218-00081-7 (Т. 1)

Это — из жизни не той и не той.
Это — когда будет век золотой.

А. Ахматова, Ташкент, 1944

КНИГА ПЕРВАЯ

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ВСТРЕЧИ

Давайте же наберемся храбрости и, пренебрегая невнятными устрашающими воплями, которые доносятся сквозь мглу с обеих сторон, устремимся вперед по этому рискованному пути.

А. Кларк

Часть первая

У ПОРОГА. ГРАНТ

БРОСОК

Мохнатый от звездной пыли рукав Галактики уплыл в сторону, переместился на левую полусферу экрана и угас. В перекрестие ориентаста медленно вползло бесформенное пятно без единого проблеска света.

«Пять дней, — думал Грант, наблюдая за действиями координатора. — Каких-нибудь пять дней, а я уже не помню ее лица. Странно... Помню глаза — потемневшие, невеселые, помню губы, странную рассеянную улыбку, от которой становилось не по себе... Тина боялась разлуки, но не было в мире силы, которая заставила бы ее признаться в этом... Помню черное пламя волос и еще смешное движение руки, подсознательный жест, которым она время от времени будто прогоняла навязчивую мысль. Но все это — почему-то каждое в отдельности — словно детали мозаики. И расплывчатый летящий силуэт... В чем дело? Причуды памяти?»

Едва слышный звон пронесся в воздухе, громада трансгалактического корабля шевельнулась в последний раз и замерла. Координатор выбросил на панель спокойные огни и начал отсчет.

«До ядра неделя пути, не больше, — думал Грант, пытаясь сосредоточиться, но перед глазами все еще плыло пустынное поле стартодрома, по которому ветер гнал зеленые волны, перечеркивали небо тонкие шпили антенн, и на этом фоне постепенно таяла фигурка женщины — удивительно хрупкая и беззащитная. — Потом еще неделя на подготовку аппаратуры, запуск зондов. И два месяца напряженной работы. И тоски по

жене... Вот удивились бы ребята — узнай они, что их бравый командир так безнадежно чувствителен...»

Отсчет кончился. Коротко и требовательно прозвучал гудок — координатор предупреждал людей о необходимости их вмешательства. Грант взял управление на себя.

Подготовка исполнительных механизмов корабля к прыжку заняла не более двадцати минут.

— Все, — сказал Грант будничным тоном, снимая с головы дугу. Круглое, простодушное лицо его было спокойно и, как всегда, казалось слегка заспанным.

— Сто семь парсеков, — отметил задумчиво Умбаа, кибернетик корабля, встретив взгляд командира. — Сто семь...

— И двести тридцать три до ядра, — тотчас откликнулся Вихров, рассматривая черный провал по курсу корабля. — Всего два перехода, если бы не это пятнышко.

Грант тоже не отводил взора от темной кляксы, загородившей путь к ядру Галактики, и чем больше он смотрел, тем меньше она ему нравилась.

— Совсем как у Блока, — пробормотал он. — «Ты прислала мне черную розу в бокале золотого, как небо, аи...»

— Туманность Черная Роза! — воскликнул юный энергетик экспедиции Саша Реут. — Звучит превосходно! Командир, вы попали в точку.

— Пожалуй, она больше похожа на мешок, — хмыкнул Умбаа.

— Мешок? — удивился Вихров. — Ну и воображение у вас, мой друг! Право же...

— Успокойся, Виталий, — мягко сказал Грант, — нарекаю этот ме... гм... это облако туманностью Черной Розы. Боюсь только, что эта роза задержит экспедицию. Размеры у нее...

— Два светогода.

— Иначе говоря, два месяца полета в режиме коротких прыжков в обход туманности. Идти напролом я не рискну — по всем данным, облако газопылевое. Энергетик, кажется, не согласен?

Реут замялся, слегка покраснев.

— Мы что — не можем рассчитать прыжок к ядру?

— Можем, — хмуро проворчал Вихров. — С перспективой угодить на выходе в звезду.

— Но два месяца на обход, — вздохнул Умбаа. — Это же океан времени! Времени бездействия...

Грант мысленно улыбнулся, вслушиваясь в разговор, и достал из ниши пульта шлем связи с координатором.

— Внимание, — сказал он, закончив вычисления основных параметров туманности. — Поле гравитации облака велико, я не удивлюсь, если в его центре окажется звезда.

— Масса? — заинтересовался Вихров.

— Порядка трех-пяти солнечных.

— Любопытно, стоит посмотреть вблизи.

— Заманчиво, не спорю, — охотно согласился Грант. — Открыть звезду, да еще внутри облака!.. Но — увы! — мы только разведчики, наша цель — проложить дорогу к ядру Галактики. На зов наших маяков, по нашим следам пойдут большие экспедиции. Каждому свое...

— А КИК? — не выдержал кибернетик. — Разве не найдется работы для КИКа?

— КИК, дорогой мой Умбаа, это всего лишь коллектор информации, — назидательно сказал Грант, — автомат с обширной, но конечной программой. А вот выбрать нужную информацию может только человек.

— Как динамический селектор, — пошутил Умбаа.

— Кто, кто селектор? — не расслышал сказанного Вихров, снимая свой эмкан.

— Умбаа, — сказал Грант, покосившись на кибернетика.

Звездолетчики рассмеялись. Грант покачал головой и вскинул над пультом руки.

— Внимание! Контроль функционирования. Разговорам конец.

В зале наступила тишина.

— У меня такое ощущение, — подал голос Вихров, когда прошел контроль и в командном зале вспыхнул свет, — будто стою я на вышке перед прыжком в холодную воду.

Умбаа кашлянул.

— На смену предчувствиям уже пришли ощущения? Между прочим, предчувствия сбываются, когда человек к ним подготовлен. Может быть, ты просто сомневаешься в существовании ядра Галактики?

— Не смешно, Ум, — заговорил молчавший до этого математик Росс. — Глобальные проблемы юмора в рейсе тебе еще не по плечу. Нельзя шутить, не опираясь на классиков.

— Нельзя, — после некоторого молчания согласился упрямый Умбаа. — Но если очень хочется, то можно.

— Вот это уже ближе к идеалу.

Грант улыбнулся, поправил на голове дугу эмкана. Чистая нота готовности координатора к началу работы тронула слух. Угольками затлели на пульте индикаторы гравитационных конденсаторов; синяя мгла затянула купол сфероэкрана, сгустилась. Воздух стал плотен, как желе. Глаза людей закрылись.

«Переход на режим», — успел подумать Грант и забылся.

Корабль начал прыжок.

Тьма поглотила звезды. Ни единый лучик света не пробивался из мрачной глубины водородного глобула, только гравитационное его дыхание воспринималось приборами — странное неровное дыхание.

— Мешок, — нарушил молчание Умбаа, незаметно подошедший сзади.

Грант не глядя нащупал его плечо и легонько сжал.

Молчание плыло по кораблю, напряженное рабочее молчание. Автоматический исследовательский комплекс КИК собирал информацию, жадно протянув в безголосую пучину щупальца антенн и датчиков. Вихров работал с координатором в паре с Россом. Неожиданное открытие всплеска реликтового излучения вблизи облака заставило их забыть о существовании распорядка дня, и Гранту постоянно приходилось выдворять звездолетчиков из информария.

Бортинженеры корабля — Умбаа и Реут — занялись регулировкой следящих систем, не забывая информировать командира о состоянии аппаратуры.

Грант рассчитал кривую обхода облака, перевел режим полета на автоматический и, продолжая работать, мысленно перенесся на Землю, в Приморье, вспоминая и заново переживая встречи с Тиной. Тоска по жене охватила его с необычайной силой, что было странно

и необъяснимо с позиций его логики (но вполне объяснимо с позиций логики жизни). Он женился за неделю до полета, женился неожиданно для самого себя, и любовь его была как вспышка, затмившая привычное разнообразие межзвездных полетов. Грант не любил углубляться в самоанализ, зная, что любовь — проблема из проблем, не решенная однозначно ни одним из философов или поэтов, но иногда ловил себя на том, что глупо улыбается, упираясь взглядом в стену, и это сердило его, так как Росс однажды заметил эту улыбку и, покачав головой, пробормотал:

— Надо же, что любовь делает с камнем!..

На третий день полета на субсветовой скорости к Гранту подошел Вихров и, глядя в сторону, протянул пачку сообщений. Грант просмотрел их и вскинул на астрофизика изумленные глаза.

— Это предварительные выводы, — виновато произнес тот. — Разгадка — там. — Вихров топнул ногой в прозрачный пол, под которым обрывалась поглощающая свет пропасть. Грант еще раз пробежал глазами сообщения, задумался, так что карточки посыпались из его рук бликующими крылышками. Внезапно взгляды их встретились, и Грант понял.

— Ага, — произнес он негромко. — Тянет в бездну?

Вихров смущенно повел головой и бросился подбирать белые квадратики.

— Интересно... — процедил сквозь зубы Грант и тут только заметил, что рядом стоят Росс и Умбаа, похожие друг на друга, как заговорщики.

— Хорошо бы, вообще... — начал Умбаа и пошевелил пальцами, подбирая выражение. — Видишь ли, командир, ценность той или иной информации... как бы это сказать...

— ...определяется тем интересом, который она вызывает, — помог Росс.

— Туманно, — качнул головой Грант, внимательно осмотрев их. — Говорите прямо, чего вы хотите?

— Повернуть корабль, — напрямик предложил математик. — На исследование облака достаточно двух недель. Учитывая важность этой области пространства для полетов наших трансгалов, никто в Техническом совете не бросит нам обвинение в самоуправстве и срыве сро-

ков разведки или программы исследований. Мы не только проложим дорогу к ядру напрямую — поставим побольше маяков — и все, — но и исследуем этот загадочный глобул.

— Или я ничего не стою в науке, — взъерошил волосы Вихров, — или мы стоим на пороге тайны!

— Тайны мироздания, конечно, — подхватил Грант ехидно. — Хорошо, я подумаю.

Он взял Росса под руку и повел его, сопротивляющегося, к выходу из центра.

— Во-первых, — сказал он ему в коридоре, — двух недель не хватит даже на то, чтобы прощупать как следует облако локаторами, несмотря на наш КИК. Во-вторых, торопиться в подобных случаях нельзя, и ты должен это понимать как никто другой. И в-третьих, ты — мой помощник, наконец, или пассажир, торопящийся сойти на ближайшей станции?

— Я понял, — пробормотал Росс. — Но если уж на то пошло, обходя облако, мы строим мост вдоль реки. Не проще ли строить его поперек? То есть пронзить облако? Времени у нас не так уж много, ты прав, но мы потеряем больше на обходе, чем на прямой. К тому же, да будет тебе известно, убивает не время, убивает ожидание.

— Какое ожидание? — нахмурился Грант.

— Встречи, например, — пояснил Росс без улыбки.

На четвертые сутки трансгал повернулся носом к пугающей черной бездне и как бы повис на грани звездного мира и тьмы. Грант принял решение пройти газопылевую туманность по диаметру в ТФ-режиме[1], тщательно исследуя каждый отрезок пути перед очередным малым скачком.

Туманность двигалась от ядра Галактики в плоскости ее диска со скоростью около километра в секунду, поэтому у ее границы поставили дрейфующий с такой же скоростью убегания маяк. Всем кораблям Земли, имеющим ТФ-преобразователи, он должен был сооб-

---

[1] ТФ-режим, тайм-фаговый режим (от англ. time — время и греч. phagos — пожирающий) — режим, при котором происходит мгновенная транспортация материи.

щать свои координаты, коридор входа в туманность корабля Гранта и формулы обхода облака по циклоиде — на всякий случай.

— Это последнее темное облако перед галактическим ядром, — волнуясь, сказал астрофизик. — Мы будем первыми из людей, кто увидит ядро Галактики! До сих пор мы наблюдали его только в радиоспектре...

— Прошу обратить внимание, — негромко сказал Грант, и лицо его утратило привычное добродушие. — Я знаю вас давно и мог бы не предупреждать. Но мы рискуем, а риск — благородное дело только в том случае, когда он оправдан. Поэтому главное: корабль не должен остаться без защиты даже при перебоях в энергоснабжении!.. Тихо, слушайте! — остановил он попытку Умбаа вставить слово. — Далее, где-то в центре глобула предполагается наличие звезды с весьма странными свойствами, что налагает на всех дополнительные обязанности: во-первых, постоянный контроль за состоянием узлов корабля и научного комплекса; во-вторых, никакой самостоятельности в изыскательских действиях: в-третьих, личная ответственность каждого за работу аппаратуры контроля здоровья. Далее. Пойдем на ручном управлении, поэтому меня не отвлекать. В случае моего... будем говорить, нездоровья управление берет на себя Росс. Что вы на меня так смотрите?

— Слишком пессимистично, командир, — пробормотал Умбаа. — «Никто не странствовал бы по свету, если бы не предполагал вернуться и рассказать о том, что видел». Это слова Блеза Паскаля, жившего в семнадцатом веке, а мне кажется, он знал, что говорил. Любой из нас заинтересован в том, чтобы вернуться и рассказать.

— Хорошо, что вы это понимаете. — Грант отвернулся, скрывая усмешку, и надел эмкан.

Он не знал, что ему еще придется пройти сквозь пустыню тоски, горечи и немой, невысказанной боли одиночества.

Они углубились в толщу пылевого облака на три четверти светового года. Со всех сторон трансгал окружала тьма, заполненная шорохом сталкивающихся, дробящихся, рвущихся радиоволн, эхом излучений невиди-

мой еще звезды, гравитационный зов которой уже достиг корабля.

Напряжение людей, всматривающихся во тьму, возросло до предела.

На пятый день пути координатор выдал им объемный снимок звезды в нейтринном потоке. Астрофизик от усталости валился с ног, торопясь выжать все возможное из ультраоптической аппаратуры и вычислителя. Если бы не помощь Росса и Умбаа, он, наверное, не выдержал бы такой нагрузки. Предполагалось, что корабль пересечет глобул по диаметру за восемь-десять дней, и специалисты стремились за этот срок запасти как можно больше информации, чтобы за пределами облака без спешки обработать ее и сделать определенные выводы.

На шестой день звезда показалась в видимом диапазоне электромагнитных волн. Это была странная звезда с неровной пульсацией гравитационного поля, звезда, спектр которой заставил ученых забыть обо всем, даже о собственном существовании, настолько он был необычен. Вихров мог сравнить его только со спектрами квазаров, но если светимость последних превышала светимость многих галактик, то «незнакомка» по массе и светимости приближалась к обычным звездам-гигантам, а по размерам — к карликам. Это был уже новый класс звезд, и Вихров назвал их мини-квазарами.

Грант, замедлив ход корабля, вышел из-под скорлупы защитного поля, и координатор взял под контроль их путь в обычном пространстве. Инженеры, мечтая о «письмах» с Земли, поставили еще один ТФ-маяк — всего в нескольких днях пути на субтяге от звезды, запустили в разные концы туманности около десятка зондов-автоматов. Грант составил сообщение о причинах задержки корабля и отправил его по цепи маяков в сторону Солнечной системы, за десятки тысяч световых лет.

МОГИКАНИН

Торможение длилось два часа. Чудовищная скорость корабля упала до планетарной — около тысячи километров в секунду. Энергетик довольно подмигнул свое-

му отражению в зеркальной плоскости ситуационного экрана — он рассчитал режим торможения без помощи командира — и поспешил в информарий, напевая под нос популярную песенку о фотоне, захотевшем получить массу покоя. Грант проводил Реута улыбчивым взглядом, тронул Росса за руку, собираясь высказать свое мнение о мальчике, но в этот миг резкий сигнал автомата-наблюдателя заставил его броситься к пульту. Тонкая голубая линия вычертила окружность в объеме экрана над пультом регулятора управления. Остальная часть экрана сгустила цвет, притушив пылающее белым накалом горнило приблизившейся звезды.

— По курсу с радиантом в три секунды дуги неизвестное тело, — доложил спокойный баритон координатора. — Скорость — сорок девять километров в секунду, размеры — от трех до семи метров в поперечнике. Даю увеличение.

Очерченный линией круг в объеме экрана расширился, в нем появилась блестящая капелька, скачком превратилась в пятнышко света, потом в угловатый предмет размером с кирпич и наконец приняла нормальные размеры.

Кто-то ахнул. Грант сжал плечо Умбаа, опомнившись, отпустил. Слов не было. Перед ними, медленно кувыркаясь в пространстве, летел... разбитый гусеничный вездеход! Грант с молниеносной быстротой высчитал траекторию его движения.

— Ум, две минуты на расчет сетки, мы его поймаем, как бабочку! Саша, стерилизатор, биозащиту, кислородный барраж! Поставь колпак в лабораторном зале, там свободно. Виталий — за пульт, будешь управлять полем. Думаю, справимся без автоматики. По местам!

Центр мгновенно опустел, остались только двое — Грант и математик, который стоял, засунув руки в карманы и высоко приподняв плечи. Он не отрывал взгляда от вездехода.

— Откуда его принесло? — спросил Грант, не ожидая ответа. — Катастрофа корабля?

— Кажется, там в кабине кто-то есть, — пробормотал Росс. — Видишь?

— Вижу, — вглядевшись, сказал Грант.

— Люди?

— Похоже, что люди.

— Когда-то на моих глазах разбился «Токкорикан», и после этого я не могу спокойно смотреть на ЭТО... А вездеход ведь с земного корабля...

— Да, форма сугубо земная, но я не помню, чтобы в последние двадцать лет такие машины использовались в разведке. Значит, ему не менее двадцати лет, независимых, конечно.

— Через минуту семь секунд тело пройдет в тысяче трехстах километрах по левому борту, — напомнил координатор.

Грант сел в кресло, жестом указал на место рядом, посадив встревоженного Росса, ввел поправку в курс корабля и сделал необходимые приготовления.

— Внимание! Через минуту включаю генератор поля, даю отсчет. Умбаа, контролируй нарастание... Виталий, где схема? Перед тобой? Хорошо, бери управление. Внимание, пошел!

После встречи с вездеходом экипаж находился в подавленном настроении. Гранта больше всего поразила причина гибели людей — в кабине их было двое: не от недостатка кислорода или пищи, не от болезни или отравления, не от проникающих ранений, ожогов и тому подобного. Они погибли от страшного удара, буквально сплющившего вездеход.

Каким образом вездеход оказался в космосе, да еще летящим с огромной скоростью, никто из экипажа понять не мог. Правда, Умбаа предположил, что вездеход мог выпасть в пространство при катастрофе корабля, но эта версия никак не объясняла присутствие людей в его кабине. В полете незачем двоим в скафандрах залезать в кабину наземной машины. И еще: анализ показал, что вездеход странствовал в космосе не более полугода, срок чрезвычайно малый для истории, но достаточный для предположения о возможной встрече с самим кораблем-носителем.

— Что же это за экспедиция? — спросил притихший Реут. Серые глаза его потемнели, он все еще переживал смерть незнакомых товарищей.

— «Могиканин», — пробормотал Росс, оборачиваясь к командиру. — Я не помню такого корабля.

Грант задал вопрос координатору, и тот, «покопавшись» в своей памяти, выдал ответ:

— Корабль «Могиканин»: старт в две тысячи семьдесят первом году, направление — южный галактический полюс...

— Куда их занесло! — присвистнул Вихров.

— ...экипаж — двенадцать человек, цель экспедиции — изучение свойств межгалактического пространства, — координатор остановился, был слышен только слабый фон динамика, потом добавил: — Связь утеряна в семьдесят третьем году, дата предполагаемого возвращения — сто двадцатый год.

— А сейчас сто семьдесят четвертый, — тихо проговорил Росс. — Они в пути уже сто три года.

Грант оглядел лица товарищей, хотел сказать: по местам! И споткнулся на первом слове. В командном зале трансгала резко прозвучал гудок, замигал на пульте алый индикатор радиоприема, и в тишине раздался четкий, уверенный голос автомата:

— Сигнал SOS! Простейший код, известный с середины девятнадцатого века под названием азбуки Морзе. Всего два слова: «Прошу помощи!..»

Побледнел Реут, расширились глаза у Вихрова. Росс выпрямился в недоумении. Грант молча надел эмкан и жестом приказал всем занять места.

Корабль три раза бросал зов в молчаливую темноту туманности во всю мощь бортовых передатчиков. Ждал ответа. Три раза приходило слабенькое эхо — отражение радиокрика от магнитной короны звезды. Ответа не было. Наконец автоматы смогли взять достаточно надежный пеленг сигнала, и корабль по перпендикуляру прыгнул в сторону от курса.

После второго прыжка локаторы нащупали в створе пеленга неизвестное тело, и по тому, как переглянулись астрофизик и командир, остальные поняли, что случилось что-то необычайное.

— Планета!.. — произнес растерянно Вихров. — Не может быть!

— Звезда в облаке — еще куда ни шло, — пояснил Грант в ответ на вопросительный взгляд Росса. — Но чтобы у звезды был еще и спутник!.. Плотность газа в облаке такова, что трение за несколько тысяч лет приведет планету к падению на светило. Если только планета не захвачена звездой из какой-нибудь системы недавно...

— Мне кажется, это «Могиканин», его SOS, — сказал Умбаа, работая с пеленгационной аппаратурой. — Азбука Морзе, обычный радиозапрос, а не ТФ-передача, вездеход того же периода звездоплавания... Совпадения слишком разительны... Внимание! Отдаю управление координатору!

Грант кивнул, переключил системы ручного управления на своем командирском пульте и присоединился к Вихрову, считывающему параметры открытой планеты.

Через два часа они уже шли над ночной стороной планеты на высоте пятидесяти тысяч километров, и координатор, вычислив стационарную орбиту, положил корабль в дрейф.

— Поисковая группа — Умбаа и Вихров, — объявил Грант. — Десантолету — готовность один. Связь по ТФ-каналу. Вопросы?

— Нет, — ответил Умбаа, поворачивая к нему лицо.

— Тогда в путь: время не ждет.

Масса планеты почти не отличалась от массы Земли, но диаметр ее был вдвое больше. Возникла необъяснимая загадка: по расчетам плотность пород планеты должна была быть меньше единицы, то есть меньше плотности воды, но, по данным локации, планета не представляла собой ни жидкий шар, ни газообразный, кора ее была твердой и по составу напоминала глубинные метаморфические породы Земли и родственных ей планет.

Десантолет совершил два витка вокруг спутника звезды, и Умбаа обнаружил на очень низкой орбите наполовину разрушенную автоматическую станцию, передатчик которой слал свое жалобное «жду помощи!..». Людей на станции не оказалось, зато Вихров в ее тесной рубке нашел кассету с магнитозаписью: «Произвел посадку в экваториальном поясе, возле Города! Стартовать не могу: ходовой двигатель разрушен! В живых ос-

талось трое! Посадка на планету смертельно опасна! Командир космолета «Могиканин» Тихонов».

Грант вернул десантолет и запустил над планетой более полусотни зондов для поисков места посадки «Могиканина».

Спустя сутки локаторы одного из зондов зафиксировали яркий радиоответ с поверхности планеты, и Грант, неразговорчивый в последнее время, решительно повел трансгал на более низкую орбиту.

ДЕСАНТ

С высоты двух тысяч километров пушистый шар планеты казался клубком желтого тумана, переливчатым и мягким. Едва видимый сквозь густое месиво атмосферы единственный материк опоясывал ее по экватору сизой, удивительно одноцветной полосой, разобрать что-либо на которой оказалось невозможным даже в фотооптические преобразователи.

Удивительное началось, когда Грант, помня предупреждение командира «Могиканина», решил приступить к разведке атмосферы зондами. Первый, опустившись ниже поясов радиации, успел передать только сигнал тревоги и замолчал. Второй умолк на высоте трехсот километров, послав прощальный снимок поверхности. Третий успел передать: «Сильное струйное течение! Сносит к полюсу...» — и тоже затих.

Грант послал сразу четыре зонда, один за другим, но добился только того, что последний зонд из этой серии выскочил из атмосферы, как ныряльщик из воды, за тысячу километров от того места, где он в нее вошел.

— Странно, — сказал Грант, сведя брови в одну линию, — очень странно, если не сказать больше...

Росс понимающе кивнул.

— Нужен разведывательный полет. Дорога каждая секунда... Внизу ждут помощи.

«Это ты мог бы не объяснять», — подумал Грант. Мысли бежали торопливо, и тревожное предчувствие сжимало сердце. Наступал тот момент, когда он должен был рисковать жизнью товарищей во имя спасения дру-

гих людей, и, хотя он знал, что двух решений здесь быть не может, мозг лихорадочно искал другой выход и не находил его. Выхода не было.

«Времени нет, в этом ты прав, дорогой мой математик. Но мне страшно не хочется посылать вас в этот незнакомый и оттого опасный мир. А не посылать вас я не могу, потому что сам идти вниз не имею права и оставить тех троих с «Могиканина» тоже не имею права, хотя, казалось бы, решение должно быть однозначным. И не объяснить всего этого вам, потому что как человек я без колебаний пошел бы вниз: это в крови у каждого из нас — спешить на помощь к товарищу, но как командир я обязан думать еще и о цели экспедиции, и о вашей безопасности, и о многом другом, о чем вы даже не догадываетесь: о том, что я знаю каждого и мне страшно рисковать вами, вашими жизнями. Не своею...»

— Так, — сказал Грант. Незнакомое ранее выражение нежности промелькнуло на его лице, когда он посмотрел на Реута, промелькнуло так быстро, что его заметил только внимательный Росс. — Другие мнения есть? Я так и думал. Вниз пойдут Умбаа и Вихров. Подготовкой займусь сам. Иван, продолжай зондировать атмосферу, попробуй изменить программу входа. Что-то здесь не так.

Росс молча сел в кресло.

Умбаа прицелился: десантолет вошел в вираж послушно, как собственное тело, подчиняясь приказам. Впечатление гармонии полета вселяло уверенность, и Умбаа почувствовал какой-то азартный восторг, словно перед схваткой с могучим, но уязвимым врагом.

Атмосфера планеты была плотнее земной и казалась насыщенной взвешенной пылью или парами металла. Она не только рассеивала лучи светила по-иному: цвет неба постепенно менялся от густого коричневого в сторону желтых оттенков, — но и вообще почти не позволяла вести визуальных наблюдений за поверхностью.

— Не отклоняйся, — бросил озабоченный Вихров, следя за курсографическим вычислителем. Трансгал со-

провождал их лучом лазера, направленным в то место на поверхности планеты, где зонд обнаружил радиоэхо, похожее на отражение от крупного металлического предмета, и отклониться от этого указателя на доли градуса означало уйти от предполагаемой точки посадки на десятки километров.

Океаны, приближаясь, розовели, и становилось понятным, что вода в них, если это вода, конечно, будет турмалинового или сиреневого цвета. Планета превратилась в глубокую дымную воронку с поднимающимися вверх краями. И в этот момент впервые дала о себе знать посторонняя сила.

Десантолет вдруг положило на бок и с необыкновенной легкостью поволокло в сторону от лазерной трассы. Автопилот отреагировал на это полным «выхлопом» двигателей, и чудовищный рывок не смогли погасить даже поглотители инерции: Умбаа ударился о подлокотник кресла, Вихрова бросило на аппаратную стойку.

Движение в сторону замедлилось. Невидимый поток энергии двигателей рвал в клочья полосы синего дыма, воздух стегали длинные радужные нити электрических разрядов. Десантолет медленно восстанавливал равновесие; огни на пульте уходили в зеленую гамму.

— Поле... корабль в поле... — сообщил координатор. — Неизвестное силовое поле сносит корабль... Сбои в генераторах защиты...

Десантолет продолжал опускаться, но очень медленно. Его все еще сносило, и указующий лазерный луч он давно уже потерял. С высоты восемнадцати километров материк, достаточно хорошо видимый в оранжевом свете звезды, оказался не только неровным и неоднородным. На самом деле это был один гигантский горный хребет, теряющийся в дымном мареве за горизонтом.

— Как далеко мы отклонились от цели?

— Километров на сто — сто двадцать.

— Ну, это терпимо.

Умбаа прикусил губу.

— Кстати, командир предупредил, что если мы обнаружим жизнь... ну, ты понимаешь, разумную жизнь, конечно, то немедленно стартуем обратно. Тихонов в своем сообщении упомянул какой-то Город...

— Я помню. Да, если здесь вмешался чужой разум...

— «Ветвь-один», «Ветвь-один», — пробился в динамиках голос Гранта, и виом воспроизвел его мерцающее лицо. — Что случилось?

— Неизвестное силовое поле сносит корабль к полюсу. Параметры поля автоматом не фиксируются.

— Помните о предупреждении Тихонова. В случае непредвиденных осложнений немедленно возвращайтесь.

— «Ствол», вас понял, — ответил Умбаа. Лоб его заблестел от пота: он продолжал контролировать действия координатора и отвлекаться не решался.

На высоте пяти километров Вихров вдруг заметил под десантолетом неровный черный круг, принятый им сначала за дыру в коре планеты. Он замычал и показал Умбаа большим пальцем вниз.

При увеличении черное пятно на экране распалось на какие-то полускрытые тени, глубокие ущелья и крутые возвышенности. Динамики внешнего радиоприема внезапно зашелестели, запульсировали, шорох тысяч невидимых крыльев заполнил рубку, прозвучали отдельные вскрики, свисты, скрип, снова долгий, тягучий шелест и вздохи, и координатор доложил:

— Корабль в потоке радиоизлучения, диапазон десять — две тысячи сто мегагерц.

— Город! — прошептал Вихров. — Это же Город!..

— Еще неизвестно, — остудил его Умбаа. — Радиоволны могут излучаться и в результате естественных природных процессов.

Вихров только отмахнулся, жадно рассматривая поверхность планеты при максимальном увеличении, будто хотел тут же увидеть и ее обитателей.

Десантолет наконец опустился настолько, что удалось разглядеть загадочный черный объект. При тщательном рассмотрении он вовсе не походил на город в общепринятом понимании. Он представлял собой объемную фигуру, диаметром около сорока километров, что-то вроде плоскогорья с обрывистыми склонами, но плоскогорья не сплошного, а как бы раздробленного, потрескавшегося на куски неправильной формы.

— Такыр, — только и сказал обескураженный Вихров.

Умбаа хмыкнул, но возражать не стал.

Через несколько минут Город скрылся за горизонтом, и наступил ответственный момент посадки. Посторонняя сила больше не действовала на земной корабль. То ли потому, что скорость его упала, то ли по другой причине. Но Умбаа на всякий случай увеличил потенциал защитного поля до максимума, ожидая какой-нибудь очередной каверзы со стороны загадочной планеты.

Десантолет тяжеловесно развернулся в воздухе, выдвинул посадочную гармонику и грузно спружинил на фиолетовую почву возле группы низких, изъеденных временем скал.

Еще некоторое время Умбаа напряженно прислушивался и всматривался в чужой, непривычный ландшафт, но тишина не взрывалась, до неблизкого расплывчатого горизонта синеватая порода плато была пустынна. Только дымные столбы то здесь, то там нарушали ее безмолвное спокойствие.

Умбаа расслабился, скинул капюшон скафандра и в это время заметил прямо под лиловым яйцом тусклого светила неподвижно парящую гигантскую белесую... паутину! Она была огромна: дальний край ее терялся в желтой дымке неба — и занимала площадь не менее чем в несколько квадратных километров. Висела она совершенно спокойно, ни на что видимое не опираясь, и это холодное спокойствие непонятного феномена вселяло настороженность и тревогу.

Умбаа наблюдал за ней с час, пока они с Вихровым готовили к походу куттер, но паутина, вернее сказать, сеть, связанная из «канатов» толщиной в туловище человека, с ячейками от десяти до двадцати метров, парила неподвижно, и Умбаа в конце концов махнул на нее рукой, сообщив едва слышимому и совсем невидимому Гранту о своих находках.

Вихров выпустил из корабля дистанционные механоматы — рабочие руки исследовательского комплекса, имеющегося на каждом десантолете, и некоторое время следил, как они работали неподалеку от корабля. Это были геолого-разведывательные автоматы: один из них посверкивал лазерным лучом — делал спектр-анализы,

а другой вдруг задрожал и ушел в почву, только суставчатая антенна его продолжала торчать из-под слоя взрыхленной породы.

Вошел Умбаа, облаченный в сверкающий, как зеркало, балахон с остроконечным капюшоном и горбом генератора поля на спине — скафандр высшей защиты.

— Зачем такие предосторожности? — поморщился Вихров. — Сели нормально, все спокойно...

— Именно потому, что все спокойно, — пробормотал Умбаа. — Надевай.

И они потопали из рубки, одинаково широкие, уродливые, блистающие живым полированным металлом.

У золотистой опорной гармоники десантолета знойным маревом дрожал воздух, искажая очертания скал, подчеркивая плывущую над всем миром сонную, жаркую тишину. И дымы, дымы со всех сторон до горизонта...

— Постой-ка, — сказал Умбаа изменившимся голосом. — Ты ничего не слышишь?

Шепот ему почудился, близкий многоголосый шепот.

— Разговаривает... кто-то... — неуверенно сказал Вихров.

И в это время паутина над десантолетом колыхнулась, словно ветер ударил в нее сбоку, и пошла косо вверх к заходящему светилу. Через минуту она стала невидимой. Пропал и странный шепот.

Умбаа сел в кресло и захлопнул фонарь. Преобразователи формы куттера басовито запели, он поднялся в воздух, похожий издали на листок клена с каплей росы посредине. Свист распоротого воздуха стек к корме и прекратился: скорость аппарата превысила скорость звука.

Лиловое пятно светила, нависшего над размытой линией близкого горного хребта, еле проглядывало сквозь полупрозрачный воздух, отчего все предметы казались одетыми в серую вуаль.

Умбаа перешел на радарное зрение, и видимость улучшилась, только картина сразу стала одноцветной: небо сделалось темно-зеленым, более светлые дымные

струи исчертили его малахитовым узором, плато засверкало изумрудным огнем.

— И все же мне кажется, что Тихонов не зря говорил о Городе, — словно продолжая спор, сказал Вихров.

Автоматы очистили кабину от остатков ядовитой чужой атмосферы, и Умбаа, не снимая, разгерметизировал скафандр. Вихров с любопытством посмотрел на чеканный профиль товарища, ожидая, что скажет Умбаа. Шутники утверждали, что он один из последних потомков племени ацтеков, будто бы даже прямой потомок их легендарного императора Монтесумы. В домыслы о «прямом потомке» Вихров, конечно, не верил, но лицо Умбаа — смуглое, горбоносое, с тяжелым подбородком, прямыми губами, скошенными к вискам глазами, бесстрастное и впечатляющее — действительно представляло собой яркий образец лица индейского воина или вождя, типичного для давно исчезнувших в веках племен майя, инков, ацтеков. Правда, характер Умбаа, склонного к иронии, сильно отличался от характера настоящего индейца.

— Сейчас пойдем по кругу, — сосредоточенно сказал Умбаа. — тревожно мне что-то... И ладонь левая чешется...

— Левая? — переспросил Вихров и засмеялся. — Я думал, один я суеверен. Странный мы народ, астрофизики. Сами же изгнали Бога со всех небес, а суеверны, как древние халдеи.

«Как я тогда сказал? — подумал Умбаа. — Дурные предчувствия сбываются, если человек к ним подготовлен? Чепуха, Дурные предчувствия имеют обыкновение сбываться, когда этого не ждешь...»

Они пролетели недалеко от черного загадочного объекта, с орбиты напоминающего такыр. Со стороны он походил больше на закопченные развалины, чем на скалы или выходы черной породы, и Вихров даже привстал, собираясь обратить внимание Умбаа на это явление, но передумал. Город скрылся из глаз.

Через час куттер завершил круг, в центре которого стоял их корабль, и пошел на второй. Свист рассекающегося воздуха вернулся и уже не стихал, однотонный и утомляющий.

Светило наполовину зашло за зубчатый профиль хребта и уменьшалось на глазах... Зашло. Еще несколько минут алели далекие вершины гор, потом и они погасли. Разбежались по небу багровые полосы, потускнели. Куттер оказался как бы в мрачной впадине, полной тумана. Безмолвие... Странное, жуткое место!

— Пора возвращаться, — пробормотал Умбаа. — Так мы ничего не найдем. «Если вообще что-нибудь найдем, — подумал он. — Зонд мог уловить отражение от местных скал... Без помощи орбитальных измерений нам не обойтись».

Вихров промолчал. Маяк десантолета еле пробивался сквозь фон помех, и астрофизику было не по себе.

Где-то на горизонте, будто повиснув в пространстве, возникло вдруг голубоватое зарево. Оно увеличивалось, и вскоре голубое свечение, бледное и прозрачное, закрыло перед ними четверть небосвода. Потом показалась неровная белая линия, над которой и вставало это загадочное сияние.

— Где-то здесь должен быть тот черный объект, — буркнул Вихров и с оживлением добавил: — Может, он и есть тот самый Город, о котором предупреждал Тихонов?

Умбаа оглянулся, и что-то поразило его, некое движение у кормы куттера. Он вгляделся, ахнул и кинул машину вниз, потом вправо, вверх и снова вниз. Над ними промелькнул размазанный от скорости фосфоресцирующий силуэт и растаял в ночи.

Умбаа вдруг стало так плохо, что на мгновение он забылся. Неприятная слабость охватила тело, сердце рванулось, как при спазме, и, прошептав:

— Держись, Виталий!.. — он направил куттер к земле.

Лучи прожекторов выхватили из тьмы бешено мелькавшие внизу каменные столбы, какие-то крупные предметы, похожие на стога сена... Аппарат влетел в узкий проход между изломами каменных стен, резко затормозил у выпуклого бока черного валуна, несущий диск противно проскрежетал днищем по обломкам, и куттер остановился. Прожектор потух. Наступила цикадная тишина.

Свечение неведомого источника за скалами позволило им довольно свободно ориентироваться в обстановке.

После крушения они с час приходили в себя.

— Вот твое «все спокойно», — невнятно проговорил Умбаа, прожевывая таблетки адаптогена, кислые, терпкие, приятно холодящие нёбо.

Вихров прожевал свои, посмотрел на беспорядок в кабине и со вздохом откинулся в кресле:

— Что это было?

Умбаа мрачно усмехнулся.

— Этого, дорогой мой астрофизик, как сказал бы наш командир, не знаю даже я сам.

Лететь в темноте на поиски неведомо где опустившегося «Могиканина» не имело смысла. Умбаа вспомнил подробности падения машины и вновь пережил болезненное чувство собственного бессилия. Встреча с призраком могла окончиться трагически, предупреждения Тихонова, командира трижды злосчастного «Могиканина», сбывались воочию.

До утра было еще далеко, и Умбаа решил провести маленькую разведку в направлении загадочного свечения.

Медленно пробираясь между темными телами скал, напоминающих туши мамонтов, Вихров томился предчувствием нависшей над ними беды, но, боясь показаться смешным в глазах кибернетика, только чаще оглядывался и не снимал руки с рукоятки деформатора.

— Попомни мои слова, — сказал он, всматриваясь в шевелящиеся тени. — С этой планетой связана какая-то тайна. Одно то, что она существует вопреки всем законам космогонии в плотном пылевом облаке — глобуле, — говорит само за себя. А неизвестное силовое поле? Наука не часто сталкивается с факторами, принципиально отличающимися от всего ей известного.

— Правильно говоришь, — с сарказмом заметил Умбаа, понимая, что послужило толчком к разговорчивости товарища.

— Правильно, — согласился Вихров, поразмыслил и добавил: — Разве ты хочешь возразить?

Умбаа проворчал что-то неразборчивое, но в это время они вышли из каменного лабиринта на край обшир-

ной площади и вести отвлеченные разговоры стало недосуг. В центре площади неподвижно парило серебристо-белое облако не то дыма, не то пара, пухлая шапка которого изредка вскипала белыми фонтанами. А за облаком вздымались полупрозрачные, истекающие голубоватым эфемерным свечением... глыбы льда!

Скопище айсбергов стометровой высоты, приткнувшихся к скалам! Айсберги уходили за горизонт, создавая иллюзию бесконечного ледяного поля, и Умбаа, так и не подобравший к картине иных земных аналогий, прошептал:

— Ледник?!

Вихров, с неожиданным хладнокровием рассматривавший «ледяную» бугристую стену, поднял свой блок фиксации событий — инфор, давно заменивший людям фотоаппарат, кинокамеру и магнитофон одновременно, и запечатлел светящийся «лед» во всем его великолепии.

В глубине «ледника» вдруг что-то случилось. Гулкие удары потрясли его, и Умбаа заметил, как вспучилась одна из сияющих стен, плюнуло из нее искристой струей, и тут же облако в центре площади с неистовым треском опало, съежилось и растаяло, а вместо него в небо взвилась огромная белая паутина, низким гудением своим заглушившая все остальные звуки.

Грохот в теле «ледника» утих, стена успокоилась, но людям теперь показалось, что кто-то сопровождает их внимательным взглядом, кто-то большой и тяжелый, как горы.

— Пошли назад, — произнес сквозь зубы Умбаа.

И они пошли, почти побежали. Но паутина догнала их, плыла так с минуту — снова послышались тягучий шелест, неясные голоса — и ушла вперед. Шелест и голоса исчезли.

— Излучение! — вырвалось у Вихрова. — Всюду излучение, и наша высшая защита не помогает. Понимаешь? Я не специалист в физике излучений, но здесь и не нужно много знать...

Умбаа молча согласился. Человек давно использовал в своей практике излучения, действующие на мозг и центральную нервную систему, излучения возбуждающие и успокаивающие, созидающие и уничтожающие.

Но могли существовать и такие, которые человек еще не постиг, которые не регистрировались земными приборами и тем не менее влияли на нервную систему, так же легко проникая через все барьеры и защитные поля, как луч света сквозь вакуум, и не исключено было, что космолетчики, сами того не ведая, открыли нечто подобное. Иного объяснения «давлению на психику извне» Вихров дать не мог.

Куттер был уже рядом, он поблескивал в «окне» между двумя неровными каменными колоннами. Умбаа удержал заспешившего было Вихрова и указал вверх. Над скалами скользила паутина, удаляясь неспешно и беззвучно. Вскоре она затерялась в стороне «ледника».

Умбаа отпустил астрофизика и вслед за ним подбежал к куттеру. Его поразил цвет аппарата — бурый с оранжевыми потеками по кромке несущего диска. Он протянул руку к колпаку кабины, некогда хрустально-прозрачному, а сейчас матовому, изъеденному многочисленными ямками странной коррозии, и отдернул ее в недоумении.

— Не понимаю, — сказал он.

Астрофизик пнул ногой задранный край несущего диска и вздрогнул: металл съежился и распался на лохмотья. Накренившись, вся конструкция сползла со скалы, рассыпалась в рыжий и черный пепел, хлопья которого разлетелись в стороны. Умбаа нагнулся, растер в ладони щепотку черного праха, быстро выпрямился, хотел что-то сказать, но лишь судорожно сглотнул. Абсурдная мысль пришла ему в голову. Аппарат выглядел так, будто пролежал на этом месте, по крайней мере, сотню тысяч лет! Вернее, он выглядел бы примерно так же, если бы пролежал... Но этого не могло быть!

— Ерунда какая-то... — тоскливо произнес Вихров.

Умбаа завороженно смотрел на то, что час назад было летательным аппаратом, и вдруг представил себе те восемьдесят километров, которые им предстояло пройти до десантолета, не зная ни точного направления, ни того, что ждет их в пути.

— «Ибо у нас, живущих ныне, есть глаза, чтобы удивляться, но нет языка, чтобы восхвалять»[1], — глухо сказал он, поднимая руку и натыкаясь на блестящую ткань скафандра.

ГОРОД

Корабль продолжал мчаться над планетой, наматывая на нее очередной двадцать второй виток.

Росс с помощью самонастраивающейся аппаратуры исследовательского комплекса установил, что вся планета как бы покоится в коконе неизвестного поля, с легкой руки Реута названного тангирующим, или Т-полем. У полюсов оно опускалось воронками к поверхности планеты, и можно было предположить, что именно там находятся чудовищной мощности генераторы, создающие поле. Но Грант не рискнул заниматься их поисками. От Умбаа уже пять часов не поступало известий, и это не давало ему покоя. Если планета окажется населенной разумными существами, то сложность положения увеличивается во сто крат. Встреча с иным разумом никогда не представлялась землянам только лишь проблемой контакта, а его последствия для обеих сторон могли рассчитать лишь специалисты Института внеземных культур на Земле.

Грант в который раз ощутил на себе все бремя ответственности за судьбу незнакомых друзей с «Могиканина», за успешное выполнение основной задачи полета, за судьбу экспедиции, тесно переплетенную с его судьбой, за любое принятое им решение. Ибо в случае ошибки сможет ли он ценою своей жизни рассчитаться за жизнь и горе других?..

Только один раз Росс отозвал Гранта в сторону и спросил, чем грозит ему задержка выполнения основной задачи в случае осложнений?

— Ничем, — ответил Грант, с угрюмым интересом рассматривая жесткое лицо математика. — Единственное, чего я боюсь, так это вспомнить, что, кроме всего прочего, я тоже человек.

---

[1] В. Шекспир.

Росс смущенно склонил голову, понимая, что все его слова будут в этот момент лишними.

В зал примчался Реут и показал командиру объемный список того места на поверхности планеты, где совершил посадку десантолет Умбаа.

— Вот это черное образование излучает широкополосный радиосигнал, — сообщил он возбужденно. — Информационному анализу не поддается, но...

— Все-таки Город, — задумчиво проговорил Грант. — Город?

— В сообщении Тихонова тоже упоминается Город. — Росс подошел к главному виому и долго рассматривал поверхность планеты через вариационные усилители.

— Если это ИХ Город, ты понимаешь?..

— Да, — сказал Грант. — А Умбаа молчит.

Спустя несколько часов Реут обнаружил еще несколько черных кругов, которые он предложил называть Городами. Все они походили друг на друга, как листья дерева, и отличались только размерами.

— Всякий поиск делится на три периода, — говорил негромко Росс, следя за работой энергетика. — Первый — предварительные размышления, для нас он уже прошел; второй — наблюдения и фактография, к этому мы приступили, и третий — период выводов, самый безрадостный, по-моему: чудеса всегда тускнеют от объяснений.

— До этого еще далеко, — заметил Грант, полузакрыв глаза.

— Что будем делать, командир? — Росс выжидательно посмотрел на Гранта. — Мужское чутье подсказывает мне, что нужно идти вниз...

«А женское чутье бывает? — подумал Грант, не отвечая. — Тина... Что тебе говорит сейчас твое чутье? Плохо мне, Тина... Почему я подумал о тебе? Помнишь, у Рубена Дарио:

Я долго перед мраморной Каменой
Стоял один; уныньем обуянный.
Вдруг крыльев шорох — и, по связи странной,
Мне о тебе подумалось мгновенно.

Помоги, Тина, коль уж пришла. Если Умбаа не ответит через два часа, я снова пошлю в этот ад своих друзей...»

— Решай, Яр, — продолжал Росс, не понимая, почему командир не отвечает. — Если Умбаа молчит до сих пор, то случилось что-то серьезное. Надо идти к нему.

— Рано, — сухо отрезал Грант, открывая глаза. — Второй десантолет пошлю, когда сочту нужным.

Росс опускал десантолет очень медленно, буквально по метру в секунду, может быть, именно поэтому отталкивающее поле планеты почти не снесло корабль в сторону от выбранной траектории.

На высоте около сорока километров аппараты зафиксировали какое-то загадочное тело, промелькнувшее так быстро, что на снимке запечатлелся только его стремительный силуэт. Координатор отметил нарастание и убывание гравиполя, дикую пляску защитных полей и нарушения в работе обеспечивающей полет автоматики.

Реут озабоченно просмотрел выданные машиной схемы неполадок и углубился в перенастройку автоматов, не обращая особого внимания на обстановку за бортом десантолета. Росс окинул его теплым взглядом. Юноша нравился ему любознательностью, отзывчивостью и полной самоотдачей в работе. В свои двадцать пять лет Реут смог стать одним из лучших специалистов-энергетиков нового класса кораблей — трансгалактолетов — и слыл личностью незаурядной.

Сели они благополучно всего в километре от десантолета Умбаа, стоявшего прочно и без видимых повреждений. Правда, Россу показалось, что корабль будто бы накрыт белой вуалью, но разглядеть это достаточно хорошо он не успел.

— МПС или высшая защита? — деловито произнес Реут, собираясь в бокс за скафандрами.

Росс покосился на виом связи, в котором сквозь полосы помех виднелись Грант и часть командного зала трансгалактолета.

— «Ствол», — сказал он в микрофон. — Все нормально, иду в поиск.

— «Ветвь-два», вас понял, — прозвучал невыразительный голос Гранта.

— Ты останешься, Саша. — Росс положил руку ему на плечо. — Если не удастся мне, тогда пойдешь ты.

И Реут проглотил вертевшиеся на языке возражения.

В течение всего времени, пока Росс облачался в блестящий балахон скафандра высшей защиты, энергетик украдкой посматривал на его иссеченное морщинами суровое лицо, шрам на щеке — лицо человека, много пережившего за свои неполные сорок лет. Математика в научном центре разведфлота называли Стариком. Не за морщины, старившие его. За сдержанность, которая обычно олицетворяет уверенность в себе и в своих поступках.

— Ты, наверное, сильный человек? — неожиданно для себя самого спросил Реут.

Росс, продолжая застегивать скафандр, медленно обернулся.

— С чего ты взял?

— Так... — пробормотал энергетик.

— Хм... Вообще-то, будучи на третьем курсе института, я выбился как-то в чемпионы курса по мгновенной борьбе. Но это, конечно, мелочи. Я был знаком с одним человеком, Греховым, которого прозвали малышом-оборотнем. Ростом он с мальчишку, но во всем институте, а сейчас я уверен, что и вообще в научном центре, только он один мог вырваться из любого захвата, бороться на равных одновременно с пятью мастерами и, что касается физической силы, согнуть гриф штанги.

— Здорово! — с загоревшимися от восторга глазами сказал Реут.

— Он закончил институт на четыре года позже меня, — продолжал Росс серьезным тоном. — Сейчас работает в Управлении аварийно-спасательной службы... Ну ладно, я пошел, следи за связью.

— Возьми «черепаху», — посоветовал с экрана Грант. — У меня больше нет десантолетов...

Он не договорил, но Росс и так понял, что хотел сказать командир. «Черепаха» была тяжелой шестиместной машиной с противоядерной защитой, скорость ее хоть и невелика, но запас надежности огромен.

— Возьму, — пообещал Росс и, махнув рукой в сверкающей перчатке, вышел из поста управления.

Он не торопясь осмотрел десантолет Умбаа, но нашел только запись устного сообщения Вихрова, торопливую запись о результате первого облета местности и об открытии черного образования, названного исследователями Городом.

— Саша, как меня слышишь? — спросил Росс, соединившись с постом управления своего десантолета.

Энергетик облегченно вздохнул:

— Слышу не совсем хорошо, большой фон.

— Передай командиру... впрочем, я сам.

Росс соединился с Грантом и коротко пояснил ему ситуацию.

— На чем они ушли? — спросил тот, мрачнея.

— В эллинге нет кутера.

— Куттер... Ах, черт! Автоматы записали хотя бы направление, откуда передавал сообщение Виталий?

— Нет. Маяка куттера тоже не слышно... Яр, здесь летают странные сети...

— Сети?!

— Или паутины, издали они похожи на настоящие паучьи паутины. Но размеры их во сто крат больше.

— Жизнь? Я имею в виду — разум?

— Не знаю.

Грант помолчал, постукивая пальцами по канту пульта.

— «Могиканин» тоже не отзывается?

— На всех диапазонах только вой помех.

— Ну, иди. — Грант хотел еще что-то сказать, но, наверное, передумал и выключил связь.

— Не волнуйся, Александр, — улыбнулся Росс энергетику по возможности увереннней. — Следи за маяком. Я их найду.

Через несколько минут он сел в «черепаху», похожую больше на еловую шишку с лапами, и поднял в воздух тяжелую машину.

Хотя светило стояло почти в зените, проку от него было не больше, чем от земного солнца в дождливый осенний день.

Росс свернул чуть в сторону, где дымные струи поднимались чаще, и оказался над странным многоцветным сверкающим полем. В кабине «черепахи» запел звуковой датчик радиоактивной опасности и одновре-

менно на пульте вспыхнул рубиновый сигнал: гамма-излучение.

— Двести семьдесят рентген! — присвистнул Росс, включая анализатор.

— Торий, америций, берклий... — начал перечислять автомат.

Под «черепахой» проплывал естественный ядерный обогатитель, превосходящий по масштабам все известное людям.

Связь с десантолетом прервалась и возобновилась только после того, как машина миновала залежи трансурановых руд. Росс знал, с каким трудом и как медленно промышленность Солнечной системы создает эти сверхдрагоценные элементы, нужные почти в любой области техники и медицины. Если не произойдет ничего неожиданного, то люди получат великолепный подарок — совершенно открытые залежи этих элементов. Если не произойдет...

Тут машина влетела в белый непроницаемый туман, Росс ощутил покалывание в висках, болезненное подергивание лицевых мускулов, боль в суставах и, испугавшись, рванул «черепаху» вверх.

С полукилометровой высоты он оглядел плато под собой, но тумана никакого там не оказалось. Вместо него над синими изломами теней медленно уплывала в сторону огромная серебристая паутина. Росс ощупал ее локатором, но она никак не прореагировала на это, разве что ему стало казаться, будто из-за паутины на него смотрит затаившийся хищник.

Наконец Росс достиг того места, откуда по его расчетам Вихров в последний раз вел передачу на корабль, и остановил аппарат в воздухе. На юге вырастал из-за горизонта массив горного хребта, дрожащий из-за плывущих дымных струй. В противоположной стороне вставала какая-то черная потрескавшаяся стена. До нее было около пятнадцати километров, и подробностей разглядеть Росс не мог, но смотрел на нее долго, чем-то притягивала она взор. Необычностью, безмолвием?

Вдруг низкий гул заставил Росса мгновенно обернуться, и он увидел поразительное явление: по ровной поверхности плато скользила черная скала, окутанная дымом и пылью. Она промчалась под «черепахой», ос-

тавив в породе плато глубокую дымящуюся борозду, и вслед за ней скользнули две паутины, сияющие так, что на них было больно смотреть.

Почудилось Россу, окликнул его кто-то, он повернулся к пульту, но связи с кораблем снова не было, мигал тревожно огонек автомата защиты, светились алым индикаторы радиации. В рубке стояла тишина.

Росс поднялся выше, еще раз с высоты километра осмотрел плато до горизонта, включил автоматический режим локации и медленно поплыл в сторону хребта, прочь от черной стены. Он уже догадался, что это и был тот самый загадочный Город, открытый ими еще с орбиты трансгала.

ГРАВИСТРЕЛОК

Бледное лицо, запавшие глаза, серебро седины в волосах. Грант с отвращением оттолкнул зеркальный прямоугольник и посидел немного, наклонившись над пультом. Потом резко встал и пошел в душевую корабля. К началу сеанса связи он уже выглядел достаточно уверенным и спокойным, чтобы не вызвать нежелательной реакции у Реута.

В три часа дня корабельного времени вспыхнул виом связи, и энергетик спросил:

— «Ствол», как видите?

— Вижу плохо, слышу хорошо, — скупо улыбнулся Грант. — Что нового?

— Иван обнаружил залежи радиоактивных руд. Больше пока ничего, пошел на второй круг.

— Так. Ну, а у тебя что?

— Прилетала паутина, покрутилась и ушла. Да, когда она подошла близко, связь с «черепахой» нарушилась.

— Понятно... Никто не запрашивал?

— Никто.

— Ты вот что, Саша, — сказала Грант, — ты не выключайся, пусть связь будет включена постоянно.

Реут молча кивнул.

Целый час Грант терпеливо работал с координатором, обрабатывая сведения, собранные кибернетиче-

ским комплексом, время от времени подбадривая энергетика отвлекающими разговорами. В глубине души он сознавал, что скорее подбадривает себя, чем менее опытного Реута, но ожидание превратилось бы для него вообще в невыносимую муку, если бы не эти разговоры. Грант не помнил, кто сказал: «Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения», но, наверное, это был великий человек.

— Странная, должно быть, эта цивилизация, — отвечая на какие-то свои мысли, сказал Реут. — Если она, конечно, существует на планете. Создала отталкивающее поле, нами не интересуется... Любопытно, что имел в виду Тихонов, говоря о смертельной опасности? Может, разница в технических средствах сказывается и в оценке опасности?

— Положим, это спорно, — не согласился Грант. — Психологически мы ничем не отличаемся от людей прошлого века. Но с тем, что на планете творятся странные вещи, я согласен.

— Вот, — радостно воскликнул вдруг энергетик. — Иван...

В тот же миг изображение поста управления десантолета исказилось — Реут что-то возбужденно говорил, но слышно его не было, — и связь оборвалась.

Грант невольно посмотрел на главный виом корабля и увидел на поверхности планеты тонкую оранжевую линию. Линия наливалась белым светом, с тысячекилометровой высоты орбиты она казалась безобидной и не страшной, но возникла она как раз там, где опустились на плато два земных корабля, и Грант прикусил губу, представив себе реальные масштабы явления.

Росс отдал управление автомату и устало откинулся в кресле. Близился вечер, но ни аппарата Умбаа, ни звездолета «Могиканин» он не нашел. Эфир тоже был пуст, если не считать постоянного глухого шума в динамиках — фона приема. Иногда только пробивались всплески маяка десантолета да редкие сообщения Реута, утомленного своим бездеятельным дежурством и ожиданием.

И вот на исходе дня, когда Росс решил повернуть к десантолету, локатор вдруг засек металл — золотом про-

сияла на экране точка. Росс от неожиданности среагировал запоздало, и точка пропала, но он обнаружил ее снова.

«Черепаха» увеличила скорость, а спустя полчаса Росс понял, что он нашел корабль. Чужой корабль. Вероятно, это и был «Могиканин».

Стоял он неподалеку от неровной черной стены Города, висели над ним паутины — одна над другой, еще несколько паутин плыли от Города, и Росс не стал рисковать — сел подальше от корабля. Сначала он использовал все диапазоны радио- и светосвязи, рассматривая тупой нос и связку цилиндров (двигатели?) чужого звездолета, окруженного невысокими свечеобразными скалами. Потом навел деформатор на группу скал возле кормы корабля и нажал на спуск.

Грохот расколол тишину, и скалы рассыпались синим дождем осколков. Из расщелин оставшихся скал выползли сизые клубы пыли и скрыли от взора очертания корабля. Зеленоватая мгла затянула все вокруг, стало почти темно.

Росс окружил «черепаху» куполом защитного поля, заметив, как паутины торопливо улетают прочь, высадил из грузового отделения робота технической службы и вылез сам. Он решил подождать несколько минут, а потом идти к кораблю, надеясь на свои защитные средства.

Пыль голубым налетом осела на скалы, почву, корпус робота, и, когда терпение Росса иссякло, из-за кривых каменных столбов вдруг донесся топот бегущего человека. В просветах замелькало что-то белое, и на ровное место выскочил маленький человек в просторном белом балахоне, огромной каске под прозрачным пузырем шлема и с тяжелым излучателем в руке, скорее всего лазерным.

Увидев две зеркальные уродливые фигуры, он круто затормозил и выбросил вперед руку с излучателем. Не будь рядом робота-охранителя, Росс, наверное, и сам среагировал бы соответственно, но внутри металлической фигуры робота что-то зашелестело, и пространство между обоими людьми затрепетало и искривилось.

— Отставить, — спокойно сказал Росс, и робот послушно снял поле.

Глаза у незнакомца были дикими, быстрыми, и весь он казался нервным и порядком растерянным. Он явно не знал, кто перед ним, и переводил взгляд с одной фигуры на другую.

— «Могиканин»? — спросил Росс, включая внешний звуковой передатчик.

Человек вздрогнул, закивал головой и что-то горячо заговорил, показывая рукой то на снующие паутины, то на свой корабль.

— Я вас не слышу, — сказал Росс. — Давайте в кабину, там безопаснее.

Незнакомец заговорил еще быстрее, затем махнул рукой и полез в люк вслед за роботом.

Здесь, в кабине, когда они сняли облачение, Росс понял, что недооценил возраст незнакомца. Было ему где-то под семьдесят. Остроносое, худое лицо его состояло как бы из двух половин: верхней — белой, ранее скрытой под каской, и нижней — загорелой до цвета меди. Был он узкоплеч, хрупок и со стороны, в своем белом изоляционном комбинезоне, казался подростком. Если бы не лицо.

— Я — Росс, математик и помощник командира трансгалактического корабля «Спир», — сказал Росс, приглаживая волосы. — Вы Тихонов?

— Нет, я — Молчанов, археонавт[1] экспедиции, заместитель командира звездолета «Могиканин». Тихонов остался в корабле. Мы уже не надеялись...

— Мы нашли ваше послание. А также встретили в космосе разбитый вездеход с двумя... людьми.

Молчанов несколько секунд беззвучно шевелил губами, не сводя с Росса горящего взгляда. Потом очнулся, потерев лоб дрожащей рукой, и глухо сказал:

— Это были Коротков и Ульссен, физик и врач экспедиции. Они пропали без вести в первом же поиске... Но вы, вы зачем высадились в этом аду?! Тихонов же предупреждал!

---

[1] Археонавтика — космическая археология, наука, изучающая историческое прошлое исчезнувших внеземных цивилизаций.

— Тихонов предупреждал, — тихо сказал Росс, — но мы пришли за вами. Двое наших товарищей тоже пропали без вести, не найдя вас. Нашел я.

Молчанов сник.

— Уходите. Никого вы уже не найдете. Они вернулись бы сами, имей эту возможность...

Росс резко выпрямился, и гневное слово застыло у него на губах.

— Я найду их, — сухо сказал он. — У меня мало времени. Как сообщить вашему командиру? Да, кто с вами третий?

— Его нет, — пробормотал Молчанов, не поднимая головы. — Он пошел в Город и... не вернулся.

— Город?

— Это, собственно, никакой не Город. Черные скалы, похожие на развалины. Ночью они светятся и становятся похожими на растрескавшийся ледник.

— Вот совпадение. Мы тоже назвали эти образования Городами... Так каким же образом мне сообщить Тихонову? Радио у вас не работает?

— Нет. Прожектор на вашей машине имеется? Помигайте. Азбуку Морзе знаете?

— Нет.

— Тогда давайте я.

Росс посмотрел, как Молчанов заставляет мигать прожектор, надел скафандр и отправился встречать командира «Могиканина».

Как и в прошлый раз, он вышел с роботом и уже прошел полпути до корабля, как вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

— Назад! — закричал вдруг из кабины «черепахи» Молчанов. — Назад! Гравистрелок! Назад!!!

Появившийся из-за скал Тихонов предупреждения Молчанова слышать не мог, но он был опытнее Росса и увидел опасность раньше. Правда, ему это не помогло.

Росс успел только заметить над собой решетчатый крест, и в тот же миг скала рядом с ним разлетелась в пыль, и, если бы не защитное поле робота, его не спас бы даже скафандр высшей защиты. Все же его сбило с

ног. Не дожидаясь, пока уляжется пыль, он вскочил, подбежал к Тихонову, который лежал ничком в десяти шагах, подхватил его и, не оглядываясь, поспешил к машине.

Еще один громовой удар настиг его у люка. На этот раз удар был намного сильнее, но робот спас людей и теперь. Росс, ругаясь шепотом, втащил тяжелое тело командира «Могиканина» в тамбур и захлопнул люк.

Экраны внешнего обзора показали им, как странный крест добивал робота. Последний удар швырнул разбитый остов робота высоко в воздух, и там, на высоте трех сотен метров, он взорвался, истекая рыжим пламенем.

Вдвоем с Молчановым они раздели Тихонова и ужаснулись: тело его напоминало пропитанную кровью губку. И Росс подумал, что Тихонову вряд ли поможет теперь даже совершеннейшая медицинская аппаратура трансгала. А может быть, и Земли...

Крест принялся за «черепаху». Третий удар, потрясший машину, заставил Росса сесть за пульт, и тут словно мститель проснулся в нем. Росс неистово прошелся по кнопкам автоматической наводки деформатора, и сетка прицела накрыла и чудовищный крест, и сопровождающие его паутины. Ого, вон вас сколько! Подождал, пока нальется алым светом индикатор накопителя, и нажал на спуск.

«Черепаха» подпрыгнула, уши заложило от пронзительного вопля разряда, а там, где только что крутились паутины, чиркнуло огненной полосой, и паутин не стало. Исчез и крест.

Росс оглянулся, и Молчанов вздрогнул, встретив его жесткий и холодный взгляд. Впрочем, Росс тут же смягчился, кивнул Молчанову на кресло и поднял аппарат вверх.

Однако не успели они пролететь и двух километров, как вдруг на кормовом экране «черепахи» взошло второе солнце, похожее на исполинскую цветную капусту. Оно расцвело на поверхности планеты неожиданным ядовитым цветком, постояло так с минуту и стало гаснуть. «Черепаху» догнала волна яростного гула и разбилась о ее неприступную броню.

— Звездолет! — побледнев, прошептал Молчанов. — «Могиканин»!..

Росс увеличил скорость.

Реут разговаривал с командиром, наблюдая, как возвращаются механоматы, выпущенные Умбаа почти сутки назад.

Глухой подземный гул заставил его вскочить и прислушаться. Задрожали стены, десантолет закачался на амортизаторах, а всего в полукилометре от него лопнула земля, и вал слепящего пламени, вырвавшийся из этой трещины, покатился на корабль.

Реут прыгнул к пульту и вдавил разом клавиши запуска генераторов защиты и аварийного старта.

Десантолет беззвучно взмыл над искривленными скалами, искривленной огненной пропастью, искривленным горизонтом. Счетчики отзвонили радиоактивную тревогу, заревел басом динамик универсального приемника, а из пышущей жаром бездны, поглотившей то место, где только что стоял корабль, вымахнули вдруг один за другим ослепительные шары и с булькающим гулом ушли в небо, сопровождаемые уже знакомыми паутинами. Десантолет закачало с боку на бок и потащило вслед за ними.

Реут опомнился и отвел корабль подальше от неожиданного катаклизма, посадив его за частокол оплывших, словно свечи, скал. Здесь и нашел его Росс, не потерявший присутствия духа и во время разгула неведомых стихий.

Растерянность и надежда отразились на лице Реута, когда робот внес в рубку безжизненное тело Тихонова.

— Уходим, — коротко сказал Росс, снимая скафандр и помогая Молчанову. — Саша, это Молчанов, археонавт «Могиканина», позаботься...

Реут встрепенулся и бросился к оцепеневшему маленькому человечку, покорно разрешившему себя раздеть, напоить и усадить в кресло. Росс быстро уложил тело Тихонова в запасное кресло, попробовал связаться с трансгалом, но безуспешно — ионизация воздуха была слишком велика — и решительно включил автоматику старта.

Провалилась вниз дымная стена багрового пламени, только что уничтожившая десантолет Умбаа и Вихрова. Мелькнули и исчезли идущие куда-то строем паутины. Затерялась в голубовато-серой дымке поверхность негостеприимного плато, куда звездолетчики ушли на поиски потерпевшего крушение «Могиканина».

Грант бездействовал всего одну минуту. Гнев и ненависть душили его, гнев и ненависть к планете, отнимавшей у него мужество и веру в правильность своих действий, отнимавшей у него главное, что он имел: тепло человеческих сердец. С минуту Грант смотрел на виом, вспоминая лицо Реута, потом сел за пульт.

За полчаса он рассчитал скорость входа аппаратов в атмосферу планеты, при которой отклоняющее воздействие неизвестного поля было минимальным. После этого запустил серию телезондов в сторону ушедших десантолетов, поручив автоматам постоянно следить за их работой. Но изображение, переданное самым нижним зондом, было туманное и словно подернутое рябью. Достаточно ясно Грант смог увидеть только черную «шайбу» Города да светящуюся рубиновую полосу, то и дело перекрываемую полосами дыма.

Тогда он подключился к координатору и с мрачным ожесточением занялся регулировкой системы дальновидения. Ни один из десантолетов не отвечал, и Грант решил, что, если связь с ними не восстановится в ближайшие два часа, он посадит трансгал на поверхность планеты. Ожидание на орбите требовало от него столько мужества, что решительных действий он уже не боялся, хотя в глубине души, конечно, понимал: сам погибнуть в тех условиях он теперь не имеет права.

Он добился того, что объем изображения, передаваемого зондами, прояснился, но в это время координатор произнес торопливую фразу: «Ствол», ответчик «Ветвь-два» возвращается, — а вслед за тем трансгал вздрогнул, замигали виомы-автоматы, втянули приблизившийся десантолет в недра корабля.

Первым в командный зал вошел сосредоточенный Росс. Вошел и остановился, со странным выражением глядя на командира.

— Что? — не выдержал Грант.

Росс, не отвечая, подошел к пульту, выдернул зеркальный прямоугольник и повернул его к Гранту. Тот с недоумением всмотрелся в свое отражение, усмехнулся и оттолкнул зеркало. Волосы его стали наполовину седыми.

— Что? — сухо повторил он.

— Саша готовит десантолет к новому походу. «Могиканина» больше нет, мы нашли только двоих: Молчанова — археонавта корабля и Тихонова — командира. Молчанов спит, переутомлен до крайности. Тихонов в медцентре, спасти его могут только на Земле. На нас напала паутина, удар силового поля и... Умбаа и Виталия отыскать не удалось: их десантолет свалился в пропасть, пустой. Я оставил там бомбовый передатчик, на случай их возвращения к месту посадки. Я иду туда снова, Яр. Удержи только Реута, я не хочу рисковать мальчиком.

Грант долго молчал, глядя на шар планеты сквозь панорамный виом. Он был уверен, почти на все сто процентов уверен, что Умбаа и Вихров погибли. Но пока существовал хоть один шанс, он обязан был сделать все, чтобы найти пропавших и уберечь живых.

— Мне не хочется рисковать вами обоими, — медленно проговорил он, — но один ты не справишься. — И добавил шепотом: — Ты уверен, что они живы, Иван?

— Уверен, — сказал Росс. — Не испытывай меня, Яр. Даже если бы я не был уверен, я все равно пошел бы. Да и ты тоже. Помоги мне с тонизатором, я устал.

ПАУТИНА

Десантолет сел в километре от Города, на широком пустыре среди частокола каменных стволов, диких изломов породы и громадных валунов, величиной с многоэтажный дом. Неровная черная стена Города напоминала древние руины, и Россу пришла мысль, что, может быть, они не так уж и далеки от истины, назвав странные образования Городами. Что-то отличало их от естественных формирований, какая-то неуловимая печать

инородности. Чужие они были этому первозданному хаосу природы, не тронутой ничьими руками планетарной коре.

Росс включил маяк, связался с трасгалом и сообщил Гранту, что сел нормально.

— Ты поосторожнее там, Иван, — попросил Грант. — Если на планете есть жизнь, тем более — разумная, прими все меры предосторожности.

— Ну, если бы здесь была цивилизация, даже негуманоидного типа, то преобразование лика планеты мы заметили бы еще из космоса. Во всяком случае, заметили бы признаки разумной организации.

— Не знаю, — помолчав, сказал Грант. — Откуда мы можем знать, нужно ли преобразование планеты негуманоидам? Разум может проявляться не только в экспансивной форме, а и в форме подчинения внешней среде... — Он резко оборвал себя. — Ладно, я не ксенопсихолог, а ты не на лекции. В общем, ты меня понял.

Грант отошел от экрана, оставив канал связи включенным.

Росс повернулся к энергетику, делавшему вид, что занят наблюдениями, и пробормотал:

— Волнуется командир... а, Александр?

— А вы бы не волновались? — серьезно спросил тот.

Росс невесело улыбнулся.

— Пожалуй. Ну, что ты там заметил?

— Паутины, — показал Реут. — Летят сюда. А вот это я не знаю что.

Со стороны Города приближался к десантолету черный обломок не то камня, не то металла, порхающий в воздухе с легкостью бабочки. Он два раза крутнулся над десантолетом, будто его что-то притягивало к земному кораблю, и завис на границе его защитного поля.

Росс машинально задействовал исследовательский комбайн, и координатор выдал ему параметры летающей глыбы: плотность не поддается измерению, масса бесконечна, температура поверхности тела более трех тысяч градусов, субмикронное излучение...

— Чепуха какая-то, — произнес Реут. — Бесконечная масса в конечном объеме!.. Что, если прощупать его нейтринным прожектором?

Росс подумал и согласился. Он быстро составил приказ координатору, ввел его в приемное устройство и одновременно дал команду автоматам увеличить потенциал защитного поля в случае какой-нибудь непредвиденной реакции черной глыбы.

В аппаратном куполе десантолета открылась узкая щель, в которую выдвинулись черные рога нейтринных излучателей. Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд. Прожектор включился, черный обломок над кораблем внезапно вспух, выбросив во все стороны черные отростки, по его поверхности побежали ослепительные звезды, отозвавшиеся воем сирены регистраторов радиоактивного излучения. Автомат защиты тут же скачком увеличил мощность защитного поля, и сирена смолкла.

Приближающиеся паутины мгновенно преодолели оставшееся расстояние и отгородили глыбу от корабля решетчатой стенкой. Полыхнуло синее беззвучное пламя, тяжкий удар потряс защитное поле десантолета, а когда люди открыли ослепленные глаза, паутины были уже далеко. Они тащили успокоившуюся черную глыбу к Городу, а за ними медленно опадал хвост дыма и пыли.

Росс попробовал еще раз связаться с Грантом, но махнул рукой и стал облачаться в скафандр.

— Когда ионизация спадет, — сказал он, — успокой командира.

— Я с вами, — сдвинул брови Реут.

Росс поморщился.

— Ты мне нужен здесь.

— Я с вами! — повторил энергетик, и незнакомые нотки прозвучали в его голосе.

Росс обернулся, пристально вгляделся в зардевшееся упрямое лицо Реута и, хмыкнув, указал ему на второй скафандр.

Они вылетели в сторону Города, когда светило уже зашло за горизонт, ненадолго оставив вместо себя светлое пятно ложного солнца. Аппарат обогнул Город с юга, и Росс, отдав управление Реуту, сел за курсовой вычислитель и с головой ушел в работу с локационными установками.

За три часа они слетали на место прежней посадки десантолета, обнаружив над бомбовым передатчиком лесенку светящихся знакомых паутин. Умбаа здесь, очевидно, не появлялся.

То ли они слишком близко подошли к паутинам, то ли по иной причине, но у Росса вдруг заныли зубы, и ему показалось, что их у него не тридцать два, а все шестьдесят четыре.

— Иван, чувствуешь? — запинаясь, выговорил Реут. Очевидно, ему тоже стало нехорошо.

Росс, прищурившись, навел деформатор и выстрелил, разметав паутины за пределы видимости. Сигналы передатчика тут же зазвучали с прежней силой, заэкранированные до этого паутинами.

— Паучья жизнь! — сказал Реут, облегченно вздыхая.

Росс не ответил, снова занявшись локаторами. Ощущение чьего-то постороннего присутствия не проходило. Будто путник подошел к хижине, постучав в окно робкой рукой, и стук этот коснулся слуха, не потревожив сонной одури хозяина, и остался ускользающей тенью звука, тревожного зова, странного дразнящего эха... Росс мельком посмотрел на виомы внешнего обзора, заметил выплывающую из темноты паутину в форме креста и недовольно поморщился. Паутины были слишком назойливы и любопытны, чтобы быть просто представителями растительного или животного мира планеты. Они всегда появлялись там, где находились люди и земные машины, и это их любопытство стало казаться Реуту целенаправленным и осмысленным. Ему не хотелось пугать Реута, но он все же связался с десантолетом, а через него с командиром — очередной каприз атмосферы позволил им установить связь.

Грант выглядел скверно, и Росса кольнуло острое чувство жалости. Он коротко передал свои соображения о жизни планеты и о результатах поисков. Грант сказал только одно слово: «Хорошо» — и отвернулся, и Росс, чувствуя себя виноватым, подавил в себе желание приободрить командира. Грант не понял бы этого.

Глубокой ночью, когда усталый Росс уже потерял всякую надежду отыскать как сквозь землю провалившийся куттер товарищей, локатор вдруг засек точечный источник радиоизлучения. Таким источником мог быть

индивидуальный радомаяк скафандра кого-то из пропавших, и Росс, не раздумывая, повернул «черепаху».

Через несколько минут машина остановилась над тем местом, где сигнал был наиболее слышен. Росс включил прожекторы и спикировал на бугристую поверхность плато. Реут замешкался, накидывая капюшон скафандра, и когда выскочил из тамбура, то увидел, что Росс стоит возле какого-то непонятного сооружения, освещенного прожектором.

— Что это? — удивился энергетик.

Сооружение напоминало раздавленную гусеницу ржавого цвета с выступами по днищу. Один из концов его был смят страшным ударом, от которого потек материал стенок, и теперь «гусеница» представляла дырявую скорлупу диаметром в два человеческих роста. О ее назначении ничто пока не говорило.

Росс обошел «гусеницу», касаясь рукой гребенки длинных, кое-где поломанных шипов, выступающих полосой вдоль ее борта, и остановился возле щелеобразного отверстия в передней части.

— Пеленгатор привел нас сюда, — задумчиво сказал он. — Но это не земная машина. Странно...

Реут стукнул кулаком в гулкий бок сооружения и вдруг отскочил. Внутри скорлупы что-то зашуршало, из отверстия выскользнул тонкий светящийся брусок. Вне «гусеницы» он развернулся в плоский двухметровый лист — фиолетовые искорки на нем казались шерстью — и поплыл прочь от людей. Через минуту он затерялся среди скал, остался слышен только его радиоголос, удивительно напоминавший звонкую капель радиомаяка.

— Пошли назад, — сказал Росс, пряча деформатор в спецкарман. — Ложная тревога. Кстати, без оружия выходить опасно...

— Что это было? — спросил Реут уже в кабине.

— Машина, — помолчав, ответил математик. — Чужая машина. Или ты о чем спрашиваешь?

Под утро Росс устал настолько, что не помогали уже ни стимуляторы, ни гипнодуш. Связь с трансгалом держалась довольно устойчиво, несмотря на то что за «черепахой» неуклонно следовала голубая паутина.

Грант, тоже не отдыхавший последние двое суток, измотанный ожиданием и тревогой, сказал невыразительным тусклым голосом:

— Возвращайся, Иван. Чтобы обыскать тысячи квадратных километров горной страны, нужны сотни аппаратов... возвращайся...

— У них еще есть энергия, — упрямо сказал Росс, — а значит, и кислород. Мы будем искать.

«Если только они живы, — подумал он. — Но иначе я не могу. И ты, командир, тоже».

Паутина приблизилась на расстояние вытянутой руки, изображение раскололось, и связь прервалась.

— Проклятье! — прохрипел Росс, откашлялся и махнул рукой. — Давай снова к Городу, попробуем поискать там. Дальше Города они уйти не могли...

Реут молча повернул машину.

«Досталось парню, — думал Росс, поглядывая на усталое, ожесточенное неудачами лицо энергетика. — Гибель экипажа «Могиканина»... Виталий и Умбаа... Себе-то я уже могу признаться в бесполезности поисков. Если бы куттер уцелел, мы бы уже давно их обнаружили. А без машины они... Ах, Умбаа, Умбаа...»

Под шепот и вздохи невидимой толпы — паутина не хотела отставать от аппарата — они долетели до Города, и тут автомат снова засек точечный источник радиоизлучения. Источник перемещался, он был уже где-то в черте Города, то появлялся, то исчезал; Росс, сменив энергетика, сам сел за управление.

«Черепаха» взлетела над сияющим голубовато-прозрачным массивом. Несколько минут казалось, что они вот-вот догонят неведомый источник, но потом пеленг пропал, и Росс заметил странное движение в кильватере машины. Там, где она пролетала, «сооружения» Города начинали вдруг искажаться и оплывать, усиливая свечение. Позади «черепахи» образовывался длинный огненный след, отчетливо видимый на плоской потрескавшейся поверхности Города, как след корабля на воде.

В кабине разгорелись индикаторы радиации, зашумел динамик приемника. В тишину ночи вторгся какой-то низкий приглушенный гул.

— След, — с вялым удивлением сказал Реут. — Посмотри, Иван.

Росс, не отвечая, круто развернул машину и бросил ее в пике. Они пролетели всего в нескольких метрах от поверхности крыши одного из «зданий» Города, которое вблизи больше всего напоминало глыбу подсвеченного из глубины стекла. В тот же миг корпус «черепахи» потряс громовой удар, потом второй. Реут прикусил язык и обеими руками вцепился в подлокотники кресла. Росс напрягся, удерживая машину на курсе, шея его налилась кровью.

— Паутины, — шепелявя, произнес Реут. — Сзади паутины, Иван.

Росс оглянулся, бросил машину вверх, и это спасло их от третьего силового шлепка.

Паутины отстали от них лишь после того, как математик ответил на их тяжелые залпы разрядом деформатора.

С высоты плоская вершина Города видна была очень хорошо, и в центре ее вставал сияющий факел, окруженный снующими паутинами.

Росс наблюдал это явление с минуту, еще не догадываясь, что именно пролет «черепахи» стал причиной загадочной вспышки. Темное лицо его было бесстрастно, но у Реута вдруг тоскливо заныло сердце и слезы навернулись на глаза.

— Как же они?.. — дрожащим голосом сказал он. — Иван, они же... Виталий... Умбаа...

— Будем искать, — тихо ответил Росс. — Будем искать их, малыш...

В стороне от них к Городу спешил строй паутин. Их было много, очень много, они почти сливались друг с другом, казалось, что плывет одна сверхгигантская светящаяся сеть, которой не видно ни конца ни края.

Рассвело незаметно. Полоса неба на востоке налилась оранжевым свечением, раскалилась и вспыхнула. А когда она потеряла свой режущий блеск, оказалось, что светило уже стоит над дрожащей размытой чертой горизонта. Связь с трансгалом тут же ухудшилась, а потом и вовсе пропала.

— Куда теперь? — спросил, едва шевеля губами, Реут. Он сидел за пультом слишком прямо, словно боясь шелохнуться, и не узнать в нем было прежнего застенчивого мальчика. Теперь это был усталый донельзя, повзрослевший молодой человек, который мог понять гибель товарищей, но не примириться с ней.

— Домой, — вздохнул Росс. Нервная и физическая усталость сковала его цепями полусна-полуяви, но ради Реута он держался изо всех сил, стараясь казаться решительным и целеустремленным. Удавалось это ему с трудом.

И очень сильно мешали вести поиск паутины. Их стало три, шли они за «черепахой» не отставая, и тягучий их шепот все настойчивее лез в уши, в мозг, заставляя оглядываться и прислушиваться.

Предчувствие неведомой опасности охватило Росса. Он даже на некоторое время забыл об усталости, настолько сильным было чувство опасности.

Наконец они оказались где-то совсем близко от десантолета, курсограф вывел их «по памяти» к месту посадки. И тут Росс понял, в чем дело. Предчувствие не обмануло его. Первое, что удивило, — отсутствие радиокрика маяка. Второе — корабля на месте не было. А над местом посадки корабля кружило несколько знакомых черных скал, накрытых одной громадной белесой паутиной.

— Корабль закапсулирован, — с тревогой сказал Реут, догадавшись, в свою очередь, о причине исчезновения десантолета.

«Сработали автоматы защиты, — подумал Росс, сажая «черепаху» метров за сто от центра «пустоты». — А это значит — существует прямая угроза кораблю, угроза гибели. В такой ситуации автоматы защитное поле не снимут, если не будет приказа... а приказа они не услышат... Что же делать?»

Минуты три Росс рассматривал карусель черных обломков, насвистывая какой-то сложный мотив. Но подлетевшие близко паутины вынудили его действовать. Сначала он отогнал непрошенных гостей несколькими разрядами из деформатора. Потом решительно высадил Реута из кабины, поколдовал над пультом и вылез сам.

— Как только в поле откроется проход, — сказал он энергетику, превозмогая внезапный нервный озноб, — беги что есть сил. Потом откроешь проход и для меня.

— Может, вместе? — растерялся Реут.

— Я подстрахую, — отрезал Росс. — Паутины возвращаются...

Он жестом приказал Реуту приготовиться и бросил в микрофон неразборчивую фразу.

«Черепаха» беззвучно тронулась с места и заскользила к невидимому кораблю, убыстряя ход. Метров за пятьдесят от центра пустыря она вдруг ударилась о непроницаемую стену защитного поля, и тотчас же чудовищный вихрь пламени разнес ее на атомы.

Координатору десантолета понадобилось две секунды на анализ неожиданного нападения, и он понял.

— Пошел! — толкнул Росс энергетика. — Быстрее!

Реут заметил яркий круг входа, возникший в защитном поле, и побежал. Росс несколько раз выстрелил из ручного деформатора над его головой, отгоняя норовящую упасть сверху паутину, потом, почуяв над собой какое-то движение, упал лицом вниз и тут же перевернулся. На него опускался огромный сетчатый крест, названный еще Молчановым гравистрелком. Вместе с крестом десятки паутин падали с неба: на корабль, на бегущего человека, на скалы вокруг.

— Гады! — с тоской сказал Росс.— Дайте уйти мальчику, гады!

Ему показалось вдруг, что светило погасло и с небес хлынула волна тьмы. Он уже не видел, как из стаи паутин выпал полупрозрачный, как призрак, серый шар, и тенью скользнул к Реуту, словно прикрывая его от нападения сверху. Реут успел нырнуть в проход.

Серый призрак метнулся назад, но в этот миг ослепительный свет вспыхнул над скалами, сомкнулся над лежащим Россом и, отозвавшись грозным гулом в теле планеты, вознесся на недосягаемую высоту.

А когда застыли пузыри расплавленной породы и с неба стал падать черный пепел, со стороны далекого хребта приплыла крестообразная паутина, наткнулась на серого призрака и остановилась поодаль. Так они висели над серебристым пятнышком, вплавленным в дно небольшого кратера, то опускаясь ниже, то подни-

маясь, потом откуда-то примчался еще один призрак, и оба странных шара пошли вверх, набрали скорость и исчезли.

УЖАС ТАЙНЫ

Проводив десантолет, Грант продолжал заниматься телезондами, добиваясь, чтобы они передали четкое и ясное изображение поверхности планеты с разных высот.

Молчанов, принявший гипнодуш и стимуляционное облучение, чувствовал себя достаточно сносно и, выбравшись из медцентра, пришел в командный зал. Одиночество страшило его.

— Как я понял, — сказал он, понаблюдав за действиями командира корабля, — вы мой потомок? Не прямой, но все же потомок? Сколько же времени прошло на Земле с момента старта нашего звездолета?

— Сто три года, — сказал Грант машинально и спохватился. Но Молчанов только кивнул головой, принимая ответ, как должное, и ровным голосом произнес:

— А в корабле мы прожили всего полтора года. Всего полтора...

Он встал и подошел к креслу командира, который наблюдал, как вариатор вырезает в общем объеме изображения окон связи с телезондами. Сейчас в окне как раз проплывал черный массив Города.

— Город, — сказал Молчанов тихо. — Horror kriptos — ужас тайны! Он унес у нас семь жизней, больше половины экипажа... Проклятая планета! Возвращайте своих людей, командир, пока не поздно — возвращайте. Иначе и их придется списать в пропавшие без вести.

Грант только покачал головой:

— Вам надо отдохнуть, Эвальд. Кстати, сколько вы пробыли на планете?

— Двадцать суток.

— Двадцать?! Я думал, гораздо больше... И вы не пытались за это время найти объяснение агрессивности к вам... к нам, к людям, чужой жизни? Что заставляет нападать на нас паутин? Или... этих... как вы их называете? Гравистрелков?

Молчанов улыбнулся странной безжизненной улыбкой.

— Мы пытались. Зачем бы мы садились на планету, если не были бы исследователями? А паутины... Не знаю. Иной раз их поведение напоминало поведение любопытного зверя. Иногда они настойчиво стремились оттеснить наши вездеходы в сторону океана... Но чаще всего нападали. А кресты, то есть гравистрелки, нападали всегда, стоило им только увидеть наши аппараты. Если это машины или эффекторы иных мыслящих существ, то разум планеты принципиально отличается от человеческого.

— Вы говорите как специалист.

— А я не только археонавт, а еще и ксенобиолог экспедиции. Сто лет назад звездолетчики обязаны были иметь несколько профессий.

— Сейчас универсализм необходим для космолетчиков еще больше. — Грант оторвался на какое-то время от работы, задумчиво посмотрел на Молчанова и попросил его помощи. Не потому, что помощь действительно требовалась, а потому, что в работе человек приобретает уверенность. Молчанову уверенность была очень нужна.

Следующие несколько часов они работали с аппаратурой кибернетического комплекса. Запустили на разные высоты два телезонда, связь с которыми держалась очень неустойчиво, несмотря на все ухищрения координатора. Объяснить перебои связи одной только ионизацией воздуха все-таки было нельзя, что-то еще нарушало связь, какой-то неизвестный людям фактор.

Грант дважды разговаривал с Россом и с каждым разговором все больше мрачнел. Потом связь оборвалась и уже больше не возобновлялась.

Внизу под трансгалом наступила ночь. Истекли третьи сутки их пребывания в районе спутника квазизвезды. Третьи сутки непокоя... В дивном мерцании ночной стороны планеты было что-то зловещее. Потрясающее равнодушие, с которым она охраняла свои тайны, уничтожая и отбрасывая все постороннее, было равнодушием машины, механического сторожа, запрограммированного стрелять в любую движущуюся цель вблизи охраняемого объекта, и Грант впервые задумался над

причинами странной враждебности планеты к людям, существам не агрессивным, способным отличить добро от зла, понять собеседника без угроз и применения силы. Правда, успокоить его эти размышления не могли.

В первом часу ночи по времени корабля чистый зуммер галактического ТФ-приема заставил Гранта в изумлении подскочить к пульту. Молчанов, дремавший в соседнем кресле, поднял голову.

— Дежурное сообщение с индексом третьей степени срочности, — доложил координатор. — Запрос Технического совета Земли и почтовые сообщения.

— Почта... — хрипло сказал Грант. — Пришла почта.

В панели дешифратора открылась щель, и высунувшийся языком манипулятор подал пять цветных зерен — видеокассеты для личных инфоров и два прозрачных карандаша — сообщения для командира. Координатор уже материализовал бестелесный голос Земли в кристаллы писем.

Грант медленно ссыпал в ладонь зерна: изумрудное — для Реута, фиолетовые — для Росса, ярко-желтые — для Умбаа, молочно-белое — для Вихрова и голубое — от Тины. Для него. Так же медленно Грант ссыпал письма в приемник своего информа, спрятал его в карман и взял прозрачные кристаллы официальных сообщений.

Председатель Технического совета Земли Столетов запрашивал подробный отчет об открытии квазизвезды в пылевом облаке и просил сообщить свои соображения о целесообразности посылки в этот район Галактики специальной экспедиции.

Второе сообщение было от руководства Управления аварийно-спасательной службы сектора Солнечной системы. В нем еще раз напоминалось о необходимости соблюдения параграфов Устава коммуникаций при открытии населенной планеты и об осторожности при выборе средств для спасения экипажа «Могиканина».

— Конфликты нежелательны, — повторил Грант, но смысл фразы не сразу дошел до его сознания. — Нежелательны...

Письма... В кармане лежали письма для товарищей. Письма для Умбаа, Вихрова, Реута и Росса. И письмо от Тины... как упрек в том, что он в безопасности, под

защитой трансгалактического корабля, а они там... в аду... Если они ЕЩЕ там.

Связи с Россом все не было, и он дал команду послать еще два телезонда в направлении Города.

Под утро Грант, безотрывно всматривающийся в черноту экранов, напоминающих ему пустые глазницы черепа, заметил в расположении Города вспыхнувшую чистым зеленым светом звезду. Через некоторое время там еще зажглась звездочка и еще, будто огоньки гелиосварки. Молчанов, уснувший в кресле в неудобной позе, встрепенулся, услышав восклицание командира, и стал тереть глаза.

Но Грант только приказал выпустить еще два зонда — последние. Большего он сделать не мог. Со стороны он казался сосредоточенным и спокойным, холодным, как свет Луны. Но письма в кармане жгли его душу и если бы кто-нибудь знал, как натянуты до предела его нервы, как мучительно ищет мозг пропавшую надежду. Ищет — и не находит. А найти надо, обязательно надо. Потому что рядом в кресле сидит человек, потерявший на планете всех своих товарищей. Потому что каждый прошедший миг может оказаться последним для Росса и для Реута, Умбаа и Вихрова. Потому что планета хранит в себе какую-то проклятую тайну, убивающую все живое, а люди ничего не могут ей противопоставить. Ничего, кроме своей решимости и бесстрашия.

Утром связь восстановилась на несколько минут, и Грант увидел трагедию гибели Росса.

Какое-то время он стоял неподвижно, окаменев от горя, потом вдруг стремительно повернулся к пульту, нащупывая эмкан.

— Старт!

— Нет! — бросился к нему Молчанов, схватил за руку. — Не надо! Их не вернешь!..

— Прочь! — зарычал Грант. — Там Умбаа, Виталий!.. Мы найдем их!

Молчанов отпустил его и, переведя дыхание, оперся о пульт костяшками пальцев.

— Что ж, — сказал он сдавленным голосом. — Действуйте! Я не боюсь смерти, я слишком часто встречал-

ся с ней один на один. Но с нами Тихонов, он не может сказать ни да, ни нет, и вы отвечаете за его жизнь. И этот мальчик, что возвращается один, он тоже надеется на вас, на ваше правильное решение... Но все равно, действуйте, если иначе нельзя...

Грант уронил голову на руки и затих.

Корабль едва заметно вздрогнул — автоматы приняли изуродованный десантолет, вскрыли и деловито принялись за ремонт. Но никто не вышел из него. Реут лежал ничком поперек рубки в расстегнутом скафандре, и лицо его представляло маску страдания и отчаяния.

Грант вдруг вскочил, вынул из кармана инфор и хватил им об пол. Блестящий диск разлетелся цветными брызгами, и это отрезвило командира. Он оглянулся на открытый вход в зал — где-то в недрах корабля ждал его раненый Реут — и заставил себя сделать шаг, другой...

Часть вторая
СПАСАТЕЛЬНЫЙ РЕЙД. СТАШЕВСКИЙ

ТАРТАР

Сырое дыхание низкой облачной пелены разогнало даже крикливых четырехкрылых птиц, единственных крупных хищников на континенте. Казалось, само небо — серое, беспросветное, монотонное — упало на мокрый лес, и он съежился и притих.

Внизу под Греховым на склоне холма шевельнулись ветки кустов, и на лесную поляну вышли двое: невысокий, грузноватый мужчина с совершенно седой головой и маленькая женщина с печальными глазами. Конечно, отсюда, с высоты, Грехов не мог видеть выражения ее глаз, просто знал, что они всегда печальны. На эту странную, молчаливую пару он обратил внимание в первый же день своего пребывания в санатории. Издали принял их за отца и дочь, на самом деле они оказались мужем и женой. Его звали Грант, Ярослав Грант, ее — Тина. От врачей Грехову стало известно, что он звездолетчик, попал в какой-то переплет, получил психическую травму и вряд ли теперь сможет вернуться к своей работе, несмотря на все волшебство медицины.

Однажды Грехов случайно встретил их в лесу, и его поразило то выражение боли и нежности, с которым Грант обращал к жене лицо. Вообще, видел их он довольно часто, вот как сейчас, например: территория заповедника, где располагался санаторий, была небольшой. Дважды прилетал к ним молодой человек лет двадцати, чем-то похожий на Гранта; поначалу Грехов принял его за сына, но и тут ошибся... Тогда женщина покидала их ненадолго, словно не желая присутство-

вать при разговоре, но, и оставаясь одни, по мнению Грехова, мужчины молчали. Можно было подумать, что юноша лишь затем и прилетал, чтобы побыть рядом с седым — молча, сурово, без тени улыбки. В поведении их оставалась какая-то недоговоренность, заставляющая задумываться об удивительной непостижимости человеческих отношений. Но Грехов, как и они, искал уединения, уповая на его целительные свойства, никак не находил его и в конце концов понял, что великолепные чарианские врачи могут вылечить тело, но не в состоянии исцелить душу. Это под силу разве что времени, постепенно разрушающему скорлупу тоски и горечи...

Мужчина посмотрел вверх, заметил его пинасс, взмахнул рукой. Грехов тоже помахал в ответ. Женщина оглянулась, потянула Гранта за рукав, и они исчезли за деревьями. Но память долго хранила этот робкий жест.

Грехов зябко передернул плечами и усилил обогрев костюма, хотя холодно ему не было — чисто психологический эффект. Дождь начался сразу, частый и мелкий, и он закрыл фонарь кабины, пристроился возле пульта управления и задремал.

Разбудил его писк вызова, и, еще не открыв глаза, он коснулся кольца приемника на запястье.

— Габриэль, к вам посетитель. Ваши координаты?

— Западный сектор леса Грусти, — сказал он в микрофон. — Даю пеленг. А кому я понадобился?

Но дежурный уже отключился, и Грехову оставалось только гадать, что за посетитель потревожил его отдых. Может быть, ему наконец разрешат покинуть санаторий? Ведь чувствует он себя превосходно, если не считать постоянной хандры при мысли о работе, о ребятах... о Полине. После катастрофы на Самнии, спутнике Чары, когда он пролежал мертвым три часа в радиоактивном склепе — бывшем спасательном модуле, врачи на Чаре около года боролись за его жизнь, а Полина... она даже не знала, что он на Чаре. Впрочем, она вообще не знала, что Грехов остался в живых. Да почти никто в отряде не знал, потому что чариане по какой-то причине не сочли нужным сообщить о нем на Землю. Наверное, сомневались в том, что он выживет, но он

выжил и чувствует себя прекрасно. Если не считать... Да, о Полине он думал постоянно. И боялся послать ей сообщение. Сам не зная почему, но боялся. Грехов все ждал, что она узнает сама. Может быть, кто-то все же сообщил ей? Диего Вирт, например... или Сташевский. Они-то знают, что он здесь. Но если это Полина...

Грехов даже привстал с сиденья, всматриваясь в серую пелену дождя. Потом рассердился на себя и сел. После своей временной смерти... каково звучит, а?! — после смерти!.. Что ж, он мог сказать так с полным правом. После смерти он стал более впечатлительным, возбудимым, и, откровенно говоря, ему это открытие не нравилось.

В девятом часу утра рядом с его аппаратом опустился наконец чей-то оранжевый галион. Громоздкая фигура выбралась из него, и Грехов вздохнул одновременно радостно и огорченно — сердце ждало другого посетителя. Это был Сташевский, начальник второго отдела Управления аварийно-спасательной службы, его друг и непосредственный руководитель.

— Здравствуй, отшельник, — проворчал он, забираясь в кабину. — Что не весел? Не рад? Не здоров?

— И рад, и здоров. — Грехов с удовольствием рассматривал коричневое от загара лицо друга. — Настроение паршивое. Чариане не выпускают из санатория, понавешали на меня кучу датчиков...

Грехов умолк и привычно оглядел небосвод и стену леса на склонах холма. Что-то изменилось там, ничего угрожающего, конечно, но обостренное чувство опасности не раз спасало ему если не жизнь, то целость шкуры, и пренебрегать интуицией он не имел права. И не хотел пренебрегать.

— Желтый туман, — пояснил Сташевский, наблюдая за ним.

— Ну, естественно, — с облегчением сказал он, — желтый туман. А ты здорово разбираешься в особенностях чарианской атмосферы.

Сташевский засмеялся.

— Просто я узнал это от диспетчера медцентра. К тому же по всей территории заповедника лечебные туманы выпускаются регулярно два раза в сутки. Пора бы знать.

— Ты и это узнал от диспетчера?

— Нет. — Сташевский помрачнел. — Когда-то я тоже отдыхал здесь... после болезни. Дело прошлое... Так ты здоров, говоришь?

— Вполне.

— Ну и отлично! Сегодня с тебя снимут ненавистные датчики, и ты свободен. Честно говоря, я не верил в твое... в общем, ты понял. Они волшебники — чариане, особенно старший врач! Не хмурься, эта женщина спасла тебе не только жизнь, но и здоровье. К тому же, говорят, она отдавала тебе времени даже больше, чем следовало.

— Возможно, — нехотя согласился Грехов. — Как это свежо и оригинально — любовь землянина и инопланетянки... Хотя, какие чариане инопланетяне — первопоселенцы.

Сарказм в его голосе заставил Сташевского нахмуриться, но Грехов положил руку ему на плечо и, отвернувшись, пробормотал:

— Ты же знаешь, Святослав, ты все отлично знаешь...

— Что я знаю? — хмуро ответил Сташевский вопросом на вопрос. — Ничего я не знаю. Полина извелась вся, прозрачная стала... Ведь ты ей не сообщал, что желаешь видеть, а она ждала... Поехали.

— Не сообщал, — с трудом сказал Грехов. — Таких сообщений не ждут, летят сразу, если знают куда... А если она знает и не... куда поехали?

— К кораблю.

— Так сразу?

— А тебе что, парадной формы не хватает? Э-э, дружище, видимо, не совсем ты еще здоров: растерялся, побледнел... Может, останешься еще на пару недель?

— Ладно смеяться. — Грехов включил двигатель, и они взмыли в воздух. — Куда лететь-то? Надо же предупредить в медцентре, датчики снять.

— Это минутное дело, а на корабле тебя осмотрят медики УАСС как живой экспонат. Не возражаешь?

Грехов не возражал.

— Но я еще не все сказал, — прищурился Сташевский. — Я тоже думаю, как и чарианка твоя, что ты здоров. Поэтому скажу сразу — вылетаем мы в район туманности Черная Роза, звезда Тина, планета Тартар. По

каналам управления объявлена тревога: планета смертельно опасна для человека, необходимо наше вмешательство. Код тревоги — жизнь людей! И учти — там будет очень несладко!

«А где бывает сладко? — подумал Грехов. — Там, куда посылают нас, всегда горько и трудно. И опасно. К чему он это все говорит? Сомневается в ответе? Ждет, что откажусь? Глупо».

— Я выбрал тебя, — продолжал Сташевский, — потому что... в общем, потому что знаю. Правда, посмотрев на тебя, нас могут неправильно понять. В научном центре же не знают, что тебе уже двадцать девять, а не пятнадцать лет, на которые ты выглядишь.

— Старо, Святослав. Ты можешь сказать толком, что нам предстоит?

Сташевский пожал плечами.

— Обычный спасательный рейд... ну, не совсем обычный, конечно. Потерпи, на базе все узнаешь. Давай-ка побыстрей...

Дождь перестал, стало заметно светлее, и над лесом, над сплошным морем желтого тумана блеснул в дымке шпиль лечебного центра.

В районе тэты Лиры, на промежуточной станции, корабль принял на борт группу спасателей, возглавлял которую, к великой радости Грехова, Диего Вирт. Они проговорили все три часа подготовки и полета спейсера к Тартару, поэтому, когда Сташевский зашел в каюту и осведомился, знаком ли Грехов с информантом по Тине и ее единственной планете, тот только виновато опустил голову.

— Та-ак, — протянул Сташевский, взглянул на часы и ледяным тоном напомнил ему точное значение слова «дисциплина». Уходя, он забрал с собой подмигивающего Диего, а Грехов пристроил кристалл информанта в свой инфор и стал торопливо «перелистывать» записи, надеясь за полчаса до финиша разобраться в материалах хотя бы в общих чертах.

Тартар был открыт случайно в сто семьдесят четвертом году, то есть год назад, печально известной экспедицией к ядру Галактики, ее головным кораблем «Спир»

с командиром Ярославом Грантом... Грехов перестал воспринимать текст, прослушал несколько фраз, не поняв их смысла, и тут только вспомнил, откуда ему знакомо имя командира — Грант. Чарианский санаторий... мокрый от дождя лес... две фигуры, неторопливо бредущие по густой траве. Седой мужчина и хрупкая женщина... Вот кто, оказывается, открыл Тартар — Ярослав Грант! Судьба мимоходом свела их и развела, а сейчас Грехову предстоит спасательный рейд на открытой Грантом планете. Опасной планете...

Какое-то время он сидел, бездумно включая и выключая инфор, потом вздохнул и стал слушать дальше. Из скороговорки читающего автомата он понял, что экипаж корабля почти весь погиб (вот она, травма Гранта), спасая людей со звездолета «Могиканин», неведомо как оказавшегося на планете. Они спасли двоих, но погибли сами... «Что ж, я понимаю тебя, Грант, это тяжело. Но ты обвинил себя в их гибели, и в этом я с тобой не согласен. Ты был командиром, а когда в тебе заговорил просто человек, ты забыл, что командир, что боль свою он обязан прятать в себе. Впрочем, не знаю, выдержал бы я...»

Грехов вдруг понял, что не слушает запись, и разозлился. Торопливо прокрутив запись назад, пустил ее снова.

— ...Атмосфера: водород — семьдесят три процента, гелий — пятнадцать, азот, неон, арагон... (наверное, уже данные по планете). Породы материка... (это потом). Океаны... (это потом). Так, вот оно, главное... Образования предположительно искусственного типа, названные Городами. Активная жизнь в насыщенной радиацией атмосфере. Гипотеза универсалиста Сергиенко: негуманоидная цивилизация. Гипотеза универсалиста Гилковского: сообщество гнотобионтов — организмов или колоний организмов, живущих в полностью известных и контролируемых условиях...

Дальше прослушать запись Грехову не удалось. Корабль вышел на силовую подушку стартодрома исследовательской Станции, и по отсекам разнесся певучий сигнал отбоя готовности. Пока деловитые гномики — роботы технической службы — проверяли корпус корабля и двигатели на остаточную деформационную не-

устойчивость, он рассматривал планету в перископ, без электронной оптики. С высоты Станции она казалась пушистым палевым эллипсоидом с крыльями жемчужного сияния — там, где невидимое сейчас светило пронзало атмосферу. Станция как раз проходила над ночной стороной Тартара. «Мрачноватое название для планеты», — подумал Грехов мимолетно.

— Экипажу на выход, — произнес динамик звонким голосом, и он поспешил из каюты.

В широких светлых коридорах Станции народу было гораздо меньше, чем он ожидал. Иногда встречались научные сотрудники высших рангов — цвет науки Земли, в одинаковых светло-голубых с зелеными змейками костюмах. Грехов с особым любопытством провожал глазами специалистов физики пространств, так как сам несколько лет назад носил их эмблему: алый диск, перечеркнутый золотой стрелой. Но все лица были незнакомыми, и легкая грусть закралась в сердце: прошлое напоминало о себе горечью утрат...

Заглядевшись на группу техников, волокущих по коридору громоздкий ящик (нет грузовых автоматов, что ли?), Грехов ткнулся в спину остановившегося Вирта и быстро шагнул в сторону. Перед ними стоял начальник сектора УАСС Кротас и внимательно разглядывал их светлыми глазами. Рядом с ним, кривя худое нервное лицо, стоял незнакомый Грехову человек в сером однотонном костюме без всяких эмблем и значков. Он был седой, маленький, тонкий, от кривой полуулыбки по лицу бежали морщины, и никак нельзя было в точности определить его возраст.

— Грехов? Рад видеть вас... э-э... живым и здоровым.

— Извините, — пробормотал спасатель. — Спасибо, здравствуйте...

Седой наклонил голову, и Грехов прочел усмешку в его необычно черных глазах. Выручил Грехова Сташевский. Он подошел к ним откуда-то сбоку, несколько мгновений смотрел на седого с какой-то неопределенной миной на лице, потом протянул руку и отрывисто бросил:

— Наш проводник? Я — Сташевский, Святослав.

— Молчанов, Эвальд, — неожиданным рокочущим басом ответил седой, и стоявший рядом Кротас с непонятным облегчением вздохнул.

— Пойдемте. В шесть ноль-ноль заседание Технического совета. Надеюсь, вы не голодны?

— Нет, — коротко ответил Сташевский.

Их молчаливую группу провожали глазами — все знали, что прибыли спасатели, — а Грехов, машинально отвечая на приветствия, пытался вспомнить, где ему уже встречалась эти фамилия — Молчанов.

Они подошли к командному пункту Станции — полусферическому помещению с рядами пультов и туманными стенами выключенных виомов. В зале стоял легкий перекатывающийся говор трех десятков человек. Грехов, оглядевшись, заметил здесь Джаваира, руководителя второго сектора, Шелгунова — начальника отдела безопасности — и еще несколько специалистов, которых он знал по работе. Почти все руководство управления...

— Сейчас начнем, — тихо сказал Кротас, словно почувствовав волнение Грехова.

— Что же здесь произошло? — так же тихо спросил тот.

— Отряд ученых и коммуникаторов ушел на поверхность Тартара и не вернулся... — ответил начальник сектора и не договорил.

В зал вошел высокий, огненно-рыжий мужчина с огромным носом. Грехов с любопытством принялся его разглядывать. Он ни разу не видел заместителя председателя Высшего координационного совета Земли в лицо, только слышал о нем, но ошибиться было просто невозможно. Левада коротко поздоровался со всеми и прошел к пультам.

Грехов притронулся пальцами к плечу Сташевского — какое-то инстинктивное движение, ей-богу, — и приготовился слушать.

Десантный модуль медленно отделился от ажурного тела Станции и серебристой каплей стал падать в бездну. Синий диск Тартара казался отверстием в черной толще, а модуль — воздушным шариком, поднимающимся из-под земли к небу.

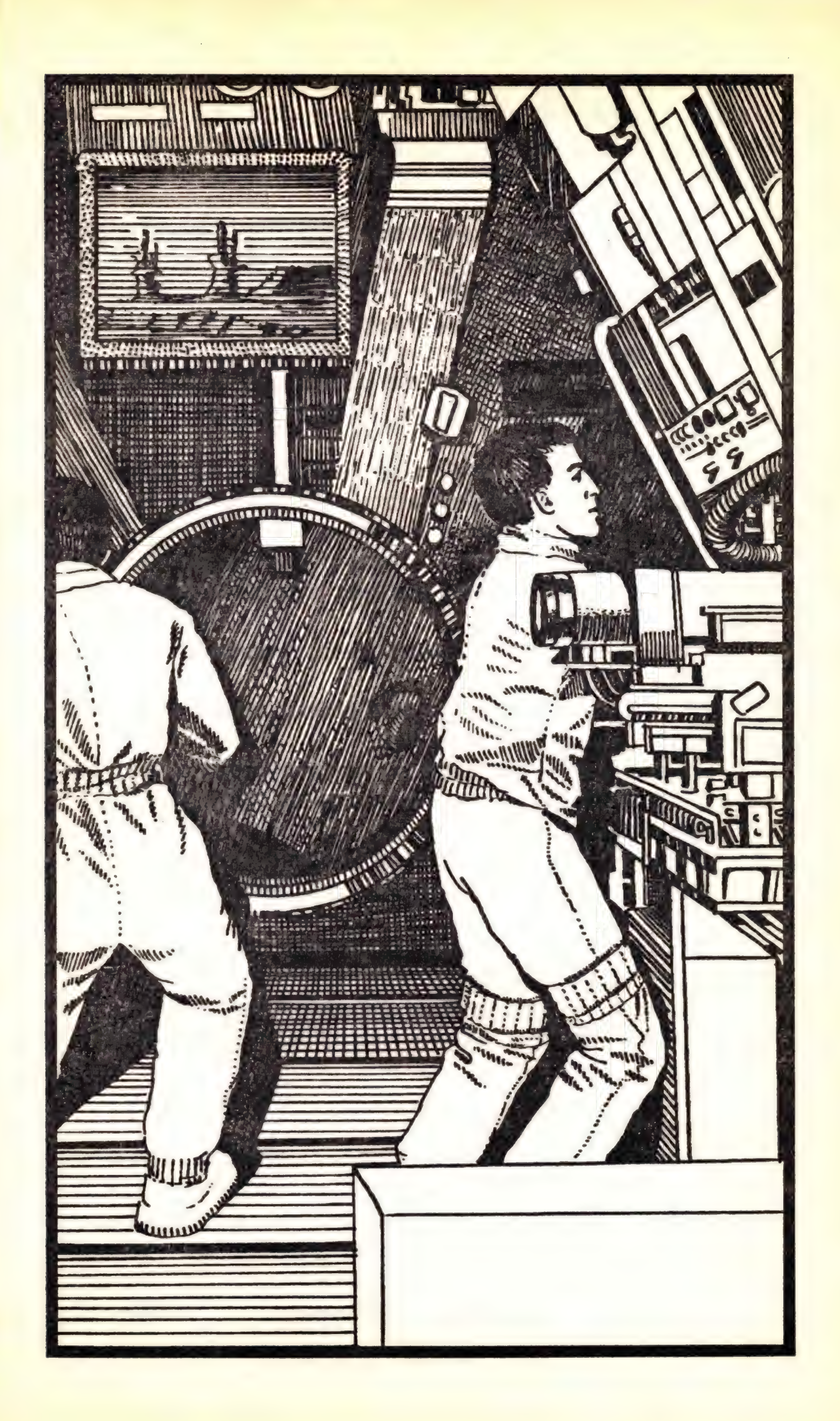
Пока их маленький кораблик вели по энерголучу со Станции, Сташевский был спокоен: со стороны их ни-

кто не увидит и не запеленгует. Но в атмосфере они могли полагаться только на опыт и умение пилота, и Сташевский невольно посматривал на Диего Вирта, сидевшего у пульта с небрежной грацией профессионала.

В тесной рубке модуля расположились всего четыре человека: сам Сташевский, Диего Вирт, вполне оправдывающий свою фамилию Молчанов и Грехов, с интересом наблюдавший за ходом спуска. То, что их экспедиция — спасательный рейд, его волновало мало. То есть волновало, конечно, но за три года работы в УАСС он уже успел привыкнуть к постоянному риску и вечному ожиданию поединков с неизвестными или известными силами природы. Поэтому настоящая экспедиция была для него обычной формой работы. Его работы...

Грехов теперь знал, что со времени открытия Тартара прошло больше года, но по-настоящему изучить чужой мир за столь короткий срок люди не смогли: не многое увидишь с тысячекилометровых орбит, а автоматы, кроме измерений основных физических параметров планеты, ничего больше не умели. Для осмысления жизни Тартара нужны были длительные наблюдения, наблюдения прямые и без посредников. Правда, попытки эти пока в основном кончались спасательными операциями подобно этой. Разве что меньшего масштаба.

Шесть суток назад, когда Грехов еще бродил по лесу Грусти на Чаре, группа ученых и коммуникаторов в количестве сорока шести человек ушла на ТФ-звездолете к одному из Городов, наиболее загадочных объектов Тартара. И вот уже шесть суток подряд из района посадки доносится резкий голос автомата: «Внимание! Выбрасываю...» — молчание, скрежет — и так без конца. Шесть суток подряд люди на Станции пытались с помощью зондов и телероботов разглядеть, что случилось с кораблем, безуспешно пробовали установить с ним связь. Издали колонна корабля казалась неповрежденной и стояла очень прочно. Однако так и не появились возле него передвижные лаборатории, с помощью которых предполагалось вести исследования. Корабль не открывал люков, превратившись в подобие тех скал, у которых он так неудачно финишировал. Единствен-

ным движением в том месте было мелькание паутин, стаями круживших вокруг земного корабля. Напрасно вслушивались в мутный океан атмосферы телезонды и чуткие приборы: в районе посадки царила странная тишина.

В других районах единственного материка Тартара все было по-другому: проносились над равнинами и отрогами гор любопытники — так почему-то обозвали исследователи летающие скалы; неторопливо плыли по своим загадочным делам паутины; в горах появлялось и долго не исчезало багровое свечение, время от времени в некоторых местах резко и непонятно менялся рельеф...

Да, с высоты все это очень походило на активную цивилизационную деятельность, построенную по своим, не известным людям, законам.

— Обидно, что мы натыкаемся на столь красноречивое равнодушие, — не заметив, что заговорил вслух, произнес Грехов.

— Что? — спросил Сташевский, покосившись в его сторону.

— Ничего, — пробормотал Грехов, чувствуя на себе изучающий взгляд Молчанова.

— Внимание! — передал по оперативному виому инженер связи Станции. — Дальность на пределе. Дальше пойдете своим ходом.

— Готов, — коротко бросил Диего Вирт, держа руку над регулятором управления. Шлем мыслеуправления он уже надел.

— Желаю успеха, — сухо сказал из виома Кротас. — Пока еще не поздно, задавайте вопросы.

— Поздно, — без улыбки ответил Сташевский.

— Старт! — энергично произнес далекий дежурный. — Выключаем поле.

Сташевский кивнул, и Диего включил собственное защитное поле корабля.

Тяжесть хлынула в тела людей, не тяжесть ускорения, а какая-то странная тяжесть, замедляющая движения и мысли. Диск планеты придвинулся, кренясь, налился фиолетовой полутьмой и закрыл панорамный виом с трех сторон. Мелькнули и пропали светлые пятна, чередуясь с черными провалами, стремительные

струи пронеслись рядом, потом модуль вонзился во что-то серо-голубое, и люди словно ослепли.

Диего выбросил энергичное слово, навис над пультом, и виомы прозрели. Твердое, испятнанное белым летело на людей фиолетовое поле, закружилось каруселью. Мелькнул в стороне и пропал какой-то знакомый силуэт, и звонким ударом оборвалось вдруг движение. Наступила тишина и неподвижность.

— Дьявол! — сказал Сташевский почти восхищенно. — Я думал — конец!

— Вот именно... — пробурчал Молчанов, растирая виски.

— Мастер. — Грехов похлопал Диего по плечу. — Не промазали?

— Думаю, максимум — на полтора-два километра. — Диего снял шлем и погладил бритый череп.

В целях безопасности — относительной, конечно, — они «приземлились» за сто сорок километров от места посадки замолчавшего звездолета, по другую сторону Кинжального хребта.

— Посмотрите-ка.

Грехов проследил направление взгляда Вирта и прямо под лиловым яйцом тусклого светила заметил неподвижно парящую гигантскую паутину. Она была огромна — дальний край ее терялся в желтой дымке неба — и висела совершенно спокойно, словно была невесома. Узор ее с настоящей паутиной имел весьма отдаленное сходство, но, подумав, Грехов решил, что тот, кто назвал эту штуковину «паутиной», был недалек от истины. Интересно, каковы же тогда пауки?..

— Сторож, — с непонятным выражением сказал Молчанов.

ПОХОД

Было уже далеко за полночь, когда горизонт впереди вдруг осветился серией сине-зеленых вспышек чудовищной яркости.

— Стоп! — мгновенно отреагировал Сташевский.

Руки автоматически утопили штурвал в выемку пульта, и танк резко остановился, вздохнув гасителем инер-

ции, как уставший бронированный ящер. Еще одна серия очертила горизонт, высветив пронзительной синевой мельчайшие детали ландшафта и лица людей. Вспышки мелькнули совершенно беззвучно, и после них наступила темень, еще более усугубившая предрассветный мрак.

— Юго-юго-запад, — определил Молчанов, — километров восемьдесят, за хребтом. Что за вспышки?

Грехов бросил взгляд на приборную панель.

— Эмиссионные, типа электрических разрядов.

После слепящего зарева вспышек глаза не замечали ни пульта, ни панели, и казалось, фосфоресцирующие эллипсы и квадраты индикаторов висят в воздухе, ни на что не опираясь.

— Хоть глаз выколи! — проворчал недовольный Сташевский.

Он сидел слева, в кресле биомеханика, и Грехов, глаза которого адаптировались быстро, видел его широкий силуэт. В коричневеющей тьме постепенно проступали смутные контуры кресел, аппаратов и людей. Весь купол кабины представлял собой панорамный виом, поэтому от кажущейся беззащитности машины иногда становилось неуютно.

Сзади послышался зевок проснувшегося Вирта.

— По какому случаю остановка? Приехали?

— Тихо! — грозным шепотом сказал Сташевский.

Грехов обратился в слух и где-то на грани восприятия услышал далекое, едва угадываемое тиканье огромного механизма. Будто порыв ветра донес сюда в неправдоподобной тишине тартарской ночи медленные равномерные удары: банн!.. банн!.. банн!..

— Колокол, — шепнул Молчанов. Грехов хотел ему возразить, потому что звуки больше всего походили на удары в гонг, но было в них что-то и от колокольного звона — бархатный бронзовый тембр. А может быть, сыграло воображение, всегда дорисовывающее то, что человек желает увидеть или услышать...

Они настолько увлеклись странными звуками, что прозевали появление любопытника. Он примчался, скорее всего, со стороны Кинжального хребта — светящийся белесый призрак, похожий на скелет гиппопотама, — но Грехов уже знал, что днем, на свету, «гость» пред-

ставлял бы собой камнеподобную глыбу непередаваемо черного цвета, с неожиданной легкостью порхавшую в воздухе. Любопытниками их окрестили за явный интерес к земным аппаратам, особенно к тем, которые использовали силовые поля. Иногда, при движении низко над сушей, за ними тянулись длинные, многокилометровые хвосты медленно опадающей пыли. Грехов и сам видел со Станции несколько таких хвостов.

Любопытник завис над танком. Его свечение потеряло вдруг структурную четкость, расплылось зеленоватым облаком, окутав полусферу кабины. Внезапное головокружение заставило Грехова ухватиться за штурвал. В ушах поплыл комариный звон, стали неметь мышцы шеи и плеч. Он попытался бороться, напрягая волю, но с таким же успехом можно было пытаться вырастить на лице второй нос.

Молчанову тоже стало дурно. Он вскочил, но ноги не держали его, и он бессознательно вцепился Грехову в шею. Тот вяло мотнул отяжелевшей головой, не отрывая взгляда от светящейся кляксы. Казалось, любопытник разросся до величины горного хребта, и эта его миллионотонная тяжесть хлынула в головы людей.

Защитой ведал Сташевский. Грехов не понимал, почему он медлит, единственный, по его мнению, не потерявший способности двигаться. Наконец Сташевский опомнился и включил деформатор.

Под ударом силового поля белесый спрут отпрянул от танка и взвился в небо. Мгновение спустя волна оцепенения спала, тело стало необычайно легким, будто заполнилось гелием. Грехов повертел головой и с удивлением обнаружил Диего сидящим на полу. Рубку залил свет. Вирт заметил взгляд товарища и усмехнулся.

— Я, наверное, рогатый, как корова. Похож? Честное слово, впечатление такое, будто у меня выросли рога.

— А что такое корова? — с любопытством спросил Молчанов, поднимая к Вирту свое вечно хмурое, узкое лицо.

— Я где-то слышал, что корова... — подмигнув, начал Диего, — это такое большое животное с четырьмя ногами по углам...

Сташевский фыркнул, а Грехов впервые увидел на лице Молчанова улыбку. Улыбка у коммуникатора была поразительная; как блеск молнии, прорубившей темные грозовые тучи. Молчанов был самым старшим из них. Он родился в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году, то есть в двадцатом веке. Грехов сначала не поверил этому, но потом вспомнил, что именно Молчанова спас экипаж звездолета «Спир», его и Тихонова, командира «Могиканина». Молчанов вернулся к Тартару, приобрел новую специальность — коммуникатора, а вот командир «Спира» Ярослав Грант... Грант на Чаре, в санатории... Неужели столь велико было потрясение? Или он судит этого человека слишком пристрастно?.. Но Молчанов каков! Пережить такое — и вернуться! Пожалуй, у него можно поучиться решительности и мужеству. Если только столь крепкие нервы не следствие бесчувственности или того хуже — равнодушия.

— Та-ак, — протянул Сташевский, исподлобья оглядывая их. В характере этого человека нелегко было разобраться, не зная его так, как знал Грехов. Лицо у Сташевского суровое, цвета северного камня. Холодные серо-голубые глаза, крепко сжатые, будто окаменевшие губы. Он широк в плечах, массивен и очень силен. Однажды на Самнии, во время аварии блокпоста, он ударом кулака сорвал двухсоткилограммовое крепление экрана и вырвал питающий фидер вместе с гнездом, потому что времени на откручивание уже не было. Конечно, восхищался Грехов не силой Сташевского; восхищение — одна из форм комплекса неполноценности, а он был не слабее. Ростом он был, пожалуй, ниже Молчанова, тонкий и хрупкий на вид, но весил столько же, сколько и Сташевский — сто два килограмма. Из-за этого его еще в институте прозвали малышом-оборотнем. Виновато в этом было детство: Грехов родился в звездолете, терпящем бедствие, и целых пятнадцать лет, с момента рождения до финиша на Земле, рос в поле тяготения, в три-четыре раза более мощном, чем земное... Ну, а Сташевский... мало сказать — он им восхищался, он его любил...

— Та-ак, — еще раз повторил Сташевский. Командир группы, он умело скрывал свои тревоги и сомнения. Грехову же, честно говоря, было невесело, тем

более что вторглись они в совершенно незнакомую жизнь, впереди маячила, говоря словами Алексея Толстого, «смущенная фигура попранной неизвестности», а идти они могли только наугад, и это медленное и утомительное движение действовало на нервы больше, чем загадочное излучение любопытников.

— Наши меры защиты от любопытников, — вздохнул Сташевский, — увы, пока малоэффективны. Фактически мы беззащитны...

Он перехватил взгляд Вирта.

— Да-да, беззащитны, несмотря на антимат. Потому что может возникнуть ситуация, в которой мы просто не успеем привести его в действие.

Он был прав. Антимат — «великий разрушитель», «генератор праматерии», «инициатор громкого распада» — как только ни называли это мощнейшее из средств защиты, но и антимат не гарантировал безопасности в условиях Тартара. Что можно гарантировать на планете, которая располагает огромным арсеналом поражающих факторов, и ни один из них еще толком не изучен?

— Ну, не смотрите на вещи так пессимистично, — проворчал Молчанов. — Надо привыкать и к любопытникам, и к другим формам жизни Тартара. А их много, и — смею вас заверить — все они агрессивны...

— Кроме пластунов, — сказал Диего Вирт.

— О пластунах разговор особый...

— Так, — в третий раз сказал Сташевский. — Мы стоим уже семь минут, это непростительно много. Готовы?

Они были готовы.

— Поехали.

Танк слегка присел и резво побежал по светлому тоннелю, вырубленному во тьме прожекторами. Дорога становилась хуже. Сначала они ехали по плоскогорью, кое-где поросшему низким кустарником странного вида. Он удивительно напоминал Грехову модели сложных органических молекул, выполненные из металлической проволоки. Гусеницы с ходу ломали его, и он рассыпался на отдельные куски, хрупкий, как стекло.

Потом подъем стал круче, и вскоре Грехов понял, что они уже где-то у отрогов Кинжального хребта, который им предстояло преодолеть. За восемь часов пре-

бывания на планете с ними и вокруг них не произошло ничего необычного, и Грехов даже подумал, что мир Тартара довольно ординарен — скалистый, дикий, «нецивилизованный» мир. Непонятно было, почему здесь происходят катастрофы, гибнут люди и роботы, защищенные от всех сил природы, как казалось до этого, умением применять эти силы себе на пользу. «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий». Так, кажется, говорил Козьма Прутков. «Что, если жизнь Тартара не входит в круг наших понятий?» — подумал Грехов.

Склоны гор поднимались все круче и выше, сжимая их временную, случайно найденную дорогу в каменных тисках. Стали попадаться длинные трещины и крупные обломки скал со свежими изломами. Наконец ехать дальше по прежнему пути стало невозможно: сказывалось недавнее землетрясение, танк как раз подходил к его эпицентру. Он медленно прополз еще пару сот метров и уперся в рваный вал из обломков и щебня, перегородивший дорогу. За валом вспучивалось нагромождение базальтовых плит гигантской толщины. Так называемый горст, то есть приподнятый участок планетарной коры, ограниченный сбросовыми трещинами.

— Приехали, — определил Сташевский и полез из кресла — широкий, спокойный, даже немного вялый. — Собирайся, Диего.

Вдвоем с Виртом они надели скафандры и вышли из танка. На приборной панели вспыхнули зеленые огни индикаторов присутствия — заработали индивидуальные радиомаяки. В лучах прожекторов две фигуры превратились в осколки ослепительного жидкого огня — пленки скафандров отражали почти все виды радиации, в том числе и свет. Они вышли из освещенной полосы и исчезли. Голос Диего прозвучал, казалось, совсем рядом:

— На куттере до цели можно дойти за десять минут. Может, я рискну?

Ответа Сташевского они не услышали, но Молчанов усмехнулся довольно красноречиво. Теперь-то Грехов тоже многое знал о Тартаре, в том числе и то, как погибли экипаж «Спира» и люди «Могиканина». Летательные аппараты преследовались паутинами с особой на-

стойчивостью, именно поэтому их спасательный рейд начался на тяжелом танке-лаборатории, рассчитанном на эксплуатацию в атмосферах гигантских планет-полусолнц типа Юпитера. Ну, а дальнейшее уже зависело от них, от «запаса надежности человеческого элемента», так как техника Земли большего, чем они располагали, дать не могла...

Молчанов включил свой инфор и принялся прослушивать записи, беспокойно поглядывая на ясную зелень индикаторов присутствия. Грехов сначала тоже прислушивался, потом перестал. На вершине горста что-то происходило. Словно там во мраке зашевелился неведомый зверь и приготовился к прыжку.

— Диего! — на всякий случай позвал Грехов. — Святослав!

Динамики молчали. Индикаторы налились желтизной — признак кратковременных перерывов связи.

— Что случилось? — тревожно спросил Молчанов, но тут и сам заметил неладное. «Зверь» продолжал ворочаться, темнота в том месте отступила, поредела, и в этом светлом пятне засверкали яркие звездочки, которые собирались в большой шар, напоминающий шаровую молнию.

— Гравистрелок! — закричал Молчанов и прыгнул к вогнутому зеркалу наводки антимата.

Он не успел на секунду, может быть, на полсекунды. На скалах зашипело, и Грехов кубарем покатился к противоположной стене кабины: по танку, вернее, по его защитному полю словно ударили гигантским молотком, и он отпрыгнул назад, загудел, завибрировал на амортизаторах. Грехов еще только поднимался, цепляясь за стенку, как ударило второй раз. Он очень «удачно» ткнулся носом во что-то твердое и на некоторое время потерял способность соображать.

Молчанов все же дотянулся до пускателя антимата. Грехов понял это по тому, что у него сначала заныли зубы, а потом внешние динамики донесли скрежещущий вопль потревоженной атмосферы. Пока он протирал заслезившиеся глаза, все было кончено. Верещал счетчик радиации, половину горста как языком слизнуло, а у его основания корчилась помятая, но уцелевшая (!) паутина, потерявшая весь свой режущий блеск.

— Удачное начало, — легкомысленно произнес Грехов, вытирая с разбитых губ кровь.

Молчанов сдавленно пробормотал что-то и, свирепо помассировав горло, указал в сторону. Грехов увидел далекие светляки фонарей, выписывающие при движении замысловатые траектории. Это возвращались ничего не подозревавшие разведчики. Неужели они не слышали вопля излучателя?! Вирт что-то тихо говорил, Сташевский молчал. Они медленно спустились по склону застывшей лавовой волны, разрезая мрак шпагами света, вышли на освещенное пространство, и тут Сташевский заметил исчезновение вершины горста, метавшуюся «в агонии» паутину, да и дым еще не рассеялся полностью, и радиация не спала. Он замер на миг, потом толкнул Диего, и они бросились к машине, сразу поняв, в чем дело.

В кабине Сташевский окинул рассеянным взглядом растерзанную физиономию Грехова и, будто ничего не произошло, сел в кресло. Вошел невозмутимый Диего Вирт, прищурился на «раненого» и, сказав: «Герой», — сел рядом с командиром.

— Гравистрелок, — произнес вдруг Молчанов таким извиняющимся тоном, что Грехов вытаращил глаза. — Простите меня, Святослав! Я обязан был предупредить, простите.

На него было жалко смотреть, и Грехов почувствовал к нему если не расположение, то, во всяком случае, уважение. Наверное, это действительно мужественный человек.

— А-а... — Сташевский безмятежно махнул рукой. — Сам виноват — обязан был помнить.

Он повернулся к аппаратуре связи и вызвал Станцию.

Долгое время, пока ориентаст прощупывал небо, виом связи лишь мерцал тусклой голубизной, потрескивали динамики приемного устройства, да пощелкивал автомат помех, пробуя разные частоты. Наконец виом мигнул, разгорелся, и в нем постепенно проявилось такое знакомое Грехову усталое лицо с чуть вздернутым носиком и умоляющими глазами. Он замер.

«Полина! Полина... Любовь моя и жизнь моя... и боль моя... Я сильный человек и ко многому привык в этом щедром на сюрпризы мире, но я слабею, если тень

отчуждения — иногда кажущегося — появляется в твоих глазах, былая уверенность покидает меня, как кровь израненное тело... Человек жив человеком, и пусть кто-нибудь докажет мне обратное. Я жив Сташевским, жив Виртом, всеми друзьями своими, но больше всего я жив тобой... Мы так и не поговорили на Станции, хотя Диего сделал все, чтобы мы встретились. Это, конечно же, он постарался, чтобы ты оказалась здесь, у Тартара. Не без ведома Сташевского, конечно. Хитрые и добрые друзья мои, вам не понять, наверное, что для Полины я только что воскрес. А до этого был год одиночества, год моей смерти, мнимой — для меня, настоящей — для нее...»

Диего покосился на окаменевшего Грехова и сказал:

— Привет связистам. Что нового, Полиночка?

Губы Полины зашевелились, но звука не было. Виом подернулся рябью помех, очистился, и вместо женского в него вплыло лицо Кротаса, с неправильными мелкими чертами, не слишком приветливое, с острым взглядом льдистых глаз.

— Новообразование, — сказал Сташевский в нос. — Через эпицентр нам не пройти, дайте кратчайший путь.

— Настолько нехорошо? — прохрипел динамик сквозь вой сопроводительной помехи.

— Не пройти даже с генератором поля, я смотрел. Укажите-ка поточнее, где мы застряли.

— Минуту... — Кротас скосил глаза в сторону и стал похож на камбалу с носом. — Вы сейчас... на северном склоне хребта, рядом с перевалом Серого Призрака. До корабля от вас всего восемьдесят два километра по прямой... Но если по этому перевалу не пройти, то кратчайший путь — через другой перевал.

— Другой — это Извилистый?

— Да.

— Благодарю... — задумался Сташевский. — До Извилистого около ста километров? Многовато... Ну, а если через Торо-Оро?

— Ты же знаешь, там стоит...

— Город, знаю. Зато мы сэкономим чуть ли не полсуток. Это не так уж плохо, как ты думаешь?

За экраном заговорили сразу несколько человек. Кротас, отвечая, покачал головой и сморщился. Гово-

рить и убеждать ему было трудно, он прекрасно понимал Сташевского, риск был велик. Но и Сташевскому принимать решение было нелегко, Грехов слишком хорошо его знал, чтобы не видеть этого.

— А нового ничего? — спросил Молчанов.

Кротас посмотрел на него одним глазом из виома, качнул головой. Начальник сектора находился в худшем положении, чем они, — он мог только ждать.

— Придется идти через Город, — сказал Сташевский, подводя итог своим размышлениям, и добавил, как бы извиняясь: — Скоро утро, и, может быть, пробиться через помехи мы не сможем, так вы уж не слишком беспокойтесь... Сверху танк вам виден, вот и наблюдайте.

Кротас кивал при каждом слове, и лицо у него было какое-то несчастное, хорошо было видно, что он плохо отдыхал и едва ли ел, и Грехов подумал, что зря Сташевский упомянул о беспокойстве. Беспокойство — фундамент ожидания, а для людей на Станции оно стало основой существования. До тех пор пока они не дойдут до корабля и не узнают, почему он молчит.

В виом втиснулись знаменитый нос Левады и рыжая его шевелюра.

— Мы тут подготовили еще два «панциря» с танками. Экипажи готовы стартовать по первому вашему сигналу...

— Не надо, — сказал Сташевский грубовато, а Молчанов красноречиво отвернулся. Ни у кого не было гарантий, что и эти десантные корабли не замолчат при посадке, как звездолет. К тому же, в случае непредвиденных осложнений, они могли и не успеть.

По виому заструились белые зигзаги и раскололи изображение.

— Что там еще? — недовольно обернулся Сташевский.

— Любопытники, — лаконично отозвался Диего Вирт, тыча пальцем в небо.

Грехов тоже заметил их. Один напоминал своим свечением медузу, двое других — немыслимые комбинации светящихся жил.

Сташевский выключил аппаратуру связи и покосился на пульт антимата. Связи все равно не будет, пока

рядом барражируют эти фосфоресцирующие булыжники. Их излучение создает помехи в любом диапазоне волн, в этом спасатели убедились еще при посадке.

Любопытники не нападали. Покружились на значительной высоте, эскортируемые неизменно сопровождающей их паутиной, и скоро ушли, растворившись в зеленоватом мерцании беззвездного неба.

— А я ни разу не был в Городе, — сказал вдруг с некоторым удивлением Молчанов. Хотел еще что-то сказать, но посмотрел на Сташевского и передумал.

«Неужели он действительно не был в Городе? — подумал Грехов с недоверием. — Вот так проводник... старожил... Или он сказал это специально для нас, чтобы успокоить, приободрить?» Грехову, естественно, тоже не приходилось бывать в Городе, но наслушался он о нем предостаточно.

Сташевский махнул рукой, Грехов увеличил обороты моторов, и танк полез на крутой желто-коричневый бок каменного кряжа.

СКВОЗЬ

Он выключил акустические приемники, и приглушенное бормотание двигателя умолкло, стало тихо. Только в кабине изредка кто-нибудь шелестел одеждой да поскрипывали ремни кресел.

Дороги, как таковой, не было. Танк шел по кромке свежего разлома, потом ухнул куда-то в ущелье и минут двадцать шлепал гусеницами по мелкой речке со светящейся изумрудной жидкостью.

Затем пошла сравнительно ровная поверхность — столообразное плато, в середине которого машина с ходу влетела в облако сизого дыма. В этом дыму не помогало даже локаторное зрение — очередное чудо природы! — и Грехов руководствовался только стрелкой ориентаста, чтобы машина шла точно по прямой. Такие дымные подушки они уже проезжали, размеры их не превышали нескольких километров. Означали они спуски в мелкие, но широкие воронки, ровные до удивления. Объяснить их назначение не мог и единственный «старожил» Тартара — Молчанов.

При выезде из дыма танк тряхнуло. Грехов поднял глаза и увидел над собой гигантскую белую сеть, медленно уплывающую в дым. И тотчас же громко зашелестели динамики приемника, люди ощутили странное давление на мозг, внутри них заговорили, зашептали сотни голосов, разобрать которые они так и не смогли. Колышущийся край паутины еще некоторое время светился сквозь дым, потом растворился в сизой пелене. Умолк и шепот.

Обеспокоенный, Грехов придержал штурвал рукой и оглянулся. Диего Вирт спал. Молчанов позевывал, деликатно прикрываясь ладошкой. Минуту спустя задремал и он. В кабине царил уютный полумрак, создаваемый рассеянным отсветом прожекторов.

«Странно, никто не слышал?.. Или у меня слуховые галлюцинации?..»

— Отдохни, — посоветовал Сташевский, внимательно посмотрев на водителя. — Дорога здесь одна — на северо-восток. Надо будет — разбужу.

«Он тоже не слышал?» — Расстроенный Грехов уступил место командиру и откинул соседнее кресло. Спать захотелось непреодолимо, и уснул он почти мгновенно, забыв о своих галлюцинациях. Приснилось ему, что стоит он с Полиной в каком-то жутком черном ущелье, отделенный от нее невидимой, но прочной стеной. Полина отдаляется, лицо ее тревожно, но она упрямо молчит, а он рвется в стену, тоже молча... Полина становится все меньше, исчезает во мгле... Потом был сумасшедший бег по гулкому металлическому настилу, впереди мелькало белое пятнышко, и нужно было его не упустить из виду... И снова ущелье, а в нем глубокая черная река, вода бурлит и шипит у стен, он плывет из последних сил, сопротивляясь, но его несет с головокружительной быстротой к пропасти. Почему-то он знает — впереди пропасть, но ничего не может изменить...

Сделав усилие, он проснулся.

Танк стоял. В кабине все спали, кроме Сташевского. Прожекторы были выключены, тем не менее какой-то сероватый отсвет лежал на пульте и футлярах приборов. Танк застыл носом вниз на покатой вершине гладкого вала, уходившего в иззубренную пиками скальной гря-

ды темноту. Впереди шел еще один вал, тускло отсвечивающий золотом. Вал был сложен из трех слоев лавы и казался отвесным. Сташевский выключил освещение кабины, и тогда над этим складчатым валом встало серебристое облако вкрадчивого рассеянного сияния...

— Город? — шепотом спросил Грехов.

Сташевский оглянулся, привычным жестом пригладил жесткий ежик волос и уступил кресло водителю. Тепло его рук согрело полукольцо штурвала, и Грехов почувствовал себя уверенней.

Танк нырнул в выбоину, перевалил бугор и устремился вверх по базальтовому вздутию. Подъем тянулся долго, почти равномерный и не слишком крутой, как показалось вначале. Еще не добравшись до вершины вала, они увидели отдельные «строения» Города. Машина въехала на широкую рыхлую полосу, окаймляющую Город по периметру, и замерла.

За полосой шел прозрачно-стеклянный лес... нет, не лес — стена льда, рассеченная частыми трещинами и широкими проходами; стена бугристого, сочащегося тяжелым, серо-серебристым свечением льда. Наиболее сильное свечение шло от подножия стены, выше оно постепенно слабело, и верх стены уже еле светился, словно подернутый сизо-черным пеплом. Проходы в стене, похожие на ущелья, были не уже улиц земных городов и казались покрытыми влажной, посверкивающей чернотой. Издали их можно было принять за бездонные каналы с черной стоячей водой.

Гулкая, настороженная тишина царила в этом странном Городе.

Грехов невольно замер, поглощенный созерцанием дива... Из задумчивости его вывел Молчанов, протиснувшийся между креслом и пультом походного вычислителя.

— Ну что, поехали? — сказал Сташевский.

Танк пересек открытое пространство и оказался у голубоватой стены Города. Тотчас же несколько паутин нырнули к ним с неба, словно возникли из пустоты.

Сначала у Грехова появилось странное и противное ощущение, будто на руках у него по пяти мизинцев. Потом он почувствовал взгляд. В спину или, скорее, со всех сторон, на него глядел некто обладающий миллио-

ном невидимых глаз; некто владеющий безмерной мощью; наконец, некто невыразимо, до жути чужой, чье равнодушие, грозное и выразительное, затопило все пространство вокруг... И еще он почувствовал, что их присутствие здесь не нужно и нежелательно этому невидимому хозяину Города.

— Застегните ремни, — решительно сказал Грехов.

На корме и на носу танка выдвинулись ажурные башенки эффекторов. На миг весь купол башенного экрана заволокло радужной пленкой. И вот уже пятисоттонная машина едва касается гусеницами почвы — основной вес машины приняла на себя поддерживающая силовая подушка. Штурвал послушно ушел в паз, «Мастифф» мягко нарастил скорость и вошел в Город.

На первом повороте по непонятной причине вышел из строя автомат магнитных ритмов. Грехов ругнулся сквозь зубы, но танк уже несся по гладкой черноте «улицы», и реактор работал на форсажном пределе, и приходилось манипулировать эффекторами, заменяя автомат, чтобы танк имел достаточную защиту и в то же время достаточное поддерживающее поле; и жутко выл гамма-радиометр, уловивший невесть откуда взявшийся очаг радиации; и еще какие-то посторонние звуки пробились в общей звуковой каше, и все это перебивал липкий, обволакивающий взгляд Города, и поэтому временами казалось, что танк плывет в страшной невесомой тишине, а впереди разверзается адская пропасть — и тогда уж вовсе приходилось полагаться только на чутье да инстинкты...

Свечение серебристо-прозрачных фигур по бокам дороги слилось в туманную полосу, над которой узкой извилистой лентой текла лиловатая река посветлевшего небосвода...

Двадцать километров, больше трех четвертей диаметра Города, танк прошел за четырнадцать минут. Грехов уже начал считать себя героем, но тут из-за очередного поворота вывернулся вдруг одинокий любопытник, подгоняемый изогнувшейся конусом паутиной — несветящийся, черный, похожий на летящий гроб. Сворачивать было некуда, тормозить — поздно, и Грехов успел только до предела увеличить напряжение защитного поля.

Он ожидал тяжелого удара и фейерверка обломков, однако ничего подобного не произошло. При соприкосновении защитного поля с любопытником на его месте вдруг вздулось искристое желтое пятно. Танк кинуло вниз, потом вверх, и обвальный грохот взрыва догнал их уже на повороте.

— Быстрее!.. — внятно сказал сзади Молчанов. А потом Грехову показалось, что он оглох.

Паутина над ними вспыхнула ослепительным белым накалом, поле поддержки танка тут же село, переброшенное на защиту, и «Мастифф» на полной скорости ткнулся в черную массу дороги, зарылся в нее чуть ли не по лобовую броню...

Грехов ощутил себя состоящим из острых углов, мешающих друг другу. Кто-то лез в него, раздвигая углы, и они скрипели и визжали, будто металлические. Это настолько поразило его, что он не особенно удивился, обнаружив у себя способность ощущать цветовую гамму. Зеленые огни пульта, например, казались шелковистыми и мягкими, а серебристое свечение Города стало рыхлым, сырым и отдавало гнилью...

А потом Город вдруг зашевелился. Огромные «ледяные» фигуры его «зданий» задрожали, неуловимо медленно искажая свои очертания, и стали как бы приближаться, увеличиваться в размерах. Чье-то гулкое сердце отдавалось в ушах канонадой, и сквозь этот бешеный гул Грехов услышал раскатистый шепот... Все исчезло, все звуки и все мысли, остался шепот, один только шепот...

Он медленно всплывал со дна океана забытья. Наконец вернулась способность слышать, видеть и осязать. Осязать себя почему-то было больно, особенно нос и левую руку. Опасаясь худшего, Грехов скосил глаза вниз. Правая рука была цела, а через ладонь левой проходил рваный неглубокий порез. Нос распух, по-видимому, в этой экспедиции все удары он принимал на себя. Грехов покачал головой и усмехнулся. Ну, а остальные?

Сташевский приводил в чувство Молчанова. Диего Вирт лежал в кресле бледный, но спокойный.

— Вот и представь, что ты пролетал бы здесь на антиграве, — пробурчал Сташевский, покосившись на Диего.

Тот пожал плечами и промолчал.

— Каким же образом мы уцелели? — спросил Грехов, пока Сташевский лечил ему нос и руку — на сей раз без обычного ворчания и поучений.

Сташевский будто не расслышал вопроса. Заклеил руку, окинул купол башенного экрана быстрым взглядом и включил систему видения. Купол «растаял», и все увидели совсем светлое лиловое небо с мутными разводами облаков, гладкие вздутия базальтовых потоков, хаос теней в гигантской дуге горного хребта.

А рядом, над вертикальной стеной столбовых скал, ворочался жирный бурый дым, по которому время от времени пробегали багровые вспышки. Над этой стеной кое-где проглядывало что-то черное, видимое как сквозь неплотный серый туман, и Грехов, заметив в этом направлении группу зависших паутин, понял, что черное — Город. Оказывается, они прошли через него...

Дым над скалами вдруг взлетел вверх султанами и выпал пепловым снегопадом. До людей долетели сильный треск и шипение.

— Как мы оказались здесь? — угрюмо спросил Молчанов.

Молчание разлилось, как талая вода, — долгое, холодное и мелкое. Ждать ответа было бессмысленно, никто не знал, как они оказались за пределами Города, но они все стояли и смотрели на бурый дым, растекающийся скользкими тяжелыми струями между шпилями и сосульками скал. Потом Грехов потихоньку врубил двигатели и тронул машину с места. Сташевский, пытавшийся связаться со Станцией, с досадой махнул рукой и нахохлился в своем кресле. Наступило утро, и в атмосферу Тартара вторгалось обширное возмущающее электромагнитное поле звезды, мощность которого превышала скромные возможности станции связи их «Мастиффа». Только то обстоятельство, что за их движением следят глаза друзей, готовых прийти на помощь, и улучшало настроение. Правда, по всей видимости, у них объявились еще какие-то друзья, невидимые, но от этого предположения, наоборот, становилось тревожнее.

Танк наконец оставил позади циклопический гребень Кинжального хребта и выбрался на обширное плато Рубиновых Жил, иссеченное многочисленными трещинами. Трещины походили на борозды, нанесенные исполинскими граблями, они тянулись параллельно между собой по девять-десять трещин подряд, неглубокие и довольно правильные. Танк швыряло и раскачивало, кабине управления передавалась лишь малая доля толчков, но и от них становилось жутко. Хуже всех эти толчки переносил Молчанов, но терпел.

Порода плато отсвечивала голубым, иногда встречались целые поля искрящегося «хрусталя», при появлении которого начинал верещать счетчик радиации. Временами танк шел будто по дну огромной железной бочки — скрежет и визг камня сменялся гулким дробным грохотом. В таких местах тела людей наливались тяжестью, и Молчанов, заметив их недоумение, пояснил:

— Масконы.

Это были загадочные концентрации масс — масконы на жаргоне планетологов. Обнаруживали их по увеличению гравитационного поля.

Проехали голую пустынную местность, окруженную только близким размытым горизонтом. Край неба на востоке стал чисто оранжевым и светлел теперь на глазах, раскаляясь до желтого свечения. А на западе, куда ушла ночь, все еще стояла дымная фиолетовая темень.

Голубое плато с пятнами вкраплений, с редкими скалами в виде торчащих пальцев опускалось в большую котловину, дальний край которой терялся в дымке атмосферы. Где-то там, километрах в сорока, располагались две странные по форме впадины: След Ботинка и Второй След. В первой из них располагался один из крупнейших Городов планеты, а рядом с ним — корабль с коммуникаторами, конечная цель их пути... Можно было попробовать поймать волну маяка, ту самую, с «...Внимание! Выбрасываю...», но маяк был остронаправленный, для спецвызова, а мощности его боковых лепестков излучения едва ли хватало на пробивание здешней атмосферы на сорок километров.

Сташевский чуть оживился, почесал подбородок и сказал:

— Знаете, в тот момент... когда взорвался любопытник... а вы белые и тепленькие... правда, и я на грани беспамятства держался... — Он помолчал, хмыкнул.

— Не тяни, Святослав, — укоризненно произнес Диего Вирт.

— Да... мне показалось, что сверху на нас упал серый призрак...

— Серое облако, просвечивающее по краям? — быстро спросил Молчанов.

— Да. Раньше я его, конечно, не видел, но по описаниям...

— Это он. Странно, не первый раз серые призраки... — Молчанов оборвал себя и отвернулся.

Поскольку коммуникатор продолжать не собирался, Грехов сам задал вопрос, скорее риторический, чем в действительности его интересующий:

— А что такое, вообще, Город, по мнению ученых?

— Заколдованное королевство, — предположил Диего. — Злых волшебников здесь хоть отбавляй.

— По Гилковскому, это коллективный организм, обладающий интеллектом, — заметил Молчанов. — Впрочем, так считают почти все ученые. И я в том числе, — подумав, добавил он.

— Вот тебе и королевство, — усмехнулся Сташевский. — Это называется «умерщвление прекрасной гипотезы мерзким фактом»[1].

Усмехнулся и Молчанов.

— Ну, до фактов еще далеко.

Грехов передал управление командиру, бодро осведомился об общем аппетите и пошел в отсек питания. Там соорудил четыре двухэтажных бутерброда с копченой севрюгой, горячих, только изготовленных, с румяной коричневой корочкой, достал из холодильника тубы с виноградным и гранатовым соком и принес все это в кабину.

За время его отсутствия танк вошел в полоску «леса». Растения странных форм, то в виде огромной шапки пушистых голубых нитей, то в виде множества шаров из спутанной «шерсти» синего или фиолетового цвета, росли не густо, но благодаря размерам создавали впечатление непроходимой чащи.

---

[1] Гексли.

Сташевский вел машину напролом, и внешние динамики доносили частый треск и хруст, словно давили стекло.

— Кристаллы кварца, — пробормотал Молчанов, глядя на «деревья». — Необычная кристаллизация, не правда ли?

— Красиво... — отозвался равнодушно Сташевский, пошевеливая штурвалом.

Через несколько минут «лес» кончился и пошла полоса рыжей, чрезвычайно рыхлой почвы. Скорость сразу упала, пришлось увеличить тяговую мощность.

Небо потускнело, стало желтым и напоминало теперь пелену размытых дождем облаков, опустившихся почти на голову. Зыбкое и пухлое светило тихонько всплывало из-за нечеткой линии горизонта, наводя своим видом меланхолию.

Сташевский включил ориентаст, автоматически направляющий антенну приемопередатчика в сторону Станции, попробовал разные режимы, но канал приема полностью перекрывался помехами, а слышат ли их на Станции, они не знали.

Танк скатился в узкую долину между грядами стометровых кристаллических останцев и нырнул в облако кисейно-желтого тумана, видимость в котором сильно ухудшилась. Вокруг предметов засияли светлые ореолы, затрудняющие ориентирование. Грехов перевел систему видения на радарное зрение.

На карте вычислителя вспыхнули координаты танка. До цели оставалось немногим более тридцати километров по прямой. Они уже спустились в странную долину, имеющую форму ботинка, нормального человеческого ботинка, только ненормальных размеров. Будто огромный, пятисоткилометрового роста детина спрыгнул на планету, оставил два следа глубиной в несколько сот метров и исчез, заранее посмеявшись над безуспешными попытками людей объяснить форму впадин от его исполинских ног. Со Станции они просматривались довольно четко, и в коридорах Грехов видел рисунки шутников, изображающие предполагаемый облик великана. Один из них сильно смахивал на Леваду, и, по его мнению, это было не очень остроумно.

— Стоп! — рявкнул вдруг Сташевский.

Грехов еще ничего не заметил, но компьютер уже включил аварийный тормоз, танк клюнул носом, а под ними внезапно загрохотало, тяжелый гул всколыхнул воздух, и в метре от гусениц раскололась земля, образовав быстро растущую трещину. За минуту под непрерывный гул и сотрясения почвы трещина превратилась в пропасть, противоположный край которой скрылся в пелене багровых испарений. В последний раз дрогнула земля, и гул оборвался. Только из пропасти доносились клокотание и шипение, будто в огромной бочке кипела и испарялась вода.

Онемевшие, они смотрели на неожиданную преграду и молчали. И продолжение не заставило себя ждать. В глубине образовавшейся бездны что-то рвануло с оглушительным треском, и мимо танка проскользнули в низкое небо огромные радужные «пузыри». Автоматически сработали фильтры, погасившие сияние «пузырей», заревели внутренние (пробило поле!) счетчики радиации, танк закачало и поволокло от пропасти.

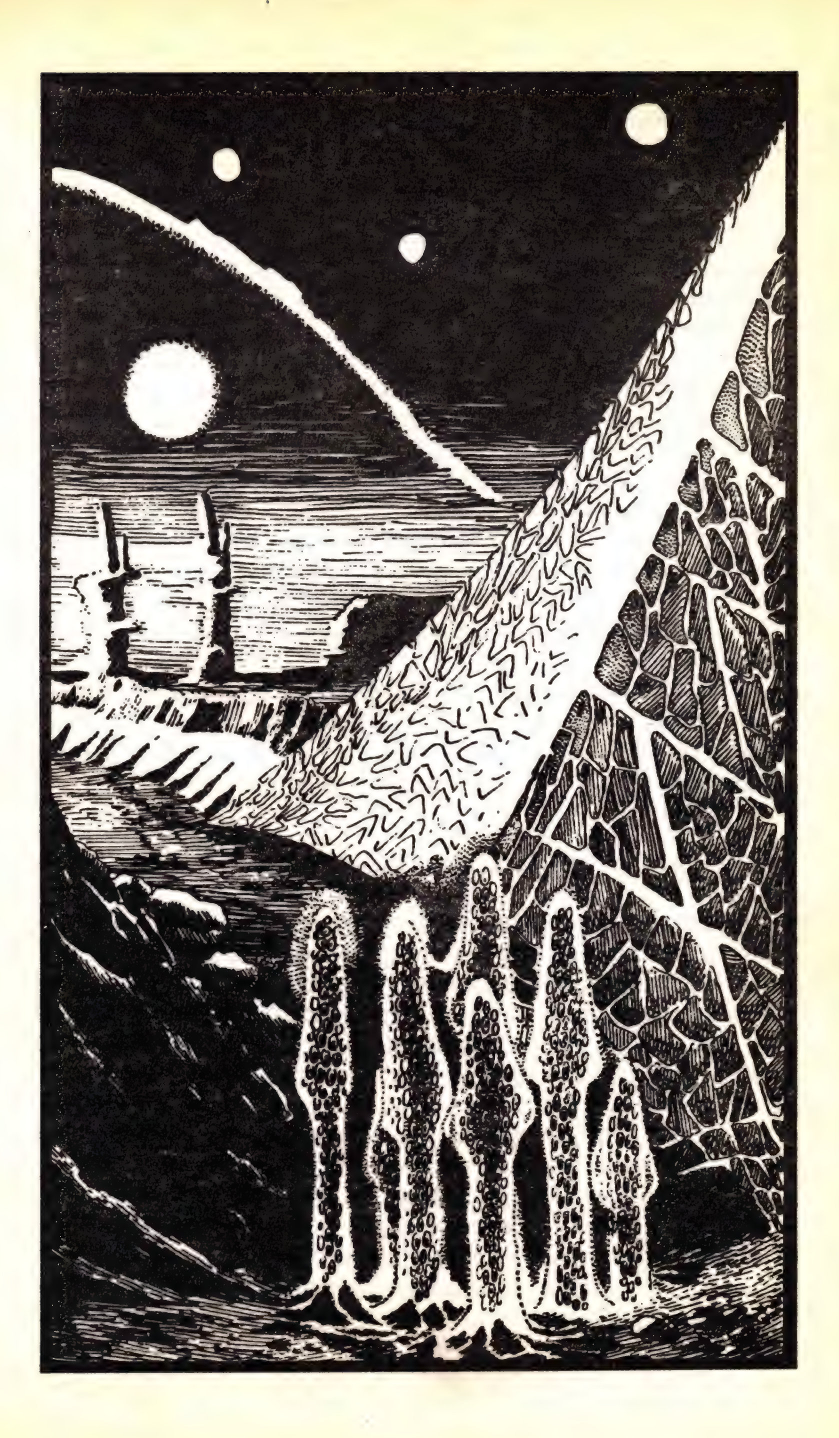
Треск повторился. Новая серия «пузырей» пронеслась мимо, и Грехов успел заметить, что за каждым из них тенью мчится паутина. «Снова паутины, вездесущие паутины, почему-то появляющиеся там, где происходят события! Или события происходят там, где они появляются?..»

Грехов выдвинул из верхней башни перископ, заглянул в пропасть и увидел только яркое свечение, шедшее из неведомых глубин. Свечение было ровным и сильным, и ему показалось, что там еще полным-полно паутин.

Внезапно раздался тот же самый адский треск, из пропасти блеснуло остро и сильно, и радужные шары с бульканием рванулись ввысь. Экранчик перископа погас. В общем экране они увидели искореженный, почерневший конец его трубы, похожий на обрубленную руку.

— Дьявол! — выругался помрачневший Сташевский. — Это-то зачем?

— Может быть, это обращение к нам? — предположил осторожно Диего Вирт. — Предупреждение или предостережение...

— Нет, — невесело сказал Молчанов. — Шары — это закапсулированные каким-то мощным полем ядерные взрывы. Паутины вышвыривают их в космос.

— Зачем? — удивился Диего.

— Зачем — мы можем только догадываться. По теории того же Гилковского, шары — продукты жизнедеятельности Городов, отходы, от которых паутины освобождают планету. Вообще, это очень редкое явление, в известном смысле нам повезло...

— Еще бы, — буркнул Сташевский. — Расколись земля на три метра ближе и...

Грехов пристально наблюдал за пропастью. Оттуда все так же поднимался гул, мелко тряслась почва. На всякий случай решили отвести танк от обрыва метров на пятьдесят. Но не успел Грехов еще остановить машину, как глубоко в теле планеты раздался тяжкий грохот, над пропастью взлетел густой рой длинных алых искр, и стены только что образовавшегося ущелья стали сближаться. Сотрясение почвы было не столь велико, как раньше, и они заметили, как в миг соприкосновения стен из узкой щели вымахнул вал оранжевого огня. Затем с громким чавканием стены сомкнулись, резкий толчок покачнул танк и путь стал свободен.

ВИСЯЩИЙ КОРАБЛЬ

Они уже порядком отъехали от места искусственного или естественного — неизвестно — катаклизма, а светящийся шнур оранжевого тумана, плотный, как огненное желе, все еще держался над почвой. Он извивался, дышал, но не расходился, и Грехов понял, почему плато назвали плато Рубиновых Жил. Пришлось полностью переключить внимание на дорогу, чтобы не свалиться в пропасть при следующем новообразовании.

Сташевский занялся пеленгом и ухитрился-таки поймать знакомое всем «...Внимание! Выбрасываю...», явственно различимое сквозь треск и вой помех. Строить догадки можно было до бесконечности, но, по мнению Грехова, это работал неисправный автомат-передатчик, а не маяк, настраивающийся обычно на радиоблеск.

Такие бомбовые автоматы сбрасывались разведывательными кораблями или в место предполагаемой посадки, или в случае аварийной ситуации.

Грехов мысленно повторил последние слова, и внезапная тревога сжала сердце. «Черт возьми! — подумал он. — Неужели никто не рассматривал этот вариант — авария на корабле коммуникаторов? Или, может быть, вообще катастрофа?! Но что может случиться с ТФ-кораблем, самым надежным и мощным земным аппаратом? Почему только это странное словосочетание терзает слух уже в течение семи суток? Действительно ли авария на корабле?!

Очевидно, он чем-то выдал себя, потому что Сташевский вдруг внимательно присмотрелся к нему, показал пальцем на динамик, откуда все еще неслось хриплое звучание двух слов, и кивнул. Значит, и он думал о том же. За три года совместной работы они научились понимать друг друга без слов.

В какой-то момент, не запомнившийся своей заурядностью, Грехов отметил про себя появление на горизонте размытой черной горы, подумав при этом, что не пришлось бы ее объезжать. Потом смутное беспокойство заставило его присмотреться к горе повнимательней, и, внутренне холодея, он понял, что перед ними Город. Тот самый загадочный Город, возле которого должен где-то быть корабль. Не успел он так подумать, как Молчанов вдруг сорвался с места и издал сдавленное восклицание. Танк въехал на вершину длинного увала, и примерно в пяти-шести километрах они увидели корабль. Виден он был плохо, словно сквозь струящуюся воду, однотонно серый, похожий на толстый карандаш, поставленный на торец, и что-то уж очень длинным казался он отсюда, непропорциональным своей толщине. И тут Сташевский сказал негромко:

— Да он же висит!..

И тогда Грехов понял, в чем странность картины. Корабль действительно висел в воздухе, не опускаясь и не поднимаясь, висел совершенно спокойно, и в этом спокойствии было нечто тревожное. Может быть, они как раз стартовали, увидели их и ждут? Но зачем тратить гигаватты энергии на парение? Спокойнее и разумнее дожидаться сидя... Что же тогда? Корабль висит с

тех пор, как они его увидели, — и никакой реакции. Не может же он висеть так долго без всякой видимой цели...

Они подъехали ближе, и вокруг трансгала стало заметно какое-то движение: будто прозрачное пламя мерцало и струилось вокруг него... Грехову сильно захотелось остановиться, особенно после того, как он увидел несколько крупных паутин, выгнувшихся куполом над кораблем. Еще около десятка паутин образовали нечто вроде решетчатой стены между близким Городом и кораблем. Снова паутины...

Сташевский, очевидно, тоже почувствовал тревогу. Он посмотрел на водителя как-то странно, искоса, и Грехов сначала замедлил ход, а потом вовсе остановил машину. Местность перед ними понижалась, и уклон этот шел до самого трансгала, висевшего над дном конусовидной низины на высоте около сотни метров. Чуть левее от остановившегося танка Грехов заметил грибообразный выступ черной породы, по размерам не уступающий «Мастиффу», задержал на нем взгляд — подозрительным он ему показался, — потом увидел еще несколько таких же «грибов», цепочкой уходящих в муть атмосферы.

— Ты что? — спросил Диего Вирт, поворачиваясь к нему.

Молчанов ничего не спрашивал, но и он заволновался, когда прошло несколько минут бездействия, а вокруг ничего не изменилось. «Жду еще минут пять», — решил Грехов, и в этот момент из черного «гриба» со звуком лопнувшего сосуда метнулся к парящему земному звездолету гигантский язык ярчайшего изумрудного огня: пок!

Только благодаря фильтрам они не ослепли. Факел огня за секунду вытянулся до корпуса корабля, как бы обтек его, не касаясь самого корпуса, образовал огненный кокон и тут же втянулся обратно под «гриб». Зато вспыхнул его сосед, такой же «гриб», как первый, выбросил язык огня, потом следующий, и пошло: пок! пок! пок! — по периметру вокруг корабля. Огонь был холодным, наружный термоизмеритель даже не сработал, зато при каждой вспышке искажался горизонт, искажались очертания местности и даже кабины танка, а

по нервам било болезненно и сильно, словно электроразрядами. Собственно, и приборы отметили ионизацию воздуха снаружи, да такую, что не бывает даже в эпицентре мощнейшей земной грозы!

Языки зеленого огня обежали вокруг корабля и исчезли, но в глазах еще долго прыгали темные пятна.

Все произошло так быстро, что Грехов не успел среагировать и вывести машину из опасной зоны. Да и вряд ли это помогло бы. Искривлять пространство умели и люди, достаточно было включить генераторы поля или деформатор, но тогда бы сработало силовое поле, а вот так очень легко, можно сказать, даже элегантно, без ощутимого изменения масс и полей...

— Похоже, ночью мы видели именно такие вспышки, — заметил Молчанов. — Я не знаю, что это такое. Инфор танка включен?

— Конечно.

— Пробило защиту? — поинтересовался Диего Вирт.

— Не то чтобы пробило... — туманно ответил Грехов.

— Так, — произнес Сташевский. — Нерешительность — симптом неудачи, а идти к кораблю мы обязаны. Или, может быть, кто-нибудь думает иначе?

Границу, вдоль которой расположились плюющиеся огнем «грибы», они проехали без всяких эксцессов. Ионизация пошла на убыль, красные огни индикаторов побледнели.

Корабль вырастал в размерах. Без отверстий, щелей и мелких деталей — серый монолит, он был суров и молчалив, он походил на монумент, на гигантский памятник самому себе, на гору мертвого металла, застывшего невысоко над почвой... Вот какие сравнения лезли в голову Грехову.

Но корабль не мог быть мертвым, он обязан был быть живым, крик его повторялся каждые полминуты: «...Внимание! Выбрасываю...», молчание, шорохи, скрежет и снова тот же стон, повторяемый автоматом, теперь Грехов в этом не сомневался.

До корабля оставалось меньше километра, они все пытались понять, почему он виден, как сквозь слой толстого стекла, как вдруг «стекло» это вспенилось и

разлетелось во все стороны белыми нитями разной толщины. Нити оказались свернутыми в рулоны паутинами, которые развернулись, сделали одинаковый пируэт в воздухе, зависли над кораблем лесенкой, одна над другой, а самая первая из них, словно почуяв приближение чужаков, вдруг медленно подплыла к ним и накрыла «Мастифф» слабой ажурной тенью. И снова повторился поразительный, сопутствующий появлению паутин эффект: внутри Грехова забились, зашептали неясные голоса, он ощутил давление извне на виски, сменившееся покалыванием в затылке, а потом по всей голове. Показалось, что видит он зыбкие прозрачные контуры каких-то предметов, цветные сполохи, накладывающиеся на них, и что-то еще — огромное и неразличимое, как омут, в который упал танк. Он сделал усилие, и видение растаяло, только шепот не исчезал и щекотно покалывало кожу на затылке, что было даже приятно.

Мимо них проплыла еще одна громадная «сеть», провисшая под тяжестью уже знакомого черного «гриба». Пришлось взять в сторону, чтобы разминуться с «сетью» на приличном расстоянии. Местность заметно понижалась, танк спускался в глубокую воронку, центр которой, по расчетам Грехова, должен был находиться где-то почти под кораблем. Почва воронки была странного рыжего цвета, будто всю ее покрыла ржавчина.

Грехов собрался увеличить скорость, и в этот миг его словно вывернули наизнанку. А когда он очнулся от непонятного забытья, оказалось, что танк карабкается к звездолету кормой.

Сориентировавшись, Сташевский сделал знак рукой:

— Поворачивай обратно. Попробуем еще раз.

Грехов повернул «Мастифф», на малой скорости покатил вниз, и примерно в том же самом месте мягкая, но властная рука перевернула их с ног на голову, подержала и отпустила. Танк снова оказался повернутым кормой к кораблю. Они попробовали подойти к звездолету в другом месте, в третьем, и всюду их ожидало то же самое. Их не пускали к кораблю. Кто — неизвестно, но способ настолько прост, что не понять его было невозможно.

В последний раз повернув машину, Грехов остановил ее у огромной дыры, уходящей куда-то в недра планеты. Моторы умолкли, и стало очень тихо. Только перед глазами все еще плыло, будто они продолжали двигаться.

СЖАТАЯ ПРУЖИНА

Три часа пролетели в безуспешных попытках приблизиться к кораблю. Дошло до того, что Сташевский при молчаливом согласии Молчанова испробовал на невидимой, вывертывающей «наизнанку» стене все виды оружия танка вплоть до генератора антиматерии. Разряды лазеров и деформатора поглощались этой средой бесследно, а луч антимата, видимый по дрожащему голубоватому строению атомного распада воздуха, вызвал цепочку ярких зеленых вспышек в висящих этажеркой над кораблем паутинах. Там, вверху, поднялась тихая паника, паутины поломали строй, заколебались, но к ним присоединились свободно плавающие неподалеку собратья, и положение стабилизировалось. На тихий шепот в ушах Грехов уже не реагировал и только иногда находил в себе другие странности: то глох беспричинно, то все предметы начинали казаться ему искривленными или плоскими, иногда мутнело зрение. Одно только и спасало, и отвлекало — он был занят работой.

Перейти магическую границу «перевертывания» они так и не смогли. Радио- и телезапросы оставались без ответа, словно вязли в стометровом слое прозрачного по меркам Тартара воздуха. Теперь и парение земного звездолета в сотне метров от почвы не удивляло, хотя порой Грехов механически задавал себе вопрос: каким способом можно поддерживать на весу миллион тонн без ощутимых затрат энергии?..

Светило склонилось к горизонту, наступил тот вечерний час, когда лучи его скользят параллельно земле, воздух кажется заполненным алым туманом, а все предметы в нем — невесомыми. Небо потемнело, приобрело сходство с малахитовым куполом, который время от времени перечеркивали снующие в разных направлениях паутины.

Они решили ждать ночи у корабля, чтобы сообщить на Станцию о положении дел. Предпринимать что-либо без решения научного совета остерегались, ибо, как выразился Молчанов, «это чревато последствиями, в результате которых мы не сможем наблюдать собственные похороны».

Сташевский настоял, чтобы они поужинали.

— Желудок есть устройство, — объявил Диего Вирт, — предназначенное для постоянного напоминания человеку о бренности его тела.

— Существования, — уточнил Грехов.

— Тела.

— Существования.

— Ну хорошо, существования. Какое это имеет значение? Хихикайте, если больше ничего не умеете, как сказал мудрец.

— Так его, — одобрительно заметил Сташевский, собирая посуду. Грехов с Диего еще немного поупражнялись в острословии и, так как делать было совершенно нечего, начали пытать Молчанова вопросами. Отвечал коммуникатор довольно охотно, за какой-то час Грехов узнал о Тартаре немало нового, с удивлением обнаружив, что и Сташевский с таким же вниманием слушал рассказ. Молчанов говорил о первых планомерных экспедициях на поверхность планеты, о том, как многие вездеходы и летательные аппараты землян пропадали без вести и некоторые из них находили потом в космосе, за пределами атмосферы Тартара, будто вынутыми из-под пресса — так они были разбиты и изуродованы. О том, как взрывались некоторые десантные корабли, успевая, как правило, передать, что встретились с роем любопытников. О том, как люди стали осторожнее, перестали отправлять экспедиции на летающих машинах, потом и вовсе перестали выходить из кораблей, посылая одни автоматы. Но и автоматы исчезали. Планета казалась населенной настолько агрессивными обитателями, что вмешался спецотдел УАСС и вообще запретил посадки на планету. Ученые вынуждены были довольствоваться только зондами-автоматами и наблюдениями с безопасных орбит: ни паутины, ни любопытники, ни пластуны и так называемые серые призраки никогда не выходили за пределы ионосферы Тартара, за

исключением тех случаев, когда паутины выбрасывали в космос энергетические шары — закапсулированные ядерные взрывы.

Но и без прямого общения людей с поверхностью планеты было открыто столько поразительных явлений, что на исследования их не хватало специалистов...

— Масконы, — кивнул Сташевский, — залежи трансуранов...

— Черные извержения, — добавил Диего.

— Всего не перечислишь, — продолжал Молчанов, просветительский порыв которого иссякал. — Много заманчивых находок, из-за которых контакт с аборигенами более чем желателен, но... вы видите ситуацию. Самый мощный из кораблей разведфлота закапсулирован кем-то или чем-то, а мы тычемся, как слепые котята... И боюсь, так и не узнаем истины. Что?

— Узнаем, — пробормотал Сташевский и включил канал связи. Ночь уже вступила в свои права. Город и паутины расцветились призрачной иллюминацией, напоминающей земные северные сияния, и лишь граненый цилиндр корабля, на треть погруженный в белое облако тумана, казался абсолютно черным. Грехова подмывало спросить Молчанова, знает ли он, где сейчас Грант, командир спасшего его звездолета? Как он к нему относится? Почему вернулся к Тартару, планете, отнявшей у него многих друзей? Как получилось, что из экипажей двух кораблей, встретившихся на планете, в живых остались только четверо? Но спросить так и не решился. В это время ориентаст нащупал Станцию, и виом связи открыл им вход на командный пункт спутника.

Надо было видеть, какой радостью озарились там озабоченные лица людей. В зале Станции были Кротас, и Левада, и Полина, и еще много неизвестных Грехову молодых людей, явно не относящихся к работникам нужной в данный момент специальности.

Виом часто перекрывался волнами помех, это мешали паутины, а один раз пролетел любопытник, тащивший за собой хвост радиоактивного газа и пыли, в результате чего прием вообще стал невозможен и пришлось переезжать на другое место, подальше от Города и паутин. После того как они сообщили на Станцию

всю информацию, какой располагали, там некоторое время совещались, и наконец Кротас, более нервный, чем обычно — у него подергивалась щека, которую он все время растирал, стесняясь, — сказал глуховатым голосом:

— Вам, наверное, придется суток на двое задержаться на поверхности. Примерно в двенадцать ночи мы постараемся посадить в ваш квадрат глубинный зонд-автомат... — Кротас выслушал подсказку и продолжал: — В него вы положите анализатор Т-поля, физики придают ему большое значение, добавите машинный инфор и кристаллы записей приборов. Ну, а через двое-трое суток мы попробуем вытащить вас по каналу гравиподъемника, если ничего не случится... Минуту... с вами хочет поговорить заместитель Высшего координационного совета. — Грустный Кротас уплыл из виома, и на его месте появился Левада.

— Ну, как вы там? — спросил он сдержанно. — Паутины донимают? Мы начали монтаж гравиподъемника, лифтовая система должна быть безопаснее. Как только закончим, это максимум двое суток, пошлем к вам специалистов, поможете им разобраться с кораблем. И пожалуйста... — он с каким-то особенным вниманием ощупал их взглядом, — постарайтесь больше не вмешиваться в чужое... движение, обдумывайте каждый шаг и будьте подальше от всего этого — Городов, паутин и прочего. Вы меня поняли?

— Хорошо, — произнес Сташевский. — Тут возникла такая мысль: по каким-то причинам люди покинули корабль, а наблюдатели на Станции этого просто не заметили.

Левада отвернулся от виома, снова донеслись голоса совещающихся, но сидящим в танке была видна лишь спина члена земного правительства. Наконец он обернулся и нашел Сташевского глазами.

— Вы вольны поступать так, как требует обстановка, но в пределах разумного. Я сомневаюсь, чтобы опытные специалисты могли выйти без защитных средств, а любой аппарат наблюдатели заметили бы. Вашу машину, кстати, мы тоже видим. Так что, если связи долго не будет — помигайте прожектором, мы будем знать, что вы... э-э... что у вас все в порядке.

Вием мигнул, свернулся в белое облачко и угас.

— А теперь — спать! — коротко приказал Сташевский, выключил аппаратуру и устало поглядел на каждого. — Дежурить будем по очереди. Первым я, потом вы, Эвальд, потом Диего...

Танк отвели от корабля и от Города с таким расчетом, чтобы был виден и тот, и другой, включили максимальную защиту и впервые за двое суток пошли в отсек отдыха. Сташевский остался в кабине готовить материалы и аппаратуру к приему автоматического зонда. Впереди была целая ночь, и он не торопился.

Ночь прошла спокойно. Молчанов разбудил их поздним утром, около восьми часов, когда тусклая Тина давно вторглась в мутную атмосферу планеты на их широте. Выходит, время своего дежурства Грехов бессовестно проспал! Но и Диего хорош: не разбудил. Очень благородно с его стороны...

После завтрака Сташевский рассказал, как он ночью принял зонд по пеленгу и отправил материалы на Станцию. Паутины не мешали, хотя несколько любопытствующих экземпляров приближалось на опасное расстояние. И командир вдруг признался, что при появлении паутин он каждый раз словно слышит неразборчивую человеческую речь.

— Что бы это значило?

— И я слышу, — вырвалось у Грехова.

— Ничего особенного, — равнодушно произнес Молчанов. — Мы называем это «психологированным влиянием». Виновник его, несомненно, неизвестное излучение.

— Вот как? — сказал Сташевский с некоторым облегчением. — Действительно, ничего особенного...

— Я думал, вы знаете. Но вот то, что зонд вы встречали в одиночку...

— Ничего, — улыбнулся одними губами Святослав. — Я себя на этот случай обезопасил, взял с собой робота-охранителя.

— Зонд не сносило? — полюбопытствовал Диего Вирт.

— Сносило, но он запеленговал маяк танка и вышел по гиперболе почти над машиной. Паутины пытались в этот момент подойти ближе, я их отогнал.

Помолчали немного, заново привыкая к угрюмому пейзажу с торчащим из дымной подушки серым пальцем земного звездолета. Здесь все было по-прежнему. Стояла над кораблем лесенка из десятка паутин, еще около десятка их сплели вогнутую решетчатую стену между Городом и кораблем. Остальные висели или плавали без дела, словно наблюдатели. Впрочем, одна деталь чужой местности изменилась: увеличилось количество грибообразных черных наростов, цепочкой окружающих корабль. Явно не к добру.

— Ну, так, — щелкнул пальцами Сташевский. — Поедем вокруг Города. Не очень быстро, километров под сорок...

Грехов кивнул. На равнинной местности «Мастифф» мог бегать в пять-шесть раз быстрее, но надо было смотреть по сторонам, а их было всего четверо.

Молчанов сел справа от него и открыл футляр странного, паукообразного аппарата с еще более странным и длинным названием: координатор внезапно появляющейся информации искусственного происхождения. Представлял он собой чудо нейристорной техники из специального снаряжения коммуникаторов, и все, что Грехов знал о нем, так это то, что он выделяет из хаоса разнообразной информации искусственные сигналы.

«Сомнительно, что он нам поможет хоть чем-нибудь», — подумал он с усмешкой.

— Интересно, — пробормотал Диего, очевидно, более знакомый с аппаратурой, и примостился за спиной Молчанова.

Чтобы не отвлекаться, Грехов включил внешние акустические приемники, и звуки движения — рокот моторов, хруст гусениц, шорохи и шелест породы под ними — заполнили кабину. Сквозь эти звуки иногда доносились возгласы Диего и невнятное бормотание Молчанова. Сташевский же все внимание обратил на деятельность паутин возле Города.

До обеда они дважды объехали Город по разворачивающейся спирали, не обращая внимания на следующего за ними настырного любопытника. Грехова не поки-

дало ощущение постороннего взгляда, и поэтому ему с трудом удавалось сохранять видимость хладнокровия.

Пообедали в хмуром молчании. Диего Вирт, по обыкновению очень скупо рассчитывающий свои движения, хмурился и поглядывал на часы. Подавленное настроение группы держалось до вечера. Уже перед самым закатом Грехов вдруг заметил далеко в стороне непонятный объект. Виден он был смутно, оптика помогала мало, пришлось немного свернуть на юг. И тут Грехов понял, что двигаются они как-то странно: держал он точно на объект, похожий издали на черное кольцо, а объект вдруг оказался чуть левее; Грехов повернул влево, но через несколько секунд кольцо снова сместилось влево, хотя он не касался управления. Он увеличил скорость, снова повернул влево — кольцо прямо на глазах ушло в сторону, и на этот раз гораздо быстрее. Создавалось впечатление, что каменный щит под танком поворачивается вокруг оси, и чем быстрее они едут, тем быстрее он поворачивается.

Грехов остановил танк. Поехали — цепь скал на краю открытого пространства тут же опять завертелась влево.

— В чем дело? — осведомился Сташевский.

Грехов продемонстрировал ему странное явление и попробовал с ходу миновать площадь, на которой они застряли. Но за несколько секунд танк оказался развернутым на сто восемьдесят градусов и мчался уже к центру площади. И снова... и снова... Чем ближе к краю, тем быстрее их сносило и разворачивало к центру пустыря. Наконец Грехов выдохся и остановил танк.

Молчание в кабине было красноречивым.

Они оказались внутри какого-то «заколдованного» кратера, стены которого на три четверти состояли из фиолетовых скал, а замыкались черной стеной Города и башней корабля.

— Попробуй еще раз, — нарушил молчание Сташевский.

Грехов попробовал — тот же результат.

— Это вы не проходили? — попытался пошутить Диего Вирт, обращаясь к Молчанову.

— Нет, — ответил тот серьезно, теребя в задумчивости подбородок. — С таким явлением сталкиваюсь впер-

вые и, насколько я знаю, об этом не упоминал никто из исследователей.

— Все это хорошо, — вздохнул Сташевский, — качественно новое явление и все такое прочее... Однако надо же отсюда и выбираться.

Отдаленный гул заставил всех насторожиться. Гул нарастал, задрожала почва. Через полминуты гул превратился в сильный грохот, треснула стена скал и в образовавшийся пролом скользнула... огромная черная гора, устремившаяся через площадь к Городу. Она пересекла пустое пространство, оставив после себя дымящуюся борозду, и без следа растворилась в ущельях Города.

Не долго думая Грехов запустил двигатель на всю мощность и бросил танк вдоль борозды к пролому. Спустя минуту они были уже за пределами странной площади, не выпускавшей их из своих объятий больше часа.

Диего попытался объяснить феномен «плывущим гравитационным полем», но Сташевский попросил Грехова, «как бывшего специалиста», уничтожить это «изящное рассуждение», и тот популярно объяснил Диего, что он, то есть Диего Вирт, компетентен в физике гравитации так же, как он сам в черной, а заодно и белой магии. Правда, Грехов тоже ничем не мог объяснить их приключения, несмотря на то что действительно три года назад закончил Институт физики пространств. Для выводов нужны были экспериментальные данные, факты.

На ночь танк остановили на том же месте, что и в первый раз. Краски заката быстро поблекли, зато заиграли переливами холодного света паутины и Город. Возможно, Грехов был слишком эмоционален для работника УАСС, но в созерцании красочной феерии света он находил истинное удовольствие. Только иногда сознание как бы вспоминало свои обязанности и становился слышным шепот — не очень приятное напоминание о присутствии иной, загадочной жизни. Они уже привыкли к нему, как привыкают и не замечают завывания ветра в непогоду.

Провели очередной сеанс связи. На земном форпосте кое-что изменилось. К Тартару прибыли энергоснаб-

женцы и экспериментальный корабль-лаборатория, битком набитый разного рода генераторами.

— Намечается эксперимент, — сообщил Кротас. — Физики хотят «вырезать» кусок пространства вместе с кораблем и перебросить его с планеты за пределы атмосферы.

— А мы? — очень своевременно спросил Диего Вирт.

— А вас захватит спасательный патруль. Монтажники заканчивают сборку подъемника, завтра попробуем высверлить в атмосфере безынерционный канал. А пока вы будете корректировать наводку генераторов для эксперимента.

— Ясно, — отозвался Сташевский, помахал рукой Полине, и сеанс закончился.

На этот раз первым на вахту встал Грехов. Четыре часа пролетели незаметно, он даже спать не захотел, поглощенный наблюдениями за действиями любопытников и паутин. Да, они явно что-то готовили: притащили откуда-то еще несколько «грибов», и теперь вокруг колонны корабля образовалась сплошная черная стена. А уже перед самой сдачей дежурства — Грехов как раз смотрел на неподвижное облако белого дыма, из которого вырастал корабль, — облако это вдруг с сильным треском опало, и под кораблем всплыла сияющая до боли в глазах паутина. Она подхватила корабль снизу, края ее полезли вверх, и в конце концов звездолет оказался завернутым в «авоську». Все замерло на некоторое время. Потом паутина с долгим шипением расползлась прежним белым дымом, и Грехов, разжав вспотевшие от напряжения кулаки, злорадно пробормотал:

— Что, не вышло, голубчики?

Несколько паутин-наблюдателей тотчас же улетели к Городу, и, пока Грехов проверял функционирование главных систем танка, одна из них приволокла черный «гриб» и воткнула его выше по склону воронки. Они начали строить вторую цепочку «грибов». Все это происходило так целенаправленно, что Грехов вдруг понял тех, кто ратовал за присутствие на планете разума. И если он действительно был здесь, то по всем человеческим меркам оказывался за пределами понимания. Ни он, ни люди не понимали друг друга, и неизвестно

было, что же требуется для того, чтобы сделать первый шаг к взаимопониманию. Единственное, что вынес Грехов из своего наблюдения, было то, что возня паутин у земного звездолета указывала на их явную заинтересованность в нем.

Разбудив Сташевского, Грехов наскоро пересказал ему все, что видел сам, и попросился расположиться на отдых в кабине. Но командир был непреклонен, и ему, хотя и с неохотой, пришлось удалиться. Сташевский же сел за передатчик и вызвал Станцию.

За бортом разгорался день, словно штампованный по заказу, — так он походил на остальные тусклые дни Тартара.

За ночь паутины построили еще одну цепь из загадочных грибообразных тел и терриконов, удвоив их количество. Над танком кружили уже три сети, так что в ощущениях людей преобладало чувство загнанной в угол жертвы. О связи со Станцией нечего было и думать. Сташевский сказал только, что ровно в шестнадцать по универсальному времени оттуда попробуют проткнуть атмосферу планеты направленным полем и, если все обойдется удачно, проблема безопасной доставки грузов на Тартар будет решена.

Грехов машинально оглядел небосвод, волокнистая зеленая пелена которого нависла так низко, что казалось, будто над ними висит целая планета, закрытая облачным слоем. Вершина близкого корабля виднелась размытой и колеблющейся, и там, на полукилометровой высоте, Грехов увидел темное перемещающееся пятно. Оно медленно плавало на одной и той же высоте, иногда ненадолго замирало на месте, потом снова описывало круги и петли — неторопливо и бесцельно.

— Что это над кораблем? — спросил Грехов Сташевского. — Слева... Теперь плывет с другой стороны.

— Где?

Грехов переключил окно дальновидения и показал странное медузоподобное облако, просвечивающее, как кисейная накидка.

— Серый призрак, — посмотрев, пробасил Молчанов. — Неуловимое и чрезвычайно любопытное созда-

ние. Гилковский как-то нарвался на гравистрелка и, если бы не серый призрак, подплывший в этот момент, живым бы он не ушел.

— Я слышал об этом, — сказал задумчиво Сташевский. — Но думал, что это легенда.

— Нет, — сухо сказал Молчанов. — Я был вместе с ним...

— Но как же?.. — начал Грехов, но уловил движение Сташевского и замолчал.

Молчанов усмехнулся.

— Не сверлите его взглядом, Святослав, любопытство всегда законно. На меня гравистрелок не напал потому, что я в этот момент находился в кабине вездехода.

Что-то он не договаривал, Молчанов. Грехов понял это по его секундному замешательству, но продолжать коммуникатор не стал, а расспрашивать дальше было неудобно.

Грехов попытался представить вмешательство серого призрака при нападении гравистрелка (какова тогда его мощь?!), но как раз наступил один из периодов «сна на ходу», когда ему начинали грезиться странные смазанные картины — влияние излучения паутин, как говорил Молчанов, — и некоторое время пришлось провести в борьбе с забытьем. На каждого из них излучение, очевидно, действовало по-разному. «Хорошо бы сравнить ощущения...» — подумал он мимолетно.

В черте корабля сработали какие-то таинственные механизмы, по периметру вокруг его башни замелькали ярчайшие факелы сине-зеленого пламени, искажающие каждый раз контуры звездолета. Через несколько минут вспышки прекратились. Приборы бесстрастно зафиксировали появление и убыль ионизации, пляску электромагнитных полей.

Грехов привычно отметил время и, размышляя, тихо сказал:

— Не могу понять одного — почему на планету, жизнь которой не разгадана, присутствие разума на которой еще никем не доказана, послали отряд коммуникаторов? С кем они собирались устанавливать контакт? С паутинами? С любопытниками?

— С пластунами, — пробормотал Диего Вирт. — Или с серыми призраками. Не все ли равно?..

— Шутник, — посмотрел на него Грехов.

— Да, в этом вы правы, — вздохнул Молчанов, и узкое морщинистое лицо его помрачнело. — С посылом коммуникаторов поторопились. Но в данный момент это уже не вина, а скорее наша беда. На Станции в то время было слишком много горячих голов...

— Горячие головы... — по-стариковски пробормотал Сташевский, глядя на ровную колонну корабля. — Горячие головы... Раньше говорили: сколько голов — столько умов, но первых всегда больше. Полное совпадение с действительностью...

В кабине наступила относительная тишина. Но разве сравнить эту живую пульсирующую тишину с невыразимо холодной и глубокой тишиной целой планеты? Небывалой тишиной, казалось бы, абсолютно мертвого мира. Как понять ее, с чем сравнить? Как увязать ее с тем, что мир этот не мертв, что он жив, и жив активно? Спустившись со Станции, они из великанов, обозревающих всю планету единым взглядом, превратились в муравьев, ползающих по огромному механизму неизвестного назначения, муравьев, не способных понять отдельные движения шестерен, пружин и колес и объединить их в понятие механизма. Как можно было говорить о контакте, не поняв, с кем и как его устанавливать?

— Парадокс, — вслух сказал Грехов.

Никто ему не ответил.

— Паутины, — предупредил Диего. — Что-то много их сегодня.

Грехов поднял голову — паутина уже накрывала танк слабой сетчатой тенью — и, почувствовав болезненный толчок в висках, перестал видеть свет.

На какую-то долю секунды он ощутил бег времени. Нет, не бег — сжатую пружину времени. Бездну сжатого до невероятных пределов времени. Что-то происходило вокруг, происходило на всей планете, чувств человеческих не хватало, чтобы заметить это, увидеть, понять. Но прорвалось мгновение, какое-то «десятое» чувство, даже не интуиция — мгновение, когда ритм чужой жизни сам пробился в мозг, заставляя его напрягаться в безуспешных попытках осмыслить эту жизнь...

Грехов не успел ничего понять, просто ощутил — пропасть разверзлась под ним, захватило дух, и тут же он оказался на твердой земле, и нет пропасти, а сердце еще не успело отреагировать, замерло, когда все уже прошло...

Он никому ничего не сказал. Даже Сташевскому.

«Потом, — подумал он, — на Станции. Когда можно будет перевести это в шутку».

ВЗРЫВ

В шестнадцать часов по универсальному времени обещанный Кротасом канал прямого безынерционного сообщения со Станцией не появился. Связи тоже не было, все диапазоны, как и прежде, были сплошь забиты помехами.

Вечером Сташевский велел подъехать к кораблю поближе и остановиться невдалеке от двойного ряда часто натыканных «грибов». Невидимая отталкивающая стена все еще была на месте, делать было нечего, оставалось только ждать ночи, когда можно будет установить связь.

Багровое светило наполовину влезло в зыбкий горизонт, заливая долину, Город, корабль, туманный воздух струями алых радуг. В мире ненадолго воцарился рубиновый цвет, перечеркнутый тенями скал и корабля. Потом Тина как-то одним движением ухнула вниз, и наступила вишневая, быстро сгущающаяся мгла.

Грехов развернул танк кормой к парящему звездолету и тихонько подъехал задним ходом вплотную к прозрачной силовой стене, но перестарался: танк снова развернуло, и он пятился уже вверх по склону воронки.

— Не играйся, — проворчал Сташевский, включая приемник. Связь отыскалась почти сразу, как только танк выехал на открытое пространство.

— «Мастифф», почему не отвечаете? «Мастифф», почему не отвечаете? — послышался в кабине голос Полины, и в виоме появилось ее милое, чуть осунувшееся лицо. Увидев их, она только глубоко вздохнула, нашла глазами Грехова и, глядя на него, сказала:

— Почему молчите, Габриэль?

— Все нормально, малышка, — сказал Сташевский. — Давай нам начальство.

Полина уступила место смуглому горбоносому человеку с близко посаженными ярко-желтыми глазами. Сташевский и Молчанов почтительно склонили головы, Грехов с некоторым запозданием сделал то же. Это был Банглин, председатель Комиссии по контактам.

— Корабль все еще молчит? — быстро спросил он, ощупав каждого пристальным взглядом.

— Молчит, — ответил Сташевский. — Пройти к нему не можем...

— Знаю. Как ведут себя паутины?

— Сопровождают каждый наш шаг. Но защитное поле помогает, хотя и в неполной мере. Любопытники более опасны, но и встречи с ними более редки.

— А серые призраки?

— Призраки контакта с нами не имели... хотя в этом я и не уверен.

— То есть? Как вас понимать?

— При переходе через Город мы встретились с любопытником и... в общем, мне показалось, что из Города нас вынес серый призрак. То есть не нас одних, конечно, а весь танк.

— Это весьма любопытно, — оживился Банглин. — А не мог автомат записать эту информацию на машинный инфор?

— Не знаю, не задумывался. Инфор мы отослали с зондом.

Банглин потускнел.

— Ах, да... Дело в том, что зонд не вернулся...

Грехов переглянулся с Диего. Наступила короткая тишина.

— Такие-то вот дела... — Банглин поморщился и продолжал: — Ваше пребывание на поверхности считаю нецелесообразным. Эксперимент с «вырезанием» корабля временно откладывается. Готовьтесь, через полчаса мы включим подъемник и опустим по каналу десантолет. Все понятно?

— Как будто все...

Банглин внимательно посмотрел на Сташевского, кивнул.

— Хорошо. Ждем вас здесь, до встречи.

Виом опустел.

— Давай, — скомандовал Сташевский, но Грехов уже и без него включил моторы, и танк запрыгал по каменным волнам. Башня корабля приблизилась.

Столб направленного излучения появился точно через полчаса, заметный, как дрожащий поток раскаленного воздуха, искажающий очертания Города. Столб колебался, не стоял на месте, танцевал. То ли его сбивало общее поле планеты, то ли было трудно поддерживать фокусировку луча на таком расстоянии... Гравиподъемник на Тартаре использовали впервые, и Грехов с тревогой подумал, что никто не знает, какой реакции следует ждать при этом от неведомых обитателей планеты.

Первым на отдаленный низкий гул, последовавший за установлением силового тоннеля, обратил внимание Молчанов. Он коснулся плеча Сташевского, тот предостерегающе поднял руку, и в этот момент произошло непонятное: слой почвы, в которую упирался силовой луч подъемника, вдруг с оглушительным грохотом лопнул, края разлома задрались вверх, и из-под почвы ударила в зенит черная струя. Грехов, спохватившись, помигал прожектором, закричал в микрофон: «Назад!» — но было уже поздно. В вышине загорелась желтая звезда — лазерный прожектор десантолета: со Станции начали спуск.

Новая волна грохота: еще одна струя взметнулась ввысь и достигла десантолета. В том месте что-то ослепительно вспыхнуло, и десантолет стал валиться на Город, оставляя за собой трассу гаснущих желтых огоньков. Через несколько секунд донеслось долгое раскатистое рычание.

— Черное извержение! — прошептал Диего.

Они уже неслись на полной скорости, так что за кормой вздулась полоса пыли. А из странного разлома вдруг плюнула еще одна струя, вздымаясь на неведомую высоту. На Станции догадались выключить канал подъемника, и растущий столб оборвался, стал падать с неба исполинскими черными брызгами, одна из которых, размером с гору, чудом миновала танк.

Паутин объявилось чрезвычайно много. Они суетились в воздухе, не замечая танка, но Грехову наблюдать за происходящим было совершенно некогда, и он

не увидел, чем закончилось жуткое в своей мощи и непонятности явление.

Танк с ходу углубился в первую попавшуюся «улицу» Города, уходящую черной рекой в глубь призрачного, насыщенного голубоватым туманом свечения массива. Здесь тоже роились паутины. Большинство их проносилось к месту падения десантолета, остальные выстраивались в одну громадную сеть, накрывающую Город сверху.

Почему-то взгляд Города переносить стало легче, а может, просто не было времени на анализ своих ощущений. Во всяком случае, мозг справлялся с влиянием постороннего психотронного излучения. Приемник перестал греметь, и в шелестящей тишине они вдруг услышали... плач ребенка! Это было странно и чудовищно! Откуда в Городе мог оказаться ребенок?!

Сташевский переключил диапазоны и присвистнул. Плач, вернее, тоненькое тоскливое завывание царило на всех несущих волнах. Более того, плач слышался со всех сторон, брать пеленг было бессмысленно.

Они так и не разобрались, что это было: эхо передачи со Станции, фокус необычайной помехи или еще что-то... Крупная вибрация потрясла вдруг Город. Откуда-то снизу, из таинственных его глубин, послышалось низкое мощное гудение. Сразу в нескольких местах раздались гулкие удары — взрывались паутины!

Грехов взглянул на пульт и ужаснулся. В пространстве происходило светопреставление! Приборы показывали безумную пляску силовых полей, невероятную плотность излучений! Давление за бортом то падало до нуля, то поднималось до невообразимых величин! Температура менялась ежесекундно!..

Но на все это ему было наплевать, главным было то, что в центре пульта смотрел на него зловещий рубиновый глаз: защита реактора давала сбои, поле не держало, пульсировало, что-то его расщепляло, и растерявшийся автомат быстро-быстро переключил генераторы с основного на дублирующий.

Сташевский оценил опасность быстрее Грехова.

— Из танка, быстро! — гаркнул он и одним движением выбросил Молчанова из кресла.

— Зачем?! — изумился тот.

Грехов притормозил. Диего Вирт молча подтолкнул растерявшегося коммуникатора к выходу и махнул на прощание рукой. Он все и всегда понимал сразу и не требовал объяснений.

«Дружище, пришла и твоя очередь действовать самостоятельно...» — обожгла Грехова мгновенная мысль.

Танк мчался над струящейся чернотой «улицы», под ним грохотало и гудело, и впереди уже показались редкие клубы дыма: где-то догорал разбившийся десантолет. Две блестящие фигуры вскоре исчезли за поворотом.

Сташевский пытался что-то сделать с настройкой защиты, но рубиновый глаз пылал неудержимо, до взрыва оставались, может быть, какие-то мгновения, и Грехов все увеличивал скорость, словно пытаясь убежать от самого себя, от своих мыслей и страха.

На одной из «улиц», пересекавших их дорогу, догорали остатки разбитого десантного шлюпа, они проскочили мимо, но Сташевский крикнул: «Стой!» — и Грехов остановил танк.

— Беги!

— Нет!

— Да беги же!..

Сташевский вдруг схватил Грехова за плечо, сжал его до боли.

— Я прошу тебя, Габриэль, — почти беззвучно сказал он. Никогда Грехову не забыть его лица, когда он говорил свое: «Я прошу тебя, Габриэль...» — Помоги пилоту, если он жив.

Внутри у Грехова словно что-то сломалось. Он не помнил, как выбирался из кабины, а когда оглянулся, танк был уже далеко. Наконец скрылся за поворотом, а Грехов все смотрел ему вслед сквозь набегающие будто от злого ветра слезы. Странно, что паутины не обратили внимания на столь удобную для них цель: спасатель забыл включить генератор защитного поля, горб которого весомой тяжестью давил спину. Он только смотрел и считал вслух секунды. А потом ослепительный свет вспыхнул над Городом и выжег все тени жарким дыханием ядерного ада.

— Святослав!.. — прошептал Грехов похолодевшими губами. — Святослав...

А город сотрясался, вибрировал, стонал, качались полупрозрачные стены «зданий», растрескиваясь под аккомпанемент сатанинского грохота и скрежета, низкий гул взрыва расползался ущельями улиц, свистящими вихрями пролетали над Городом паутины. Пурпурный грибообразный смерч возносился к небу. Яркий, веселый и страшный смерч...

Грехов сделал шаг, и в это время из стаи паутин над головой выпал серый призрак, устремился к нему. На один миг необычайная глубина раскрылась перед Греховым. Словно распахнулись врата в иной мир, в совершенно чуждый ему мир иной гармонии... Вселенная качнулась и закружилась вокруг него... Последнее, что он почувствовал в преддверии забвения, — удивленный взгляд. Потом был короткий полет, мелькнул и остался в стороне Город, приблизились скалы, и его бережно опустили на рыжую почву. Призрак взмыл вверх и исчез, а от скалы вдруг отделился металлический гигант и направился к нему. Робот-охранитель.

— Диего... — прошептал Грехов, борясь с рыданием. — Святослава... нет...

— Диего Вирт ушел в Город, — отозвался голос Молчанова. — За вами... так он сказал... Безумству храбрых поем мы песню... Герои... Гибнем, как мухи в паутине... К чему?.. А потом нас начинают спасать серые призраки...

Но Грехов уже не слушал Молчанова. Он смотрел на Город. Ждал. Он знал, что, если Диего не вернется через час, он пойдет за ним точно так же...

Над Городом вставало алое сияние, перечеркнутое черным дымным столбом. Странную белую метель гнал ветер из Города, пока Грехов не понял, что это летят паутины.

— Надо найти убежище, — пробормотал Молчанов. — Здесь стоять небезопасно...

— Тогда Диего нас может не найти, — ответил безжизненным голосом Габриэль и вдруг почувствовал, что над ним смыкается тьма.

Как сквозь толстый слой ваты, донесся чей-то знакомый голос:

— Габриэль!

— Диего, — прошептал Грехов. — Вернулся!..

Часть третья

ПОСВЯЩЕНИЕ В ИСТИНУ. ГАБРИЭЛЬ

НА ЗЕМЛЕ

Молочно-белая со светящимися прожилками стена бесшумно раскололась и выпустила двоих в голубоватых халатах: высокого мужчину с властным лицом и полную женщину с виноватым выражением глаз.

— Что? — глухо спросил Диего Вирт, делая шаг из ниши.

Мужчина окинул его цепким взглядом, узнал, кивнул и прошел мимо. Женщина приостановилась.

— У него афазия... психологический шок. Это не опасно, но лечиться нужно долго. Земля, голубое небо, голубые озера... Или чарианский санаторий.

— На Чаре он уже был... после катастрофы. Больше года...

— Мария, — окликнул из-за поворота старший врач.

Женщина ободряюще улыбнулась и ушла.

— Так, — пробормотал Диего. Поймал себя на том, что повторяет слова и жесты Сташевского, и помрачнел. Сташевского нет. Ему не нужна уже никакая медицина — ни земная, ни чарианская... Барельеф на стене Героев... Стереопортрет в УАСС... память... И память...

Стена медцентра раздвинулась вновь, и оттуда вышла Полина Серебрянникова, бледная и тихая. Они встретились глазами, и Вирт невольно сделал шаг навстречу.

— Что ты, Полин?

Полина покачала головой.

— Не надо, Диего. Я просто устала. Спасибо... за Габриэля. За то, что он жив.

Диего Вирт слегка нахмурился, взял Полину за локоть. «Узнать, что Габриэль жив, — подумал он, — после того, как целый год была уверенной в его гибели... и потом едва не потерять снова... Не слишком ли много для одного человека?»

— Диего Вирт, вас просят зайти на командный пункт, — сказал вдруг из ниши женский голос. — Диего Вирт, вас просят зайти на КП.

Он скользнул взглядом по белой стене, скрывающей за собой зал и аппаратуру медицинского комплекса, и повел Полину к эскалатору.

В центральной диспетчерской командного пункта его ждали Банглин, Кротас и универсалисты.

— Грехова надо на Землю, — сказал Диего, рассматривая браслет видеосвязи на руке. — У него шок...

— Трансгал «Солнце» уходит к Земле завтра, в семь часов, — сказал Кротас. — Грехова отправят с ним.

Диего Вирт поднял глаза на председателя Комиссии по контактам.

— И Серебрянникову, конечно, — добавил Банглин, поняв безмолвный его вопрос. — Прошу вас, Диего, расскажите о... гм... спасении Грехова еще раз. Ситуация, скажем прямо, неправдоподобная...

Вирт встретил взгляд Кротаса и вдруг почувствовал робость, как на экзамене. Эти суровые люди, прошедшие огромную жизненную школу, закованные в броню своих обязанностей, знали цену решений и имели право не только просить, но и приказывать, хотя, наверное, были так же уязвимы, как и все остальные. Однако жизнь и работа после неудач, катастроф и жертв для них не кончились.

— У меня этот факт не вызывает сомнений. Грехова принес из Города серый призрак. Я в это время снова пошел в Город, думал, вдруг пригодится моя помощь... Молчанова я оставил с роботом-охранителем... Успел пройти, наверное, с полкилометра, когда увидел летящего призрака... Вернулся. Вот, пожалуй, и все...

— А что делал призрак потом?

— Улетел к Городу. А спасательный модуль нашел нас только через пять часов.

— Любопытно, — тихо сказал Сергиенко, переглядываясь с Квециньским. — Это не первый случай такого

рода. Паутины нападают, охраняя Город, а серые призраки спасают людей. Почему?

— Может, кое-что нам пояснит сам Грехов, — сказал Банглин, — когда поправится. А вообще, с таким положением дел мириться нельзя. Надо подключить все крупнейшие лаборатории проблем контакта, физические институты, объявить широкое обсуждение возникших затруднений среди специалистов...

— Лишь бы не признаваться в поражении, — дернув щекой, сказал Кротас. — Не слишком ли дорого мы платим ради познания?

— Я пойду? — сказал Диего Вирт, чувствуя себя лишним.

— Да-да, пожалуйста.

В зале после его ухода некоторое время длилось молчание. Потом Сергиенко исподлобья взглянул на зло прищурившегося Кротаса и усмехнулся.

— А ты, Нат, ты лично способен признаться в своем бессилии перед этой планетой? Перед теми, кто бросил нам этот странный вызов? Можешь ответить?

— Я-то? — переспросил Кротас. — Я-то способен, я на многое способен... Вы посылаете людей на разведку нового, неизведанного, но не считаетесь виновными, если они встречаются с опасностью и гибнут. Спасатели же не имеют права погибать там, где ждут их помощи. И если они все-таки гибнут, то виноват я. Виноват в том, что не предусмотрел, не смог предусмотреть всего, посылая их в спасательный рейд...

— Утрируешь, Нат. — Банглин поморщился. — Разве мы ищем виноватых? Существуют какие-то методы разрешения тех противоречий, которые мы испытываем с изучением цивилизации Тартара. Просто мы не нашли этих методов, поэтому так велик риск в познании, как ты говоришь, нового, неизведанного. Неужели отступим?

— Предположим, нет. Но какой ценой? Снова жизни товарищей?

Холодный огонь сверкнул в глазах Банглина, но говорить он ничего не стал. Слева от них сработали системы обзора, и с высоты пяти тысяч километров открылся вид на ровный белесый сфероид Тартара.

Диего Вирт стоял на смотровой площадке станции приема трансгалактических кораблей и смотрел на яркую желтую звезду в правой полусфере площадки. Это было Солнце. Он не один раз возвращался из дальних полетов, видел десятки других светил, более могучих, яростных и, наоборот, багровых и тихих, как потухающий костер, но Солнце волновало его по-иному, смотреть на него было приятно и радостно, потому что Солнце — это уже Земля, это запахи и тепло родного дома.

— Идем, Диего, — окликнул его Шелгунов.

Вирт с сожалением оторвал взгляд от черного «небосвода» с искристой полосой Млечного Пути.

— В отдел? — спросил Шелгунов уже в коридоре, поблескивая в полутьме круглыми зоркими глазами.

— Сначала отправлю Габриэля.

— Лечцентр на Филиппинах?

— Нет, медицинский профилакторий в Брянских лесах, на Десне. Там родилась Полина, а она лучше знает, что нужно Габриэлю для выздоровления...

— Не везет парню. Второй раз попадает в переделку. Как это с ним случилось?

— Потом расскажу. Ты вот что. — Диего остановился. — С Аней все нормально?

— А что с ней может случиться? — простодушно удивился Шелгунов. — Это она не знает, что ты вернулся, а то давно была бы здесь.

Диего Вирт вздохнул.

— Ты ей не говори... ну... совсем не говори, что я был в Системе. Устрою Габриэля, побываю в отделе — и опять к Тартару. Там еще много работы, и бросить ее сейчас нельзя. Понимаешь?

Шелгунов подумал и сказал:

— Вообще-то не очень, но ты можешь не объяснять.

Они подошли к оранжевой двери зала ТФ-сообщений, за которой только что скрылись голубые халаты врачей, готовивших к транспортировке на Землю Грехова, и снова остановились.

— А что объяснять? — с неожиданной грустью сказал Диего. — О гибели Сташевского Аня уже знает, а тут еще Габриэль... Если я приду сейчас к ней, живой, невредимый... а потом снова уйду... Думаешь, ей будет

легко? Да что говорить, ты человек несемейный, не поймешь, пожалуй.

— Не пойму, — согласился Шелгунов. — Тебе видней. Что ж, до встречи?

— До встречи. Спасибо, что прилетел. Ты сам-то куда сейчас?

— Меркурий — база планетологов. Рисковые ребята, глаз да глаз нужен...

Диего Вирт сжал ладонь Шелгунова и шагнул в дверь. От Земли его отделяли только минуты подготовки аппаратуры. Сама ТФ-передача осуществлялась практически мгновенно.

ЛЕЧЕНИЕ

Поначалу Полину впускали к Грехову лишь на короткое время. Она входила в помещение лечебных процедур и молчаливо усаживалась перед прозрачной стеной. Грехов, неподвижный, утонувший в пеномассе, безучастно смотрел на нее огромными, заполненными внутренней болью глазами. Он был слаб и беспомощен, и слезы душили Полину: никогда еще она не видела Габриэля столь не похожим на самого себя, и жалость к нему поднималась в ней слепой волной, жалость и желание обнять, закрыть своим телом амбразуру боли и горечи воспоминаний...

Потом он начал узнавать ее, улыбался странной улыбкой дважды воскресшего человека, но иногда словно облачко набегало на его лицо: он вдруг гасил улыбку, и Полина внутренне сжималась от тревожного предчувствия, хотя не знала и не могла знать, откуда приходит к ней ощущение угрозы ее и без того недолгому ущербному счастью.

Наконец через десять дней лечения стимуляционными излучениями врачи разрешили Грехову покинуть медцентр, правда, пока не дальше Брянского заповедника, в пределах которого действовала связь с медицинской аппаратурой центра: автоматы продолжали следить за его состоянием через датчики, что невольно напоминало ему санаторий на Чаре. Правда, земная природа была ему во много раз дороже.

— Куда теперь? — спросил Грехов, оглядываясь по сторонам. Они стояли на крыше здания, окруженного с трех сторон сосновым лесом. С четвертой открывался вид на Десну, на пойменные луга правобережья. Желтый глиняный обрыв, темная зелень бора, тишина, свежий ветер... И до самого горизонта светлая прозелень лугов, полосы ивняка и ольхи... Простор... А с другой стороны — мохнатая, темно-зеленая шкура хвойного леса, усеянная кое-где драгоценными вкраплениями березовых, дубовых и кленовых вершин, кристаллическими пирамидами зданий.

— Я родилась в Деснянске, — сказала тихо Полина. — Недалеко, полчаса на такси. Можно также ТФ-коридором, если захочешь...

— Лучше такси. Здесь ведь нет паутин...

Полина испуганно посмотрела на Габриэля, но он щурился на солнце и улыбался, с удовольствием ощущая свое тело сильным и послушным, как и прежде.

Что-то стояло между ними. То ли память долгой разлуки, то ли тяжесть пережитого. Преграда, конечно, хрупкая, но оба не знали пока, как ее переступить. Полину не покидало чувство неловкости, будто познакомились они совсем недавно, и поэтому она смотрела на Грехова робко и с недоверием. Ей все еще казалось чудом, что он жив, что он здесь, на Земле, рядом, что опасность не угрожает ему и он не исчезнет в безвестности, как это было уже не один раз.

Пинасс-такси воспарил над лесом, и Грехов, впитывая наплывающие снизу запахи и звуки, наслаждаясь покоем, древним покоем древней земли, почувствовал на себе взгляд Полины, медленно повернул к ней голову и увидел слезы, дрожащие в ее глазах.

— Полина... — сказал он вдруг пересохшими губами. — Серебряный свет мой...

Светопанели медленно угасали, комната потеряла размеры и реальность, мрак поглотил ее. Дождавшись, пока в толще стен погаснет последний огонек, Габриэль изменил поляризацию части стены, и ему показалось, что он заглянул в глубокий колодец, на дне которого засиял мягким светом лунный диск.

— Не спугни, — прошептал он, отодвигаясь. Полина придвинулась ближе, по лицу ее скользнул прозрачный лучик и отозвался в груди Габриэля замирающей болью.

— Ты не сказал мне, что был на Чаре после... после того случая... Изменился...

— Больше года меня не было... Я ведь тоже не знал, что этот год прошел для меня в более глубоком сне, чем обычно. Если бы не врачи Чары...

— Я знаю, Диего рассказывал. И все же год — это очень долго, это вечность, и теперь мне кажется, что я намного старше тебя. Неизвестность хуже несчастья, я боюсь: за тебя боюсь, за себя боюсь. Но пока ты рядом — ты мой...

Руки Полины обняли Габриэля за шею, и горячие губы прижались к ее губам...

По стене бежал серебристый зайчик, остановился, подмигнул и исчез. Он был деликатен, словно знал, как хрупко и изменчиво то, что люди называют счастьем...

— Диего оставил для тебя письмо...

— Письмо? Разве он не на Земле?

— Он опять ушел к Тартару... железный человек...

— Не надо об этом, давай помолчим.

— Не хочу, Ри. Только что я просила тебя сама — помолчим, но не могу, хочу говорить с тобой. Когда тебя вынес из модуля Свекольников, ты не узнавал меня, и я подумала... Это было страшно, понимаешь?! А до этого, когда Диего пригласил меня работать на Станции, он так странно усмехался... И через три дня я вдруг увидела тебя и думала, что разорвется сердце! И ты был как чужой, и ушел туда, на Тартар, и это было еще хуже... Это постоянное ожидание нового несчастья... какие силы ада я призывала, чтобы с тобой ничего не случилось!.. А потом Сташевский... и ты на руках у Свекольникова... Я не плакала никогда, Ри, но сейчас мне хочется плакать... Неужели я такая слабая? Но ты так много значишь, так много значишь для меня!..

Габриэль глубоко вздохнул, закрывая глаза. Говорить он не мог. Только много времени спустя, на исходе лунной ночи, он прочитал ей древние стихи:

В тебе одной —
Все женщины Земли.
В тебе одной —
Глаза их, слезы, губы,
И нежность,
И рождения... и сны...

Утро выдалось прохладное и дождливое. Макропогодные установки пригнали с запада громадный облачный вал, обложивший все небо над Деснянском на многие десятки километров.

Габриэль поежился, открыл глаза, вспомнил, где находится, и легко вскочил с кровати. Полина еще спала, губы ее были полуоткрыты, а лицо — печально. Он не стал ее будить. Тихонько выбрался из спальни в зал, нашел информационный виом и, набрав нужный код, попросил робота сообщить все сведения о событиях на Тартаре за последние полтора месяца.

Информация была скупая, но все же он узнал, что группе специалистов-физиков удалось провести эксперимент по изъятию трансгала с людьми с поверхности Тартара в околопланетное пространство. О трудностях в сводке ничего не говорилось, но Габриэль представлял, с чем пришлось столкнуться физикам на планете... и спасателям. Диего в том числе. Он жадно продолжал слушать дальше и тут узнал поразительную новость: когда «размотали» силовое поле вокруг корабля, оказалось, что все сорок шесть человек злополучной экспедиции не только живы и здоровы, но даже и не подозревают о той буре недоумения и тревоги, которую посеяло молчание их корабля среди тысяч людей. Первое, что сказал Тенишев, начальник исследовательской группы, ступив на порог командного зала Станции, было: «Не вижу причины столь экстравагантного возвращения экспедиции». По его словам, трансгал даже не успел произвести посадку, как вдруг оказался за пределами атмосферы Тартара: по их часам с момента старта прошло всего восемь минут, а не двадцать суток, взбудораживших чуть ли не все Управление аварийно-спасательной службы. Простейший расчет показывал, что время в корабле замедлило ход в три с лишним тысячи раз по сравнению с независимым физическим временем Земли...

«Счастливое известие, — подумал Габриэль. — Но за него отдали жизни Сташевский и пилоты спасательного модуля... А люди Тенишева живы и здоровы... Но кто мог знать?»

Произошли изменения и в сфере обслуживания научного центра над Тартаром. Появилась вторая Станция. Сложил с себя полномочия ответственного за безопасность исследований Тартара Кротас, его место занял руководитель третьего сектора УАСС Свекольников. Молчанов стал ведущим коммуникатором по Тартару. В связи с тем, что специалисты наконец разгадали секрет Т-поля, окутывающего всю планету отталкивающим слоем, решено было создать координационный центр по изучению жизни планеты при помощи кибернетических комплексов. Молчанов назначен его руководителем.

«Силен старикан! Двужильный он, что ли? Столько потрясений, ударов, неудач, а он все равно не отступает!..»

— Какова структура координационного центра? — прервал Габриэль информатора. Тот на несколько секунд замолчал, потом тем же ровным голосом продолжал:

— На планете выделяются области исследования, то есть регионы, в центре которых располагаются десантные корабли. Подвижные исследовательские лаборатории на базе танков «Мастифф», снабженные дополнительной защитой, начинают планомерные исследования. Радиус региона выбирается в зависимости от условий работы либо из соображений безопасности...

Габриэль выключил информатор и долго сидел на корточках, не обращая внимания на то, что ветер задувает в комнату холодные брызги дождя. Потом краем глаза уловил сзади движение и стремительно встал. В проеме двери стояла Полина, прямая и бледная, и смотрела на него, закусив губу.

— Серебряный свет, — тихонько проговорил Габриэль, ступая ей навстречу. Чувствовал он себя скверно, будто утаил что-то от Полины или собирался утаить.

— Серебряный свет, сегодня мы летим к твоим родителям, ты не против? А потом махнем вокруг шарика, мне так много хочется увидеть.

Полина улыбнулась, пряча страх в глубине глаз, Габриэль подхватил ее на руки и закружил по комнате...

Потом они включили линию доставки и, поглядывая друг на друга, бессознательно ухаживая друг за другом, так что руки их часто сталкивались над столом, позавтракали вдвоем под шелест дождя за распахнутыми окнами, под свист и щелканье упрямо не умолкающих птиц. И Габриэль вдруг понял, что он действительно спокоен, что теперь он знает, уверен, что его будут ждать и сегодня, и завтра, и ныне, и присно, и во веки веков, и это знание наполнило его такой силой и желанием сделать что-то необычайное, что он готов был взорваться и только усилием воли не позволял себе прыгать, петь или того хуже — читать вслух стихи. А она видела все, все понимала, и глаза ее сияли и манили, и в конце концов они забыли обо всем, что творилось вокруг, в том числе и о далекой планете Тартар, на которую уже пошли новые десанты...

Три дня Грехов «колесил» по Земле, радуясь, как ребенок, новым впечатлениям и встречам. В секториате УАСС он побывал в первую очередь, пробыл там недолго, и Полина не заметила особой перемены в его настроении. Несколько раз его вызывал Брянский медцентр, напоминая об обязанностях подопечного службы здоровья. Габриэль смеялся, отшучивался — Полина никогда еще не видела его таким веселым, — и они снова мчались от сибирской тайги к Курилам, от Камчатки к островам Зеленого Мыса, от Кубы снова на север, к побережью почти полностью чистого ото льда Северного Ледовитого океана... Словно пытаясь забыться, раствориться в суете земной жизни... Словно в предчувствии близкого расставания с материнским ласковым ликом планеты.

А утром четвертого дня, стоя над чинком — двухсотметровым обрывом в сердце Заунгузских Каракумов, с вершины которого открывался вид на бесконечную зелень обработанных земель, Габриэль вдруг сказал:

— Послезавтра к Черной Розе уходит трансгал «Искра». Я лечу с ними, Полина...

Наклонив голову, он ожидал ее слов, ожидал, как приговора, крутого, будто этот обрыв, но она обняла его сзади, прижалась лицом к спине, улыбаясь его неожиданной резкости — он чувствовал улыбку, — и, тихонько вздохнув, ответила:

— Я догадывалась, Ри. Ты не можешь иначе, и я это знаю. Но ведь и я полечу с тобой?

И не надо было говорить ни о чем, потому что в этот миг любые слова приобретали иной, совсем ненужный смысл.

Далеко в небе просияла золотом яркая точка, потом еще одна — спутники погоды. Под обрывом забормотал мотор, взметнулся белесый столб, и через зеленые квадраты пшеничных полей помчался прыжками прозрачный экипаж, за которым медленно опадал хвост не то пара, не то дыма, живо напомнивший Грехову хвост любопытника. Ветер принес горьковатый запах. Габриэль с упоением вдыхал этот запах, напоминающий запах полыни и сорванных трав, сухой коры дерева и смолы, сгорающей в костре...

ОБЫЧНАЯ РАБОТА

В диспетчерской командного пункта Станции царило оживление. Входили и выходили операторы, специалисты разных направлений. Инженеры связи работали у двух десятков виомов, связанных с центром исследований на Тартаре и отдельными лабораториями. Возле пустой панели невключенного виома стоял Банглин, вслушиваясь в спор универсалистов.

— Нет техносферы? — говорил Сергиенко, хмуря выгоревшие белесые брови. — Позвольте, а паутины, а любопытники, а серые призраки? А Города? Конечно, техносфера Тартара своеобразна, даже слишком, но именно поэтому гипотеза о негуманоидной цивилизации кажется мне близкой к истине.

— Все это можно принять за отправной пункт размышлений, — сказал Квециньский, флегматичный и неповоротливый на первый взгляд. — Но никто не мо-

жет ответить на вопрос: почему человек, все изделия его рук изгоняются с планеты так беспощадно? Иногда даже выбрасываются в космос?

— Сегодня Тенишев высказал еще одну гипотезу, — обернулся к ученым Банглин. — Перед нами очень древняя цивилизация, сконструировавшая такой тип обратных связей, что получилась оболочка с автономной цивилизационной деятельностью, не связанной с материальной действительностью природы. Путь развития такой цивилизации недоступен внешнему наблюдателю, а все то, что мы видим, только побочные эффекты этой деятельности.

— Свернувшаяся цивилизация? — заинтересовался Сергиенко. — Гипотезы о подобных цивилизациях высказывались еще в двадцатом веке Лемом и Стругацкими, одними из родоначальников Художественного прогноза. И чем же Тенишев аргументирует свое предположение?

Ответить Банглин не успел: один из инженеров связи объявил о прибытии к Тартару транспортного корабля «Искра», и он, широко шагая, вышел из диспетчерской.

Вскоре порог небольшого зала переступили сразу несколько человек: подтянутый, улыбающийся Диего Вирт, Банглин, рослый командир трансгала, красивая женщина в белом коротком платье и гибкий юноша с лицом взрослого мужчины, в котором не сразу можно было узнать Габриэля Грехова.

Когда улегся легкий шум встречи, а Полина отвлеклась разговором с Банглиным, Диего шепнул Габриэлю на ухо:

— Я надеюсь, что будем работать вместе. Внизу требуются опытные водители танков и спасатели. Что ты на это скажешь?

Грехов оглянулся на Полину, тревожно посматривающую на него из-за спины председателя Комиссии по контактам, и волнение всколыхнулось в нем снова. Словно он уже слышал таинственный шепот, призыв далекой неразгаданной жизни; и странно было ощущать себя зависимым от человека, ставшего вдруг дороже всех проблем, человека, над счастьем которого он был, оказывается, властен. Габриэль успокаивающе улыбнул-

ся жене, подошел к пульту, нагнулся к окуляру перископа и, встретив взгляд Тартара, ответил ему долгим взглядом, в котором смешались и вызов, и угроза, и благодарность...

Молчанов смотрел, как опускается десантолет. Лицо его выражало озабоченность. С базового корабля открывался вид на близкий горный хребет, как бы парящий и всплывающий над слоем густого тумана у горизонта; на древний вал громадного кратера-астроблемы диаметром в двести километров, над которым сновало несколько паутин, опекая уходящий танк, на маленькую черную полоску Города, спрятавшегося в отрогах хребта; на широкую, изборожденную трещинами поверхность плоскогорья, которая, как знал коммуникатор, обрывалась тремя огромными уступами в Долину Невезения: планетологи были весьма остроумными людьми, и на картах Тартара появлялись еще и не такие названия. Тусклый желтый глаз светила, окруженный мутными зеленоватыми разводами, равнодушно смотрел на вялое движение под ним. Казалось, он иногда подмигивает, и воображение тут же подрисовывало к глазу круглую рожу с ехидной ухмылкой...

Десантолет коснулся почвы, стрельнувшей в миг посадки искрами расплавленной породы. От пульта донесся голос бортинженера, дублирующего связь со Станцией:

— Двадцать восьмой совершил посадку на базовый номер один.

Молчанов дождался, пока десантолет выплюнул полусферу платформы со вновь прибывшими, и пошел из командного зала корабля к выходу. Одновременно он отметил про себя, что паутины, повисшие над десантолетом при посадке, взмахнули вдруг краями и умчались к Городу, а оставшаяся отплыла на довольно большое расстояние и не пыталась приблизиться; как видно, Т-поля, которыми овладели люди, оказались действенным средством защиты от всех форм жизни Тартара, в том числе и от паутин, являющихся единственными генераторами Т-поля, созданными, похоже, самой природой.

Маленький кораблик привез два новых танка и группу ученых, среди которых Молчанов заметил, к своему удивлению и немалой радости, Грехова. Миниатюрного спасателя невозможно было узнать — так изменилось его лицо, и Молчанов подумал, что жизнь действительно измеряется не годами, а плотностью заполняющих дни событий.

— Тебя не узнать... — сказал коммуникатор, светлея.

— Набрался сил на Земле, — улыбнулся Диего Вирт.

Грехов с удовольствием ответил на рукопожатие Молчанова, и тот повел их на свой командный пост, на ходу делясь новостями — специально для Габриэля. Диего был уже в курсе всех дел.

На корабле, или, как его теперь называли, на базе, было всего два танка-лаборатории, оба они принадлежали планетологам, и поэтому прибытие еще двух машин расширяло область исследований вдвое.

Диего пожелал Габриэлю поскорей определиться с работой и распрощался: его ждали планетологи, уходящие в очередной рейс. Молчанов тут же предложил Грехову войти в состав группы физиков-пространственников в качестве водителя и ответственного за безопасность экипажа четвертого танка. Руководителем группы назначался универсалист Тенишев.

Габриэль опробовал двигатели на форсаже, вывел танк из эллинга и одним прыжком перебросил его через пандус на песок под кораблем.

Пять сверкающих фигур — группа Мдивания, работающая в непосредственной близости от корабля, — помахали им вслед. Развернув «Мастифф» так, что за кормой вздулся песчаный смерч, Габриэль кинул танк вперед, к горам, на крутых виражах обходя острые выступы пород, длинные гряды морен и увалов и глубокие ложбины, «поросшие» древовидными кристаллами. На следующие параллельным курсом паутины он не обращал внимания.

Последним от связи отключился Молчанов, выглядевший довольно усталым и невыспавшимся. Габриэль все эти дни чувствовал с его стороны необычное вни-

мание к своей особе, и это его стесняло, хотя и не казалось неприятным.

Физики копались сзади в своей, загромоздившей почти всю кабину, аппаратуре, антенны и датчики которой сделали танк похожим со стороны на диковинного зверя — помесь черепахи с ежом. Они работали деловито, без обычной пикировки и разговоров, и Габриэль тоже проникся атмосферой занятости. Проникся так, что даже угадывал команды Тенишева, сидевшего рядом в кресле перед пультом управления своими специальными приборами.

К Городу подъехали со стороны хребта, так сказать, с тыла, где было ровней, так как «пригород» представлял собой дикую местность, всхолмленную землетрясениями или давней вулканической деятельностью. Правда, встречались здесь и узкие, как шрамы, полосы ровной, обожженной какими-то излучениями почвы, но Грехов всякий раз объезжал эти полосы, хотя иные из них тянулись почти до Города, до широкого голого пространства, окружавшего его по периметру. В километре от вертикального черного массива Тенишев остановил танк, и Габриэль с пробудившимся интересом стал наблюдать за работой ученого. На пульте перед Тенишевым мерцал изумрудным светом вогнутый экран, по которому бродили группы звездочек. На каждое изменение в их положении Тенишев отвечал переключениями на пульте и начинал волноваться, когда они исчезали совсем. Снаружи танка шевелились антенны, гудели генераторы излучений и охладители, физики переговаривались торопливыми голосами, и Грехов на миг почувствовал себя ненужным. Но вверху над ними плавали четыре паутины, внимательно следящие за всеми их действиями, возле Города паутины выстроились в одну гигантскую сеть, и ощущение ненужности быстро прошло.

— Мешает защитное поле, — сказал вдруг кто-то за спиной Грехова.

— Верно! — воскликнул Тенишев. — А я никак не пойму, в чем дело.

Защитное Т-поле сняли, и в рядах паутин произошла немедленная перестройка: две их них накрыли танк куполом, а остальные соединились в странный колеблющийся крест.

— Гравистрелок, — тут же отозвался Тенишев. — Очень хорошо. Запишите параметры от начала до конца.

Он давно хотел исследовать гравистрелка в процессе его образования. Возможность на сей раз была исключительной.

Габриэль увеличил мощность обычного защитного поля машины до максимума, с некоторой тревогой посмотрел на руководителя группы, но тот занялся приборами и не хотел отвлекаться на такие пустяки, как защита танка. Очевидно, по его разумению, защитой должен был ведать он, Габриэль.

Грехов пожал плечами, и в это время гравистрелок выстрелил.

Танк, вернее, весь объем поля, в которое он был впаян, как муравей в янтарь, содрогнулся, и гул удара пошел грохотать раскатами в скалах и отрогах хребта.

— Великолепно!.. — возбужденно бормотал Тенишев, а его помощники лихорадочно завозились возле аппаратов, и не было места иным мыслям, кроме мыслей о работе, и не было иных чувств, кроме любопытства.

Гравистрелок выстрелил три раза подряд. Танк раскачивался на амортизаторах все сильней, в мозг настойчиво лез «шепот» верхних паутин, и Габриэль нашел черную педаль под пультом и вдавил до отказа. Генераторы Т-поля сработали, стена искривленного пространства отодвинула прочь и распавшегося гравистрелка, и паутин.

— Правильно, — сказал Тенишев, и черные глаза его остановились на Габриэле, словно оценивая, чего он стоит. — Хорошего понемножку...

До обеда стояли на месте, обрабатывали полученные результаты, потом руководитель группы дал указание приблизиться к Городу. Вид черных кривых стен Города всегда вызывал у Габриэля нехорошие ассоциации, а в этот день особенно. И возня многочисленной стаи паутин не нравилась: словно готовились они к чему-то. Кто знает, может, и они исследовали земные аппараты доступными им способами, по-своему? Говорил же какой-то мудрый человек после изобретения микроскопа: «Не будем забывать, что и бактерии смотрят на нас с другой стороны».

Габриэль невольно проводил взглядом косо летящую паутину, которая сопровождала глыбу любопытника. Ничего себе микроб!

— Стоп! — сказал Тенишев совсем по-сташевски. Габриэль даже зажмурился, избавляясь от наваждения, потом опомнился и остановил танк. Как всегда, в непосредственной близости от Города машину окружило до трех десятков паутин разного калибра, и, как всегда, словно отдав дань любопытству, а может, убеждаясь в том, что чужой предмет не агрессивен, большинство из них улетело прочь.

— Займитесь Городом, ребята, — проговорил Тенишев. — С активным зондированием поосторожней...

— Только радио? Или можно лазеры и жесткое?

— Можно лазеры. Жесткое излучение подождет.

Таким образом стояли два часа: физики работали и перекидывались фразами, как мячиками; Габриэль сидел, наблюдал и слушал, ему все чудилось, что он слышит еще один голос — посторонний, незнакомый, говорящий на странном птичьем языке, вникнуть в смысл которого не было никакой возможности. Иногда голос пропадал, но в глазах начинали мелькать зыбкие видения, бесформенные, как облака, и тогда Габриэль встряхивал головой и старался понять, чем занимаются паутины. А паутины в это время строились высоко над танком в лесенку, но почему-то не достраивались и рассыпались в стороны, и все начиналось сначала.

Уже к заходу светила Грехов увидел еще одну знакомую картину (первый раз он видел ее со Сташевским): прилетели паутины и вышвырнули из своих «карманов» по любопытнику, которые беззвучно и бесследно растаяли в стенах Города. Правда, не совсем бесследно, потому что оттуда сразу же выплыло множество пластунов, нахально белых и искрящихся.

— Все! — вздохнул вдруг Тенишев, встал из кресла и потянулся. — На сегодня довольно.

И они потихоньку поехали к базе, сопровождаемые паутинами и невесть откуда взявшимся серым призраком, похожим на большую дождевую тучу.

К кораблю подошли вторыми, вслед за танком группы планетологов. Разошлись по отсекам, а после

ужина собрались в зале и, выслушав доклады начальников групп научному совету во главе с Банглиным — через видеосвязь, поговорили еще немного друг с другом, поделились впечатлениями, фактами и версиями.

Сергиенко сделал вывод, что паутины всегда нападают на те машины, которые так или иначе уменьшают напряженность поля тяготения — то есть на все летательные аппараты от куттера до спасательного модуля, и особенно гравиподъемник. Случай, когда люди попробовали включить его, был памятен всем. В результате погиб пилот десантолета, посланного за группой Сташевского, а сверхмощный импульс Т-поля едва не вышиб Станцию с орбиты.

— Ведь что такое гравистрелок? — продолжал Сергиенко. — Это та же паутина, основное занятие которой — выбрасывать изделия рук человеческих за пределы Тартара, за пределы слоя Т-поля. Но паутины не используют всех свойств этого самого Т-поля, и это странно, потому что в противном случае жертв с нашей стороны было бы гораздо больше.

— Давайте не будем говорить о странностях, — сказал Тенишев. — Их слишком много.

— Зато ключей к Городам мы пока не можем подобрать, — развел руками Сергиенко. — Сия дверь для нас закрыта.

— Дверь открыта для всех, кто хочет уйти, — пробормотал Квециньский, развеселив присутствующих...

Габриэль на вечерней «пятиминутке» не был: заказал личный разговор со Станцией и до десяти часов корабельного вечера прирос к виому, из которого на него смотрела Полина. Они почти не разговаривали: так, по пустякам, не вдумываясь в смысл сказанного. И даже не заметили, что на пункт связи заходил Диего Вирт: зашел, замер, постоял секунду и ушел бесшумно. Лицо его было мрачным и задумчивым.

А Молчанову, когда база погрузилась в тишину сна, снова звонил Свекольников, просто так звонил, от неуверенности, от беспокойства, хотя в таком здоровом теле, казалось, должны быть не нервы, а канаты. Себя же Молчанов представлял как один большой нерв: где ни тронь — беспокоит, о чем ни подумай — раздража-

ет. После разговора он долго смотрел в видеоокно на далекое зарево Города — единственное светлое пятно в океане мрака.

НАПАДЕНИЕ ЛЮБОПЫТНИКА

Около месяца исследования продолжались обычным темпом. Планетологи завершили детальное картографирование «отпущенной» им области, открыли шесть месторождений радиоактивных руд, в которых сильно была заинтересована земная и чарианская промышленность, и заложили две шахты для изучения двух значительных масконов — линзовидных утолщений какого-то невероятно плотного вещества в коре планеты. Работа планетологов вообще была «более осязаема», что ли, более заметна. Остальные группы: физиков-пространственников, радиологов и волновиков, что называется, накапливали информацию, по крохам отпускаемую им природой планеты.

Спустя месяц на базах стали происходить странные события, которым сначала не придали должного значения. Например, некоторые из наблюдателей начали жаловаться на... сон во время бодрствования и частые головокружения, на снижение общего тонуса организма и на ослабление памяти. Специалисты этого профиля из кораблей не выходили, как и многие из обслуживающего персонала баз, но случаи странного заболевания происходили именно с ними. Служба здоровья провела полное медицинское обследование всего личного состава баз и не нашла значительных отклонений от нормы ни у кого из обследуемых, кроме наблюдателей. Кто-то из ученых обратил внимание на то, что над выносными наблюдательными пунктами активность паутин максимальна по сравнению с тем, как они ведут себя над остальными группами построек баз, и тут выяснился печальный факт: несмотря на то что люди располагали Т-полями и мощной силовой защитой, паутины все же каким-то образом продолжали воздействовать на организм человека, вызывая в нем качественные изменения, с которыми медицина не была подготовлена вести борьбу.

После двух суток заседаний научный совет Станций принял решение постепенно свертывать исследования Тартара и к концу года, до которого осталось два месяца, полностью очистить планету от присутствия на ней человека.

Впервые в истории неразобщенной земной цивилизации человечество в лице исследовательского отряда получило довольно неприятную моральную травму, споткнувшись о порог научной тайны. Очень возможно, что жизнь Тартара, физические ее основы даже для исполина, каковым считался человек, вышедщий на просторы Галактики, непонятны принципиально; что всех знаний, накопленных за многовековую историю, оказалось недостаточно, чтобы найти эквивалент жизни Тартара с известным человеку понятием; что, может быть, для решения этой проблемы земной цивилизации предстоит пройти еще немалый путь, осмыслить сотни иных, отличных от земных, жизней, и только тогда вернуться к исходному — к Тартару, но, может, тогда уже этот возврат к Великой Тайне и не окажется нужным, и какой-то мальчишка, играя, вскроет планету одним пальчиком...

Такие, не слишком стройные и серьезные, мысли бродили в голове Молчанова после разговора с Банглиным. Тот с явным облегчением говорил о возвращении кораблей с планеты к поясу Станций. Однако и он вынужден был признать, что, образно выражаясь, человек прищемил пальцы дверью тайны, оказавшись не homo sapiens galaktos — человеком разумным, галактическим, а homo vulgaris — человеком обыкновенным, не доросшим еще до больших открытий, знаний, озарений — как хотите, так и называйте. Все это было, конечно, не смертельно, и каждый воспринимал происходящее посвоему, не стоило волноваться за все человечество сразу. Так сказал Банглин, и, когда Молчанов остался перед пустым виомом, ломая голову над причиной непонятного возбуждения председателя Комиссии по контактам, он вдруг понял, что не «мыслью единой жив человек», что он еще имеет право на кое-какие эмоции, на внимание со стороны друзей, на теплоту во взглядах, на дружеское слово и на многое другое, о чем он обычно не задумывается, но коль уж нет этого — жизнь ока-

зывается неполной, неудавшейся, незначимой... Так подумав, Молчанов увидел себя как бы со стороны, седого, холодного, отчужденного и одинокого... Впрочем, одинокого ли? Нет, так сказать он был не вправе, но и веселого было мало. Дожил до седин, а друзей не нажил... Были друзья, но так давно, что и не вспомнишь. А, ладно... зачем лгать самому себе, все-то он помнит отлично, вот только мысли эти все чаще возвращаются, и нет тепла от них, и нет спокойствия. Устал? Или планета эта странная наводит «флюиды»?..

Молчанов прошелся по отсекам базы, с виду спокойный и собранный, как всегда. Поговорил с учеными, о чем — не помнил, и вернулся в центр управления, где здоровенный Мишин, командир десантолета, кого-то разносил могучим голосом, не жалея голосовых связок. Ему-то не надо было казаться хладнокровным более, чем он был на самом деле.

С утра все валилось из рук Габриэля, все приелось ему: однообразные виды местности, одинаковые дни, походы на танке к Городу, похожие друг на друга, как две молекулы одного вещества, ровное настроение товарищей, державшееся где-то между категориями «плохо» и «очень плохо». Может быть, виной этому было то обстоятельство, что Полина ушла на корабле космологов к Тине, светилу Тартара, и поговорить с ней не удавалось третьи сутки подряд.

В этот раз с ними пошли еще четверо волновиков, торопившихся провести нужные исследования, — базу скоро собирались сворачивать. У Города произошла заминка, потому что Тенишев хотел остановиться, а волновикам непременно надо было войти в Город. После пятиминутных дебатов Тенишев сдался, и Габриэль, помедлив ровно столько, сколько требовалось, чтобы взвесить все «за» и «против» (из соображений безопасности право решающего голоса принадлежало ему), повел «Мастифф» к черному массиву, почти скрытому под массой шевелящихся паутин.

У выхода из неглубокой лощины, выводящей к Городу, танк, миновав шишковатые кристаллические образования, повстречался с группой серых призраков,

наиболее загадочных и редких существ Тартара. И люди познакомились с новым поразительным явлением: призраки, напоминающие исполинских медуз, летели на высоте метров полутораста над почвой, а за ними, точно в кильватере их следования, в каменном склоне оставались глубокие дымящиеся борозды, словно невидимые плуги с треском вспарывали слой камня. Габриэль ощутил на себе странный давящий взгляд, с легкостью проникающий в мозг, в душу, в тело. Призраки, не останавливаясь, перевалили через гребень лощины и скрылись, только треск был слышен да легкое содрогание почвы, говорящее о массе «плугов». Вслед за ними, стелясь над каменным крошевом, проплыло несколько паутин.

— Да-а... — озадаченно проговорил Тенишев, переглянувшись с Греховым. — Хозяева? А? Характеристики засекли?

— Ионизация — нуль, — отозвался один из ученых.

— Электромагнитные поля — нет записи... Излучения — нуль.

— Масса до миллиона тонн...

— Т-поле — около тысячи единиц.

— Да-а, — повторил Тенишев. — Как говорят у нас на родине: поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что.

Габриэль усмехнулся и тронул машину с места. Серых призраков уже не было видно, скрылись за скалами, только почетный их эскорт — паутины — еще светился белесым пятнышком над кручами.

В Город вошли без остановок, сообщив об этом на базу лишь в последний момент: волновики боялись, что руководство категорически запретит им сделать этот рискованный шаг. Габриэль предупредил всех, что они пробудут в Городе не более часа, добавив при этом, что второй раз взрываться танку он не позволит. Один из физиков, быстроглазый и молодой, заметил было ехидно: «Осторожность — мать удачи...» — но Тенишев посмотрел на него своим оценивающим взглядом, и тот поспешил сделать вид, что занят работой.

Знакомое ощущение прощупывания охватило людей в кабине. Сотни пронзающих взглядов уперлись в спину, в мозг, кололи иглами затылок, лоб, виски, непри-

ятным зудом отзывались в позвоночнике, странные шепоты опять ворвались в уши, приводя в смятение мысли и чувства...

Грехов с любопытством понаблюдал за поведением специалистов, незнакомых еще со взглядом Города, и до отказа вывел регулятор, усиливая поле. Неприятные ощущения тут же исчезли.

— Помогает, — сказал Тенишев удовлетворенно.

А физики все еще оглядывались по сторонам и оторопело вслушивались в собственные ощущения, невольно пригибаясь, когда танк проходил под арками из сплетенных черных волокон — «мостов» Города.

Этот Город был самым мрачным из всех, виденных Греховым, к тому же он был буквально нафарширован паутинами всех сортов и расцветок. Формы же гигантских черных «зданий»-скал превосходили возможности человеческой фантазии. Они были сказочны, невообразимы и неправдоподобны, от них исходило нездоровое возбуждающее тепло, они казались живыми и осмысленными, они все чаще сплетались над улицами в неповторимых позах, и наконец стало казаться, что танк ползет в жуткой пещерной стране, лишь иногда показываясь на поверхность. Габриэль оглянулся: все были заняты, никто не охал и не ахал — как-никак это были специалисты высокого класса, энтузиасты, оптимисты и кое в чем скептики. В такой компании всегда приятно работать.

Час прошел, и Габриэль вдруг понял, что потерял ориентацию. Иногда он с трудом находил поворот в месиве черных ниш и втискивал громоздкое тело танка в узкую щель «улицы». Иногда приходилось возвращаться назад, потому что «улица» оканчивалась тупиком либо суживалась настолько, что танк едва не застревал в ней, царапая борта о выступы черной породы. Защитные поля в такие моменты приходилось выключать, и уже несколько раз паутины кидались на них сверху, как ястреб на воробья.

Когда они наконец выехали из «пещер» в тусклый день и оказались на широкой улице, лаково-черная поверхность которой была ровной и чистой, словно зеркало, Габриэль вынужден был признаться, что не знает, каким образом выехать из Города. Ответом было

настороженное молчание: ученым это было на руку, и вряд ли их сейчас заботило что-либо иное, кроме пищи для изысканий, а ее вокруг хватало. Только Тенишев, достаточно опытный, чтобы не обращать внимания на мелочи, подсел к Габриэлю, и они, советуясь друг с другом, попытались сориентироваться в обстановке.

В Городе царило два цвета: черный и серый, их постоянное чередование навевало тоску и меланхолию. «Улицы» казались одинаковыми глубокими реками с абсолютно прозрачной водой, сквозь которую видно черное дно, но при движении танка эта иллюзия быстро пропадала. «Мастифф» продолжал углубляться в дьявольский паноптикум черных изваяний, сросшихся боками в шеренги стен.

Через несколько поворотов в сплошном массиве «зданий» показался просвет. Грехов увеличил скорость, но, вспомнив случай на плато Рубиновых Жил, решил не торопить судьбу. Просвет приближался медленно, то показываясь, то скрываясь за гладкими черными боками изваяний. Наконец он очутился рядом, распахнулся вправо и влево, и танк выехал на широкую площадь в кольце зданий, покрытую странным рельефным узором. Танк только-только запрыгал на жилах этого узора, а тот вдруг вспыхнул белым мерцающим светом и плавно отделился от площади. «Мастифф» задрал нос и сполз с «узора», едва не перевернувшись. Все, кто стоял, в том числе и Тенишев, загремели куда-то в угол кабины, а гигантская паутина — это была паутина — зазвенела сердито и сильно, как тысяча трансформаторов вместе, и легко пошла в небо, выгибаясь куполом. Вот она достигла серого покрывала облаков, легко пронзила его и стала невидимой. Вслед за ней, кружась, поднимался одинокий тусклый пластун, истекающий малиновым пламенем. Еще не поднявшись над уровнем Города, он бесследно растаял.

— Развели тут пауков, — сказал кто-то сзади с сопением. Никто не засмеялся в ответ на шутку. Подошел Тенишев, на левой щеке у него багровела свежая царапина, но он был бодр и неутомим и с ходу подал дельный совет: пересечь площадь и по перпендикуляру от нее пройти Город — не бесконечен же он!

Осторожно миновали площадь, похожую на круглое озеро, заполненное блестящей черной смолой. Несколько совсем крошечных паутин что-то делали возле одной из фигур Города, оттуда доносились отчетливый свист и потрескивания.

— Минуточку! — взмолился Логунов, старший группы волновиков, лихорадочно настраивая свои приборы. — Мне только несколько замеров...

Габриэль притормозил танк и оглянулся. На другой стороне площади паутины отлетели от черной фигуры, и между ними и ею закружил хоровод ярких огоньков, похожих на кошачьи глаза. И тотчас же громко, заставив всех вздрогнуть, зазвенел гамма-радиометр. Вместе с «кошачьими глазами» появилось плотное гамма-излучение. И вдруг: бамм! — черный столб рассыпался на множество угловатых глыб, и глыбы эти, в которых все узнали любопытников, собрались в стаю и умчались, подгоняемые паутинами.

Радиация пошла на убыль, звонок гамма-радиометра стих.

Тенишев кивнул, и Грехов погнал «Мастифф» по улице, стараясь ехать строго по указке светящейся стрелки координатографа. Свет померк. Снова пошел гулкий тоннель с неровными бугристыми стенами и нависшим сводом. Тоннель тянулся довольно долго, потом впереди забрезжил рассвет, еще минута — и они выскочили на... площадь! С разбегу танк выехал на ее середину и остановился. Габриэль сразу же узнал ту самую площадь, с которой они только что ушли.

— Не понимаю. — Тенишев посмотрел на водителя.

— Я ехал прямо, — тихо сказал Грехов.

— Может, это другая площадь?

— Нет, очертания те же, я помню...

— И все же мы где-то повернули, — заметил Логунов, наблюдавший за дорогой. — В этих чертовых скалах заблудиться не проблема.

— Паутина, — предупредил один из физиков.

На площадь спускалась огромная паутина — несветящаяся, серая; если бы не ее размеры, то по рисунку ее можно было бы принять за обычную паутину, которую сплел паук-крестовик между ветками дерева, а ветер оторвал и понес...

Паутина почти накрыла танк и вдруг резко остановилась, вспыхнула. Габриэль почувствовал тяжесть в голове, неприятный жар пошел толчками по телу, и мутная пелена слез застлала глаза. Почти не видя, куда едет, он направил машину в первую же улицу и остановил только тогда, когда голова прояснилась и появилась возможность разобраться в обстановке.

— Не надо останавливаться, — шепотом сказал Тенишев, все еще оглядываясь назад. — Вот тебе и высшая защита! И Т-поле не помогает, а?

Габриэль кивнул, и движение продолжалось. Вслед людям продолжал смотреть кто-то тяжелым немигающим взглядом. Опять тишина, ощутимое присутствие невидимого наблюдателя, тусклый свет серого дня и черный, могильной черноты, цвет стен. Потом длинная «пещера», похожая в колеблющемся свете прожекторов на вход в ад. И наконец выход и... площадь! И узор паутины на ней.

— Ну и дела! — сказал Логунов.

Грехов резко вывернул кольцо штурвала, танк развернулся на одной гусенице и уперся срезом башни в выпуклый бок «здания». Все было так же, как и в первый раз, и паутина лежала на площади рельефным узором, а потом, гудя, полезла вверх, но уже не трогая танк, потому что он не успел наехать на ее край.

Габриэль подумал, качнул вдруг головой и быстро прочитал записи координатографа. Потом подключил к вычислителю машинную память и задал курс. Танк заворочался в теснине «улицы», взревывая, как недовольный зверь, и покатился прочь от злополучной площади, которую никак не могли миновать люди. Координатограф тихонько урчал и позванивал суммреле, производя те же эволюции, что и Габриэль раньше, танк шел по памяти той же дорогой, что и прежде, совершая те же остановки и повороты. Еще раз выехали на знакомую площадь, но уже пустую, без паутины, постояли в центре. Габриэль даже улыбнулся в ответ на недоумевающие взгляды товарищей и коротко пояснил:

— Память...

Тенишев ничего не сказал, только посмотрел на часы.

Прилетели три паутины, выстроились одна над другой и в таком порядке долго следовали за танком. Снова стало появляться ощущение «пяти мизинцев» на руках, а иногда очертания черных скал по бокам искажались, начинали струиться, и тогда казалось, что они бесшумно движутся, наклоняясь над танком. Излучение Города пробивало все-таки и Т-поле, хотя без него, наверное, было бы еще хуже. Габриэль мог заставить себя не чувствовать боли, отключиться от действительности, не бояться смерти, мог сутками не спать и не казаться при этом утомленным, но здесь было иное: Город и паутины излучали нечто такое, чего еще не знали люди, что действовало на психику, проникая сквозь все барьеры и защитные реакции организма, и только один барьер сопротивлялся пока внушению извне — барьер собственной воли, но и он уже начинал сдавать.

Габриэль как бы невзначай коснулся педали пуска антимата и отдернул ногу. Сташевский уже пробовал антимат на Городе... и безрезультатно. Сташевский... Был бы он рядом — насколько было бы спокойнее... Ладно, лучше думать о другом. Например, что же это за вещество, которое не поддается даже страшной разрушительной силе антимата? Теоретики до сих пор утверждают — такое вещество не имеет права на существование. Разве что силовой кокон, шар, сфера, пузырь, свернутое на себя гравиполе может противостоять излучателю антиматерии. Любое материальное тело он мгновенно превращает в плазму, в электронно-фотонный газ. Так, может, «здания» Городов в самом деле предоставляют собой свернутые поля? Недаром же Тенишев назвал Города реликтовыми пространствами, закапсулированными гравитационным полем. Может быть, Города — скопления праматерии?

Габриэль бессмысленным взором скользнул по лицу Тенишева, проговорившего что-то, очнулся и пробормотал:

— Извините, что вы сказали?

— Никогда не прощу себе, что разрешил поход в Город, — повторил Тенишев. — Прав будет Молчанов, если отстранит меня от работы.

«И меня, — подумал Грехов. — Чем я лучше? Ведь я, как никто другой, знал, чем заканчиваются прогулки по Городу...»

И в этот момент что-то случилось за бортом танка. Людям показалось, что их накрыла в падении черная скала. Экраны погасли, потолок кабины вогнулся, лопнул, и в образовавшуюся щель просунулся блестящий черный клин.

Тенишев, демонстрируя отличную реакцию, выхватил деформатор и разрядил его вверх. Черная мгла ответила гулким треском, людей бросила на пол волна отдачи... Последним движением Грехов, лежа у пульта, дотянулся до педали пуска анимата и вдавил ее слабеющей рукой.

СЕЯТЕЛЬ-1

Танк Тенишева не вернулся из рабочего похода. Молчанов ждал три часа, потом вызвал Станцию.

— Группа Тенишева опаздывает с возвращением на три часа, — сказал он осторожно.

— Три часа? — переспросил Свекольников. — Это что — первый раз?

— Не первый, но...

— Остальные группы?

— Вернулись. Дело в том, что Тенишев исследует Город.

— Понятно, — задумался Свекольников. — Подождем еще час. Не вернутся — пошлем два танка на розыски. Черт!.. Неужели Тенишев так увлекся? На него не похоже, меня всегда удивляла его пунктуальность. Сколько в его группе?

— Пятеро вместе с ним и четверо волновиков.

— Что-о?! Девять человек в одном танке?!

— Десять, — виновато пробормотал Молчанов. — Десятый водитель, Грехов. Это последние рейсы, и ребятам хочется сделать как можно больше.

— Ну, Эвальд, не ожидал я от тебя... Десять человек! Посылай танки немедленно! Экипажи из двух человек, подбери опытных спасателей. Советую Диего Вирта и Зубавина. Ну, и водителей. И держи меня в курсе...

— Конечно.

Молчанов выключил виом.

— Объявите тревогу, — сказал он тихо дежурному инженеру.

Танки вернулись глубокой ночью. Поиски группы Тенишева закончились безрезультатно. Молчанов доложил обо всем Банглину, потом вновь отправил их в поиск.

Через два часа позвонил Свекольников и, выпячивая толстые губы, хмуро сообщил, что со Станций наблюдаются необычные скопления паутин у Городов.

— Пришло распоряжение руководства УАСС — свернуть исследования Тартара в течение двух суток. Понимаешь?! Да, — помрачнев, добавил Свекольников, — все было бы хорошо, если бы не этот случай. Как там мои ребята, справляются?

— Нормально.

— Предупреди их еще раз, пусть будут повнимательней. Реакция на опасность у них неплохая, но...

— У них большие полномочия, — сухо сказал Молчанов.

— Что?.. Да, это необходимо. У тебя есть какие-нибудь замечания?

Молчанов покачал головой, замечаний у него не было. Предчувствия были, а замечаний не было.

Свекольников отошел от виома, и перед седым коммуникатором появилось нежное лицо Полины Греховой. Она ни о чем не спрашивала, но Молчанов постарался улыбнуться и сказал тяжело, словно ворочал языком гири:

— Все нормально, девочка, все будет нормально...

Утром вернулись поисковые группы. Один из танков попал под удар любопытников и дополз до базы только на нервах водителя. Машину Тенишева так и не нашли: все десять человек ее экипажа исчезли бесследно.

Молчанов постарел за полсуток поисков больше, чем за последние несколько лет. Он было решил снова отправить группы, теперь уже на «черепахах», но Свекольников пока запретил выходить из корабля. И хотя Молчанов понимал, что начальник аварийно-спасательного патруля прав, он все же накричал на

него, обозвав перестраховщиком и кнопконажимателем. Свекольников повздыхал в ответ и выключил связь.

Сознание вернулось, как после щелчка переключателя. Тело еще помнило тяжесть удара и напряглось в усилии сбросить с себя эту тяжесть, но Грехов уже понял, что кошмар кончился, и расслабил мышцы.

Он находился внутри слабо освещенного сетчатого мешка. Свет был голубой и неровно пульсировал, то сжимая свободное пространство, то расширяя. Какие-то стремительные контуры мелькали за полупрозрачными стенами мешка, словно он летел с огромной скоростью над скалами, но движения Грехов не ощущал. Сориентировавшись, он попытался двинуться с места и тут же почувствовал стремительное падение. Еще через несколько секунд он стоял на подгибающихся ногах в круге фиолетовых скал, а рядом тихо опускался серый призрак — серое переливчатое облако, просвечивающее по краям, как пелена тумана.

«Снова серый призрак... И тогда, после гибели Сташевского... и сейчас... Что это? Или, может быть, кто это?»

Словно в ответ на мысли Грехова серый призрак грузно осел, словно его заполнили водой, а из его прозрачного нутра выбрался... человек в голубом трико, без скафандра, и направился к Грехову. Остановившись, он разглядывал его, словно наслаждаясь достигнутым эффектом, и Грехов вдруг понял, что видит самого себя. Секунду он стоял, оглушенный, потом глубоко вздохнул, заставляя тело повиноваться, и сказал, не забыв включить внешние звуковые динамики:

— Кто вы? И где мои товарищи? Почему я один?

Лицо незнакомца не дрогнуло.

— Я рад, что вы хорошо владеете собой, — произнес он с интонацией Сташевского. — Всех спасти было невозможно, а вас я уже знаю, еще с первого вашего похода по Тартару. К сожалению, мы не всегда имеем возможность вовремя прийти на помощь. Ну, а кто я? Попробую объяснить вам ситуацию. Я мог бы предстать перед вами в любом материальном облике, но

выбрал тело человека, ваше тело, чтобы контакт был более естественным...

— Вы — житель планеты?!

— Я — Сеятель. Родина моя так же далека отсюда, как и ваша. И нахожусь я здесь по той же причине, что и вы, люди, — изучаю жизнь Тартара. Будут краток, ибо живу я быстрее, чем вы, и секунда для вас — это день для меня. В моем распоряжении минута вашего времени, меня ждут.

Да, я и мои собратья — такие же исследователи. Мы изучаем цивилизацию Тартара неизмеримо больше времени, но и до сих пор она во многом загадка для нас. А вы... вы пытаетесь решить эту проблему одним усилием, вы спешите, падаете, расшибаетесь, и нам все чаще приходится обращать на вас внимание, приходится спасать вас, отвлекаться от своих задач и дел. Вы превращаетесь в значительный мешающий фактор...

Сеятель вдруг неуловимо быстро изменил облик, силуэт его смазался, но тут же снова «оформился» в человека.

— К сожалению, всего объяснить не успею, меня уже зовут. Настоящий контакт — моя собственная инициатива, а я не подготовлен к столь медленному обмену информацией, как звуковой. Я еще вернусь к вам, а вы пока возвращайтесь к своим. База отсюда находится в сорока километрах, строго на юг.

Сеятель взмахнул рукой, расплылся туманной лентой, и через мгновение серый призрак стрелой метнулся в плотное зеленоватое небо.

Грехов медленно повернулся, следя за его полетом, и долго смотрел в небо, подпираемое многочисленными дымными столбами. Тенишев погиб и Логунов... девять человек! А он жив. Везение? И было ли это на самом деле — их поход на танке, падение черной скалы, его спасение? И наконец встреча с серым призраком, то бишь Сеятелем? Почему Сеятели не объяснят положение вещей всем людям сразу? Почему не объяснили раньше? Миллион вопросов — и ни одного ясного ответа...

Грехов оглядел струящийся в сизом мареве горизонт и едва не упал от нахлынувшей слабости. Сорок кило-

метров до базы — это верная гибель. Или серый призрак не считает это большим препятствием? Сорок километров и паутины...

Виом мигнул, изображение расплылось, потом сфокусировалось снова, стали видны купол командного пункта Станции и пять человек перед виомом в низких креслах.

— Значение эксперимента велико, не спорю, — нехотя сказал Молчанов, покосился на сидящего слева Сергиенко, словно обращаясь за поддержкой, и посмотрел прямо в лицо Банглину. — Но и риск велик чрезвычайно, не могу даже подсчитать, насколько он велик. Мы свернули все исследования, бросили все на поиски группы Тенишева... И снова эксперимент? Это новые жертвы... не дай Бог, конечно!

— Бог не даст, — серьезно сказал Банглин. — Не дали бы мы сами. Что же касается риска... люди на него идут добровольно...

— Риск здесь не только в недооценке опасности, угрожающей жизни экспериментаторов. Что, если эксперимент окончится плохо для Тартара? Жизнь Тартара?

— Цель эксперимента именно в том и состоит — доказать, существует ли вообще цивилизация на планете, существует ли разум?

— Возможно... не знаю. — Молчанов устало провел ладонью по лицу. — Не знаю...

— Все базы уже свернуты, кроме вашей, — продолжал Банглин, и в голосе его проскользнули просящие нотки. — Таким образом, вероятность конфликта уменьшается. В конце концов дело даже не в этом...

Он не мог сказать Молчанову, что если тот боится, то добровольцев достаточно, даже он, Банглин, председатель Комиссии по контактам, может пойти на планету, хотя вряд ли это будет целесообразно.

— В конце концов, — продолжал он тоном ниже, — дело еще и в том, что Тина, представляющая, как вы знаете, мини-квазар, обладает крайней неустойчивостью и, как обнаружилось, может взорваться не сегодня-завтра и образовать сверхновую. Ее энергии хва-

тит, чтобы от планеты, да и от пылевого облака, в центре которого она расположена, не осталось и следа. Вы понимаете?

Молчанов вдруг понял, что о нем думает Банглин, и ему на секунду стало неприятно.

— Да, — сказал он, не глядя на экран, — понимаю. Вы хотите использовать шанс для изучения жизни Тартара, для познания еще одной ступеньки в пирамиде знаний... Если бы ради этого не рисковали жизнью пятьдесят человек, я бы сказал — согласен. Вы же знаете, что я до недавнего времени придерживался именно такой точки зрения...

— Что же изменилось? — совсем холодно заметил Банглин и откинулся в кресле, сцепив руки так, что побелели пальцы.

— Это надо, Эвальд, — мягко сказал Квециньский, понимающе глядя на коммуникатора. — Если нам удастся установить с НИМИ контакт, то в первую очередь выиграем не мы, выиграют ОНИ. Сверхновая — это, к сожалению, серьезно. Это не просто уничтожение планеты, это гибель ИХ цивилизации.

— Если ОНИ, конечно, существуют, — сказал Молчанов и криво улыбнулся, — в чем я сомневаюсь. Ладно, все равно ведь мое мнение не повлияло бы на исход решения, так? Я не о себе думал, тут, пожалуй, вы не правы. Поиски Тенишева до сих пор ничего не дали, а вдруг эксперимент отразится на пропавших отрицательно? Может быть, они в настоящее время — заложники, вам понятен смысл этого термина?

Пятеро членов совета переглянулись.

— Понятен, — тяжело сказал Банглин. — Конечно, поиски людей Тенишева будем продолжать всеми доступными средствами. Что касается вашего предположения — мы сделали его чуть раньше, но вывод у нас получился противоположный вашему. Скорее всего эксперимент заставит наших гипотетических разумных приятелей поторопиться с контактом. Подготовкой к эксперименту займется Сергиенко. Вам, Эвальд, как всегда, достается самый серьезный участок — организация проведения эксперимента. А вы, Михаил, отвечаете мне головой за безопасность оставшихся на планете. Примите все меры к обеспечению...

Свекольников посмотрел на Банглина, потом на Молчанова и неожиданно подмигнул ему, а может, это был просто нервный тик.

Молчанов с минуту сидел перед пустым экраном, бездумно глядя на ясную зелень индикатора связи, наконец повернулся к сидевшему без движения Сергиенко и вздохнул.

— Что — плохо? — спросил ученый.

— Да нет, — ответил Молчанов.

— Странное выражение, — сказал Сергиенко, подумав. — То ли — да, то ли — нет... И все-таки ты употребляешь это выражение как отрицание. Почему?

Молчанов грустно усмехнулся. Он боялся эксперимента, в ходе которого планировалось «вырезать» одно из «зданий» Города и забросить его на орбиту Станций. Все загадки планеты в конечном счете сводились к одной — к загадке Городов, и люди могли надеяться на успех, только изучив все свойства и поведение добытого образца. Молчанов знал, как это важно и нужно, знал также, какой ценой уже заплатил человек за попытки приблизиться к тайне, одного не знал, сколько еще заплатит. И страшился предстоящей схватки с планетой в открытую. Все предыдущие пока кончались поражением, хотя, может быть, именно этот факт вызывал в нем, кроме опасений, еще и яростное желание бороться до конца. Доводы Банглина были убедительны, но ведь, кроме логического расчета, остаются еще и чувства?.. Где Тенишев? Где они все? И Габриэль... Габриэль Грехов, которого он любил...

Паутина сделала круг над головой, медленно и торжественно, будто зная, что человек от нее не уйдет. Грехов приготовился дать отпор, но посмотрел на счетчик деформатора и усмехнулся: заряд был слишком мал, чтобы защищаться.

«Осталось каких-нибудь пятнадцать — восемнадцать километров. Всего три-четыре часа пути. Неужели не дойду?»

Паутина снизилась, накрыла сетчатым покрывалом, края ее заволновались, и Грехову показалось, что хо-

лодная мокрая лапа провела по его спине, сжала голову. Он едва не выронил деформатор и упал на колени, силясь не потерять сознания. Время замедлило свой бег...

ЭКСПЕРИМЕНТ

Через день последний десантолет увез с корабля планетологов, и на нем осталось всего двадцать человек. Почти все было готово к эксперименту, предстояло лишь отбуксировать к Городу инициаторы деформации пространства. Они были сложны и могучи, да и размеры их соответствовали сложности: первый из деформаторов занимал площадь в два гектара, второй чуть меньше. Опускали их по частям, а специальная группа монтажников, прилетевшая с приземельных заводов, собрала их потом за сутки. Энергоснабженцы заполнили емкости могучих аппаратов океанами энергии (в дополнение к тому, что у каждого деформатора был свой гиперонный реактор), к исходу недели движение у стройной колонны корабля замерло. Но не надолго.

Утром тринадцатого июня сто семьдесят шестого года наблюдатели сообщили о появлении возле корабля и у деформаторов странных образований в форме объемных решетчатых крестов, собранных из паутин. Размеры крестов достигали двух километров. При появлении каждого креста концентрация Т-полей в пространстве повышалась до таких величин, которые еще не могла создавать земная техника.

— Ты прав, — сказал Молчанов невыспавшемуся Свекольникову. — Они тоже к чему-то готовятся. Может, у них намечен свой эксперимент?

— Не фантазируй!.. — мотнул головой Свекольников. — И без твоих предположений не сладко...

Шеф спасателей нервничал, ему все казалось, что он что-то забыл сделать, что-то очень важное, к тому же исчезновение танка с людьми висело на нем горой вины, свалить которую могло лишь возвращение Тенишева.

— Ладно, — усмехнулся Молчанов. — Пророк из меня никудышный. Ты иди, проверь связь и оперативные установки.

— Проверил уже, — буркнул Свекольников, но, подумав немного, ушел.

Молчанов пристально смотрел на два креста, расположившихся над деформаторами. Несмотря на «воздушность» и «изящность», они все-таки превосходили по масштабам земные аппараты во много раз. Однако в земных установках таилась гигантская энергия, и у Молчанова немного отлегло от сердца.

— Телезонды — запуск! — приказал он спустя несколько минут и невольно посмотрел на виом связи. Станция была подключена постоянно, но оттуда никто не беспокоил ни советами, ни указаниями.

— Когда мы «вырезали» отсюда корабль Тенишева, было проще, — задумчиво сказал Сергиенко. — Инициатор был один, ставили его автоматы...

— Остались от того инициатора одни воспоминания, — заметил вернувшийся Свекольников. — Всем тогда крепко досталось...

— «Мастиффы» — на выход! — скомандовал Молчанов, проследив за взлетом десятка телезондов, через которые предполагалось держать связь с танками-буксировщиками и дублировать связь со Станциями.

— Пошел и я, — сказал Сергиенко. — Ну, пока...

— Ни пуха... — буркнул Свекольников и махнул рукой.

— К черту! — ответил Сергиенко, не оборачиваясь.

За полтора часа «Мастиффы» отбуксировали первый аппарат к Городу и вернулись за вторым. Паутины и кресты не мешали, наоборот, они очистили территорию возле корабля от своего присутствия и скопились у Города, «наблюдая» за работой людей.

Второй деформатор величественно поплыл в сторону хребта, сопровождаемый четырьмя машинами, которые выглядели перед ним, как жуки перед бегемотом. Смотрелось это весьма внушительно, можно сказать, даже грозно, и в залах Станции, и на корабле возникло некоторое оживление. Потом танки отошли от громоздкого аппарата — видно все было хорошо с телезондов, зависших на разной высоте, так что по желанию можно было смотреть на любой виом, принимающий изображение от своего зонда, — и построились в цепочку в километре от Города и деформато-

ров. Движение прекратилось, в залах воцарилась тишина...

Замерли и паутины. Лишь один громадный крест тихо опускался к Городу. Вертикально, плавно, беззвучно.

— Внимание! — почему-то шепотом произнес Молчанов. Посмотрел на лица далеких руководителей служб, застывшие в малом виоме, на лица людей в танках — четыре квадрата внутренних экранов — на каждый танк и повторил:

— Внимание! Разрешаю пуск!

Диего Вирт сидел в кресле водителя крайней машины. В кабине, кроме него, был и Сергиенко, атлетической фигурой напоминающий Сташевского. Только глаза у него были другие — голубые и веселые.

Насколько понимал Диего, эксперимент сводился к тому, что деформаторы должны были соответственно программе нейтрализовать гравитационное поле под одним из «зданий» Города, закапсулировать его и выстрелить за пределы атмосферы Тартара. Там его должны были подхватить другие специальные аппараты. В случае же неудачи танкам отводилась роль либо просто буксировщиков, либо зон контакта — если разумные обитатели Тартара наконец выберут альтернативу контакта.

Теоретическая сторона эксперимента интересовала Диего Вирта в данный момент меньше, чем практическая. Приказ Свекольникова — «бежать к кораблю сломя голову» при первых же враждебных действиях паутин — его вполне устраивал, и поэтому он не особенно волновался. Лишь мысль о Габриэле рождала глухую боль в груди, заставляла чувствовать себя виноватым и преступно здоровым.

Шел десятый час суток. Тина уже поднялась над Кинжальным хребтом, сгустившим в отрогах синие тени. Паутин было особенно много, пожалуй, Диего впервые видел столько их за все время походов. Плюс удивительные кресты, при появлении которых «шепот» лез в уши особенно настойчиво.

— Будто чувствуют... — пробормотал Сергиенко, обводя взглядом горизонт. — Уж не готовятся ли и они к чему-нибудь?

— К своему эксперименту, — пошутил Диего, не ведая, что повторил слова Молчанова.

Сергиенко проверил сигнализацию, работу информаторов и спокойно облокотился о пульт.

— Все готово.

И губы Молчанова, с трудом различимого из-за помех на внутреннем экране связи, произнесли:

— Внимание! Разрешаю пуск!

— Вас понял, — отозвался Сергиенко и скомандовал: — Экипажам машин надеть скафандры! Водители, делать то же, что и я, смотреть в оба! Начало — через три минуты.

— Внимание! — Сергиенко положил руки на панель дистанционного управления деформаторами. — Усилить защиту, готовность к пуску программы — минутная. Запись включить.

— Включено, — отозвались голоса с других танков.

— Осторожно! — напомнил о себе с экрана Молчанов.

— Следить за воздухом, следить за мной! Внимание... пуск!

Сергиенко чуть помедлил.

Сначала снаружи ничего не изменилось. Только вертикально опускающийся крест сразу упал перед Городом бесформенной массой и распался на паутины. Потом в раструбах деформаторов замелькали бледные вспышки, очертания предметов вокруг исказились, паутины и кресты в едином движении бросились к Городу, закрыли его решеткой своих тел, потом другие их отряды поднялись столбами над аппаратами землян, несколько крестов подплыло к танкам, и связь с кораблем и Станциями нарушилась.

— Назад! — бросил Сергиенко.

Диего Вирт дал обратный ход, танк попятился, и вместе с ним попятились другие машины.

— Еще, еще, быстрее!

«Мастифф» ускорил ход, но в это время паутина спикировала ему под гусеницы, легко пронизав все защитные поля. Танк резко замедлил движение, с трудом преодолевая неожиданную преграду.

Диего замутило, тихий звон поплыл в ушах, он не сразу понял, что говорит ему Сергиенко, потом по

движению губ руководителя разобрал слово и бросил танк вперед. Вырвались из нежданных «объятий». Других машин не было видно: оказались накрытыми шевелящейся массой паутин. В черте Города творилось же что-то невообразимое: из-за паутин не были видны не только генераторы, но и сам Город — сплошная пульсирующая и искрящаяся стена паутин!

— Всем назад, к кораблю, полный ход! — скомандовал Сергиенко в микрофон и повторил приказ. Три танка вырвались из неприятного окружения и, сопровождаемые хвостом паутин, помчались по целине к кораблю. Машина Зубавина почему-то стала отставать.

Диего Вирт замедлил ход своего танка и выжидающе посмотрел на Молчанова, слабо видимого в малом виоме, потом на Сергиенко. Ему стало казаться, что земля под ними дрожит и дышит, танк то поднимало, то опускало, как на волнах.

Машина Зубавина шла медленно и все больше отставала, пока не остановилась совсем. Два раза она как-то нелепо подпрыгнула, и Диего понял, что паутины пытаются поднять ее в воздух.

— К танку! — приказал Сергиенко, добавив невнятное ругательство.

На огромной скорости они подошли к отставшей машине, и тотчас же три или четыре креста и их паутинное окружение переориентировались на новую цель.

Связи не было даже в непосредственной близости от машины Зубавина, и Диего Вирт, потратив минуту на безрезультатные вызовы, ругнулся сквозь зубы и ринулся из кабины в своем зеркальном одеянии вслед за Сергиенко.

Со всех сторон их окружали серые призраки, появившиеся неизвестно когда и неизвестно откуда. Они потеснили паутины и кресты, белый свет залил пространство, и люди вдруг услышали странный звук затихающей басовой струны...

В зале центра управления сидели все свободные от работ специалисты, за исключением наблюдателей и дежурных инженеров систем обслуживания и связи. В какой-то момент изображения на экранах стали дрожать

и расплываться — телезонды сильно болтало в возду> , но изменить что-либо было уже невозможно.

— Внимание! — сказал Сергиенко, едва различимый на малом квадрате системы видения. — Пуск!

Бледные вспышки мелькнули в раструбах деформаторов, потом еще и еще, изображения Города, скал вокруг исказились, подернулись рябью, а из раструбов излучателей срывались уже целые полотнища голубого пламени и от каждого: ах!.. ах!.. — дергало и кружило телезонды, отголоски рокочущего эха докатились с гор, плясали и метались паутины, пятились танки, сотрясаемые крупной дрожью, пятились кресты и колонны паутин под ними, сбиваясь в распухающий шевелящийся ком...

Аппараты продолжали работать, повинуясь заложенной программе. Они пробили в стене Города брешь, и в эту брешь вонзились невидимые потоки силовых полей, отрывающие от тела Города черный куб. Город вдруг стал вспухать, заискрился мириадами алмазных вспышек, тысячи паутин невесть откуда бросились к нему, закрывая своими телами...

В воздухе царил невообразимый хаос... Но недолго. Молчанов первый заметил упорядочивание разметанных полков паутин. Все меньше их носилось бесцельно к Городу и обратно. Город скрылся под массой тысяч паутин, деформаторы тоже оказались погребенными под их слоем, а паутины все прибывали и прибывали, казалось, вся атмосфера загудела и зароилась неисчислимым их множеством, и они наконец скрыли от взора и Город, и деформаторы, и торопливо уходящие танки, и даже горный хребет! Один за другим гасли экраны: телезонды прекращали связь, по очереди попадая в возмущающие поля паутин. Изображение изменялось скачками, переключаемое автоматом с одного телезонда на другой. Наконец осталось одно изображение, передаваемое самым дальним телезондом с высоты семи километров. Ничего, кроме океана паутин, на нем не было видно.

— Связь! — зарычал Молчанов, бросаясь к пульту. Инженер связи, давно уж охрипший, отпрянул от микрофона. — Сергиенко! Сергиенко! Отвечайте, нужна ли помощь?! Нужна ли помощь?! Если вы нас слышите...

— Минуту...

Связист вдруг бросился к пульту, отдал распоряжение, и корабль выстрелил целой очередью телезондов, мчавшихся друг за другом на расстоянии менее сотни метров. Это помогло, но мало. Зонды пронизали тучу паутин, один из них прошел над танком, показав их настоящее положение, и голос Сергиенко пробормотал что-то неразборчивое.

— Не понял вас... — начал Молчанов.

— Изображение исчезло.

— Дубль! — крикнул Молчанов.

Автомат переключил прием на другой зонд, картина открылась уже с другой стороны, высоты и дальности.

— Мы разбудили силы, о которых не имели ни малейшего представления, — сказал быстро Банглин, обращаясь к сидящему на КП Станции Квециньскому и другим. — Надо немедленно возвращать корабль! Ни о каком контакте не может быть и речи!

— Да! — согласился Квециньский. — Михаил, Эвальд, как только придут танки, — немедленно стартуйте! Возле корабля тоже начинают скапливаться паутины.

Молчанов сердито дернул головой: не мешайте!

— Танки! — крикнул наблюдатель.

К кораблю мчались два танка, накрытые кучей паутин. Они на полной скорости перевалили гряду холмов, скатились в низину и скрылись из поля зрения. Остальные танки не показывались.

— Кто пришел?! — спросил Молчанов. — Узнайте, кто пришел.

— Машины Мдивания и Шелгунова, — доложил наблюдатель.

Свекольников наклонился к Молчанову, сказал ему в спину:

— Выпускаю «черепаху».

— Да, — сказал Молчанов, — да, да... да!

Свекольников направился к двери, и в этот миг случилось непредвиденное. Экран, весь огромный объем которого занимала одна картина: желтый глаз светила и пелена паутин, скрывшая все до горизонта, — вдруг вспыхнул белым светом, секунду дышал ярким накалом, а затем изображение исчезло, остался только ров-

ный голубоватый фон холостого режима. Ощутимо дрогнул корпус трансгала, волна яростного грохота и воя заставила людей вспомнить о звуковой защите.

— В районе Города взрывы, — гулко разнесся голос внешнего наблюдателя. — Корабль со всех сторон окружен паутинами, связи с танками нет.

Виом прояснился, вновь запущенные зонды включились в работу; передача шла от одного из них, самого ближнего к Городу.

Над сверкающим паутинами полем возносились в небо два туго скрученных иссиня-черных дымных столба, расплываясь на пятикилометровой высоте исполинскими зонтиками. Несколько крестов медленно скользило вдоль них, словно изучая качественно новое для них явление, то скрываясь в жарких дымных струях, то появляясь вновь.

— Паутины уничтожили деформаторы, — пробормотал Свекольников. — Туда сейчас на километр нельзя подойти из-за радиации.

— И все же посылай «черепаху». Если надо, я сам пойду пилотом. Иди, Миша.

— Не надо больше рисковать, — сказал из оперативного виома Банглин. — Ни людьми, ни собой...

— Но там осталось два танка!.. — начал возмущенный Молчанов.

— Позвольте мне решать, рисковать или не рисковать людьми, — тяжело сказал Свекольников. — Когда придет время. Подождем еще немного, Эвальд?

— Ждать больше... — Молчанов осекся.

Со склонов Кинжального хребта катился на Город поток гигантских глыб — лавина! Таково было первое впечатление. Потом люди вгляделись и поняли, что это выстреленные неведомой силой тысячи и тысячи любопытников, собравшихся вместе в страшное неодолимое копье, нацеленное прямо в сердце Города!

Пронзительный свист, вой, хохот и треск донесся с гор, словно где-то выпустили на волю целый сонм свирепых ведьм и чертей, устроивших на свободе Валгаллов пир.

Поток достиг границ защищенного паутинами пространства, и первое столкновение породило тяжкий гул, задавивший в себе всю кашу остальных звуков, и

странные кроваво-красные вспышки над полем паутин, похожие на уносящиеся ветром языки огня. Один из таких языков дотянулся до зонда, и тот мгновенно рассыпался облаком оранжевого пепла, оборвал передачу.

Следующий зонд поднялся на трехкилометровую высоту, и вовремя. Как раз под ним в толще снующих без устали паутин произошел вдруг неслышимый в общем шуме всплеск: паутины подбросило вверх, словно в этом месте мгновенно выросла белая опухоль. Опухоль разрослась в гору и «лопнула», и люди увидели выползающий из-под слоя камней и паутин черный корпус. Одновременно дрогнула земля, звездолет качнулся еще более ощутимо, чем при взрыве земных аппаратов.

— Черное извержение?! — прошептал кто-то сзади Молчанова.

— Непохоже, — засомневался инженер связи.

— Корабль к старту! — приказал Молчанов, бледнея. — Готовность по сигналу!

— Готов! — отозвался командир трансгала Щербаков.

Снова дернулся пол в зале, мучительная дрожь земли передалась ногам людей. Стиснув зубы, Молчанов ждал того момента, когда откладывать старт уже невозможно, он все еще на что-то надеялся... на что? Сам не знал, просто какое-то шестое чувство подсказывало ему, что основные события впереди. К тому же Свекольников выпустил-таки «черепаху», и хотя никому не было известно, кто пилот на машине, Молчанов от души пожелал ему удачи — единственное, чем он мог помочь в данный момент.

В виоме было видно, как похожая на еловую шишку машина заложила над кораблем пируэт и понеслась к волнующему паутинному морю, скрывшему под собой весь рельеф, кроме растущего черного корпуса. Вот она нырнула в это «море», как в воду, в том месте, где должны были, по расчетам, быть танки отставших экспериментаторов, и исчезла из глаз.

— Смелый парень! — прошептал инженер связи, опомнился и виноватыми глазами посмотрел на Молчанова. Тот ответил ему страшным взглядом теряющего надежду человека.

Корабль трясло и раскачивало все сильней, изображение в главном виоме простреливалось стрелами помех, так что стало трудно различать детали страннейшей из картин Тартара: рвущийся ввысь из белых вспыхивающих недр паутинного моря черный, как вход в ад, горный пик. А Молчанов все ждал и вслушивался в рвущий слух и душу грохот, и вместе с ним молча ждали у виома сотни людей на Станции, два десятка исследователей в корабле, ждали Квециньский, и Левада, и Банглин...

— Господи! — тихонько сказал вдруг странные в его устах слова подошедший Свекольников. — Ведь есть же предел!..

— Вот оно... — глухо пробормотал в ответ Молчанов и беспомощно оглянулся на Свекольникова. — Надо уходить, Миша, понимаешь? Но там остались два танка... и пилот «черепахи», если только он не догадается вовремя вернуться... и Тенишев... и Габриэль Грехов... Что ты молчишь?

На минуту вибрация в зале прекратилась. В виоме черный конус перестал развиваться и с оглушительным воем пошел трещинами. Кто-то у пульта до конца вывел регулятор звуковой защиты, и в зале стало удивительно тихо, и эта тишина ударила по нервам сильнее любого взрыва, словно в зале взорвалась бомба тишины!

Внезапно над Городом, вернее, над тем местом, где он недавно стоял, появились непривычного вида серые облака в форме шаров. Изображение в виоме стал медленно гаснуть, пока снова не остался один бело-голубой фон холостого режима.

В зале было так тихо, что слышалось дыхание людей. И вот сквозь эту нереальную тишину люди услышали звук замирающей басовой струны. Взгляд пронизал их. Чей-то пристальный изучающий взгляд.

СЕЯТЕЛЬ-2

Виом прояснился, появилось изображение местности возле Города, но видимое не с телезонда, а с точки, расположенной над одиноко бредущим между скалами человеком в блестящем скафандре.

— Грехов! — прошептал Молчанов, меняясь в лице, хотя не мог видеть, кто же это на самом деле.

Сгорбленная фигура дрогнула и помчалась навстречу людям: неведомый источник передачи приближался к поверхности почвы; вот она закрыла все видимое пространство, расплылась, изображение помутнело, и в виоме медленно проступило знакомое всем лицо Габриэля Грехова — странное, постаревшее, напряженное. Спекшиеся губы его раскрылись, и он заговорил.

Люди замерли. Смысл первых слов не сразу дошел до них, настолько фантастичными показались они всем.

— Прекратите эксперимент, — сказал Габриэль и болезненно усмехнулся. — Прекратите эксперимент, Эвальд, я знаю, вы слышите меня. Я не сошел с ума и не болен, я говорю с вами от имени тех, кто исследует жизнь Тартара уже не один век! Я говорю от имени Сеятелей, цивилизация которых существует около десяти миллионов лет! Сеятели — это система энергетических связей, известные вам под названием серые призраки. Они не готовились к контакту с нами, так уж получилось, что настала пора вмешаться. Оказывается, мы довольно активны и последовательны — люди, — и они отдают нам должное: они недооценивали нас.

И Грехов снова усмехнулся. Странная эта была усмешка — снисходительная и сожалеющая.

— То, что мы называем Городами, — это континуум более сложного порядка, чем пространство. Это иная вселенная, та, что предшествовала взрыву, породившему наш мир; то, что смогли сохранить разумные существа той вселенной при прорыве сингулярности около двадцати миллиардов лет назад. Любопытники — не что иное, как локальные области, объемы этого континуума, изолированные полем тяготения. Под корой планеты покоится сфера из той же материи. Это все, что удалось ИМ сохранить при взрыве протосолнца. Паутины — это автоматические устройства, связывающие нашу и ИХ вселенные и охраняющие Города от разрушения... Причина же вынужденного контакта в том, что наше появление здесь, на Тартаре, изменило условия существования Городов, мы не владеем теми видами полей, которые не приводят к их дестабилиза-

ции. Даже тщательное капсулирование Городов, а иногда и наших аппаратов — вспомните звездолет Тенишева — не помогает, Города распадаются, так как энергопотенциал нашего пространства-времени в миллионы раз ниже. Паутины не успевают за нами, а мы, не ведая того, уничтожаем мир, населенный самыми древними из существ! Мы уничтожаем праразум! И если наше присутствие на планете продлится долго — может вспыхнуть квазар, который уничтожит не только пылевое облако, но и всю Галактику! Вот почему присутствие наше на Тартаре крайне нежелательно. Мы действуем быстро, а быстрое действие не гарантирует верной мысли...

Грехов слабел буквально на глазах. Передохнув, продолжил:

— Сеятели, изучающие мир Тартара, ушли от нас в развитии на миллионы лет — страшная цифра — миллионы лет! Но цивилизация Тартара, мир Тартара насчитывает десятки миллиардов! Я не знаю, обладают ли Сеятели чувством юмора, но, вероятно, наши попытки осмыслить жизнь Тартара должны казаться им смешными. Контакты же с нами им практически не интересны и не выгодны с той точки зрения, что они живут гораздо быстрее... Я кончил, время мое истекло. Повторяю — уходите с планеты. Я знаю, я сам это пережил — это обидно и неправдоподобно. Но — уходите. Если они, Сеятели, прошедшие путь в сто тысяч раз более длинный, не могут полностью постичь эту жизнь, то не сможем и мы. И еще: излучение Тины опасно для всех существ биологического цикла, основанного на воспроизведении сложных материальных комплексов — молекул. Это их слова... Прощайте. Ты слышишь меня, Полина?..

Лицо Грехова осунулось, глаза потухли, губы произнесли еще раз «слышишь?», и виом опустел.

— «Черепаху»! — отрывисто приказал Молчанов, наверное, единственный, кто не потерял в общем смятении присутствия духа. Свекольников кинулся из зала, за ним еще несколько спасателей. И в это время наблюдатели доложили, что серые призраки оставили у корабля два танка экспериментаторов и человека в скафандре. Сеятели не забыли никого.

— Шесть минут, — сказал Квециньский, — шесть минут контакта... А в них миллиарды лет...

Корабль Молчанова стартовал с планеты и подходил к Станции, стыковочное поле подхватило его и подтянуло к трубе перехода, где уже дежурила группа врачей.

— Жестокость правды... — с тоской сказал Банглин, глядя на пушистый шар Тартара, струивший мягкий пепельный свет на лица людей. — Пусть все наши попытки познания кажутся им смешными, пусть. Мне не обидно. Мы будем падать и расшибаться, и я не вижу иного пути. Я только задаю себе вопрос: под силу ли — не нам — потомкам нашим понять цивилизацию, невообразимо далекую по всем параметрам жизни и смерти?! Решить проблему, которую не смогли решить Сеятели? Они — которые прошли путь в тысячи раз больший, чем возраст земной культуры?!

— Я не знаю, — тихо отозвался Квециньский. — Но я надеюсь.

«Кто может сказать? — думал он, вспоминая лицо Грехова. — Кто знает? Если Вселенная пульсирует и каждые двадцать миллиардов лет формируется заново в неистовом взрыве протосолнца, чтобы потом пройти через красное и фиолетовое смещения и снова взорваться, то, возможно, в каждой из рождающихся вселенных разум, подобный нашему, не раз будет задумываться над чудом начала и конца всего сущего... Кто мы перед лицом вечности? Что мы умеем? Страдать и бороться! Страдать и бороться... Может быть, это и есть единственно правильный путь? Падать, вставать и через муки и боль идти вперед?..

Сквозь наступившее молчание люди в зале услышали эхо шагов нескольких человек. Шаги замерли у полуоткрытого входа в зал, дверь растаяла совсем, и в зал вошли несколько человек, впереди Молчанов.

— Где врачи?! — спросил он таким тоном, что все невольно подались вперед. Маленькая женщина бросилась к нему, остановилась в нерешительности.

— Они уже там, — тихо и виновато сказал Квециньский. — Все, кто нужен.

Молчанов повернулся к Полине, но прямого взгляда женщины выдержать не сумел, отвернулся.

— Ничего, — глухо проговорил он, — ничего... — И устало, очень устало, волоча ноги, подошел к огромному объему главного обзорного виома.

Станция уплывала в тень планеты. Гасли один за другим серебристые обручи заката, надвигался холод беззвездной и безлунной ночи пылевого облака. И Молчанов вдруг ощутил бездну, не бездну пространства — бездну человеческих тревог и страданий, через которую прошло и пройдет еще человечество, бездну страданий и тревог, без которых немыслим путь в будущее, и показалось ему, будто все двадцать миллиардов человек Земли стоят за его спиной.

КНИГА ВТОРАЯ

ПРИШЕСТВИЕ

Даль рухнула, и пошатнулось время.
А. Ахматова

Часть первая

ОБОРОТЕНЬ. ГРЕХОВ

ПРИШЕСТВИЕ

Сигнал SOS в системе Юлии — все равно что выстрел из «универсала» при полном отсутствии энергозапаса...

Сравнение пришло в голову без усилий, в то время как тренированный мозг Батиевского безошибочно отрабатывал режим бедствия, а руки исполняли сложный порхающий танец на панели монитора связи.

Через минуту в зал станции вбежали Шубин и Георгиу.

— Что случилось? — спросил запыхавшийся Шубин.

— SOS, — коротко ответил Батиевский.

Спутник-координатор, зависший над полюсом Юлии, уже включился в работу, по белому экрану дисплея побежали зеленые строки бланк-сообщения; координаты источника, привязка карты местности, характеристика сигнала.

— Модуль серии «Коракл», — проговорил черноволосый энергичный Георгиу. — Откуда он здесь?!

Удивился третий член экипажа станции не зря. Юлия не входила в разряд колонизируемых планет, на ее поверхности была выращена всего одна станция-стационар с бункером биомеханических исследовательских систем типа «Кентавр», и для пуска и наладки систем достаточно было троих специалистов. Корабль-матка ушел к другой звездной системе, на Юлии остался экипаж под началом исследователя первого класса Батиевского, и вдруг — SOS!

— Где это? — прищурился Шубин.

— Сто двадцать километров, в горах Пегаса. Странно, слышен только сигнал бедствия, на вызовы никто не отвечает. Погибли?

— И откуда на Юлии «Кораклы»? Грузолеты этого типа не способны преодолевать межзвездные расстояния, две-три АЕ[1] — максимум.

Батиевский не вмешивался в разговор. Ему все яснее становилось, что назревал спасательный рейд. На любой другой планете этот рейд был бы обыденным делом, двадцатиминутным прыжком на любом антиграве, но не на Юлии, по которой каждые шесть часов перед заходом и восходом светила прокатывался грохочущий вал урагана, сметая все на своем пути. А до очередного «бала Сатаны» оставалось всего полтора часа.

— Выводить куттер? — спросил в нетерпении Георгиу, уже направляясь к двери.

— Нет, — сказал Батиевский. — Пойду я, на «Мастиффе».

— Но по воздуху мы будем там через...

— Я сказал — нет! Источник SOS уже в зоне урагана. Анатолий, проверь «Мастифф»: НЗ, энергозапас, капсулу УСН[2], зонды. Гера, ты останешься на связи.

Георгиу пытался протестовать, но Батиевский не повторял свои просьбы-приказы дважды.

Через несколько минут танк-лаборатония «Мастифф», созданный для работы в бешеных атмосферах планет типа Юпитера или Сатурна, выполз из ангара, упрятанного в пещере, и резво побежал по гладкому лавовому полю на восток, навстречу глухой черной стене на горизонте, скрывшей звезды.

Минут сорок они мчались со скоростью девяносто километров в час, пересекая плоскогорье, держа направление по пеленгу и целеуказаниям со спутника, затем пришлось сбросить скорость, танк сразу перестал трястись и раскачиваться. Дорога пересекала полуразрушенный временем моренный вал, похожий на след древнего ледника. У бортов танка проплывали выпиравшие из-под слоя маслянисто-синей почвы камен-

---

[1] АЕ — астрономическая единица — средний радиус земной орбиты, равен 149,6 млн. км.

[2] УСН — универсальный спасательный набор.

ные отроги и валуны, поросшие куртинами красивых радужных перьев. Дальше дорога ныряла в узкую вади — долину высохшей реки, петляла между плоскими увалами и скрывалась в клыкастой стене горной гряды.

День засыпал. Яркая голубизна неба потускнела, на западе оно было еще свежее, чистое, будто умытое дождем, на востоке клубилась сине-фиолетовая мгла, рождающая далекий глухой рокот.

— Эх, сейчас сшибемся! — сказал Шубин. — Через несколько минут стемнеет, и мы потеряем пеленг. Забьют помехи.

— Танк не куттер, выдержит. — Батиевский снова увеличил скорость. — На всякий случай проверь груз и закрепи, где надо.

Стемнело. Первый порыв ветра подхватил песок на гребне холма и бросил на броню машины. Гремело уже отовсюду, грохот волнами перекатывался по всему небосводу, хотя обычных для земных гроз молний не было — шла сухая и темная ханахада, юлианская гроза.

— Проверил, — появился Шубин, останавливаясь за спиной Батиевского. — Давай наденем скафандры, хотя бы легкие. Надежней как-то.

— Тащи, если тебе так хочется. Я только что разговаривал с Герой, он тебе привет передает, говорит, чтобы не рисковал, ты у нас отчаянный.

— Так и сказал? — усмехнулся Шубин, заметно успокаиваясь. — Что будем делать, шеф? Двигаться в этой теснине рискованно, а искать пристанище поздно, да и негде.

— Ничего, пробьемся, пеленг слышен хорошо.

Батиевский был так невозмутим и обычен, что Шубина оставили почти все его тревоги и опасения, и он даже стал воспринимать ситуацию в героическом ключе: это была его первая прогулка по Юлии, да еще ночью, в ураган!

Танк, кренясь и раскачиваясь, продолжал мчаться сквозь беснующийся мрак, гулом брони отзываясь на удары небесного грома. Столбы белого прожекторного света выхватывали из тьмы то синие откосы берега, то глыбы ноздреватого голубого известняка, то мохнатые шапки сжавшегося под напором стихии юлианского мха.

Воздушные вихри подняли в воздух тонны песка и пыли, и вся эта сине-зеленая пелена вскоре скрыла за собой и близкие холмы, и каменистые осыпи, и горный кряж, видимый по ночам благодаря флуоресценции открытых руд уранотарианита.

Грохот, вой и гул ханахады достигали такой силы, что Батиевский вынужден был до отказа убавить громкость внешних звукоприемников. Один раз он попытался поискать поблизости мало-мальски пригодное убежище, однако напор ветра был так силен, что пятисоттонная машина едва не сделала «сарвангасану»[1] — по образному выражению Шубина, и Батиевский решил больше не рисковать. Глубина русла высохшей реки была пока достаточной, чтобы ураган проносился над танком, задевая лишь его антенны, и хотя они едва не потеряли направление движения, следуя изгибам вади, Батиевского это беспокоило мало, потому что ложе бывшей реки должно было привести их к горной гряде Пегаса, где ураган был уже не страшен и где прятался в горах модуль «Коракл», подающий сигнал бедствия.

Еще через полчаса Батиевский уменьшил громкость приемника, тикающего звонким SOS. Цель была близко, причем по всем данным находилась она недалеко от русла реки.

За одним из поворотов дорогу преградила неясно видимая черная масса, вершина которой уходила на неведомую высоту. Лучи прожекторов уперлись в ее подножие, высветив бугристую, в складках и наростах, поверхность невесть откуда взявшейся скалы.

Батиевский резко затормозил, озадаченный препятствием.

— Там вход! — вскричал вдруг Шубин. — Витя, давай туда, видишь?

Батиевский и сам заметил в только что бывшей сплошной скале обширное отверстие, в которое, пожалуй, пролез бы и танк. Но ведь отверстия до этого не было... или он так невнимателен?

— Ну что же ты? — плясал на месте обрадованный Шубин. — Здесь и переждем грозовой фронт. Дырка та-

[1] Одно из упражнений хатха-йоги.

кая, что и спасательный модуль пролезет, не то что наш «Мастифф».

— Не нравится мне эта скала, — сквозь зубы проговорил Батиевский. — Чуешь, какой мощный сигнал? «Коракл» должен быть где-то здесь, но не в скале же?

— За скалой, пройдем — увидим.

— Скала — хороший экран, а приемник орет так, словно перед нами сам модуль, а не скала. Может быть, он и в самом деле внутри?

Недоумевающий Шубин не нашелся что ответить, и с минуту они молча дивились на феноменальную черную глыбу, перегородившую сухое русло. Ветер здесь неистовствовал вовсю, засыпая русло песком и каменным крошевом, и танк иногда качало с боку на бок, когда ветер срывался по касательной с отполированной им спины берегового вала и набрасывался на земную машину со слепой яростью носорога.

— Не поеду я туда, — решился наконец Батиевский, не глядя на удивленное лицо товарища. — Что-то здесь не так... не знаю что, но не так. Попробуем объехать.

Шубин пожал плечами, радость его поутихла.

— Мы же не выедем из русла, перевернемся. Мне казалось, что ты не веришь в предрассудки.

— В предрассудки не верю, — рассердился водитель. — Но и в случайно появляющиеся в нужный момент проходы в скалах тоже.

Он дал задний ход, и в это время громада черной скалы впереди стала крениться в их сторону, накрывая тысячетонной тяжестью.

— Витя, назад, быстрей! — успел крикнуть Шубин...

Куттер мягко опустился на холм, и пятеро археонавтов[1] молча выпрыгнули из кабины один за другим, невольно выстраиваясь плечом к плечу.

— Бьюсь об заклад, как говорили предки, что храм этот появился только вечером, — сказал светловолосый гигант с выражением вечного недоумения на лице. —

---

[1] А р х е о н а в т — космонавт-археолог, исследователь истории древних внеземных цивилизаций по материальным остаткам их жизни и деятельности, сохранившимся памятникам *(фант.)*.

Дня два назад мы с Ришаром пролетали недалеко отсюда, над Диким лесом, и ничего не заметили.

— Ваша невнимательность, Юра, не аргумент, — спокойно сказал Ранги. — Хотя я тоже не понимаю, как это зонды пропустили столь крупную постройку, ведь высота храма метров сто! Может быть, снимки этого района материка еще не прошли обработку?

То, о чем они говорили, — древнее святилище, след затерявшейся в веках цивилизации, — высилось перед ними гордо и величаво, будто не было наполовину разрушено временем и все еще служило своим создателям, по неизвестной причине канувшим в небытие. Собственно, святилищем эту колоссальную постройку с двумя тысячами колонн назвали уже люди, аборигенам она могла служить чем угодно — от тюрьмы до театра; археонавтические экспедиции на Гийасе только начинали свою работу, и люди не раскрыли пока ни одной тайны планеты.

— Ранги, сообщи в центр, что мы на месте, — сказал наконец начальник группы Шустов, разглядывая строение из-под козырька руки. — Из всего, что мы уже обнаружили, храм наименее разрушен. Тут какая-то загадка... Идем в пробную вылазку, пусть пришлют второй куттер с интравизорами и кибер-уборщиками.

Негр нырнул обратно в кабину куттера, остальные с радостными возгласами устремились с холма к ближайшим колоннам храма, многие из которых были повалены и полускрыты многовековой пылью.

— Держаться в пределах прямой видимости, — предупредил Шустов, внезапно проваливаясь в какую-то колдобину. — Юра, не спеши к славе, ты не на соревнованиях.

— Я и не спешу, — укоризненно ответил светловолосый. — Разве я когда-нибудь не выполнял инструкций? И разве планета по безопасности не соответствует индексу Ад-ноль?

— Соответствует-то она соответствует, — проворчал Шустов, — да не нравятся мне храмы, растущие, как грибы.

Они медленно прошли гигантскую колоннаду, миновали заваленный обломками портала проход, равный по величине жерлу вулкана, и вошли в холодную тень коридора.

— Жутковато, — подал голос четвертый археонавт, включая фонарь. — Смотрите, пыли и песка здесь почти нет.

Луч света выхватил из темноты странный пол коридора — черный, в ямках и бороздах, словно изъеденный коррозией, — и такие же складчатые стены.

— Подождите, — негромко сказал Шустов. — Незачем заходить далеко вглубь без аппаратуры. — Он быстро прошел вперед и посветил за угол коридора.

Ему открылось просторное помещение неопределенной формы: стены — словно из разномастных каменных глыб, заросшие странными колышущимися перепонками и паутиной; высокий — куполом — потолок, с которого свисали пятнистые, в прорехах, полотнища и перепончатый вырост, напоминающий человеческое ухо; под выростом располагался гладкий черный диск, окруженный десятком тонких гофрированных трубок. Пол помещения густо усеивали небольшие серые холмики с дырами на вершинах, ни дать ни взять вулканы в миниатюре. Пахло здесь неприятно, незнакомо, и тишина стояла, как вода в черном омуте.

Шустов постоял, посмотрел и вернулся к товарищам.

— Тут впереди ритуальный зал, — сказал он, к чему-то прислушиваясь. — Далеко не расходитесь, посмотрим — и довольно. Подождем Ранги и распределим обязанности.

Археонавты вошли в зал...

Ранги передал известие о находке храма диспетчеру исследовательского центра, захлопнул фонарь кабины и, посвистывая, пошел вниз, разглядывая рыжие фестоны пыли на портике храма и с уважением прикидывая его размеры. Как видно, обитатели Гийаса были весьма умелыми строителями и зодчими. Сколько же труда надо было вложить в постройку таких колоссов, труда и времени?!

У храма уже никого не было — археонавты, очевидно, вошли внутрь. Ранги прошелся у вызывавшей трепет своими габаритами колоннады, вслушиваясь в долетающие из храма звуки, но голосов друзей не услышал.

«Странно все-таки, — подумал он, останавливаясь. — Что-то мне мешает... какая-то подсознательная трево-

га... будто я что-то забыл или упустил из виду... Что же именно?»

Он поднял голову и еще раз внимательно оглядел оранжевые песчаные холмы, поросшие на макушках гийасским саксаулом, желтое небо в клочковатых зеленых облаках, тяжелую громаду храма, ощутимо придавившую почву. Ничего... Впрочем, здесь почему-то нет ящериц, а на других развалинах пройти невозможно, не подняв их писка. Что же еще?

— Юра, Властислав, — позвал Ранги, посмеиваясь в душе над своими страхами.

— Р-р-ра... слав-лав-ав... — ответило эхо.

И тут наконец Ранги понял, что его смущало. Храм это или не храм — не суть важно, но к нему должны подходить дороги, и не плохие дороги, строили-то его в местах, удаленных от горных разработок, и перевезти сотни тысяч тонн строительного камня, не оставив следа... где эти дороги? Неужели засыпаны песком? Не может быть. Здесь даже подходов к храму не видно... Не по воздуху же переносили многотонные гранитные блоки...

Ранги сделал шаг назад и почувствовал, что падает...

Лабовиц повел стволом и плавно нажал на спуск.

— Дан-н-н! — отозвался карабин, змееногий мышелов свалился с дерева и остался лежать, выделяясь издали на сером фоне травы яркой пятнистой окраской.

— Ловко! — прищелкнул языком Свиридов. — Метров семьсот?

— Километр, ближе он нас не подпустил бы. Беги скорей, через полчаса он очнется, и ты не успеешь с программой. Я бы не хотел стрелять в него еще раз.

— Ему же почти не больно, снотворное действует мгновенно.

— Какая разница?

— Охотничек! — фыркнул Свиридов, передвинул сумку с приборами на живот и рысцой побежал в распадок, стараясь не терять из виду дерево с гнездами древесных мышей. Издали оно напоминало новогоднюю елку, украшенную бриллиантовыми шарами.

Лабовиц лег на спину, придвинув к ноге карабин, заложил руки за голову и стал смотреть в легкое лет-

нее небо — на Быстрой оно было удивительно густо-синего цвета; голубое око светила только подчеркивало его синеву.

Через двадцать минут вернулся Свиридов и привел с собой невысокого, приятной наружности человека, одетого в вязаную безрукавку и белые шорты. В одной руке тот держал цилиндрик камеры для объемной видеосъемки, в другой — ремни антиграва.

— Эрнест Гиро, — представился незнакомец, наклоняя голову.

— Турист, — отдуваясь, сказал Свиридов. — Вчера с Земли, на «Римане».

— Очень приятно. — Лабовиц привстал, называя себя. — Вам повезло, насколько берусь судить? Ведь пассажирского сообщения с Быстрой еще нет, а «Риман» — крейсер погранслужбы.

— Едва ли это можно назвать везением, — пожал плечами Гиро. — Я в общем-то не турист... пограничник, член экипажа «Римана».

Свиридов с удивлением уставился на робкого с виду человечка, потом с видимым наслаждением сел на траву.

Лабовиц в свою очередь с любопытством разглядывал нового знакомого, пытаясь увидеть в нем те качества, которые соответствовали, по его мнению, работнику пограничной службы Даль-разведки. С виду неловок, неуклюж, но внешность далеко не всегда отражает истинную линию характера...

— Вам нравится Быстрая? — спросил Лабовиц после некоторого молчания.

— Красивая планета, — ответил Гиро с заминкой. — Решил полетать над лесами с камерой. Знаете, здесь леса — почти как на Земле.

— А вот он не любит летать, — проворчал Свиридов, возясь с сумкой. — И я из-за него вынужден скакать галопом по всем местным буеракам.

Гиро поднял вопросительный взгляд.

— Местная живность не любит летунов, боится, — пояснил Лабовиц. — Здесь обитают милые птички — птерольвы, напоминающие летающих крокодилов. Так что вы осторожней с полетами, могут напасть, особенно если у вас нет оружия. Удивительное дело, но они словно чувствуют, когда нет оружия. А скорость анти-

гравов — далеко не гарантия безопасности. Ничего, пешком ходить полезно. А по какому случаю «Риман» причалил к Быстрой? Случилась какая-то неприятность?

— Вынужденная остановка, — сказал Гиро; видимо, это было в его характере — обдумывать каждый свой ответ. — Разве прибытие погранкрейсера всегда связывается с неприятностями?

Лабовиц улыбнулся. Разговор ему нравился, как и этот мягкий, по всей видимости, человек с абсолютно нетипичной для пограничника внешностью.

— Аварии и катастрофы вы считаете просто неприятностями?

— Катастрофы и аварии не в нашей компетенции.

— А что в вашей?

Гиро повесил видеокамеру на грудь.

— Все то, с чем сталкивается человек ищущий, в космосе, на Земле, по всем направлениям изысканий.

— Психологический фронт, — понимающе кивнул Лабовиц.

— Фронт?

— Слово из лексикона двадцатого века, обозначающее линию встречи двух воюющих сторон. Я читал историю мировых войн...

— Занятие, достойное охотника, — насмешливо обронил Свиридов, вытирая пот со лба.

— ...и это обогатило меня некоторым военным и историческим знанием, — хладнокровно закончил Лабовиц. — Хотя охотоведу оно и необязательно. Да вы присядьте, жарко сегодня.

Гиро покосился на карабин у ноги Лабовица и, сложив антиграв, сел рядом.

— Это был самец, — сказал Свиридов, с треском захлопывая футляр какого-то прибора из своего спецснаряжения. — Теперь нужна самка.

— А чем вы занимаетесь, если не секрет? — вежливо спросил Гиро, чтобы поддержать разговор.

— Биомониторингом[1].

---

[1] М о н и т о р и н г — система наблюдения за элементами природной среды в пространстве и во времени по заранее подготовленной программе. Б и о м о н и т о р и н г — система наблюдений за биосферой планеты.

— Мой товарищ — эколог, — пояснил Лабовиц, — причем молодой и очень эрудированный. — Свиридов насупился. — Он изучает стереотипы поведения животных на этой планете, что входит в функции биомониторинга...

— Будет тебе, — хмуро сказал Свиридов.

— Я всаживаю в животное иглу со снотворным, — невозмутимо продолжал охотник, — а он запихивает в него тьму разного рода датчиков, вот и все.

— Интересно, — серьезно сказал Гиро.

Лабовиц засмеялся, легко вскочил на ноги и потянулся сильным телом.

— Хорошо!.. Хотя и жарковато, конечно. Искупаться бы сейчас. Ну что, пошли, эколог?

Свиридов молча встал.

— А я видел неподалеку озеро, — заметил Гиро. — Километра два отсюда. Хотите, покажу, да и сам с удовольствием искупаюсь.

— Озеро? — удивился Лабовиц. — В округе на десятки километров нет ни одного мало-мальски пригодного для купания озера.

Гиро вежливо улыбнулся, не желая возражать.

— Охотник! — съязвил Свиридов, отыгрываясь. — Тебе к карабину недостает телескопа. Ведите, Эрнест, докажем этому Фоме неверующему, что у него слабое зрение, а может быть, и память.

Гиро сориентировался и пошел напрямик через негустой, усыпанный мелкими желтыми цветами кустарник в сторону от базового лагеря экологической экспедиции. Сбитый с толку Лабовиц и повеселевший Свиридов тронулись следом.

Через четверть часа они вышли на край небольшой долины, окаймленной со всех сторон сосновым — по виду — лесом и остановились. Перед ними во всей своей хрустальной красе раскинулось большое голубое озеро, лизавшее волнами желтый песчаный пляж.

— Диво дивное! — завопил Свиридов и первым бросился на берег, раздеваясь на бегу.

— Странно! — задумчиво сказал Лабовиц, покусывая травинку. — Могу поклясться, что раньше этого озера здесь не было.

Гиро перевел внимательный взгляд с озера на лицо охотника, словно взвешивая его слова, и снова посмот-

рел на озеро, в волны которого с уханьем бросился Свиридов.

— Знаете, — сказал он медленно, — мне оно тоже не нравится.

— Дело не в эмоциях... мертвое оно какое-то. На Быстрой мало наземных озер, зато все, какие есть, поросли всякой растительной мелочью. Здесь же вода чистоты необыкновенной, да и птиц не видно... и песка я у здешних озер не видел.

— Ну что же вы? — кричал им Свиридов, поднимая тучу брызг. — Вода великолепная, пресная, пить можно.

Гиро вдруг надел антиграв и сунул в руки Лабовицу видеокамеру.

— Держите. Вам не кажется, что озеро меняет цвет? Я верну вашего товарища, а вы пока снимите всю эту картину.

Он подпрыгнул и, как пущенный из пращи камень, выписал аккуратную траекторию к ныряющей голове Свиридова в сотне метров от берега. И не успел он зависнуть в воздухе, как воды озера совершенно бесшумно встали вокруг него стеной.

Реакция у Лабовица была отменной, и он отскочил прежде, чем метнувшийся к нему голубой рукав «озера» успел его коснуться. Дважды прогремел карабин, и наступила тишина.

Последнее, что увидел Лабовиц, — уплывающее в небо гигантское черное яйцо, все в складках и бороздах, похожее на увеличенный в сто тысяч раз грецкий орех.

ВЫЗОВ

Ушли вниз отвесные стены ущелья. Горизонт накренился, брызнуло в глаза алым светом. Шедший впереди пинасс внезапно вильнул вбок, кувырнулся и, кружась, как осиновый лист, потянул к пикам Кинжального хребта. Вторая машина резко прыгнула вверх, избегая столкновения с паутиной, но гигантская, сплетенная неведомыми пауками сеть испустила вдруг сноп ярких искр, достигших пинасса, снова перекосился горизонт...

Изображение в виоме смазалось, покрылось радужными пятнами. Грехов протянул руку и выключил проектор.

— Третья попытка за последние два месяца, — нарушил молчание Шелгунов. — Погибли двое, во второй машине, — водитель-пограничник и коммуникатор; первый пинасс вели автоматы. Паутины до сих пор на контакт не идут, даже в экстремальных для них условиях.

— Мы же говорили со Свекольниковым! — Грехов резче, чем хотелось, убрал пульт в стену кабинета, нажал кнопку киб-секретаря и направился к порогу. — Прежде чем претворять идеи коммуникаторов в жизнь, он, как старший погранотряда, должен согласовывать их с руководством! Со своим хотя бы. Он что, хочет угробить контакт в самом начале?

— Меня в тот момент не было на Станции, — виновато проговорил Шелгунов. — Поэтому я ничего не знал об экспериментах с паутинами. Есть какая-то порочная логика в том, что паутины — всего-навсего сторожевые автоматы цивилизации Тартара. Все эксперименты ученых направлены на проверку этого постулата. Отсюда и неудачи. А у тебя есть насчет всего этого свежие идеи?

Грехов задержался на пороге, покачал головой:

— Свежими идеями я, увы, тоже поделиться не могу. А Свекольникова предупреди, чтобы не шел на поводу у исследователей. Хотя за гибель людей на Тартаре первым я спрошу с тебя, а не с директора Станции. Ну и с него, конечно.

Они вышли к лифту, который вынес их под купол обзорной башни базы, возвышающейся на полторы сотни метров над дном кратера Аристарха. Голубовато-пепельное лезвие земного серпа заливало площадку над куполом мягким сиянием, скрадывающим тени и истинные размеры предметов. Площадка была пуста: сама башня давно устарела, стала памятником традиций земных строителей, пришедших на Луну более двухсот лет назад, и редко кто из сотрудников Управления аварийно-спасательной службы заходил в башню в часы отдыха.

— Меня почему-то частенько тянет сюда, — пояснил Грехов в ответ на недоумевающий взгляд Шелгунова. — Ностальгия по прошлым временам штурма Луны.

— Мне это не дано. — В голосе Шелгунова прозвучало сожаление. — Я не поэт и не лирик, но тебя понимаю. Я передам Свекольникову твои пожелания.

Грехов протянул ему руку.

Не успели они разойтись, как под куполом башни прозвучал сигнал интеркома:

— Заместителя начальника отдела безопасности вызывает секториат. Повторяю: заместителя начальника отдела безопасности вызывает секториат управления на тринадцать ноль-ноль.

Грехов переглянулся с Шелгуновым, добрался вместе с ним к залу тайм-фага и перенесся в здание секториата УАСС, располагавшееся в Брянске, на берегу Десны. Ровно в тринадцать ноль-ноль по среднесолнечному времени он вошел в кабинет руководителя пограничной службы Даль-разведки Торанца.

Кубическое помещение кабинета было погружено в полутьму, озаряемую всполохами видеоселектора. Два виома показывали пейзажи знакомых планет Солнечной системы, один отражал чей-то кабинет. Торанц, длиннолицый, длинноносый, весь словно вытянутый в длину, тронул сенсор селектора, и третий виом погас.

— Проходите. — Он кивнул на кресла. — Выбирайте место.

Грехов коротко поздоровался с присутствующими, огляделся, заметил Пинегина и сел. Петр Пинегин был начальником отдела безопасности, то есть непосредственным руководителем Грехова, уже второй год, и ровно столько же его другом. Подружила их не работа, подружил Диего Вирт, друг Габриэля с детства, хотя Диего и не работал в управлении. Пинегин был великодушен и деликатен, в меру требователен, ценил юмор. Фигуру его, кряжистую, плотную, можно было узнать издалека по чуть косолапой медвежьей походке. При первом знакомстве Пинегин показался Габриэлю медлительным, ленивым и даже туго соображающим, но впоследствии оказалось, что это далеко не так, хотя медлительная осторожность и входила составляющей в черты характера начальника отдела.

— Прошу внимания, — сказал Торанц, хотя в кабинете и без того было тихо. Голос его был глуховат и невыразителен, но Грехов почувствовал смутную тревогу.

Вызов к начальнику погранслужбы сам по себе не означал ничего особенного, совместные совещания безопасников и пограничников были не в диковину, но в том, что, кроме Пинегина и Грехова, были вызваны все начальники отделов УАСС, крылось нечто тревожное.

Торанц повозился и выключил остальные виомы. Вспыхнул белый свет. Грехов встретился глазами с Пинегиным, и они одновременно подмигнули друг другу.

— Итак, — продолжал Торанц, — здесь все руководители отделов УАСС и погранотряда Даль-разведки. Как вы уже знаете, в течение прошедшей недели погранслужбой второго сектора отмечен ряд непонятных исчезновений людей. В первом случае это произошло в системе гаммы Единорога, на второй планете системы, Юлии. Во время спасательного рейда в условиях ночной грозы исчез тяжелый танк-лаборатория типа «Мастифф» с двумя членами экипажа. Во втором случае без вести пропала группа археонавтов из пяти человек на Гийасе, третьей планете системы альфы Единорога. В обоих случаях причины исчезновений выяснить не удалось. Спецгруппы пограничной службы второго сектора, а это специалисты высокой квалификации, не обнаружили в местах исчезновений никаких следов.

— То есть совсем никаких? — недоверчиво спросил Пинегин.

— То есть совсем.

По рядам прошло легкое движение.

— Но это еще не все. Вчера вечером получено сообщение от дельты Орфея — как видите, это уже третий сектор — планета внутреннего пояса Быстрая. По счастью, единственный свидетель происшествия, некто Герман Лабовиц, успел перед смертью, — по комнате снова прошло движение, — заснять виновника, как мы теперь полагаем, всех исчезновений, вернее, похищений. Двух мнений здесь быть не может: мы столкнулись с проявлениями неизвестной и, весьма вероятно, разумной жизни. Посмотрите снимки.

Торанц положил руку на панель своего стола-пульта, и стенной виом воспроизвел перед ними один за другим объемные голографические снимки; сначала удивительное синее озеро с купающимся в нем человеком, потом то же озеро, сворачивающееся в полупро-

зрачный кокон, и, наконец, гигантское — судя по визирным меткам — черное сморщенное яйцо. Форма конечного продукта трансформации «озера» ничего не говорила ни пограничникам и спасателям, ни представителям Института внеземных культур.

Торанц из-под насупленных кустистых бровей оглядел людей.

— Налюбовались? Ну и каковы же мнения?

— Мнениями делиться рано, — прозвучал сзади Грехова знакомый голос. Он оглянулся и встретил спокойный взгляд светло-серых глаз Диего Вирта. — Возникает вопрос другого рода. Созвездие Единорога бедно звездами и планетами, как, впрочем, и система Орфея. Ни на одной из планет обеих систем нет неизвестных и тем более разумных форм жизни; открыты планеты давно и исхожены экспедициями вдоль и поперек.

— Неизвестная форма жизни не обязательно должна быть планетарной, — сухо сказал Торанц. — В том, что исчезновение хотя бы последних двух человек — не случайное явление, вы убедились. Как я уже сказал, двух мнений быть не может. Другое дело — кто совершил нападение? Неизвестное науке хищное существо или же разумные повелители машины с колоссальными возможностями к трансформации? Для конкретности руководство погранслужбы предложило назвать эту машину... или существо, не суть важно, сверхоборотнем. Ибо превратиться в озеро так, чтобы оно для сенсомоторных реакций человека было неотличимо от настоящего, может только суперподражатель.

На пульте зашелся писком зуммер. Торанц включил дежурную линию связи, виом отразил серо-фиолетовую пустыню, фиолетовое небо и двух человек в одинаковых белых комбинезонах и унтах, стоящих под прозрачным куполом станции связи.

— Корабль готов, — сказал один из них. — Скоро ждать пассажиров? И сколько их будет?

— Около пятидесяти. Жди через три часа по своему ТФ-каналу. Экипаж предупрежден?

Человек то ли кашлянул, то ли засмеялся.

— Что ты имеешь в виду?

— Неразглашение тайны, — серьезно ответил Торанц.

Снова тот же смешок.

— В рамках инструкции.

— Стандартно отвечаешь.

— Каков вопрос, таков и ответ. Не беспокойся, не в первый раз идем в поиск, жду гостей.

Человек махнул рукой, Торанц вырубил связь, мельком посмотрел на часы и нахмурился.

— Вопросы есть?

— Я понял так, что все три случая произошли в разных звездных системах, — нарушил молчание Пинегин.

— Это не вопрос, а утверждение. Если наши предположения верны и все три похищения совершены сверхоборотнем, несмотря на то что расстояния между посещенными им системами значительны — от четырех до одиннадцати световых лет, — факт передвижения сверхоборотня в пространстве со скоростью наших крейсеров имеет колоссальное значение! Если же сверхоборотень — порождение агрессивной цивилизации, опасность настолько велика, что недооценка ее граничит с преступлением. Мы уже на собственном опыте знаем, на опыте земной культуры, что выход в космос может совершить и цивилизация, не решившая на своей планете всех социальных противоречий. Отсюда и выводы.

— По-моему, пограничники подкинули нам хорошую свинью, — шепнул Пинегин на ухо Грехову. — Ситуация неординарная.

— Нештатные ситуации всегда необычны, а эта и впрямь таит резервы неожиданности, — отозвался Грехов.

Торанц посмотрел в их сторону, но прерывать не стал.

— В связи с появлением сверхоборотня сегодня состоится заседание Совета безопасности, но ситуация столь тревожна, что требует немедленных действий. Считайте, что вы уже начали операцию. В распоряжение поисковых групп, несмотря на огромные энергетические потери, связанные с широким пространственным поиском сверхоборотня, отдаются два крейсера А-класса «Ильмус» и «Риман». Командира «Ильмуса» Виктора Ненарокова вы только что видели. Руководителем операции назначается начальник отдела безопас-

ности Петр Пинегин. Основная нагрузка, естественно, ляжет на безопасников («Что я говорил?» — шепнул Пинегин Грехову) и на погранотряд Вирта, ибо он начинал поиск, но всем остальным начальникам служб необходимо подготовить оперативные группы по четыре-пять человек из числа самых опытных специалистов. Группы должны быть укомплектованы аппаратурой и готовы к вылету в течение суток. Сбор на Титане у резервного ТФ-приемника, шифр я дам. Все. Грехову, Пинегину, Вирту и ученым остаться.

Кабинет почти опустел, оставшихся вместе с названными и представителями ИВК оказалось всего шесть человек.

— Продолжим, — сказал Торанц, хмуря брови. — Времени до обидного мало. Начать вам придется с оповещения населения поселков, станций и лагерей экспедиций в тревожной зоне Рукава, особенно там, где уже поставлены тайм-фаги, об опасности свободных поисков и выходов вообще. Пусть свернут на время исследования, туристские турне и прочее. Эта часть операции должна пройти в строжайшей тайне. Объявить по всеобщей информсети о появлении сверхоборотня, об опасности прямых контактов с ним мы не можем по той простой причине, что это вызовет обратный эффект: десятки, если не сотни, юнцов, молодых сорвиголов тотчас же устремятся на поиски сверхоборотня — словно «дисциплина» не всегда в почете у юных любителей острых ощущений — и не только раскроют неведомому врагу... ну, может быть, не врагу, не знаю, — наши планы и сорвут операцию, но и подставят себя под удар, защиты от которого мы не знаем. Помните о Большом радиовсплеске — вспышке на Солнце, случившейся сорок лет назад? Тогда в поток мощного корпускулярного излучения попали многие сооружения Меркурианской и Венерианской зон, об опасности лучевой волны было передано по глобальному видеовещанию, и в результате сотни энтузиастов, самодеятельных спасателей, кто на чем мог, устремились к Солнцу, тут же попадая в положение пострадавших. — Торанц помолчал. — Среди этих горе-спасателей был и я...

— Порыв их понятен, — после некоторого оживления сказал Диего Вирт. — Но допустить подобное в

нашем случае нельзя. Хотя, честно говоря, я не верю, что тайна о появлении сверхоборотня просуществует долго. Слухи имеют обыкновение просачиваться даже сквозь вакуум быстрее света.

Торанц едва заметно поморщился.

— Допустим, но именно поэтому и нет времени на обсуждение гипотез. Все тайм-фаговые станции в тревожной зоне мы, конечно, поставим под контроль, остальное будет зависеть от вас, как ни тривиально подобное заявление. Думаю, на отдел безопасности ляжет дополнительная обязанность снабжать отряды обученными работе в сверхтяжелых условиях специалистами, в том числе и следователями. Петр, какого рода специалисты понадобятся в первую очередь?

— Пока никакие, — ответил вместо Пинегина Грехов. — Для начального этапа операции нужны люди с универсальной подготовкой, как технической, так и коммуникаторской, и у вас и у нас таковых достаточно. В дальнейшем, возможно, понадобятся консультанты ИВК по экзобиологии, ксенопсихологии, истории.

— Наши мнения совпадают. — Торанц встал из кресла, седой, угрюмый, кругами заходил по кабинету. — Консультанты ИВК перед вами. Сергиенко, ксенопсихолог-универсал.

Широкий, костистый старик с прозрачно-голубыми глазами привстал и слегка поклонился. Грехов знал его давно.

— Нагорин, экзобиолог и врач-универсалист.

Рослый, с коротким ежиком волос, врач напомнил Грехову Сташевского: тот же взгляд исподлобья и жесткие губы. Сташевский... На миг защемило сердце: Сташевского не было рядом уже четыре года, со дня его гибели на Тартаре.

— Распределить обязанности сумеете сами. — Торанц остановился, услышав зуммер вызова. Быстро подошел к пульту и сердито отключил сигнал. — Я же просил не соединять!

— Детали обговорим в рабочем порядке, — подтвердил Пинегин.

— В таком случае все свободны. На вас, Габриэль, кажется, возложена работа с Тартаром? Насколько она важна?

— Думаю, на время операции с ней справится руководитель группы Шелгунов. Он в курсе всех трудностей.

— Хорошо. Петр, вы задержитесь на минуту...

Грехов вышел первым, подождал Диего и пошел рядом.

— Не ожидал, что придется работать вместе. Но задание не из простых. Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

— Но там гибнут люди! — отозвался Диего, обнимая миниатюрного — сам он был на полторы головы выше — Грехова за плечи. — Если гибнут люди — это отвратительно! Понимаешь, я влип в это дело случайно: прибыл на «Римане» к Быстрой — обычная погранпрофилактика, и тут случай с Эрнестом Гиро и Лабовицем, можно сказать, прямо на наших глазах!.. Ты в отдел? Тогда нам по пути, обещал Анне навестить ее родителей. Кстати, как Полина? Где она сейчас?

— Дома, готовится к родам. Мы наконец решились...

— Поздравляю! И кого ждете?

— В этом наши желания и мнение диагноста совпадают: сына.

ПОИСК

Несколько дней крейсеры УАСС и погранслужбы — «Ильмус» и «Риман» — «пахали» пространство в кубе с ребром в десять парсеков. Все немногочисленные планеты этой бедной звездами области космоса были обследованы тщательно и придирчиво, но чуда не произошло: разумных существ, которым приписывали создание сверхоборотня, ни на одной из планет, а также и вне планет, не оказалось. То ли сверхоборотень пришел сюда издалека, то ли маскировался столь успешно, что земная техника не могла его обнаружить, то ли гипотеза о самом сверхоборотне оказалась несостоятельной. О последнем не говорили вслух, но многие участники поиска склонялись именно в пользу этого соображения.

А на шестой день похода сверхоборотень объявился у беты Зайца, на три парсека в стороне от направлений поиска.

Разведмодуль Грехова заканчивал патрулирование системы небольшой зеленой звезды, имевшей лишь кодовый номер в звездном каталоге, когда прозвучал сигнал срочного вызова, и появившийся в виоме Пинегин коротко сказал:

— Всем срочно на крейсер!

Грехов переглянулся с пилотом, и тот молча привел в действие автоматику возвращения.

Через минуту они уже выводили свой иглообразный кораблик из фокуса приемной антенны крейсера, пронзив около двух световых лет. Пока модуль отрабатывал команды финиш-робота, Грехов любовался корпусом «Ильмуса», излучающим ровный оранжевый свет; в настоящее время походный диск корабля оброс шестью лепестками силовых антенн и напоминал исполинскую ромашку...

Крейсеры А-класса создавались как аварийно-спасательные корабли и корабли сверхдальней разведки. Они сами могли создавать «мнимые» коридоры — основы мгновенной тайм-фаговой связи. Но в то время, как система стационарной ТФ-связи имела и передатчик и приемник, разнесенные на необходимые расстояния, и все время поддерживала открытые каналы между ними, крейсеры создавали векторные коридоры, по которым и передвигались они сами и корабли маневренной разведки в пределах двух-трех парсеков. А поскольку для поддержания векторного коридора требовалось энергии на порядок больше, чем для двустороннего, крейсеры были мощными кораблями. Диаметр диска «Ильмуса» достигал трех километров, корпус «Римана» — двойной конус — был в полтора раза крупнее.

Один за другим вынырнули ниоткуда модули других групп: мелькнули и пропали беззвучные вспышки инверсионных переходов, «Импульс» втянул все аппараты в ангар и погасил маяки.

В экспедиционном зале, где уже сошлись командиры поисковых групп, Грехову стала известна причина срочного свертывания поисков. Сверхоборотень снова показал зубы, причем буквально под носом у экспедиции. Объявился он у беты Зайца, звезды, известной землянам под названием Арнеб. Эта небольшая желтая звезда имела семью из четырех планет. Одна из них,

покрытая карликовыми лесами, пользовалась славой курорта и заповедника. Именно на ней сверхоборотень и показал еще раз свои возможности.

Он опустился вблизи северного полюса. Когда и как он там появился — не видел никто: ни отдыхающие, ни многочисленные планетарные службы, ни астрономические станции. Факт тот, что проник он на планету незамеченным и изобразил нечто вроде разбитого космического корабля, который и обнаружила семья Стенсенов.

Первым его увидел шестилетний Иво и рассказал отцу. Вдвоем они смело пошли на штурм древней межзвездной развалины — были уверены, что корабль оставлен нарочно, как памятник погибшим, — и... миссис Стенсен видела все со стороны и успела сделать несколько снимков «разбитого корабля», а также поймала момент, когда он внезапно свернулся в чудовищное черное яйцо...

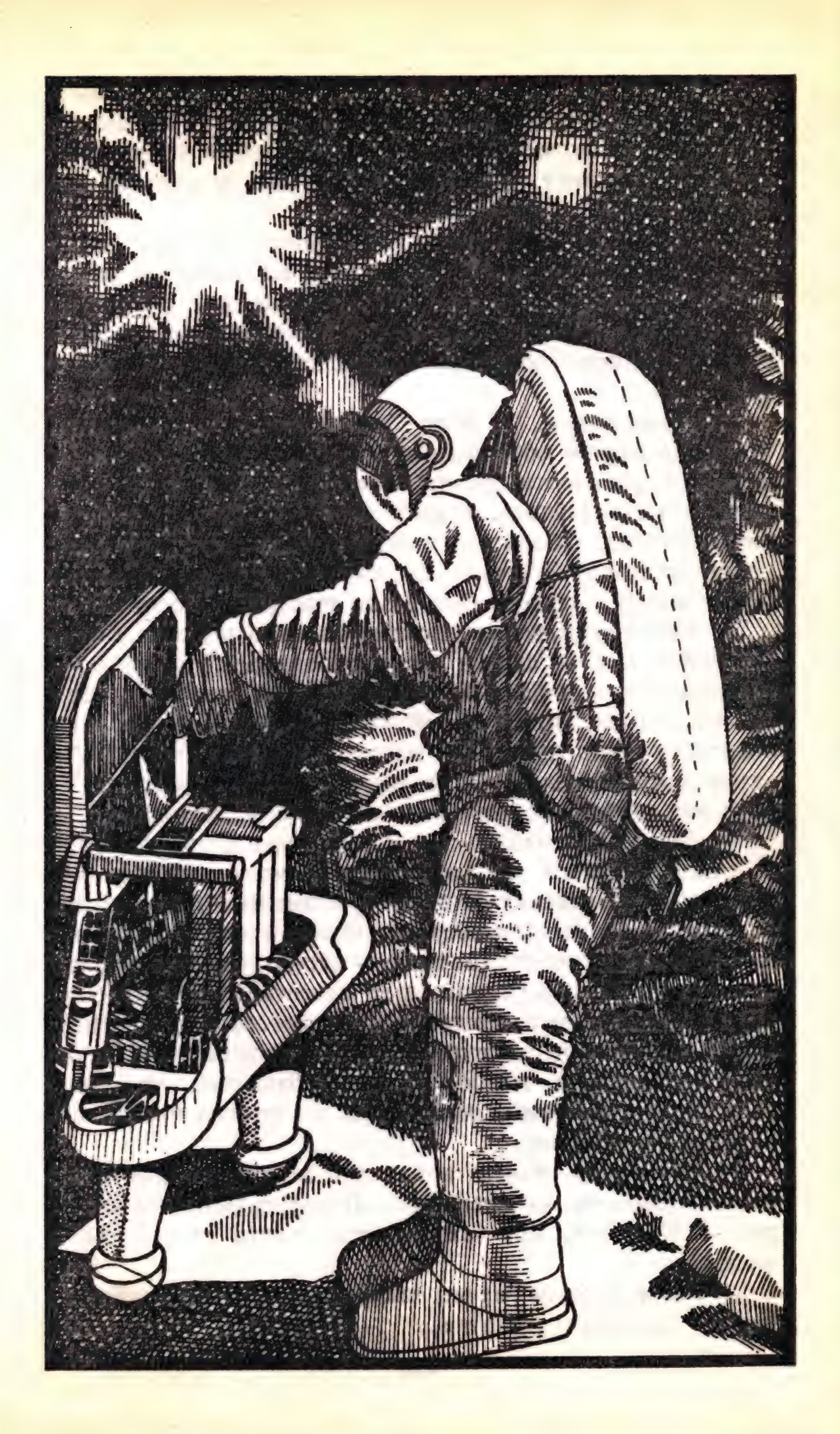
Ее нашли потом возле триера, пораженную неизвестным видом лучистой энергии. В сознание она так и не пришла.

— Каким же образом узнали, что именно сын первым заметил сверхоборотня? — спросил Грехов.

— Инфор, — коротко ответил Сергиенко. — Миссис Стенсен была корреспондентом агентства передачи новостей и успела записать несколько фраз для репортажа. Случай уникальный!

— Здесь много непонятного, — проговорил Диего Вирт. — Во-первых, сверхоборотень допустил явную ошибку, не подождав, пока третий свидетель его «открытия» не войдет в него. Во-вторых, стартуя, он вдруг оставляет следы, голограф с его изображением и инфор, что является для него прямой утечкой информации. Все это указывает либо на узколобость автомата — в таком случае сверхоборотень всего лишь автомат, действующий по программе, — либо на странность логики существ, создавших его и не боящихся, что их раскроют, если они сами находятся на его борту. Но тогда получается явное противоречие между их техническим потенциалом и логикой действий.

— Может быть, — сказал Грехов задумчиво, — сверхоборотня кто-то спугнул? Отсюда и его ошибки — торопился.

— Допустим, согласен, могли и спугнуть. Но ведь и на Быстрой, и у дельты Орфея произошло то же самое. Третий человек, не попавший в загадочные апартаменты сверхоборотня, успевает заснять его, и снимки эти доходят до нас. Совпадения?

— Это можно проверить. — Пинегин повернулся к пульту команд. — Я дам запросы на Быструю и на Арнеб-3, какие события происходили там во время похищений. — Он набрал шифр и отдал приказание инженерам связи корабля. Потом повернулся к остальным.

— Продолжим. У беты Зайца нам делать нечего. Местные власти собственными силами прочесали планету и окрестности звезды, сверхоборотня там, естественно, не оказалось. У кого есть предложения, рабочие гипотезы? Оборотень действует рядом с нами, а мы его не видим и не знаем, что он предпримет в следующую минуту. Мнение Диего мы выслушали, кто еще?

— Непонятно также, почему именно человек заинтересовал его, — сказал сосредоточенный Нагорин. — Сравнительно недалеко, в нескольких парсеках есть система, населенная расой Орилоуха... Или то, что сверхоборотень наткнулся на землян, случайность? Но самое поразительное — ни одной попытки вступить в контакт, ничего похожего на научное исследование!

— Мы избаловались, — усмехнулся Сергиенко. — Все нам доступно, мы кажемся себе могучими и непобедимыми. Галактику считаем собственным двором, и в результате появляется сверхоборотень и на своем языке поясняет: нет, ребята, космос — это не увеличенная до бесконечности Земля, это иное качество, и населен он такими существами, логика жизни которых принципиально отличается от человеческой! А может быть, причина похищений, наоборот, столь банальна, что наш увлеченный высокими материями ум просто пропустил готовое объяснение.

— Например, людей ловят для приготовления особого деликатеса, — предложил Нагорин без тени юмора. — Контакт, но, так сказать, чисто гастрономический.

— Разве первый раз мы спотыкаемся о свои заблуждения? Вспомните Тартар...

«Сергиенко вовремя упомянул Тартар, — подумал Грехов. — Нелишне вспоминать Тартар почаще. Там остался Сташевский... и многие другие. Я помню страх и боль, я дважды воскресал после Тартара... Тогда я был просто исполнителем, а теперь мои ребята, безопасники, ненамного моложе меня, идут туда выполнять то, что не выполнил я, и теперь я понимаю Кротаса, который не выдержал нервной нагрузки руководителя и ушел из управления... Я помню Тартар и потому, что не забывал его, забывать его нельзя, для меня он надолго останется точкой отсчета времени взросления. Но если там мы споткнулись о собственное незнание, что оправдывало нас социально, то теперь мы не имеем права спотыкаться, ибо никто и ничто нас не оправдает, пока гибнут люди...»

— Все мы помним Тартар. — Пинегин рассеянно пригладил прядь русых волос на лбу. — Если у вас нет предложений, то послушайте мое. Пока «Риман» обследует окрестности Арнеба, у нас есть шанс опередить сверхоборотня.

Торанц вопросительно поднял брови.

— Как?

— Первое появление сверхоборотня предполагается в гамме Единорога, так? Потом была альфа Единорога, потом дельта Орфея и, наконец, бета Зайца. А теперь соедините эти системы линией. Что получается? Идеальная прямая, вектор, идущий откуда-то из внегалактического пространства. И если это не случайное совпадение, то следующего появления оборотня следует ожидать...

— У одной из звезд Зайца, — закончил Диего Вирт, проделав в уме быстрый расчет.

— У тэды Зайца, — согласился Пинегин. — Конкус, красный карлик с единственной геоподобной планетой. Теперь давайте обсудим план действий...

«Задача усложняется, — думал Грехов. — Предстоит, наверное, блокировать целую планету! Хватит ли двух наших крейсеров и полусотни модулей? Что, если предположение Петра не отражает истины? Что тогда? Где искать сверхоборотня? И кто он? Пришелец из глубины метагалактики? Случайный гость? Или наоборот — хозяин?»

Он невольно посмотрел на черный провал главного виома, открытого на бедную звездами область пространства.

«Ильмус» плавно изменил ориентацию и замер перед прыжком, пока автоматы рассчитывали тончайшие процессы тайм-фагового режима.

ЗАСАДА

Невидимой и неслышимой тенью модуль скользнул над сплошным морем тумана, окунулся в него целиком. Едва ощутимая дрожь корабля ушла в корму, он медленно и плавно развернулся в положение финиша и замер. Пилот включил обзорный виом, и словно водопад мутного молока хлынул в рубку — туман был непроницаем.

Грехову показалось, что он одновременно ослеп и оглох. Он даже протер глаза и потряс головой, избавляясь от наваждения. Но это длилось лишь несколько мгновений. Туман заговорил. В его речи слышались вздохи, тяжелые шаги, мокрые шелесты, шлепки по воде и долгое булькающее пыхтение...

Утро в этом мире без конца и без начала уже наступило, серо-белое и безотрадное, но рассеять туманный слой, плотный, как желе, было не в силах. Модуль оказался в белесом нигде без неба и земли, лишь виом спутника-сторожа, сброшенного перед посадкой, показывал над сплошным плесом тумана изломанную дугу горного хребта, словно плавающего в воздухе невесомой громадой.

Грехов представил, как на планету сейчас со всех сторон садятся корабли десанта, и унял поднявшееся было волнение. В ходовой рубке кроме него располагались еще одиннадцать человек и пилот, поэтому рубка представляла собой зрелище странное и не радующее глаз, особенно для пилота Саши Леха. Но если бы можно было сюда впихнуть еще с десяток оперативников, Грехов сделал бы это не задумываясь, так как модули садились на расстоянии в пятьсот километров друг от друга, и двенадцати человек для контроля гигантского квадрата суши в двести пятьдесят тысяч квадратных ки-

лометров было слишком мало, несмотря на отличное техническое оснащение групп. Даже сотни человек, наверное, было мало. «Риман», высадив свои засадные отряды, умчался к Земле за помощью, но успеет ли он до появления сверхоборотня, никто не знал.

— Сначала небольшой инструктаж, — сказал Грехов негромко. — Касается всех, руководителей патрульных групп тоже. Вот карта нашего квадрата. — Он включил проектор и развернул цветную объемную карту района патрулирования. — Группе Шебранна: район от западного склона хребта до Чероки-озера.

Рубиновые линии отчеркнули на карте квадрат группы.

— Группе Танича: от реки Воскрешения до цепи морен Форта Надежды. Дальше иду я. Особенно внимательным надо быть тебе, Алеша. У тебя там туристский кемпинг, и хотя люди предупреждены...

— Все будет как надо, командир.

Грехов поморщился и запнулся, тонкое живое лицо его стало непривычно хмурым и неприветливым.

— Люди предупреждены, но риск не уменьшается, причем риск смертельный. Конкретных примет сверхоборотень не имеет, поэтому о любых, пусть самых неожиданных ассоциациях немедленно сообщайте мне. Главное — упредить оборотня, найти его прежде, чем он успеет поймать очередную жертву. Хочу предупредить также: знаю, стрелять вы умеете, так вот — стрелять только в случае прямой угрозы для жизни. Понятно?

— Понятно, — ответил за всех скучающий Шебранн. Грехов внимательно посмотрел на него, но промолчал. Он обратил внимание на поведение пограничника еще на крейсере. Шебранн работал у Вирта, ничего существенного о его характере Грехов не знал, но помнил предупреждение Диего, что Шебранн пограничник опытный, хотя и не без некоторой рисовки. Что ж, поживем — увидим.

— Теперь экипировка.

Грехов кивнул, пилот вскрыл в полу рубки люк багажного отсека.

— Антигравы.

Лех опустился вниз, и через минуту манипулятор подал из-под пола связку ремней крест-накрест, скрепленных квадратными пряжками излучателей.

— Экзоскелетные пленки...

Лех достал ворох коричневых толстопленочных костюмов, увеличивающих силу человеческих мышц.

— Рации и оружие.

Рации представляли собой дырчатые шлемы с наушниками, оружие — пистолеты «универсал», привлекающие внимание хищной и грозной красотой.

— Вылет через полчаса. Сейчас всем полная медицинская профилактика, без исключений. Еще раз спрашиваю — всем все понятно?

— Ясней ясного, — сказал Шебранн. — Одно непонятно: зачем нам экзоскелетон? Лишний вес. Мы и сами не хлюпики.

У Грехова сузились и расширились крылья тонкого носа. Несколько секунд он молчал, потом неожиданно усмехнулся.

— Лишний вес, говорите? Подойдите ко мне.

Шебранн пожал плечами и протиснулся между креслами к пульту управления. Он был на две головы выше и чуть ли не вдвое шире командира, и Грехов снова усмехнулся в душе, зная, насколько обманчив его мальчишеский вид.

— Вот моя рука, согните в локте... так. Возьмите мою, упор в ладонь, а теперь попытайтесь пережать мою руку вниз.

Шебранн откровенно улыбнулся, оглядываясь на оживившихся товарищей, которые придвинулись ближе, ожидая необычного состязания. Забара и Лех, знавшие силу командира, переглянулись.

— Начинайте, — кивнул Грехов, — смелее...

Шебранн осторожно нажал, боясь сломать хрупкую, по сравнению со своей, руку Грехова. Тот даже не пошевелился. Тогда он нажал сильнее — никакого результата! Покраснев от досады, пограничник напряг мышцы в полную силу — рука Грехова и он сам казались отлитыми из металла.

— Все? — буднично спросил начальник отдела, будто вовсе не он сопротивлялся мощному натиску соперника. Потом медленно оттеснил руку Шебранна влево и дожал.

— Теперь понятно, зачем экзоскелетон?

Красный и злой Шебранн вскочил с пола, растирая запястье правой руки. Во взгляде его читалось недоумение.

— Вы, наверное, заранее надели на себя экзопленку.

— Обыкновенный рабочий костюм. Кстати, вешу я при моем росте сто с лишним килограммов. А виновато в этом феномене мое детство. Наверное, мало кто из вас помнит аварию на «Дерзком»? Я родился на этом корабле и десять лет рос в поле тяготения, в три раза превышающем земное... Ну ладно, это все дела давно минувших дней. А усилители силы мышц нам очень могут пригодиться, потому что никто не знает, во что или в кого превращается сверхоборотень. Забара и вы, Шебранн, останьтесь. Группу Шебранна поведете вы, Ивадари. Пожалуй, так будет лучше. Сам он пойдет со мной. Если нет вопросов — в дезкамеру!

Ходовая рубка постепенно опустела, груда снаряжения на полу растаяла. Грехов подождал, пока закроется люк, и посмотрел в лицо Шебранну.

— Мне не нравится ваша амбиция. В деле, которое нам предстоит, слишком много неизвестного, поэтому я не имею права рисковать, посылая старшим патрульной группы несдержанного человека.

Пограничник побледнел, уши его, наоборот, вспыхнули.

— Я мог бы вообще отстранить вас от операции, — продолжал Грехов холодно, — но, во-первых, катастрофически не хватает людей, а во-вторых, за вас поручился Диего Вирт, а ему я верю.

Габриэль отвернулся и щелкнул пальцами, переводя взгляд на пульт. Пилот понял, что нужна связь с крейсером.

— Пойдемте со мной, — закончил командир отряда. — Все, что я говорил на инструктаже, вы обязаны выполнять безоговорочно, и мой вам совет: не щеголяйте своим послужным списком и не делайте вид, что вам сам черт не брат! Это не принято даже среди стажеров. Вы поняли меня?

Шебранн молча отвернулся.

— Крейсер на связи, — сказал Лех.

— Хорошо, — сказал Пинегин, выслушав краткий отчет Грехова, и отвел в сторону свои мрачноватые, близко посаженные глаза. — Связь со мной с этого момента

держи лишь в случае крайней необходимости: кто знает, на что еще способен сверхоборотень. Может, он пеленгует и ТФ-передачи.

— Как дела у Диего?

— Все в порядке. Он только что спрашивал о тебе. Кстати, ты особенно в бой не рвись, мне нужны лишь сведения о появлении оборотня, а не лихие погони со стрельбой. Как говорили раньше: вперед не суйся, сзади не оставайся, в середине не толкайся, но...

— ...инструкцию знай! — без улыбки докончил Грехов. — Инструкцию я знаю. Лучше скажи, ученые могут наконец определить, что такое сверхоборотень? Трудно бороться с неведомым противником. У нас же куча представителей ИВК: Сергиенко, Талгревенн, Нагорин. Они-то почему не подключаются?

— Они давно подключились, но информации, сам знаешь, кот наплакал. Кстати, откуда тебя знает Сергиенко? Он тут мне все уши прожужжал, распевая тебе дифирамбы.

— По Тартару.

Пинегин кивнул и перевел разговор на другую тему. Он знал, какую роль сыграл Грехов в конфликтной ситуации контакта на Тартаре.

— Ты ждешь чего-то еще? — спросил он. — С Землей связи пока нет, на время операции. Я понимаю, Полина... Попробуем связаться через ретранслятор, я потом дам знать. Не волнуйся, все будет хорошо.

Грехов прищурился, слабо усмехнулся.

— Философ ты, однако...

Посидев минуту, он протянул руку и выключил связь. Тень грусти промелькнула на его лице так быстро, что ее заметил только сидевший рядом внимательный Игорь Забара.

— Вот и наша минута пришла, — проговорил наконец заместитель начальника отдела, — уходить и прощаться без слов...

Они уходили последними.

Туман у модуля так и не рассеялся: то ли корабль сел в болотистой низине, то ли это было особенностью местной природы. Обходя круглое тело модуля, Грехов

спугнул стайку каких-то молчаливых существ и включил антиграв.

Все трое выскочили из туманного одеяла прямо под серебристым шариком телезонда и направились в сторону моренной гряды под названием Форт Надежды, к границе подконтрольного группе района.

Всем участникам операции пришлось выучить с помощью гипнопеда планетографию своего участка, поэтому в рельефе проплывающей под ними местности Грехов разбирался хорошо. Над рекой Воскрешения он уверенно повернул навстречу встающему светилу.

Редкие туристы и многочисленные исследователи посещали эту планету просто: входили в кабину тайм-фага на Земле и спустя мгновение выходили из кабины приемного тайм-фага на планете. Но именно присутствие на Конкусе стационарного ТФ-комплекса и увеличивало опасность положения: несмотря на то что пассажирское сообщение Конкуса с Землей было временно приостановлено, все же сверхоборотню самым удобным для засады местом являлся тайм-фаг, а также поселки исследователей и туристов вокруг него.

Снизившись над сплошным лиственным покровом сельвы, Грехов оглянулся, но найти место посадки уже не смог: сзади до горизонта тянулась однотонная стена серого тумана, смыкающаяся с такой же однообразной стеной небосклона. Все на этой планете казалось серым или бесцветным, то ли из-за эффекта освещения, то ли в действительности мир Конкуса имел серую окраску.

Экзоскелетный костюм почти не увеличивал массивность и объем человеческого тела, и двести километров до Форта Надежды они преодолели за три четверти часа. Отсюда и следовало начинать патрульное барражирование вдоль полосы обитаемой земли, в центре которой находилась станция ТФ-сообщения.

С воздуха моренный вал, источенный эрозией, действительно напоминал полуразрушенные каменные постройки, вернее, многокилометровую каменную стену с бойницами и башнями, и Грехов понял планетографов, давших следу древнего ледника название Форт Надежды.

У одной из башен они спланировали на почву, и Грехов проверил связь с остальными группами. Все склады-

валось нормально: спасатели и пограничники начали патрулирование, ничего подозрительного за это время не наблюдалось.

— Пойдем и мы, — сказал Грехов, оглядывая напарников. Шебранн был хмур и рассеян, но и это было в порядке вещей. Главное, чтобы урок пошел впрок. Второго спутника, Забару, Грехов знал давно и был спокоен за него во всех смыслах.

— Вперед пойду я и... Шебранн. Ты, Игорь, пойдешь страхующим. Следи не столько за обстановкой, сколько за нами. Держись метрах в двухстах, но не отставай.

— За тылы не беспокойся, командир.

— Поначалу, думаю, осмотрим тайм-фаг и его окрестности. Потом поселок биологов и всю остальную территорию. Ну, вперед!

Грехов полого поднялся в воздух, сориентировался и направился к небольшому ржавому облачку на горизонте — единственному объекту, нарушающему серую «гармонию» Конкуса в этом районе.

ЗАСАДА
(продолжение)

ТФ-комплекс открылся неожиданно за крепью пузырчатых растений в котловине: голубая искусственная платформа с жилыми коттеджами, эллингом для прогулочных аппаратов и техническим центром. Самой примечательной чертой комплекса была приемная ТФ-камера, построенная в стиле «модерн» — эллипсоид, рассеченный тремя плоскостями. Передающая камера была построена в стиле «ретро» — миниатюрный замок с зубчатыми стенами и башенками.

Грехов посмотрел на часы, хмыкнул и опустился за полкилометра до платформы, жестом давая понять Забаре, что тот должен остаться здесь.

— Пройдем пешком. Посмотрим издали на эллинг, камеры, генераторы. Потом проверим границы квадрата.

— Вид у нас довольно подозрительный, — сказал Шебранн, похлопав по упругой пленке экзоскелетона. — Не покажется ли это странным наблюдателям оборотня?

Грехова тоже беспокоил этот вопрос, но отвечать он не стал.

Лес у ТФ-комплекса был редкий, похожий на свежую посадку. Деревья в нем достигали высоты всего двух-трех метров и напоминали пыльно-прозрачных водянистых осьминогов с ветвями-щупальцами, утыканными присосками-пузырями. В этом лесу невозможно было спрятаться, он просматривался метров на двести вперед, и тем не менее оказалось, что в нем прятались... нет, не люди. Гуманоиды — может быть, но не люди.

Разведчики успели пройти половину расстояния до платформы с тайм-фагом, и в это время на них со всех сторон набросились странные существа, не то заросшие густой серой шерстью, не то одетые в пушистые комбинезоны. Руки и ноги — вполне человеческие, а головы напомнили Грехову стереографии из цикла «Вещи смотрят на нас»: круглые башни с глазами-бойницами, ртом-дверью и конической макушкой-вершиной. Носов у незнакомцев не было совсем.

Грехов реагировал мгновенно, мозг работал ясно и четко, страха не было.

— Беги! — выдохнул он.

Шебранн заколебался, не отрывая взгляда от стремительно приближавшихся серых фигур.

— Пошел! — глухо рявкнул Грехов и с силой толкнул пограничника в спину. Шебранн включил антиграв, стал подниматься в воздух, но двое серых прыгнули за ним, схватили за ноги, остальные бросились на Габриэля. Оружия у них не было, и Грехов не стал вытаскивать свой «универсал». Не потому, что это было бы «не по-джентльменски», а потому, что всегда помнил завет Даль-разведчиков: применять оружие только в случае прямой угрозы для жизни.

Все дальнейшее произошло в течение полминуты.

Шебранн смог освободиться от захвата серых и свечой взмыл в воздух, подавая сигнал тревоги. Забара уже мчался к ним на полной скорости, но опоздал.

Грехов увернулся от первого нападавшего, схватил второго за шею и ударил приблизившегося сзади обеими ногами в прыжке. Падая, увлек противника за собой и с трудом перебросил через себя, удивляясь неожиданной его массе: весил серый нечеловек килограммов

двести. Мгновенно вскочив, Габриэль оказался лицом к лицу с двумя оставшимися серыми, не успевшими вмешаться в схватку.

Азарта не было, был холодный расчет и желание объясниться.

— Послушайте... — начал он, но договорить ему не дали. — Что же вы, ребята, так невежливы?

Выпад в живот, нырок под стремительный ответный удар второго. Еще выпад, тяжелый удар в плечо, «аж загудело!» — как сказал бы Нагорин. Еще двое сзади. Одного в лицо — извините, жестоко, но не смертельно! Второго боковым «косым флинтом», третьего на себя и сверху «цепом», полежи, дружок... Четвертый все же успел зацепить — словно молотком ахнул! Габриэль отлетел в сторону. На ногах, однако, удержался, помог экзоскелетон, но по достоинству оценил чудовищную силу противника. «Вот тебе и контакт! — мелькнула мысль. — Обыкновенная, ничем не спровоцированная драка!» Габриэль отступил на шаг — для обдумывания ситуации, но серый не дал на это времени. Он неуловимо быстро шагнул к человеку, рука дернулась вперед вместе с плечевым суставом, совершенно не по-человечески. Грехов уклонился от нового удара, не слыша, как Забара и Шебранн кричат: «Держись, командир!» — перехватил длинную серую руку, завел ее за себя и вбок, одновременно делая поворот вправо. Серый переломился в поясе, и тогда Грехов рубанул его сверху по безобразно толстой шее, вкладывая в удар всю силу и мощь скелетона.

В следующее мгновение Грехов нырнул вниз, под руки очухавшихся серых, перекатился на бок и включил антиграв, дав полную тягу. От перегрузки едва не потерял сознание.

Серых внизу словно ветром сдуло, исчезли, как тени. Сквозь прорвавшиеся извне звуки конкусского вечера донесся тихий отчетливый свист, и с высоты сотни метров, куда унес его антиграв, Грехов увидел, как недалекая поверхность платформы тайм-фага исказилась, задрала края вверх, превращаясь в кокон, и на человека надвинулось нечто напоминающее гигантское черное яйцо.

Удар столкновения сбросил Грехова с пути движения «яйца», прочертив дугу, он упал в заросли пузырчатого

кустарника. Переворачиваясь на спину, достал «универсал», но выстрелить не успел: одолела внезапная слабость, Грехову все стало безразлично. «Уйдет!» — вяло подумал он, роняя оружие.

С громовым ударом черное пятно сверхоборотня исчезло. А еще через некоторое время яркий белый свет упал сверху и огромный диск придавил ложбину. Крейсер «Ильмус» опоздал всего на минуту.

В долине, которую только что покинул сверхоборотень, начался переполох: бежали люди, кто-то громко давал распоряжения, а над Греховым склонились два лица: недоверчиво-испуганное Шебранна и озабоченное Диего Вирта.

«Ничего, все в порядке», — хотел сказать Грехов, но сознание почему-то ускользало, он с удивлением прислушался к своему телу, не веря, что оно отказывается повиноваться...

НА ГРАНИ ПРОВАЛА

Сознание вернулось к Грехову только спустя двое суток.

Крейсер совершал челночный поиск по трассе тэта Зайца — кси Голубого Колодца. Сверхоборотень ушел куда-то в этот район, ушел не один: как теперь знали люди — передвигались сверхоборотни группой в девятьдесять особей. На Конкусе они появились сразу в девяти районах, и, если бы не принятые меры, могло произойти массовое похищение людей. Но, несмотря на тщательную подготовку операции и техническую оснащенность отрядов, сверхоборотни ушли все до единого. Локаторы крейсера поймали их в околопланетном пространстве сразу же после выхода и почти тут же потеряли, успев засечь примерное направление бегства. Группа оборотней ушла к оранжевому карлику кси Голубого Колодца, подтвердив тем самым гипотезу Пинегина: двигались они действительно по прямой.

В медцентре крейсера было тихо, но откуда-то до слуха долетали неразборчивые фразы, обрывки слов. Грехов сначала отнес это к слуховой галлюцинации, потом понял, что слышит голоса из динамика в углу комнаты.

Тогда он приказал координатору палаты включить интерком — систему внутренней связи.

Стена напротив кровати «провалилась» в экспедиционный зал крейсера, и Грехов увидел компанию: Торанц и Джаваир, руководитель второго сектора УАСС, сидели, Диего Вирт, Нагорин и Пинегин стояли. Петр, сцепив руки на груди, рассуждал:

— Мне кажется, появление сверхоборотня не следует считать вторжением, хотя выглядит это именно так. Движутся они прямолинейно, я не понимаю, в чем тут дело, почему они так несвободны в выборе направления; о причине такой скованности можно только гадать. Появление их также загадочно: у ближайшего звездного окружения мы не обнаружили цивилизаций. Может быть, это пришельцы из другой галактики? Правда, если обратить вектор их движения вспять, то он упрется в абсолютно свободное пространство. И хотя примерно в том направлении находится квазар Дитя Большого Взрыва, до которого около семнадцати миллиардов световых лет, предполагать, что сверхоборотень явился оттуда, несерьезно. С другой стороны, скорость движения их группы довольно высока...

— Главное сейчас не в их загадочности, — сказал бесстрастный, как всегда, Джаваир, щуря узкие черные глаза жителя Азии, создающие впечатление бойниц на сухой, коричневой от загара крепости лица. — Главное, что оборотни постепенно проходят бедные населенными планетами окраины Галактики и скоро вонзятся в недра нашего спирального Рукава[1]. А там, вы знаете, десятки аванпостов и поселений человечества. Это новые потери и жертвы. Кроме того, возможно, пойдут планеты, населенные существами иных цивилизаций, и за них мы тоже теперь в ответе.

— Говорите конкретно, — глуховатым голосом произнес Торанц. — Что можно сделать со сверхоборотнями и какие средства может выделить Земля на эту операцию?

— Любые! — раздался высокий, с металлическими обертонами голос из затемненного угла зала. Человек

---

[1] Наша Галактика состоит из пяти спиральных Рукавов, Солнце входит в число звезд Рукава Ориона.

встал, и Грехов узнал Банглина, заместителя председателя Высшего координационного совета Земли (ВКС). — Любые. Но это совсем не означает, что достижение контакта с ними возможно лишь посредством оружия. Последнее условие налагает на всех нас дополнительную ответственность, причем не столько за установление контакта, сколько за жизнь людей, которые и не подозревают о существовании оборотней. Прав Доминик, не время сейчас решать, разумен сверхоборотень или нет, животное он или звездолет с экипажем. Действуют оборотни не совсем чисто, но ведь и мы действуем не лучшим образом. Необходимо как можно скорее выработать стратегию дальнейшего поведения, учитывая прошлые ошибки, а они, к сожалению, были.

Банглин вернулся в кресло, помолчал и спросил:

— Почему же, однако, все девять оборотней ушли от нас? Сколько усилий — и впустую! И еще это странное происшествие с группой Грехова... Кстати, почему заместитель начальника отдела лично участвовал в операции? Не хватает специалистов?

Пинегин нахмурился.

— Специалистов такого класса действительно мало, хотя я и не одобряю его решения. Что касается срыва операции... Сверхоборотни взлетели до того, как мы узнали, где и в качестве кого они прячутся. Мне кажется, они централизованно получили сигнал от одного из своих приятелей на орбите. Этот оборотень мог заметить что-то подозрительное из космоса, как было уже два раза — мы проверили случаи на Быстрой и Арнебе-3. А с Греховым действительно произошел интересный случай, и необъяснимый.

— Не из-за действий ли этой группы все остальные оборотни встревожились и ушли?

— Нет, — уверенно возразил Пинегин. — Габриэль Грехов действовал абсолютно правильно и сделал все, что мог.

— Понятно. — Банглин погрузился в размышления. — Так что, по-вашему, представляют собой эти серые драчуны?

— Есть целых три гипотезы на этот счет, — вступил в разговор Нагорин. — И все три, — он помолчал, подбирая формулировку, — одинаково уязвимы. Первая:

серые люди — название условно — существа, захваченные оборотнем на его пути. Вторая — это «люди для контакта», нечто вроде роботов или биороботов, существующих для переговоров с людьми. И третья гипотеза: серые люди — члены экипажа сверхоборотня, его строители или повелители. Почему они напали на Грехова, с какой целью, — неизвестно.

— Любопытно, — сказал Банглин. — Ну, а какая, по-вашему, гипотеза ближе к истине?

Грехов почувствовал головокружение и некоторое время отдыхал, потеряв нить разговора. Ответ Нагорина он пропустил, но затем говорил Сергиенко, совершенно не изменившийся за четыре года, истекшие с момента первого штурма Тартара.

— Мы знаем, — сказал он, — что сверхоборотни путешествуют группой. Мы знаем, что они могут превращаться в любое материальное тело, вплоть до, казалось бы, непредставимого — в озеро! Размеры их колеблются от сотен метров до одного километра, такова оценка машин. Скорость передвижения в космосе лишь немногим уступает скорости наших кораблей в ТФ-режиме, хотя расчеты мои неточны: я считаю скорость оборотней по их появлению у звезд, а ведь они, наверное, не сразу начинают охоту, определенное время тратится на разведку и подготовку. Таким образом, скорости их огромны, что указывает на энергетическую независимость. В сущности, мнение моих коллег и мое собственное таково: сверхоборотень — аппарат, управляемый разумными существами. Происшествие с Греховым, на мой взгляд, подтверждает это достаточно основательно.

— И все же что-то здесь не так, — задумчиво сказал Торанц. — До сих пор поведение оборотней было так прямолинейно, что разумным его не назовешь. А нападение серых людей, живущих в сверхоборотне, только подтверждает их низкий уровень. Что кроется за нападением? Какая цель? Захват в плен? Это можно было бы сделать гораздо проще и изящней, без кулаков и приемов, устаревших более двухсот лет назад. Какое-то странное несоответствие логики: колоссальная мощь соседствует с примитивностью способов ее использования!..

Грехову не суждено было выслушать всех участников оперативного совещания. В комнату вошел врач, выслушал сообщение киб-диагноста и, несмотря на слабый протест больного, выключил виом.

Через три дня крейсер прибыл в систему кси Голубого Колодца. По мнению Грехова, название для созвездия, состоящего из дюжины желтых, оранжевых и красных звезд, было выбрано неудачно.

К тому времени Габриэль был уже почти здоров. Разряд неизвестного излучения, которым окатил его сверхоборотень на прощание, оказался слабым и не затронул основных нервных центров.

Оранжевый карлик кси Голубого Колодца не имел официального названия, только регистрационный номер, зато владел обширной планетной системой в двенадцать планет и двумя поясами астероидов. Одиннадцать внешних планет походили на древний Плутон — снежно-ледяные облака, не успевшие сформироваться в «настоящие» плотные планеты, и лишь ближайшая к звезде обладала атмосферой и хилой растительностью. Поселений землян здесь не было, только вблизи экватора некогда разведчики — причем разведчики другой цивилизации, орилоухской — оставили автоматическую станцию-маяк, для тех, кого фантазия когда-нибудь заставит посетить эту систему.

«Ильмус» вышел на мегаметровую орбиту вокруг планеты и выслал во все концы системы модули и автоматические зонды. Сверхоборотни должны были хотя бы пройти мимо, обследуя планеты, и стоило попытаться обнаружить их в этот момент. Правда, эта точка зрения была уязвимой с тех позиций, что целей экипажей оборотней никто знать не мог.

«Задерживаться они, скорее всего, не станут, — думал Грехов, покидая медцентр. — Убедятся, что система необитаема, и уйдут. Успеем ли мы обнаружить их до этого момента? Конечно, на всем предполагаемом пути их следования люди предупреждены и готовы к встрече, но ведь ничто не мешает им изменить маршрут...»

Он остался на крейсере вместе с Пинегиным. Диего руководил звеном модулей и ушел со своими к самой

отдаленной планете; уходя, пожелал Грехову скорейшего выздоровления.

В полутемном зале мерцали виомы, связывающие крейсер со всеми модулями. Банглин переговаривался с Ненароковым, Сергиенко с эмканом на голове работал с координатором корабля. Один Пинегин медленно ходил вдоль вогнутой стены главного виома и посматривал на окно оперативных экранов, показывающих одну и ту же картину: темный шар планеты и черно-звездное поле космоса. Если приглядеться, шары планеты были разными, — это значило, что модули заняли места каждый возле своей планеты.

Подойдя к Грехову, Пинегин остановился.

— Выздоровел?

— Вполне. Но ты же знаешь врачей...

— Ожидание, боюсь, будет долгим. — Пинегин посмотрел на часы. — Извини, ничего нового о Полине сообщить не могу.

— Я понимаю, Петр, — сказал Грехов. — Я спокоен. Сам же говорил: в наше время от родов не умирают. Твои слова?

— Добро. — Пинегин внимательно всмотрелся в спокойные черные глаза заместителя и встал. — Отдыхай, ты мне нужен здоровым и уверенным. Чует мое сердце, что и в этот раз операция сорвется.

Он махнул рукой и отошел.

— Типун тебе на язык! — пробормотал Грехов ему вслед, оставаясь сидеть. Напоминание о жене задело струну памяти, и та послушно нарисовала перед ним плачущую Полину... Интересно, где она сейчас? Неизвестность — хуже беды, хотя к делу это не относится. Приказано отдыхать и быть здоровым и уверенным.

Грехов соединился с рубкой и попросил Ненарокова дать ему любой модуль.

Командир «Ильмуса» был немолод и опытом обладал немалым. Зная ранг пассажира, он не стал спрашивать, зачем ему модуль, и доказывать, что одному на разведшлюпе уходить с корабля рискованно, а просто и спокойно посоветовал взять с собой группу.

— Спасибо, — ответил Грехов. — Я возьму с собой вашего пилота и одного из своих парней.

Желание выбраться «на волю» возникло остро и сильно. Оно не подкреплялось оперативной обстановкой или практическими соображениями, но Габриэлю хотелось убедиться, что с ним все в порядке, поэтому он не стал углубляться в дебри самоанализа.

Через десять минут десантный шлюп типа «Привидение», способный становиться невидимым в очень широком диапазоне частот электромагнитного спектра, оторвался от технопалубы «Ильмуса» и за полчаса покрыл расстояние до ближайшей к звезде безымянной планеты, у которой кружил крейсер. Облетев ее кругом, Грехов дал знак пилоту, и модуль вошел в атмосферу экваториальной зоны, направляясь к единственному океану, на берегу которого стоял построенный косморазведчиками Орилоуха маяк.

Сели на широкой полосе ослепительно белого кварцевого песка, за которой шло зеленое глянцевое поле с едва заметной рябью волн, на редких, чистых от водорослей полосах — таким здесь был океан, почти целиком заросший водорослями.

Поглядев в пустое зеленовато-желтое небо, Грехов в сопровождении Забары направился в сторону куполовидного возвышения, похожего на лысый череп погрузившегося в землю великана. На макушке холма играло разноцветными огнями непонятное издали сооружение — орилоунский маяк.

Подножие холма заросло буро-коричневыми, с фиолетовым отливом, папоротниками — единственным видом растений, выбравшимся на сушу из океана. Папоротники были хрупкими на вид, но железными и упругими на ощупь, с режущими кромками листьев. Если бы они росли гуще, пробираться через них было бы непросто.

Поднялись на вершину холма и остановились. Даже вблизи орилоунский маяк ничем не раскрывал своего предназначения, он вообще ни на что не походил, хотя по человеческим понятиям и принадлежал к классу искусственных сооружений, созданных разумными существами.

Судя по архитектуре сооружения, орилоуны не были гуманоидами. Их маяк был сложным нагромождением всевозможных геометрических фигур: «ежей», ре-

шеток, труб, конусов, плоскостей, коленчатых рычагов и сотен других мелких деталей, создающих необычный пространственный рисунок, который тем не менее не был бессмысленным, но подчинялся иной, отличной от человеческой, логике и мироощущению. Многие детали светились, а в глубине выпуклых полушарий на концах гофрированных шлангов, похожих на фасетчатые глаза насекомого, мигали огни: голубые, желтые, зеленые, оранжевые. Мигали с разной частотой, как подметил Забара.

Обошли маяк кругом. Ни одного следа, холодная серо-белая поверхность скалы была девственно чистой, орилоуны знали свое дело и построили маяк без единого нарушения экологической этики.

— Желудок, — нарушил молчание Забара.

— Что? — удивился Грехов.

— Похоже на желудок, оперированный и выброшенный за ненадобностью.

Габриэль улыбнулся, оценивающе глядя на маяк.

— Что-то в этом есть. Вероятно, орилоуны не придавали большого значения эстетике своих изделий. Вы когда-нибудь видели орилоуна?

Забара отрицательно качнул головой.

— Вообще-то странная раса. Непонятно, почему они не идут с нами на контакт...

Грехов вспомнил, как впервые увидел орилоуна, мертвого. Было это семь лет назад, еще до экспедиции на Тартар. Крейсер Даль-разведки «Урал», в экипаж которого входил молодой Габриэль, открыл у альфы Рыси планету, на которую в это же самое время пыталась высадиться экспедиция орилоунов. В реестре экологических типов планета значилась под индексом Ад-9, то есть имела природные условия, близкие к пределу Тагора — максимальной непригодности не только для колонизации, но и для исследования. Даже Юпитер, гигант Солнечной системы, был проиндексирован по шкале Тагора как планета типа Ад-4. А тут Ад-9! И все же орилоуны пошли на планету, невзирая на вежливый совет командира «Урала» не рисковать понапрасну. Они разбились и не стали звать на помощь, хотя могли это сделать не раз. Неизвестно, что ими руководило, гордость или сложные расовые традиции. Когда спасательный отряд с «Урала»

нашел их корабль, в живых не осталось никого. Грехов в числе семи человек группы риска впервые увидел мертвого орилоуна: трехметровую глыбу не то металла, не то камня, с тремя выпуклостями на теле, с большей из которых смотрели на людей остановившимся взглядом неожиданно земные, не человеческие, а скорее кошачьи, прозрачно-желтые глаза... Так и осталось тайной стремление экипажа орилоунского космолета произвести посадку в кромешной тьме электрического ада, пронизанного дыханием смерти...

Вернувшись на «Ильмус», Грехов доложил Пинегину о своей готовности к работе, ни словом не обмолвившись о полете к орилоунскому маяку. Надо было бы оправдываться, искать объяснение поступку, хотя ничего криминального в нем и не было. Но короткое полуторачасовое путешествие помогло Габриэлю встряхнуться и настроиться на необходимую волну готовности к новым неожиданным встречам. Спал он спокойно.

Трое суток дежурили земные корабли в системе кси Голубого Колодца. Локаторы крейсеров прощупывали межпланетное пространство с точностью до метра. Казалось, ни одно тело не могло проскочить сквозь этот заслон незамеченным. Скептические настроения среди экипажей крейсеров множились и росли. Гипотеза Пинегина подвергалась нападению специалистов ИВК, которые не оставили от нее камня на камне. Но сверхоборотни «не подвели» начальника экспедиции. Они появились неожиданно и в самом центре системы, подтвердив тем самым умение двигаться в высших пространствах тайм-фаговых коридоров.

Пинегин сыграл тревогу, и через несколько минут все модули повернули к четвертой планете звезды, возле которой хищной стаей кружили девять тел.

— Мне почему-то в последнее время кажется, что мы поспешили с выводами, — нарушил молчание Сергиенко. — Это семья, семья животных пространства.

— Почему? — спросил Банглин.

— Потому, что любое разумное существо способно к обобщениям и давно бы поняло, что за ним следят, его ищут. Оборотни же сломя голову мчатся по пря-

мой! Действительно никого не боятся? Открытие их — великая и трагическая случайность! Их счастье, что на пути то и дело попадаются звезды с населенными планетами. Измени оборотни угол вхождения в Галактику на градус, они пронзили бы ее, почти ни разу не встретив звезды.

— Но, может быть, это все-таки автоматические устройства, действующие по программе? — пробормотал Банглин.

Пинегин включил главный виом крейсера, и присутствующие в зале оказались в черной пустоте над пепельно-серебристым серпом планеты. Передачу вел модуль, шедший с малой маневровой скоростью, поэтому серп постепенно утончался и скоро исчез совсем.

— Где же они? — поинтересовался Сергиенко.

— Виктор, дай контуры на виом, — попросил Пинегин.

Ненароков подключил локаторное зрение на видеосистему экспедиционного зала, и все сразу увидели впереди модуля мерцающее зеленоватое пятно. Это шла группа оборотней. Выделились и остальные модули, ранее не видимые, — рубиновые черточки по разные стороны тесной группки неведомых созданий.

Из-за горба планеты выскочило оранжевое светило, и видимость ухудшилась. Земные корабли снова затерялись в пространстве.

— Сближайтесь, — подал команду Пинегин. — Будьте внимательны. Все наблюдают объект? Сколько оборотней в группе?

— Вижу девять, — отозвался Диего Вирт.

— Их же было десять, — тихо сказал Сергиенко.

— Вполне вероятно, что десятый пошел на планету для разведки. А может быть, прячется где-то для страховки.

— Витя, обыщи всю систему, — сказал Пинегин. — Появится десятый — немедленно сообщи.

— Не вижу, — отозвался командир крейсера. — Кругом пусто.

— Хорошо. Продолжаем. Расстояние до объекта?

— Пять мегаметров.

Пинегин оглянулся.

— Всем аварийный пеленг!

Грехов прыгнул в кресло вслед за остальными и вдавил рукой красный грибок кнопки защитной автоматики. Рядом стоящее кресло застонало от могучего тела Сергиенко.

— Крейсеру — готовность один к ТФ-режиму!

— Опасно, — коротко отозвался Ненароков. — Модули слишком близко, можем задеть энерговыхлопом.

— Сделай что можешь. Вирт, как слышишь? Бери командование на себя. В полусотне километров от объекта выныриваете из ТФ-коридора и врубаете разгонное поле, одновременно форсируя тормозящее фокусом к объекту.

— Понял, — донесся спокойный голос Диего.

— Пусть летят генераторы, но дайте нужную плотность поля!

— Постараемся.

Теперь группа сверхоборотней была видна хорошо — девять круглых зеленых пятен, убегающих в тень планеты. Впрочем, не девять — десять.

— Их уже десять! — воскликнул Сергиенко, встречая взгляд Грехова. — Проморгали!

— Они как-то должны общаться, — негромко сказал Банглин.

Ненароков услышал и тут же ответил:

— Я слушаю их со времени обнаружения. На всех диапазонах тишина.

— Странно, связь между ними должна быть.

Внезапно впереди модулей встало мгновенное туманное облако, расползлось в стороны волокнами и образовало струящийся зонт, охватывающий когорту сверхоборотней. Навстречу ему от других модулей протянулся второй такой же зонт, еще чуть-чуть — и группа окажется в силовой ловушке. В следующее мгновение ослепительная зеленая вспышка разорвала пространство, люди невольно закрыли глаза, и этого мига оказалось достаточно, чтобы сверхоборотни исчезли.

ПРИМАНКА

Еще сутки дежурил «Ильмус» в системе оранжевого карлика кси Голубого Колодца. Сверхоборотни больше не появились. Вырвавшись из ловушки, они снова

ушли в космос, и на этот раз вероятность их последующего обнаружения падала почти до нуля. Как сказал Сергиенко:

— Не будут же они вечно идти по прямой! Еще предстоит объяснить, почему они шли прямолинейно, никуда не сворачивая, так долго.

— Дрейф, — буркнул Джаваир.

— Дрейф со скоростью выше световой?! С избирательными остановками в пути? Странный дрейф...

— Разве все поведение оборотней менее странно?

— Есть одна идея, — медленно произнес Грехов в наступившей тишине. — С оборотнями надо бороться их же оружием...

— Каким же? — требовательно спросил Банглин, пронзительный взгляд которого был трудно переносим.

— Оружие сверхоборотней — способность к сверхподражанию. Почему бы и нам не скопировать что-либо для приманки? Облик самого оборотня, например. Может, увидев его, остальные подойдут «познакомиться». Что еще? Давайте думать вместе.

— Это мысль! — признал Торанц.

— Вот и проанализируйте ее. — Банглин резко повернулся к руководителю пограничников. — И побыстрее. Если все же допустить, что оборотни и дальше будут идти по прямой, — а кстати, ничего другого нам не остается, — что у них на пути следующее?

— Гамма Суинберна, — ответил Пинегин. — Сто пять парсеков, почти предел прямого хода наших кораблей. Двигаясь с прежней скоростью, они появятся там дней через пять-семь.

— Семь дней, — повторил Банглин. — Что ж, видимо, придется давать «Шторм» всему управлению. Уверенности в том, что они не свернут, у нас нет, и надо успеть подготовиться к встрече с ними на всех форпостах Рукава.

— Может быть, не стоит торопиться со «Штормом»? — пробормотал Торанц, не глядя на заместителя председателя ВКС. Неудачи с захватом сверхоборотней ложились прежде всего на погранслужбу, и было горько осознавать себя виноватым, хотя, в общем-то, винить в неудачах было некого. В истории расселения человечества по Галактике подобных инцидентов не

было, и учиться приходилось на своих собственных ошибках.

Банглин думал долго, потом необычно глухо сказал:

— Последняя надежда — Суинберн. Если и там не удастся договориться с оборотнями — объявим «Шторм»...

Крейсер медленно опускался в глубокую воронку планеты — именно такой представлялась она с высоты в сорок километров. До сплошного голубого облачного покрова оставалось совсем немного, когда корабль перестал двигаться и замер.

С час он висел неподвижно, не выказывая признаков жизни. Потом скачком прыгнул вверх, прочь от планеты. На его месте остался ребристый шар диаметром около сотни метров. Шар подождал, пока крейсер перейдет на другую орбиту, затем в три секунды превратился в бурое непрозрачное облако, отчетливо видимое в разряженном воздухе стратосферы.

Грехов наблюдал эту картину с поверхности планеты, опустившись в модуле задолго до появления шара. Шар, конечно, загадочным не был, представлял он собой генератор силового поля и в данный момент успешно превращался в копию сверхоборотня.

Облако достигло километра в поперечнике и застыло. Грехов, один из немногих видевших оборотня вблизи, отметил большое сходство копии с оригиналом. Лишь цвет копии, как показалось ему, не соответствовал цвету настоящего оборотня, ведь он видел его черным.

— Ну все, — вздохнул Грехов и посмотрел на невозмутимую физиономию Диего. Между модулями была включена постоянная связь, и космонавты могли разговаривать и видеть друг друга, словно находясь рядом.

Всего на поверхности планеты ожидали своей работы четыре модуля, оснащенные дополнительным энергетическим оборудованием. По мысли руководителей операции, они должны были взлететь, как только группа сверхоборотней подойдет к ловушке, и, включив концентраторы гравиполя, как бы «вморозить» всю группу в сверхплотное силовое поле, чтобы не дать ей уйти.

Эксперимент был опасен, и экипажи модулей состояли всего из двух человек: начальника группы — он же пилот — и инженера по энергоснабжению. Грехов пошел в паре с Забарой.

— Будем ждать, — сказал Вирт в ответ на вздох Грехова. — Видимо, это наш последний шанс. Пока что в этой игре пять — ноль в пользу сверхоборотней, а?

— Где-нибудь эти чудовища нарвутся на достойный ответ, — сказал Нагорин, появляясь в соседнем виоме. — Им и так слишком долго везло. А наши неудачи говорят о многом: о нашей беспомощности, традиционном подходе к решению задач поиска, о несовершенстве логического аппарата... ну, и так далее. Тот, кто назвал этих незнакомцев сверхоборотнями — смотрел в корень. Такой суперподражатель может предстать кем угодно, и поймать его чрезвычайно трудно, если вообще возможно.

— Что вы этим хотите сказать? — удивился Диего. — Сомневаетесь в успехе операции — так и скажите.

— Я и сам не знаю, чего хочу, — подумав, сказал Нагорин. — Зато знаю, что я могу.

— Судить об этом будут наши последователи, — пробормотал Грехов. — Что мы можем — покажут наши успехи. А вот чего мы стоим... об этом говорят пока наши неудачи.

Диего иронически приподнял бровь.

— Лично я стою больше, чем ты думаешь.

Обменявшись полуулыбками, они прекратили разговор. Нагорин пожелал осмотреть окрестности на месте посадки. Диего пошел спать, сославшись на «отсутствие стимулов к активной жизни».

Командиром четвертого модуля был сам Пинегин, упросивший Торанца принять руководство всей операцией на себя. Еще на крейсере Грехов случайно услышал разговор начальника погранслужбы с Банглиным.

— Почему вы посылаете на планету начальников отделов? — резко спросил Банглин в обычной своей манере разговаривать.

— Потому что они лучшие оперативные работники, — сухо ответил Торанц. — Я не могу рисковать успехом дела, посылая на самый важный участок менее опытных оперативников. У вас иные соображения?

Банглин промолчал.

Самые опытные... Габриэль с тоской посмотрел на фиолетово-синий ландшафт, окружающий корабль. Вдруг остро захотелось увидеть Полину, взглянуть в ее теплые карие глаза, ощутить особый фиалковый запах волос, почувствовать нежность и ласку маленьких рук... Чувство одиночества охватило его неожиданно и сильно, как никогда прежде, и было это, вероятно, признаком усталости или последствиями последних травм.

«Почему так тоскливо в последнее время? — подумал он, включая музыку. — Неужели я так слаб? Или дело в другом — я просто-напросто чувствую приближение смерти?..»

...Мы будем все дальше и дальше идти,
Не продвигаясь вперед никогда.
И от планеты к планете,
И от созвездий к созвездиям,
Даже не покидая Земли, —

пел солист известного ансамбля «Василек» песню на слова старинного поэта Аполлинера.

«Странная тяжесть на душе... словно я на перепутье и не знаю, куда свернуть... И ведь уверен — с Полиной действительно ничего не случится, но это знание не спасает... почему-то кажется, что я виноват перед ней... в чем? Не все сказал перед расставанием? Так нет же, она привыкла к частым моим путешествиям. Что-то упустил? Или во мне заговорила экстрасенсорная система — дар предвидения? О чем же хочет он меня предупредить? Чего тебе надо, интуиция? Что нас ждет впереди?»

...Белорунных ручьев Ханаана
Брат сверкающий — Млечный Путь!
За тобой к серебристым туманам
Плыть мы будем. О, дай нам взглянуть
Мертвым взором на звездные страны...

День прошел.

Под циановыми облаками, рассеивающими ровный синий свет, он наступал и уходил незаметно, похожий на долгий мучительный рассвет: солнце сквозь облака не просвечивало, и заметных колебаний освещенности смена дня и ночи не вызывала.

Ночь тоже прошла спокойно. Грехов отметил это с некоторой долей сожаления — душа жаждала действия. Планета не была заселена, и даже маяков здесь не оставили разведчики. Нагорин выходил из модуля, но, побродив около часа среди сумрачных фиолетовых скал, вернулся разочарованный и недовольный: фауны и флоры планета не имела никакой, и от тишины, от мысли, что гигантский ее шар, покрытый полями игольчатых кристаллов и скалами, пуст и безмолвен, становилось неуютно.

Пинегин вышел на связь всего один раз, собрал всех и попросил проверить готовность аппаратуры. Диего выразил общее мнение, вежливо послав ему привет от бабушки удава, и это ненадолго развеселило компанию.

К десяти часам по корабельному времени, когда Забара любопытства ради собрался на прогулку, внезапный сигнал общего внимания заставил его побежать в рубку со всех ног. На пульте горел сигнал экстренной связи, чей-то энергичный и даже веселый голос повторял:

— Экипажам группы риска срочно вернуться на крейсер! Тревога по форме «три»! Экипажам группы риска...

Виом экстренной связи мерцал тусклым золотом и напоминал речное дно, просвечивающее солнечным днем сквозь толщу воды.

— Форма «три» — это же вооруженное столкновение! — присвистнул Забара. — Неужели оборотни осмелились напасть?!

В соседних виомах появилось встревоженное лицо Нагорина и недоумевающее Вирта.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Диего. — Я слышу только вызов, картинки нет. Твой виом работает?

Грехов вместо ответа включил системы дальновидения, и главный виом модуля отразил фиолетовый бархат неба и плывущий над планетой многокилометровый «цветок» крейсера.

— «Ильмус», — пробормотал Забара. — А где же имитация оборотня? Неужели автоматы проморгали появление настоящего?

— Нас должны были предупредить в первую очередь, — возразил Нагорин. — Да и в «слепоту» автоматики я не верю.

— В таком случае возможности оборотней шире, чем мы думали.

Появился Пинегин, бледный и словно помятый.

— Чего ждете? Особого приглашения?

— Странный вызов, — отозвался Диего. — Видеосвязи нет, но голос слышен. Слушайте, братцы! — Диего встретился взглядом с Греховым. — Что, если это...

— Сверхоборотень! — закончил тот. — Конечно, это не крейсер, это наш приятель. Но где тогда настоящий «Ильмус», хотел бы я знать? Почему не отвечает?

— Готовили ловушку для оборотней, а они сделали нам, — хохотнул Диего. — Не лишено остроумия.

Грехов усмехнулся.

— Остроумно, говоришь? Примитив, никакого остроумия! Вот что, мужики, я не знаю, где сейчас крейсер, но стоит попытаться захватить этого оборотня. Время не ждет, кто «за»? Я пошел!

— Куда? — крикнул Пинегин, но модуль Грехова уже скользнул белой молнией в небо и пропал в облаках.

— Григ, старт! — приказал Диего своему напарнику, демонстрируя отличную реакцию.

— Вперед! — махнул рукой Пинегин.

Вслед за ним стартовал и Нагорин.

Крейсер «Ильмус» — «настоящий» — не отзывался на запросы, и Пинегин мимоходом подумал, что сверхоборотни затеяли игру по своим правилам, игру, из которой люди могут и не выйти живыми. Если крейсер не придет на помощь...

«Ильмус» в это время отражал атаки оборотней, создавших в пространстве такую бурю помех на всех диапазонах связи, что сквозь нее не могло пробиться к модулям ни одно сообщение.

ДУЭЛЬ НЕ ПО ПРАВИЛАМ

Модуль Грехова чуть опередил остальные корабли. Он был уже в нескольких сотнях метров от мнимого крейсера, как вдруг его подхватила мягкая, но властная сила и понесла на центральный диск.

— Держись! — рявкнул Забара, поправляя на голове эмкан защиты.

Они невольно сжались в креслах. Тоненько запел фиксатор защитного поля рубки, спасающего людей от перегрузок.

Диск надвинулся вплотную, но в последнее мгновение в нем образовалась щель, в которую и ухнул модуль, как в пропасть.

Именно в этот момент возле лжекрейсера выросли с разных сторон модули засады, разом затормозились и включили капсулирующие гравитационные генераторы. Гигантское тело мнимого корабля тут же сломалось, все его «ажурные конструкции» — стометровые лепестки-антенны, купола энергокамер, фермы захватов — поплыли, укорачиваясь, и спустя несколько секунд в космосе мчались два белесых шара, окруженные сполохами борющихся силовых полей. Один из сверхоборотней почти сразу вырвался и мгновенно растворился в пустоте, другой почернел, словно обуглился, пытался резкими маневрами вырваться из цепких объятий земных кораблей — мошек рядом с дыней, но что-то мешало ему набрать нужную скорость, сковывало движения. Вел он себя странно: то замирал на месте, распухая в размерах, то сжимался до предела, испуская яркий свет.

— Габриэля работа! — тихо сказал Диего Вирт, сжав зубы и кивая в сторону метавшегося оборотня. В рубках модулей, несмотря на титаническую схватку, стояла тишина, и разговаривать можно было свободно.

— Надолго нас не хватит, — неожиданно тонким голосом отозвался Нагорин, впервые попавший в такой переплет. — Ну и силища у этого чертового мешка!

— Сближайтесь! — прохрипел Пинегин. — Легче будет держать...

Всей борьбой, невидимой, но жестокой, руководили автоматы, но люди были напряжены так, будто это они наносили миллиардоваттные удары шпагами силовых полей и отражали такие же ощутимые выпады противника.

Схватка продолжалась еще некоторое время. Второй раз оборотень испустил тонкие, пронзительно яркие лучики света, пока Пинегин не догадался, что это вторичный эффект направленной ТФ-передачи: сверхоборотень издал призывы о помощи.

— Сейчас будет туго, — сказал Пинегин. — Он зовет своих.

— Где же крейсер? — Вирт возился с передатчиком и бросал яростные взгляды на пустой объем экрана.

Оборотень делал отчаянные попытки вырваться из объятий силовых полей, которыми его окружили модули, но мощности его противодействия явно не хватало. К тому же «проглоченный» модуль Грехова отнимал у него свободу маневра, и он менял форму и метался, как огромный жук, запутавшийся в паутине.

Внезапно Пинегину показалось, что звезды тронулись с небес и ринулись к кораблям, словно брошенные горстью.

— Один, два... семь... девять, — насчитал Пинегин шепотом.

— Держитесь плотнее! — приказал Пинегин. — Переключите кормовую автоматику на отражение новых целей. Идут остальные.

Но сверхоборотни не успели прийти на помощь своему собрату: в полумегаметре от сплетенного клубка борющихся гиганта-оборотня и земных пигмеев-кораблей возник вдруг истекающий белым пламенем корпус крейсера, и по характерной лучистой короне, окружившей его, Пинегин понял, что крейсер выстрелил по хищно приближающейся стае струями жесткого гамма-излучения. Все девять загадочных тел разом окутались зеленоватым облаком, за которым, когда облако рассеялось, космос был пуст.

Крейсер медленно приблизился к замершему последнему оборотню вплотную, тот рванулся было в сторону, но переливчатая пелена, похожая на мыльный пузырь, окутала его со всех сторон и повлекла к главной силовой антенне «Ильмуса».

В виомах модулей возник экспедиционный зал крейсера, тревожные лица дежурных бортинженеров, Торанца, Сергиенко и Банглина...

— Там у него модуль Грехова... внутри, — устало сказал Пинегин. — Надо что-то срочно предпринимать.

— Я могу попытаться проникнуть внутрь оборотня, — быстро сказал Диего Вирт.

Банглин отрицательно качнул головой.

— Вряд ли это возможно... сейчас, по крайней мере.

— Мы сейчас хозяева положения, — сказал Торанц, понимая чувства пограничника. — Военные действия закончились, но мы все равно диктуем свою волю. Те, кто командует оборотнем, должны это понимать.

— Но модуль Грехова — их единственный шанс ультимативного контакта. Надо немедленно лишить их этого шанса!

— Правильно, — кивнул Пинегин. — Иначе они могут потребовать: вы нам свободу, мы вам модуль.

Торанц задумчиво поковырял ногтем браслет видео на руке и отошел в глубь зала, к Банглину. Вернулся он через несколько минут, угрюмый, но спокойный.

— Каким образом вы думаете проникнуть внутрь оборотня?

— Значит, разрешили?

Торанц усмехнулся подтексту ехидного замечания Диего, но промолчал.

— Сначала надо прощупать яйцо интравизорами, — сказал Пинегин. — А потом посмотрим.

Торанц скептически поджал губы.

— Весьма конкретная программа. Оборотня мы прощупаем, а вы пока думайте, что будете делать дальше.

Следующие два часа прошли в попытках просветить километровую глыбу сверхоборотня с помощью локационных систем «Ильмуса». В радиодиапазоне оборотень оказался непроницаем, словно одетый в металлическую броню. Нейтринные прожекторы тоже не помогли: картинка на экранах получалась странная — сверхоборотень походил на гранат, начиненный зернами уплотнений; ничего похожего на «нормальный» космический корабль, построенный по законам определенной технологии. Зато гравизондирование позволило определить несколько массивных центров внутри оборотня, два из которых примерно соответствовали массе проглоченного модуля, и Банглин после долгих споров о «гуманности действий людей в отношении неизвестного объекта» дал разрешение «руками» прощупать подозрительные места. Первая же попытка дала положительный результат: на экранах появился знакомый силуэт модуля, упрятанный под поверхностью оборотня на глубине около ста метров. Оборотень не подавал никаких признаков жизни, равнодушный, как

настоящий камень. Не ответил он и на попытки радиоконтакта, предложенные ему специалистами Института внеземных культур.

«Ильмус», опутавший странное яйцо невидимыми глазу силовыми сетями, медленно уходил прочь от голубой звездочки гамма Суинберна. Модули Пинегина, Вирта и других патрулей сопровождали его почетным эскортом.

— Итак, дальнейшие ваши действия? — спросил Торанц, вызвав на связь Диего и Пинегина.

— Первым пойду я, — сказал Диего и так посмотрел на Петра, что тот понял — решения своего Диего не изменит. — Петр подстрахует меня сверху. Действовать надо жестко, никакие программы интеллектуального контакта нам сейчас не помогут. Сначала я, конечно, попробую посигналить, чтобы нам открыли дверь, а потом... потом вскрою скорлупу яйца над модулем Габриэля.

— М-да. — Торанц покосился на Банглина, явно не одобрявшего их действия. — Штурм унд дранг!.. Что ж, пробуйте. Не мы всю эту кашу заварили, но нам расхлебывать, и расхлебывать все равно где — на Земле или здесь, у Суинберна.

Говорилось это, вероятно, для Банглина, а может, Торанц сам сомневался в правильности принятых решений, но оба понимали, что отступать нельзя: двое людей ожидали помощи, захваченные чьей-то недоброй волей с неизвестной целью.

— Есть такой старинный термин — плен, — пробормотал Диего, усаживаясь и закрепляясь в кресле перед центральным виомом модуля. — И наши друзья в плену. Готов, Григ?

— Готов, — сказал вернувшийся пилот, надвигая на лоб эмкан.

— Тогда вперед!

Модуль вырвался из строя своих собратьев и сделал красивую дугу, сверкая обшивкой корпуса в свете прожекторов крейсера.

Поверхность сверхоборотня была бугристая, в ямках и бороздах, складках и рытвинах, похожая на выветрившийся лавовый поток. Не верилось, что под аппаратом загадочный исполин, способный превращаться в любую конструкцию и даже в часть ландшафта.

— Не подходи близко, — посоветовал из виома связи Пинегин. — Выведи включение защиты на М-управление.

— Не беспокойся, Петр, — кивнул Диего. — Держись в стороне. Габриэль все еще не отвечает?

— Не отвечает. Радиосвязь, сам знаешь, не годится, а ТФ-обмена не слышно. Видимо, или поврежден ТФ-передатчик, или...

Второе «или» означало гибель экипажа модуля.

— Давай нашу программу, Мэт, — повернулся Диего к помощнику.

Мэтьюз Купер растопырил руки над своим крылом пульта, управляющим всей научной аппаратурой модуля.

Ничего не произошло.

Полчаса они «крутили» программу контакта на всех мыслимых диапазонах волн, сверхоборотень не отзывался. Диего, не мудрствуя лукаво, посигналил лазерными прожекторами, но и это не помогло.

Никто этому особенно не удивился: «разговор» со сверхоборотнем велся с тех пор, как он оказался под силовым колпаком, но до сих пор получался лишь монолог — говорили люди, оборотень молчал.

Диего одним словом «нуль» передал на крейсер результаты своих «переговоров» и решил действовать более круто.

Сначала он провел серию легких «уколов» гамма-излучением вокруг того места, где был запрятан модуль Грехова, потом дал более мощную вспышку над модулем. Снова отметил нужную зону слабыми уколами гамма-излучения и повторил более мощный удар по крышке над модулем. Выждав некоторое время, еще раз прошелся по периметру выбранного участка гамма-пушкой, а затем дал по центру участка лазерный импульс на поражение...

Черная поверхность сверхоборотня словно вскипела, выбросив снопы искр и клубы дыма. Диего подождал, пока рассеется дым, и увеличил длительность импульса, делая глубокий надрез в оболочке сверхоборотня. Снова клубы дыма скрыли под собой черную, сморщенную «скорлупу яйца». В тот же миг закричал Мэтьюз:

— Диего, осторожней!

Пилот мгновенно отвел модуль назад, хотя еще ничего не увидел.

В теле сверхоборотня на месте шрама, выжженного лазерами модуля, появился звездообразный провал, расползся громадной кляксой и остался.

— Вход! — прошептал Мэтьюз. — Оборотень раскрылся!

— Все-таки они поняли, — донесся голос Торанца. Кого он имел в виду под понятием «они», не знал, наверное, и он сам.

Диего посмотрел на пилота — и тот понял. Модуль медленно приблизился к провалу, размеры которого позволяли свободно проникнуть в глубины исполина.

— Берегитесь! — вырвалось у Пинегина, напряженно следившего за событиями.

Диего включил прожекторы. Толщина оболочки сверхоборотня достигала двадцати метров, а под ней просматривалась какая-то полость, заполненная пеленой тающих в вакууме испарений.

— Пар, что ли? — буркнул пилот, переключая зрение модуля на радары.

Взору открылось обширное помещение, на дне которого, накренившись, стоял знакомый конус модуля. Возле конуса копошились две фигуры в мерцающих комбинезонах, и Диего чуть не закричал: «Габриэль!» — но вовремя прикусил язык. Это были не члены экипажа Грехова, это вообще были не люди.

— Серые! — ахнул Мэтьюз.

Модуль продолжал опускаться в недра сверхоборотня, оставив позади тревожную перекличку друзей и надежду на быструю помощь. Приблизился бугристый — бугры располагались в строгом шахматном порядке, словно здесь недавно посадили какие-то злаки, — пол. Модуль придавил кормой один из холмиков, накренился.

Двое у земного корабля перестали копошиться и молча обратили свои неподвижные лица-маски к пришельцу.

Диего спохватился и включил передатчик, вызывая Грехова. Двое серых одновременно вздрогнули, один из них попятился и скрылся за модулем. Второй вразвалку направился к модулю Диего.

— Хозяева... — пробормотал Вирт, переставая вызывать Грехова. — Мэт, продолжай за меня, я выйду к нему. Может, договоримся.

— Я с тобой.

— Ты останешься.

— Тогда я вынужден напомнить тебе об инструкции — не выходить в поиск одному...

Диего отстегнулся от кресла, подошел к Мэтьюзу и, наклонившись к нему, похлопал по плечу:

— Ты думаешь, мне хочется идти туда? Ошибаешься, Мэт. Но мы пограничники...

Он вышел из рубки.

Серый человек, плохо видимый из-за тумана, ждал его в двадцати шагах от модуля, верно угадав расположение выходного люка. Заметив блистающую металлом фигуру — Диего надел противоядерный комплект, и остроконечный капюшон-шлем, и горб генератора поля на спине превратили его в диковинное существо, — шагнул к нему и вдруг гигантским прыжком метнулся прочь. Исчез в туманной пелене.

В наушниках раздался вздох пилота и смешок Мэтьюза.

— Напугал ты его, однако!

— Черт с ним! — сказал Диего. — Не хочет разговаривать — не надо. Самое интересное, что здесь почти земная сила тяжести. Искусственная гравитация?

Он огляделся. Серых нигде видно не было, белесая пустота, высвеченная прожекторами модуля, скрывала истинные объемы помещения, и поэтому оно казалось бескрайним.

Шлюп Грехова был едва виден в полутора сотнях метров. Диего махнул наблюдавшим за ним товарищам и быстро пошел сквозь туманную кисею, успевая глядеть и под ноги и по сторонам.

Люк корабля был закрыт, кругом никого. «Если автоматика не работает — я не войду!», — подумал Диего, обходя модуль.

— Люк закрыт, — сообщил он в микрофон. — Как там у вас, тихо?

— Порядок, — отозвался Мэтьюз. — В радио видим тебя хорошо, в световом — сплошная муть. Откуда здесь туман, Диего?

— Спроси чего-нибудь полегче. Как хоть выглядит это подземелье?

— Диаметр около ста восьмидесяти метров, высота метров сорок. Стены очень странные, в каких-то перепонках и дырках — решето в лохмотьях. Бугры ты видел. А чуть левее от нас по направлению к тебе виднеется нечто похожее на трехметровое ухо.

— Выход не закрылся?

Молчание, потом голос пилота:

— На месте. Что собираешься делать? Безопасники предлагают помощь.

— Пусть ждут. Грехов молчит?

— Тишина...

— Я сейчас подойду к люку, а вы включите запросчик. Если автоматика у них в порядке...

Диего еще раз обошел модуль, заинтересовался одним из холмиков, ряды которых составляли правильный узор. В вершине холмика зияла круглая дыра величиной с кулак. Диего нагнулся, и ему показалось, что на него глянул внимательный, пристальный глаз. От неожиданности он отшатнулся, и в то же мгновение на него набросились сзади, выкручивая руки и сдавливая ноги. Скафандр противоядерной защиты не имел жесткого панциря, это был многослойный балахон с встроенный сеткой-антенной для создания защитного силового поля, и все же на первые мгновения он не позволил нападающим добиться желаемых результатов. А потом опомнившийся Диего начал действовать, не слыша тревожных криков товарищей.

Он не стал включать защиту, вернее, просто забыл о ней, но, к счастью, как и в случае с Греховым, нападающие не имели понятия о приемах рукопашного боя, это были все те же серокожие «хозяева сверхоборотня», и тела их ненамного превышали плотность человеческих тел. Через несколько секунд они были повержены на пол и тут же ретировались, хотя Диего и не собирался их преследовать.

— Иду к тебе! — крикнул Мэтьюз.

— Не смей! — чуть задыхаясь, отрезал Диего. — Включай запросчик.

Пошли томительные секунды, потом в кормовой броне модуля на уровне человеческого роста появилась щель — пошел люк, но до конца не открылся.

— Еще раз!

Короткий свист, крышка люка подается на несколько сантиметров и окончательно замирает.

— Осторожно, Диего! Снова серые... Я иду к тебе и прикрою с тыла. Ты в это время расстреляешь люк.

— Всем оставаться на местах! — рявкнул Диего, но Мэтьюз не отвечал, ответил пилот:

— Он вышел, бежит к тебе... упал... не встает! На него напали, Диего! Серые! Тянут куда-то... Мэт, откликнись!

Диего выдохнул ругательство и бросился назад к своему модулю. Мэтьюза он нашел в полусотне шагов от себя, лежащего без движения на перепончатом наросте, похожем на исполинское ухо. Двое серых держали его за ноги, тут же бросили, когда Диего выстрелил в воздух, и мгновенно исчезли в дыму.

Частокол шлангообразных стеблей, окружавших «ухо», заволновался, как живой, когда Диего попытался вытащить Купера. Конечно, на щупальца эти трубки не походили, но их конвульсивные движения явно таили угрозу.

Озноб омерзения пробежал по спине Диего. Он отмахнулся от ближайшего «щупальца» и всадил в «ухо» заряд из «универсала». Забор из трубок сломался, они опали дряблыми, содрогающимися сосками.

Диего подхватил тело Мэтьюза на руки и едва не выронил — скафандр был скользким. Кто-то помог ему удержаться. Пилот!

— Какого черта ты здесь?! — проговорил пограничник сквозь зубы и, не оглядываясь, побрел к модулю. Если бы он оглянулся, то увидел бы, как пилот борется с неожиданно напавшими серыми, но он не оглядывался, надеясь, что пилот идет следом, охраняя тыл. Лишь втащив Мэтьюза в тамбур, обнаружил отсутствие пилота. Молча побежал назад, не отвечая на пробившийся с поверхности вызов Пинегина. Пилота он нашел в таком же положении, что и помощника — тело на перепончатом «ухе», двое серых держат его за ноги, словно исполняют ритуал. Диего сбил их выстрелом из пистолета, не заботясь о величине заряда. Не помнил, как тащил пилота к модулю. Потом оказался у корабля Грехова, сменил обойму и тремя выстрелами вдавил крышку люка в тамбур, пробрался в рубку. Грехов и его напарник лежали без движения у выхода из рубки, видимо, пыта-

лись выбраться наружу. Пульт управления был мертв, указатели энергии высвечивали нули.

Затем в сознании Диего был провал, а очнувшись, он понял, что сидит на полу рубки своего модуля, а рядом лежат товарищи, все четверо, и кто из них жив — неизвестно.

У него еще хватило сил выйти в последний раз — забрать записи приборов и регистраторов связи первого модуля. Остальное помнил смутно: как стоял у тамбура и смотрел на толпу приближавшихся серых — не стрелял, хотя желание стрелять кипело в крови жаждой мести; потом выводил модуль из «подземелья» сверхоборотня, чуть не протаранив идущий навстречу корабль Пинегина; снимал скафандр, бормоча «спасибо» заботливым рукам друзей; шел в медцентр крейсера, волоча скафандр за рукав... Очнулся окончательно в зале через час.

«Ильмус» шел домой, к Солнцу, в режиме ТФ-пробоя, ведя в кильватере на незримом канате силовой ловушки равнодушного и таинственного сверхоборотня. «Риман», опоздавший к основной драме, замыкал колонну.

Месяц спустя сверхоборотни появились в созвездии Ориона, но предпринять ничего не сумели: люди были предупреждены и вооружены знанием, которое дал им захват одного из оборотней. Как и прежде, оборотни двигались по прямой — объяснить этот факт удовлетворительно так никто и не смог — и, как прежде, пытались «пассивно» охотиться на людей, превращаясь в знакомые сооружения.

На заседании Совета безопасности, состоявшемся на лунной базе УАСС, Торанц докладывал о результатах операции «Оборотень».

— Таким образом, — говорил он, — сверхоборотень почти полностью загадочен для нас. На равных продолжают существовать три гипотезы. Первая: сверхоборотень представляет собой звездолет, управляемый командой серых «человеков». Вторая: сверхоборотень — живое существо с огромной, можно сказать, «машинной» памятью. Третья — это автомат для сбора информации. Конечно, в первом и последнем случаях сущес-

тва, управляющие оборотнем или запустившие его в космос, обладают странной моралью, нравственными и этическими нормами, ибо способы добычи информации оборотнями представляют смертельную опасность для всего живого, для человека тоже.

Многие экзобиологи, участвовавшие в изучении пойманного экземпляра, убеждены в том, что он — животное космоса, способное к мимикрии, фантоматическому преобразованию колоссального масштаба. Конечно, месяц изучения такой поразительной изменчивости, какую демонстрирует сверхоборотень, не может дать многого, но уже сейчас известно, что жизнедеятельность этих странных объектов по всем параметрам отлична от жизнедеятельности как живых существ, так и кибернетических механизмов. Ученый-универсалист Сергиенко, занимающийся проблемой оборотней, сказал даже, что подобные чудовища вообще не имеют права на существование, ибо некоторые показанные оборотнем эффекты опровергают законы физики. Я закончил.

По залу пробежал легкий шумок.

Следующим выступал заместитель председателя ВКС Банглин.

— Возможно, — звучным голосом начал он, — мы столкнулись с жизнью, которая в процессе эволюции перешла в открытый космос, но странным образом не переступила грань, отделяющую инстинкт от разума, животную интуицию от интеллекта. Возможно, оборотень действительно автомат, запущенный когда-то и кем-то, о ком мы можем только догадываться. Более вероятна гипотеза, в которой сверхоборотень предстает перед нами звездолетом, управляемым негуманоидным разумом. Единственное, что пока известно точно — он имеет устройства, способные усваивать не только приобретенную человеком информацию, но и наследственную, непосредственно из клеток мозга! — Банглин переждал шум. — Открытие устройств произошло при трагических обстоятельствах: первая же попытка освободить захваченный оборотнем модуль Грехова закончилась гибелью пилота второго модуля и помощника командира патруля. При обследовании оказалось, что вся информация в их мозгу стерта! Клетки мозга разрушены! Каким образом «считывается» информация, мы не знаем, но этот

факт проверен последующими экспериментами. Таким образом, информация добывается оборотнями практически мгновенно и без тех колоссальных затрат сил, энергии и времени на усвоение знаний, которые тратит человек на протяжении всей жизни.

Если они живые существа — что тоже вероятно, не будем скатываться в схоластические споры о разнице живого и неживого, — то именно этот факт и мог не позволить сверхоборотням подняться над уровнем животного сознания — легкость приобретения информации. Человек, как вы понимаете, оказался для оборотня лакомым куском: знания его обширны и касаются многих граней жизни космоса. Ну, а если оборотни — автоматические устройства...

— Если попытка изловить их снова закончилась бы неудачей, — сказал Пинегин на ухо Вирту, — то вся информация о наших приготовлениях и способах охоты была бы ими впитана и понятна, и тогда уже окончательно был бы решен вопрос контакта с ними — только с помощью оружия. Иначе каждая встреча заканчивалась бы трагически. Но как изобретателен космос!..

— К сожалению, общение с оборотнем возможно пока в прямом смысле только через его «желудок», — продолжал Банглин. — Звучит неправдоподобно, но это так. Самое плохое, что мы столкнулись со столь диковинной жизнью совершенно неподготовленными и при обстоятельствах, не оставляющих места для долгих размышлений. Но все же давайте поразмыслим, как, не уничтожая сверхоборотней, которые могут встретить в Галактике других разумных, обезопасить этих неведомых нам братьев. Уничтожать автомат, или животное, или управляемый механизм, пусть даже чрезвычайно опасные для человека, но обладающие такими поразительными свойствами, не попытавшись прежде отыскать какие-то пути взаимопонимания, мне кажется недопустимым. Постановление Совета безопасности как наиболее компетентного органа будет решающим в ВКС по вопросу судьбы оборотней, поэтому ошибаться в выборе решения мы не имеем права.

— А пока мы решаем, оборотни продолжают охоту, — не выдержал кто-то из сидящих в зале.

— Продолжают. Тем не менее контакт с ними исключительно важен. Многие ученые склоняются к тому, что сверхоборотень — древнейшая форма жизни в космосе, реликт невообразимо далеких эпох...

— Неубедительно, — прозвучал тот же голос. — Вопрос стоит так: или мы, или они. Ведь действенных методов защиты от них нет?

— Разрешите, я отвечу? — поднялся с места Пинегин.

Банглин нахмурился, на миг задержал взгляд на кряжистой фигуре руководителя отдела и согласно кивнул.

Пинегин несколько мгновений смотрел в пол, потом сдавил пальцами усталые глаза — отдохнуть ему за месяц так и не пришлось — и выпрямился.

— Когда-то в девятнадцатом или двадцатом веках люди, наши предки, истребили почти всех хищных животных на Земле. Некоторые редкие виды исчезли совсем, безвозвратно. О нарушении экологического баланса Земли я не говорю, стоит ли напоминать и о том, что каждый вид животных уникален? Кроме прочего, это истребление не украсило цивилизованную деятельность человека, как не украсило ее покорение «Дикого Запада» Америки с уничтожением и порабощением коренных жителей, варварское уничтожение лесов, загрязнение водоемов, атмосферы и многое другое. Сейчас мы столкнулись с редчайшим явлением в космосе, со сверхоборотнем — либо «одичавшим» автоматом, либо формой жизни, способной к супермимикрии, к перемещению в межзвездном пространстве, владеющей неизвестным видом лучистой энергии! Кстати, вы знаете, что представляет собой оболочка сверхоборотня? Это одна колоссальная молекула воды! Полимерная вода! Гравихимики устроили в связи с этим открытием торжественные похороны прежней теории и уже строят новую. Да это же невероятная удача, открывающая простор для изучения и познания жизни во вселенском масштабе! Да, это хищная форма жизни: человек давно забыл, что такое людоед. Но имеется одно маленькое соображение: нападения оборотней на человека так часты не потому, что они ищут встреч с нами, а потому, что мы нарастающими темпами исследуем Галактику. Сверхоборотней всего десять. Несколько выстрелов — а я знаю, любителей пострелять и сейчас немало среди нас, — и сверхоборот-

ни исчезнут. А вы, здесь сидящие, хорошо представляете, какие последствия несет уничтожение их рода? Последствия необратимые, ибо стоит поразмыслить на досуге и над тем, в борьбе с какими врагами обрели такую защиту оборотни!

И еще одна мысль: память их не имеет себе равной в мире, и ценность запасенной в ней информации наверняка велика, потому что сверхоборотни до встречи с нами могли посетить сотни планет и встретиться с не менее диковинными формами жизни, чем они сами. Конечно, стоимость человеческой жизни измерению не подлежит, я и не пытаюсь сравнить ее с ценностью этой информации. И все же проблемы: мы или они — не должно быть! Возможен только один по-настоящему разумный подход — и мы, и они!

Пинегин, не поднимая головы, сел рядом с Диего. Зал молчал...

— Куда теперь? — спросил Пинегин Вирта, останавливаясь у входа в зал тайм-фага.

— В медцентр на Камчатке, там врачи сейчас решают судьбу Габриэля. Потом... потом в Даль-разведку, за новым назначением. А тебе пора отдохнуть, выглядишь ты скверно.

— Торанц дал всем официальное разрешение на неделю отдыха.

— Тем более. Оборотень в надежных руках. Кстати, ты в своей грандиозной речи говорил о сверхоборотнях как о живых существах. Ты всерьез думаешь, что они — живые космические левиафаны? А как же серые люди?

Пинегин вздохнул, поглядел на часы.

— Это объяснить легко — симбиоз. Ты будешь у Габриэля первым, обрадуй его, у него родился сын. Назвали Святославом.

— Так звали Сташевского. — Диего погрустнел. — А вот Анна не хочет детей. Пока ты пограничник, говорит, я не могу быть спокойна и не хочу растить сына без отца.

— С одной стороны, она права.

— Права, конечно. — Диего пожал протянутую руку. — Зайди как-нибудь, попробуй переубедить. Ну, до связи? Надеюсь, следующая наша встреча уже не будет связана с проблемой сверхоборотня?

Часть вторая

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ДИЕГО

ПОЛИГОН

Диего стоял перед синеватым остекленелым куполом и смотрел на свою раскоряченную тень. В полупрозрачной глубине расплавленного песка светились серебристые на свету петли, узлы, жилы, и пограничник представил себе ажурные металлические стрелы опор, возносившие на километровую высоту решетки силовых отражателей. Теперь кругом пустыня, напоминающая ад, и посередине оплавленный купол энергостанции с полурасплавившимся раструбом энергоотвода, пялившим зев на оплывшие воском холмы. Интересно, как он-то уцелел в пробушевавшем ядерном костре?

Диего поежился и перевел скафандр на охлаждение. «Марс, — подумал он, — горная страна Эллада... Идеальный полигон для «громких» экспериментов. А если бы сверхоборотня вздумали изучать на базах Луны? Или вообще на Земле?»

— Обхожу активную зону, — негромко сказал он, хотя мог бы и не говорить — за ним наблюдали. Над полигоном кружило чуть ли не с полсотни разного рода зондов, в зените для страховки висел крейсер СПАС-флота, а вокруг уничтоженного полигонного комплекса располагались передвижные силовые установки, способные выдержать любой ядерный взрыв.

«Двенадцать человек обслуживающего персонала!.. Двое ученых с мировыми именами!.. Кто из них ожидал подобного конца?! Понадеялись на силу... Какой жестокий урок человеческой самонадеянности! Взрыв, и — ни оборотня, ни полигона! Впрочем, может, он выжил в этой свистопляске? Сохранился же купол энергостанции...»

Сквозь шелест помех в наушниках пробился голос Торанца:

— Следи за энергоотводом. Станция по всем признакам работает, потребителей нет и выбросы не исключены. Сигнализатор поставь в фокальной плоскости отвода. Как понял?

— Понял хорошо, — равнодушно ответил Диего.

На глаз измерив расстояние, он с помощью присоса прикрепил основание сигнализатора к луже бирюзового стекла, и продолговатый баллон на конце тонкого шеста затеплился розовым огоньком, а в наушниках раздалось тихое пульсирующее гудение, предупреждающее о слабом потоке жесткого излучения, струящегося из раструба энергоотвода. Диего показалось, что в тяжелой черноте раструба бродят неясные тени, он подошел ближе — тени исчезли. Тогда он не спеша направился к гигантской по человеческим меркам воронке в теле материкового щита марсианской Эллады. Воронка эта, около двух километров в диаметре и глубиной в полкилометра, не была порождением взрыва. Когда-то ее накрывал золотистый купол, скрывавший под собой технический комплекс полигона, все его службы, склады и лаборатории. В ядерном огне испарился не только купол, но и вся его начинка, и воронка теперь была залита лишь черной тушью тени; бока ее кое-где посверкивали холодными бликами расплавленной породы.

Диего обошел скособоченный купол энергостанции, стоявший на краю воронки, поднес к глазам двадцатикратный бинокль.

— Видно плохо, тень, — сказал он через минуту. — Но вход в тоннель не завален. Попробую спуститься.

В центре воронки начиналась шахта, уходившая некогда к командному пункту полигона и его вычислительному центру. Шахта была неглубокой, всего сорок метров, но у людей все же таилась надежда — вдруг помещения центра уцелели и люди там живы?

Диего понаблюдал за воронкой еще несколько минут и со вздохом опустил бинокль. Сверхоборотень исчез. Или он действительно взорвался, или каким-то образом вырвался из плена, взорвав полигон. Не мог же он спрятаться в жерле шахты? Хотя... кто знает, на что он способен. Может, он так уплотняет свое тело,

что становится в сотни раз меньше. Но и в этом случае он был бы доступен человеку: гравитационные детекторы сразу засекли бы концентрацию массы. А на сегодня таких концентраций известно две: купол энергостанции и шахта в центре воронки. По всей вероятности шахта завалена не успевшими испариться обломками громадного здания, но не исключено, что сверхоборотень нашел себе убежище там...

Диего включил антиграв и на малой скорости облетел купол — для очистки совести. Ни одного отверстия, никаких следов люков и дверей на его гладких до зеркальности боках, конечно, не было: здесь в течение двух минут бушевал небывалый костер звездных температур, купол оплыл и прогнулся, ни одно живое существо внутри него выжить не могло... но сам он сохранился! Неужто материал корпуса выдерживает миллионы градусов?!

— Странно, — сказал Диего, стоя на куполе. — Энергостанция тоже должна была взорваться.

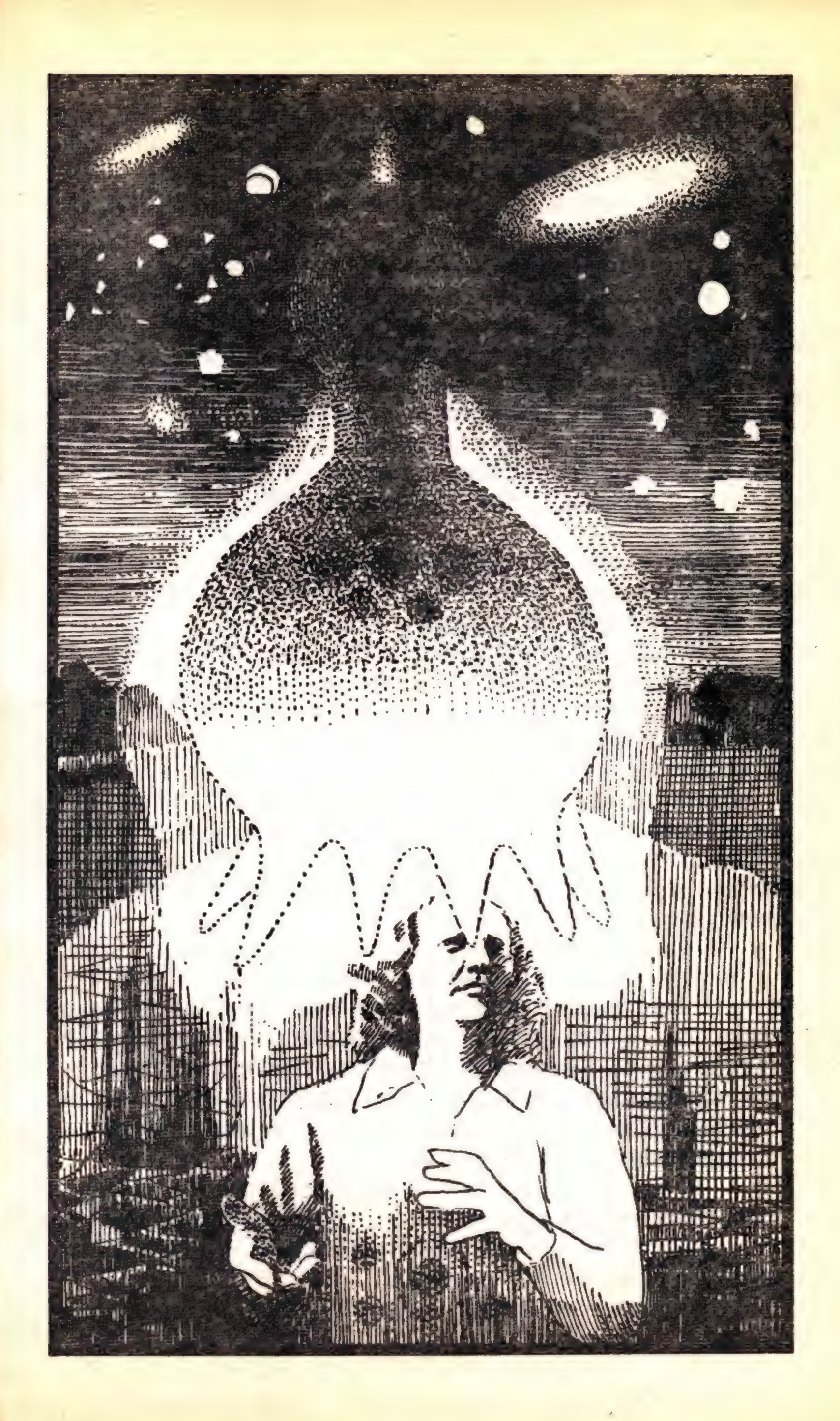
— У нее была собственная силовая защита, — донесся голос одного из технических экспертов. В голос Диего вслушивались десятки человек, и отвечать на его вопросы мог любой из них.

«И все же здесь какая-то неувязка, — упорно подумал Вирт. — Параметры силовой защиты энергостанций я изучил хорошо, она могла защитить реактор только от обычного взрыва, неядерного. От того, что здесь произошло, она не спасла бы. Но купол-то стоит!..»

Диего в раздумье смотрел, как сверкает голубой глазурью двадцатиметровый купол, как наливается розовым сиянием баллон протонного сигнализатора, как искрится и играет блестками уходящая вдаль стеклянная поверхность плато, сглаженная взрывом, покрытая сетью белых трещин на пологих буграх; вслушивался в тишину, подчеркиваемую долгой нотой радиометра... Ничто не нарушало мертвого спокойствия полигона, ни одно движение, ни один внешний звук. Даже далекие голоса людей, пославших его на разведку, умолкли: советовать в данной ситуации было нечего.

— Пошел, — сказал наконец Диего сам себе, подпрыгнув в воздух.

Над центром воронки, все еще скрытой в тени, он завис на некоторое время. Гигантская двухкилометро-

вая чаша — древний метеоритный кратер с дырой в центре — показалась ему вдруг жерлом орудия, готового к выстрелу. Он подавил в себе желание окликнуть Торанца и выключил фонарь. Кратер наполнился бликующим сиянием, из-за которого рассмотреть шахту было невозможно.

— Осторожнее, — напомнил о себе плохо слышимый руководитель погранслужбы. — Зря не рискуй, мы получили информацию от следящих станций и постов службы пространства: сверхоборотень не мог уйти с Марса. И если он не испарился вместе с нашей техникой... В общем, понимаешь, о чем речь...

— Понимаю, — рассеянно ответил Диего, примериваясь, как будет спускаться в отверстие шахты. — Фон вполне сносный, около трехсот рентген, спускаюсь в тоннель.

— На всякий случай я подниму когг, по твоему вызову он прибудет к тебе через три-четыре минуты.

— Хорошо-хорошо. Все?

— Помни о сигнализаторе... и о том, что жертв уже предостаточно. Не лезь на рожон...

Голос Торанца постепенно затих, поглощенный шумами помех, — Диего начал падать в воронку, окунаясь в ее чернильную липкую тень.

В десятиметровом виоме, отражавшем часть полигона с куполом энергостанции и гигантской воронкой, было видно, как серебристая искра, замершая ненадолго над воронкой, вдруг начала падать вниз и исчезла из поля зрения.

— Дайте увеличение, — попросил Торанц.

Воронка стремительно понеслась на людей, разрослась, уходя краями за пределы виома, но тень в глубине чаши была столь густой, что человеческий взор проникнуть в нее был бессилен. Оператор слегка подрегулировал изображение, и теперь стал виден осклизлый купол с наростом вокруг воронки и сам кратер, залитый тенью, материальной, как черная смола.

— И все же я не верю, что сверхоборотень уничтожил себя, — сказал Сергиенко, продолжая разговор. — Этот ничем не спровоцированный взрыв — всего лишь демонстрация неповиновения.

— Тогда где он сам? — морщась, заметил Торанц.

— Прячется в кратере.

— А это возможно?

— Кто может сказать, что нет? Кое-какие свойства оборотня мы узнали, но сколько их осталось невыясненными? Остаются неизвестными происхождение оборотня, его энергетические возможности, информационные запасы, способы трансформации собственного тела... что там перечислять, не хватит времени. Единственное, чего мы добились, — установили причину охоты на людей.

— Интеллектуальный паразит, — усмехнувшись, сказал Нагорин, так же как и Торанц не отрывающий взгляда от зева кратера, в котором скрылся Диего Вирт. — Признаюсь, это качество сверхоборотня мне сильно не по душе. Верить в подобное трудно.

— Еще бы, — сказал Торанц, отмечая время. — Мгновенное считывание информации, запасенной мозгом! Даже наследственной! Эдакий утонченный каннибализм. Хотя, кстати, пандологи давно ищут способы записи нужных сведений непосредственно в мозг человека, способы так называемого рапид-обучения. Для них оборотень — сверхнаходка.

— Над чем работали ученые на полигоне до взрыва? — спросил Пинегин, назначенный руководителем реализации мер, принимаемых Управлением аварийно-спасательной службы после катастрофы.

Сергиенко пожал плечами.

— Анализом физических, химических, биологических и прочих свойств. Хотя, — вспомнил он, — Талгревенн за день до взрыва говорил, что они собираются проникнуть в оборотня для спасения «проглоченных» им ранее людей.

— Верно, — поддержал коллегу Нагорин. — Незадолго до... гм... случившегося на полигон прибыла техника для просвечивания тела оборотня, и в разговоре Талгревенн коснулся этой темы.

— А как вел себя сверхоборотень?

— Как глыба мертвого металла — совершенно ни на что не реагировал, не верилось, что внутри него кто-то есть, что он может двигаться, трансформироваться и так далее. Серые о себе тоже не напоминали. Одни только приборы и отмечали происходящие внутри оборотня процессы.

— Какие же?

— Какие именно — не скажу, — подбирая слова, сказал Сергиенко. — Но в результате изменялись потенциалы излучаемых им полей, медленно уменьшалась плотность одних объемов тела и увеличивалась других... ну и тому подобное.

— Виктор, — окликнул Пинегин. — Ты сверху там ничего не видишь?

— Все то же, — пробился голос командира крейсера, зависшего над полигоном на высоте ста километров. — Даже при максимальном увеличении. Не волнуйся, десантники у меня в готовности один, успеем, если что.

— Успеем... — проворчал Пинегин. — Вот что, прощупай-ка ты всю панораму локаторами на гравиплотность. Для страховки.

— Сейчас сделаем.

Пинегин отвернулся от виома и прошелся по залу.

Медленно текло время. Диего Вирт не показывался. Огромная плешь полигона лежала перед людьми мертвой пустыней, ни одно движение не нарушало ее пугающего спокойствия.

Зуммер прямого канала связи с правительством Земли заставил многих в зале вздрогнуть.

Стоявший у пульта селектора Торанц тронул сенсор, и напротив него возник сидящий в кресле Банглин.

— Ну что? — быстро спросил он, вперив взгляд в руководителя погранслужбы.

— Пока никаких результатов, — сообщил Торанц, кашлянув. — Визуальные наблюдения мало что дают, а более действенные меры только начинают приниматься.

Банглин нахмурился.

— Это вы говорите через двое суток после взрыва?

— Двое суток в месте взрыва радиация была такой, что не помогла никакая защита. После дезактивации уровень радиации понизился, и мы отправили к шахте разведчика.

— Сверхоборотень?..

— Возможно, прячется в шахте.

— Плохо, — после некоторого раздумья сказал Банглин. — Прошу вас докладывать в президиум Совета обо всем существенном. Через три дня состоится засе-

дание ВКС, на которое вынесен и вопрос о сверхоборотне. Вы будете готовы дать нам информацию?

Торанц покосился на делавшего ему какие-то знаки Пинегина и проговорил:

— Сделаем все от нас зависящее.

Банглин снова нахмурился, и связь прекратилась:

— Я же тебе сигнализировал, — с сожалением сказал Пинегин. — Он не любит неточных и туманных формулировок.

— Как будто я его меньше знаю, — через силу усмехнулся Торанц. — Не мог же я ответить «да», будучи уверенным в обратном.

Внезапно вспыхнул виом связи с крейсером, и перед людьми в зале появился встревоженный бортинженер корабля.

— Зондирование на гравиплотность показывает, что в кратере происходит перераспределение масс. Принимайте картинку, сделана на волне ноль два в течение трех минут. Продолжаем наблюдение.

Второй виом воспроизвел объемную схему поверхности полигона: на голубой плоскости розовая полусфера — купол энергостанции и желтая воронка — кратер. Цвет воронки изменялся со временем, по ее стенам ползли алые пятна. К тому же стало заметно, что купол энергостанции и кратер связаны нитью пульсирующего багрового свечения.

— Оборотень! — побледнел Нагорин. — Вне всяких сомнений!

— Но где? — яростно спросил Пинегин. — Купол или кратер?

— Оригинальная маскировка, — произнес Торанц. — Мне кажется, что оборотень в кратере, вернее, сам кратер. Да, сверхоборотень не так прост... хотя я, кажется, и в самом деле начинаю относиться к нему как к живому существу.

— Это неважно, — пробормотал Сергиенко. — Пусть оборотень управляет экипажем, что это меняет? Почему раньше не догадались пройтись гравилокаторами по полигону?

— В том-то и дело, что обшарили полигон на всех мыслимых диапазонах волн. — Пинегин гневно раздул ноздри. — Надо вернуть Диего, срочно. Виктор, десант-

ному когту старт! Прикрой его полем. Внимание водителям силовых установок: полная отдача на отражение!

Шли минуты. Ничего не менялось над полигоном. Только медленно опускалась в разверстую пасть кратера золотая капля десантного когга.

МЕТАМОРФОЗЫ

Диего погрузился во мрак столь плотный и вязкий, что ему на мгновение захотелось глотнуть воздуха, как при нырянии в воду. Приостановив падение, он включил нашлемный фонарь и зажмурился от брызнувших со стен шахты бликов.

Видимо, температура и здесь достигала точки плавления пород и покрыла стены вертикального тоннеля многоцветной пленкой глазури. Металлические бока и крепления подъемника то ли сгорели, то ли расплавились и стекли вниз, на дно шахты.

— Дно... — пробормотал Диего, преодолевая нервный озноб. Он уже видел это дно, свет прожектора отражался в нем, как в кривом зеркале. Где-то там, на глубине тридцати метров, должны были ответвляться горизонтальные штреки, ведущие к машинному и командному залам.

Но вот в брызжущем искрами отсвете от стен появилось черное пятно. Диего замедлил скорость спуска и посмотрел вверх. Кружок входа в шахту был еще достаточно светел.

«Горизонтальный штрек? Не рано ли? Пройдена только половина пути. Впрочем, сведения строителей могут быть и не точны. Зато можно быть уверенным, что сверхоборотень здесь не прячется».

Диего завис на уровне четырехметрового темного провала горизонтального коридора и посветил внутрь. Световой конус выхватил из тьмы серый пол и... неподвижную серую фигуру с лицом-маской! Серый человек!

«Приехали! Оборотень здесь! Замаскировался и лежит себе спокойно... Не меня ли поджидает?»

Диего опустился на пол, зорко следя за серым незнакомцем и не забывая боковым зрением отмечать детали картины вокруг себя. Страха не ощущал, только весе-

лую злость и готовность к действию. Так они стояли друг против друга с минуту: человек в блестящем скафандре с горбом генератора поля на спине — и серый монстр, длиннорукий, косолапый, уродливо асимметричный, с серым мертвым лицом. Диего чувствовал на себе его изучающий взгляд. Одно время ему казалось, что кто-то еще смотрит в спину, но он поборол в себе желание оглянуться. Серый вдруг поднял руку, и... слепящий огонь факелом ударил в лицо Диего.

Открыв ослепленные глаза, Диего увидел себя стоящим в странном багровом светящемся лесу. Из темно-вишневой почвы выпирали тысячи тонких и толстых стволов, переплетавшихся друг с другом так, что просветов почти не было; со всех сторон, сверху нависали такие же стволы, канаты, лианы, свиваясь в бесконечный, пышущий жаром клубок.

Первым делом Диего проверил генератор защиты — работает! «Что ж, в таком случае никакие градусы не страшны. Куда же это я попал? Неужто серый так могуч — забросил меня сюда усилием воли? Скорее всего, я нахожусь внутри сверхоборотня, просто мне решили устроить экзамен. Ну, погодите, серые!»

Диего огляделся и, заметив в одном месте просвет, направился туда, с трудом пробираясь между сплетениями стволов и лиан. Вскоре он выбрался на край небольшой поляны, в центре которой росла источавшая приятный золотистый свет многометровая «еловая шишка», из которой во все стороны отходили отростки, утолщаясь и тускнея по мере удаления, превращаясь в знакомые стволы и петли «лиан».

Приборы, встроенные в браслеты на руках, говорили, что температура «шишки» две тысячи градусов, материал не идентифицируется. Еще приборы уловили пульсацию какой-то субстанции в стволах «деревьев», и генератором этой пульсации служила загадочная «шишка».

Диего показалось, что плотность «лиан» на другой стороне поляны меньше, и он направился в ту сторону, сожалея, что, кроме визуальных наблюдений и киносъемки, ничего не может сделать. Единственным утешением было то, что ученые когда-нибудь увидят в цвете все виденное им... если только ему удастся выйти из глубин сверхоборотня живым и невредимым.

По мере того как Диего продвигался вперед, он начал подмечать некоторые изменения в окружающем его багровом мире. Медленно, но неуклонно происходило упорядочивание ветвистых переплетений «лиан», «лес» становился ровнее, геометричнее, пока наконец не превратился в сросток каких-то удивительных кристаллов. А потом произошло то, чего объяснить Диего не мог уже никак. За очередным кристаллическим массивом дорогу преградила стена. Диего остановился, рассеянно коснулся ее рукой и... очутился в зеркальном многограннике, отражавшем и преломлявшем в своих гранях его фигуру.

С минуту разведчик не двигался с места, продолжая ожидать развития событий. Ничего не происходило. Многогранник был освещен так, словно светился сам воздух. Каждое движение отражалось в зеркале граней тысячекратно, и глаза от этого уставали очень быстро... Вздохнув, Диего сделал шаг, другой... Казалось, весь объем многогранника переместился вместе с ним. Тогда он побежал — никакого результата. Остановился, сел. И тут же вокруг проявились полупрозрачные сложные геометрические фигуры, пересекающиеся плоскости, ажурные конструкции — все это в процессе роста, смешения, нагромождения друг на друга, сплетения в невообразимый абстрактный геометрический ком...

Тряхнув головой, Диего зажмурился и услышал нарастающий отчетливый свист, заполнивший его до краев. Апатия овладела им, свист усилился до боли в ушах, и Диего стал растворяться в нем, проваливаться в небытие...

Два раза ему на мгновение удавалось приоткрыть дверцу сознания, сначала он ощутил себя стоящим над бездной на краю узкой площадки, потом увидел над собой нависшее жуткое серое лицо-маску...

В сознание он пришел, будто его включили. Долго потом мерещилось тихое клацание тумблера, который фантазия поместила почему-то под мышкой. Клац! — и вот он уже бодр и свеж, тело легкое, послушное — сказка, а не пробуждение.

А потом Диего понял, что видит перед собой, и замер с поднятой рукой. Сначала пришло впечатление не-

обычного простора: он стоял на плоской вершине будто срезанной лезвием горы и смотрел на равнины, горные страны, океан — уходившие в бесконечную даль. Странность номер один: именно в бесконечную — горизонта не было, на пределе видимости все детали ландшафта сливались в цветную мозаику, уходившую все дальше и дальше. Затем Диего заметил вторую странность: то, что он сначала принял за узор и вязь облаков над собой, оказалось такой же плоскостью с лесами, горами, морями и реками, но обращенной вниз головой к нормальному ландшафту и видимой как сквозь мерцающий слой голубого тумана. И еще: сверкание вдали над равнинами и совсем близко от вершины горы полупрозрачных стен, как бы скрывавших за собой другие миры, обращенные к нормальному по перпендикуляру. Диего долго всматривался в один из загадочных бликов, пока не разглядел туманный гигантский горный хребет, расположенный на такой же туманно-эфемерной вертикальной платформе.

— Пересечение миров! — вслух сказал он. — Как же они не влияют друг на друга?

Словно для демонстрации возможностей местной физики из-под горы выскочил скособоченный ажурный короб — летательный аппарат — и на большой скорости проделал несколько челночных походов из края в край равнины, теряясь в голубоватой дымке атмосферы. Затем он вспыхнул белым светом, одна из вертикальных поверхностей с равнинным ландшафтом при этом мгновенно приобрела четкие формы, цвет и плотность, так что у Диего даже дух захватило, словно он наклонился над пропастью, и тут же вертикальный мир и коробчатая машина стали невидимыми: вероятно, машина перешла в иное измерение и мчалась теперь где-то над горами другого мира.

— Великий Космос! — пробормотал Диего. Он только сейчас заметил, что в небе не было ни светила, ни звезд, ни лун, но освещенность загадочного, тысячекратно пересекающегося в самом себе, бесконечного мира была такой, словно он имел по крайней мере два солнца.

Диего попробовал вызвать Пинегина или крейсер, но динамики молчали. «Кинозал» сверхоборотня про-

должал работать. И тут пограничник почувствовал на плече тяжелую руку. Он повернул голову и вздрогнул, несмотря на всю свою выдержку. Рядом, в знакомом белом комбинезоне спасателя, который из-за многих преимуществ носили все космонавты, стоял человек. Высокий, атлетически сложенный, смуглолицый, с упрямой складкой бровей и настороженным взглядом.

— Черт возьми! — пробасил он, не снимая руки с плеча Диего. — Скафандр ВЗ! Кто вы? Что здесь делаете? И где это мы? — Он только теперь огляделся, на лице отразилось недоумение.

Диего включил внешний звуковой передатчик.

— А вы кто?

— Я Батиевский, трансналадчик, последнее место работы — система гаммы Единорога. На Юлии нас застала гроза и... не понимаю, как я здесь оказался. Где мой напарник, Шубин?

— Я думал, мы это узнаем от вас. А вы хоть представляете, где находитесь?

Смуглолицый Батиевский еще раз, более внимательно, огляделся, пожал плечами. В глазах его загорелся интерес, но лицо осталось замкнутым, не дрогнуло.

«Серьезный мужик, — отметил про себя Диего. — Не паникует. Однако, если он жив, то и другие похищенные живы?! Значит, все-таки плен? Не значит ли это, что и я в плену? Но чего от нас хотят хозяева сверхоборотня?»

— Мы выехали по сигналу SOS... — начал Батиевский, и вдруг глаза его расширились. — Кто это?..

Диего оглянулся. От края площадки к ним неторопливо шествовал серый человек.

— И я этого не знаю, — помедлив, ответил Диего. — Может быть, хозяин, а может, такой же пленник, как мы.

— Чего он медлит? — пробормотал Торанц.

Десантный когг перестал опускаться и завис над дырой шахты, скрытой тенью кратера.

— А что он может сделать в данный момент? — ответил вопросом на вопрос Пинегин. — Витя, кто у тебя в ДК?

— Игорь Забара и Саша Лех.

— Хорошо.

— Что хорошо-то? — не понял Сергиенко.

— Хорошо, что пошли эти ребята. Лех — пилот-виртуоз, ну а Забара смел и умен... Витя, дай прямую связь с ребятами.

— Бери.

На пульте селектора вспыхнул крошечный зеленый огонек. Пинегин тронул сенсор и проговорил:

— Игорь, что случилось? Почему висишь?

— Дырка узковата, — тотчас же отозвался Забара, — когг не пройдет. Придется дальше идти на антиграве. Саша подстрахует полем.

— Добро, — после некоторого колебания сказал Пинегин. — Спустишься до уровня отверстия шахты и посигналишь прожектором. В шахту не спускайся, сам знаешь, чем кончаются объятия сверхоборотня.

От десантолета оторвалась серебристая пылинка, исчезла в тени кратера. Потом там вспыхнул свет, и стены кратера заиграли сотнями радуг.

— Витя, генераторы на пределе! — вполголоса произнес Пинегин. — Если что — ребята должны уйти... — Он хотел сказать, «живыми», но удержался.

— Уйдут, — пообещал Ненароков, не выразив ни досады, ни раздражения. — Автоматика настроена надежно. При первом же всплеске координатор закапсулирует когг и Забару, а оборотня мы прижмем.

Слова командира крейсера несколько разрядили обстановку в зале, он, наверное, именно такого эффекта и добивался, и Пинегин в душе поблагодарил его, хотя сам был настроен далеко не так оптимистично. Вирт не возвращался, и каждая минута уменьшала надежду на его благополучное возвращение.

«Авантюра! — с горечью думал Пинегин. — Зачем только я согласился на эту разведку? Упала бы радиация — послал бы роботов. Так нет же, уговорил... И самое страшное — если и он не вернется...»

Свет в кратере погас. Прошла минута, вторая...

— Игорь, возвращайся, — приказал Пинегин. — Пилот, вы там ближе, Забара виден?

— Он пошел в шахту, виден хорошо.

— Верните его, немедленно!

Пилот вызвал Забару, подождал ответа.

— Не слышит, что ли?

Модуль переместился, совсем окунаясь в кратер.

— Сорвиголовы! — буркнул Торанц.

И в этот момент ландшафт с кратером, куполом энергостанции, блестящим стекловидным полем стал изменяться. Люди ничего не успели предпринять, автоматы тоже не отреагировали, запрограммированные на резкие изменения напряженности электромагнитных гравитационных полей.

На полигоне вспыхнул сказочно красивый фейерверк: переливы чистых спектральных цветов, ленты, ручьи и реки цветного сияния, калейдоскоп красок! Потом краски потускнели и стало заметно мелькание картин, одна сменяла другую, но так быстро, что мозг не успевал запомнить их и сравнить, оставить в памяти хотя бы одно из мелькавших изображений.

Было ясно, что сверхоборотень уцелел, раскрылся и, быть может, впервые повел разговор на своем языке, а люди ничем не могли ему ответить, кроме стандартных программ контактов, разработанных в Институте внеземных культур, рассчитанных на гуманоидный разум и потому мало пригодных практически в данном случае.

Верчение картин замедлилось. Теперь люди успевали выхватить из общего мелькания отдельные фрагменты: то странный, кипенно-белый лес, то непонятные циклопические сооружения, то вереницу каких-то существ, то еще более непонятные машины, формы, контуры зданий и фигур. Оборотень выдыхался. Еще с минуту продолжалось это невероятное светопреставление, потом перед людьми на несколько секунд задержалось видение: полированный идеальный круг, отсвечивающий синим, и неправдоподобная, жуткая в своей неземной нечеловеческой гармонии фигура, от которой исходила — все почувствовали это — гипнотическая, властная сила, довлеющий над миром разум! — и все кончилось.

На полигоне лежало почти километровое черное яйцо сверхоборотня, замкнувшегося в свою обычную оболочку. Открылся вид на кратер, но купола энергостанции уже не было, и люди поняли, что и купол был порождением оборотня.

Рядом с исполинским эллипсоидом Пинегин заметил конус десантного когга и, дав вариацию увеличения в общем виоме, увидел рядом две блестящие фигуры: одна из них поддерживала другую. В корме когга открылся люк, двое вползли внутрь, и аппарат взмыл в небо.

КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ

Пинасс миновал шпиль марсианской ТФ-станции и провалился в причальный тоннель, выведший его на посадочную платформу.

Диего нашел эскалатор, поднялся в центральный зал станции, почти пустой в это время дня. Через минуту он был на Земле.

После разведки на полигоне, когда произошло странное информационное извержение сверхоборотня, пограничник полмесяца пробыл в марсианском медцентре, излечиваясь от нервной перегрузки и пресыщения увиденным, освобождая организм от немалой дозы всевозможного рода излучений, пробивших даже скафандр высшей защиты.

Он уже знал, что снятый им во чреве сверхоборотня фильм, а также записи аппаратуры полигона были переданы во все институты Земли, где подверглись обработке большими вычислительными комплексами. Знал и то, что ближе всех к расшифровке записей были специалисты ИВК, но конкретных сведений об этом не имел: врачи умело блокировали каналы связи, способные повлиять на спокойный ход лечения.

Некоторое время Диего колебался между желанием повидаться с женой и обязанностью явиться в погрансектор Даль-разведки, потом все же набрал код службы и выбрался из кабины тайм-фага уже в Австралии, под Тидбинбиллой.

Ему повезло: первым, кого он встретил, был Нагорин. Диего поздоровался, не подав виду, что удивлен встречей, — врач-универсалист не работал в погранслужбе и мог попасть в этот сектор Даль-разведки лишь случайно или по вызову.

— На ловца и зверь, — мрачновато пошутил Нагорин. — Ты как нельзя более кстати. Хочешь — пойдем

со мной, в ИВК сегодня небольшая пресс-конференция по поводу последних событий, для тебя она представляет несомненный интерес.

— Но... — неуверенно начал Диего, подумал и, решив, что два-три часа роли не играют, он не на дежурстве, добавил: — Согласен.

Через несколько минут они выходили из тайм-фага Института внеземных культур, расположенного на территории Рязанского парка Победы. Нагорин, хорошо знакомый с системой лифтов комплекса, уверенно вывел Диего в демонстрационный зал отдела внеземных технологий, представляющих собой полусферическое помещение со встроенным в него инженерно-техническим обеспечением. Зал был невелик, но кто-то включил видеопласт, и зал казался бесконечным. Диего с трудом отыскал в этом «колоссальном» пространстве знакомые лица.

Пинегин с заметной радостью сжал его руку. Торанц тоже несколько оживился, отбросив на время свою обычную внешнюю сумрачность.

— Рад. Не ожидал, что отпустят так скоро. Подлечили?

— Еще как! — улыбаясь, ответил Диего. — К работе готов.

— Ну, уж сразу и к работе, — засмеялся Пинегин. — Я вижу, Игорь зацапал тебя где-то по пути в секториат?

Диего смущенно кивнул.

Теперь уже смеялись все.

— Сегодня у нас обсуждение выводов спецкомиссии по делу сверхоборотня, — сказал Пинегин. — У специалистов института к тебе масса вопросов.

— Вряд ли от моего рассказа что-то станет понятнее, — усмехнулся Диего. — Вот у меня вопросов наверняка больше. Кстати, где Грехов?

Пинегин отвел его в сторону.

— Он дома, в Деснянске. Врачи и на этот раз не сплоховали. После совещания съездим к нему.

Диего удивился тону начальника отдела и внимательно посмотрел на его вспухшие желваки щек.

— В чем дело? Ты какой-то...

— Какой? — Пинегин встретился взглядом с Диего и отвел глаза. — Я такой же, как и всегда. А вот Габри-

эль... ему, наверное, уже не работать в отделе безопасности, а может, и вообще в управлении.

Диего отстранился, недоверчиво покачал головой, но сказал не то, что хотел:

— Полина?

— Нет, не в ней дело, он сам... Да и сколько можно? Катастрофа на Чаре, потом Тартар, потом сверхоборотень дважды... не слишком ли много для одного человека? Даже если это Грехов?

— Много, — согласился Диего задумчиво. — И все же...

— Вот и расспроси его. — Пинегин отвернулся. — Кажется, сейчас начнем. Пошли сядем.

Они выбрали кресла неподалеку от пульта управления всей техникой зала. Говор двух десятков человек постепенно стих. К пульту подошел Сергиенко, повернулся к слушателям.

— Сначала о фильме, снятом Виртом внутри оборотня, — неторопливо начал он. Ослепительно белая рубашка подчеркивала его густой загар, как и белые брюки. — Первая загадка — серый человек.

Большой виом зала заполнился радужным туманом и воспроизвел изображение серого существа, встреченного Диего в шахте.

— До сих пор непонятны функции этого монстра. Мнения специалистов разделились. Одни считают, что серый человек — разумный хозяин сверхоборотня, член его экипажа, другие — что он такой же пленник, каким был некоторое время Вирт. Последнюю точку зрения подтверждает встреча Вирта с одним из похищенных оборотнем людей, Виктором Батиевским. В связи с этим — загадка номер два: при первом плановом эксперименте, когда мы пытались найти внутри оборотня всех похищенных, люди обнаружены не были. Откуда там появился Батиевский? Вывод комиссии: считываемая оборотнем полная информация обо всех биопараметрах живого существа хранится в памяти оборотня, и он по ней способен воссоздать любое существо, захваченное им когда-либо в космосе.

— Слишком уж экстравагантно, — прошептал Диего на ухо Пинегину. — Не проще ли оборотню хранить самих людей, а не информационные копии? Я бы все же попытался заставить его вернуть всех наших.

— Пытались, и не раз, — ничего.

Сергиенко переждал легкий шумок, пробежавший по рядам кресел.

— Третья загадка — светящийся «лес», по которому Диего Вирт путешествовал около получаса. «Лесу» подходит лишь одно объяснение: оборотень показал нам материальное воплощение каких-то математических структур, которым в природе ничто не соответствует. К сожалению, более точно сегодня я ответить не могу, не хватает информации. Очевидно, в зоне «леса» могли изменяться очень многие параметры среды: плотность и виды излучений, полей, но в скафандре Диего не было регистрирующей аппаратуры. Он шел в первую разведку, и никто из нас не мог предположить, чем она закончится.

В качестве примера интерпретации этой части фильма приведу мнение Института математики высших пространств: сверхоборотень изобразил часть формулы эс-узлов Шеннона. Для тех, кто не является специалистом в данной области науки: математика эс-узлов Шеннона применяется в теории ТФ-связи.

Сергиенко сменил изображение — и Диего снова ощутил себя стоящим в диковинном, багрово светящемся «лесу», переплетенном «лианами», с толстыми и тонкими «ветвями» и выступающими «корнями»... Присутствующие в зале рассматривали «лес», тихо переговаривались. Многие записывали картину на ручные инфоры. Потом Сергиенко выключил виом и с усмешкой сказал:

— Иногда становится обидно, что ум человеческий имеет пределы. Все, что мы можем понять, есть комбинация реальных величин. Но ведь, наверное, могут быть и такие величины, которые мы просто не в состоянии воспринимать? Впрочем, я отвлекся. Как говорили в старину: вернемся к нашим баранам.

Следующая загадка — пейзаж невероятного по масштабам мира. Большинство ученых склоняется к тому, что сверхоборотень показал нам ландшафт системы, гораздо более сложной, чем планета. И не только более сложной, но и во много раз большей.

Стены зала исчезли, люди оказались в странном, перекрещивающемся в самом себе, бесконечном мире,

насыщенном чужой, непривычной для восприятия жизнью. В мире, в котором терялось ощущение пространства и собственное тело казалось ничтожней комариного крыла...

— По оценке универсальных машин, диаметр данной системы достигает двух миллионов километров, объем — около четырех миллиардов мегаметров! То есть система — больше Солнца!

Диего переглянулся с Пинегиным; масштабы чужого мира потрясали воображение.

— Естественно, у всех возникает вопрос: зачем сверхоборотень показал все это людям? С какой целью? Некоторые специалисты утверждают, что оборотень (или его экипаж) пытается откупиться: дескать, я вам открою все, что знаю сам, а вы отпустите меня на волю. Другие, в том числе и я, считают, что оборотень ищет пути контакта, ибо понял, несмотря на свою неземную логику, что мы не просто живая материя, но — мыслящая материя! Здесь уместно будет высказать точку зрения специалистов отдела ксенопсихологии полнее. По нашему мнению, сверхоборотень — автомат с неограниченной памятью, способный осуществлять любые эффективные преобразования информации. Приемы сбора информации сверхоборотнем, ставящие его в разряд смертельных врагов всего живого, кажутся вам не совместимыми ни с чьей логикой. Однако следует учесть, что цивилизация, породившая оборотня, могла иметь принципиально отличимые от человеческих формы и цели бытия, логический аппарат мышления, этические нормы и так далее. Иначе говоря — иметь иную форму отражения реального мира, хотя и адекватную законам природы...

Сергиенко убрал суперпланетный пейзаж и с минуту молчал, словно давая всем время на переваривание сказанного.

— Все мы вольны соглашаться или не соглашаться с любой гипотезой, — продолжал он, посмотрев на часы. — Увы, гипотез многовато. Единственное, с чем, наверное, согласятся все: сверхоборотень являет собой совершенный фантоматический генератор, создающий мир ситуаций, нереальность которого обнаружить нашими методами, с нашей технологией нельзя.

— Не поступаем ли мы жестоко по отношению к оборотню? — спросил после непродолжительного молчания один из ученых-универсалистов. — Если сверхоборотень — разумное существо или несет в себе разумные существа... не секрет же, что многие наши методы исследования далеко не безобидны.

— Вы были бы правы, — ответил жестко Торанц, поднимаясь со своего места, — если бы не действия самого сверхоборотня, поставившие его, как только что говорил докладчик, в разряд наших врагов. Конечно, мы далеки от того, чтобы намеренно причинить вред этому «черному ящику», клубку загадок, кем бы там он ни был, но если на нас нападают, и нападения ведут к жертвам, то мы обязаны защищаться. Другое дело — следует найти такие способы защиты, которые наиболее эффективны для нас и приносили бы минимальный ущерб «противнику».

— Хочу вам сообщить, — продолжал Торанц, проходя к пульту, — что сверхоборотни — их осталось восемь, один исчез по неизвестной причине в неизвестном направлении — продолжают движение во втором спиральном Рукаве Галактики — Рукаве Стрельца и уже вышли из контролируемой нами области пространства. Движутся они все так же по прямой и, вероятно, скоро затеряются в галактическом ядре. Поэтому наш экземпляр становится уникальным: едва ли когда-нибудь еще мы встретимся со столь загадочным объектом... если только повелители сверхоборотня не захотят сами посетить нас после установления контакта.

— Согласен, — кивнул Сергиенко. — Добавлю, что возраст материальной оболочки, кокона сверхоборотня, по оценкам УМВ, равен трем миллиардам лет. Не знаю, каким образом столь сложно организованная материальная система, как сверхоборотень, может сохраняться три миллиарда лет! И если он действительно создан очень давно...

— Все-таки создан? — переспросил кто-то в зале.

— А что, это противоречит вашей точке зрения? — в свою очередь спросил Сергиенко, вызвав легкий шумок. — Жить сверхоборотню так долго — если вы считаете его живым существом — не дадут элементарные законы термодинамики. Ни одно живое существо не

способно поддерживать функции саморегуляции и непрерывную память не то что три миллиарда лет, но даже несколько тысяч. По-моему, это бесспорно.

— Не тычемся ли мы в застарелые истины, как кроты в попадающиеся на пути камни? — спросил тот же человек, и Диего наконец узнал Забару, своего спасителя, который вытянул его в последний момент из «кинозала» сверхоборотня. — Недаром говорят: истина — это заблуждение, длящееся столетие; заблуждение же — это истина, просуществовавшая минуту. Формирование оболочки сверхоборотня может не соответствовать дате его рождения или постройки. Это первое. Второе: оборотни по всем признакам, несмотря на гигантские возможности, всего лишь автоматы с запрограммированным детерминатором действий или автоматические хранилища информации, отвечающие определенной цели создателей. Но не кроется ли именно здесь дефект в нашей человеческой, антропоцентристской логике? Мы не боги и можем многое не видеть. Вспомните Тартар... Крепенько мы там споткнулись, пока «серые призраки» не помогли подняться и не растолковали, что необъяснимое на планете еще долго будет оставаться необъяснимым для нас.

«Не в бровь, а в глаз, — подумал Диего, одобряя речь Забары. — Сколько зубов мы сломали об тайну Тартара, пока не помогли нам совершенно чужие мыслящие существа, которых мы, кстати, принимали за коренных обитателей Тартара. Теперь появился сверхоборотень, новая тайна, новая встреча с неведомым, а объяснения нет. Есть десятки гипотез, каждая из которых отражает лишь уровень знания ее создателя и ничего больше... воз и ныне там. Сколько раз попытки объяснить поступки сверхоборотня с точки зрения здравого смысла заводили нас в тупик? А если он — гость из такой области пространства, где все иное: физика, логика, психология, этика, если вообще там существуют подобные понятия?..»

Сергиенко задумался на минуту, никто не нарушал ломкой тишины, потом сказал:

— В принципе я с вами согласен. Самая горькая истина лучше самого приятного заблуждения. В отношении сверхоборотня мы тоже можем заблуждаться... ка-

кое-то время. Однако мы снова ушли в сторону от основной темы. Итак, мы разобрали фильм, снятый Виртом внутри оборотня. Что же показал оборотень внешним наблюдателям? А вот что.

Ученый поколдовал над пультом, и вйом отобразил колоссальное здание, сложенное из многотонных на вид, грубо обработанных каменных блоков, цветом напоминавших ярко-желтый сфен. Здание было сработано явно не человеческими руками, все в нем было вытянуто в высоту: узкие и высокие окна, невероятно узкие — человеку не пройти — проходы-щели между колоннами, какие-то ниши, складывающиеся в странный асимметричный узор... И все же впечатление грубой и зримой мощи, величия говорило об уровне его создателей, и люди в зале невольно прониклись симпатией к этим неведомым существам, схожим с людьми в строительном творчестве.

Диего не успел рассмотреть здание как следует: изображение сменилось. Теперь это была часть горного пейзажа — несколько скал, язык ледника, корявые деревья, похожие на земные пинии. Пейзаж сменился гигантским механизмом, состоящим из вращающихся решетчатых колес, рычагов, валов и грубых, на заклепках, металлических башен. За механизмом следовал еще пейзаж, с озером. По озеру ходили желто-оранжевые волны, и один раз мелькнуло чье-то длинное и черное, как затонувшее бревно, тело.

Снова конструкция: плавные линии, изящные обводы, пересечение и переход друг в друга геометрических фигур, создающих впечатление гармонии.

Странный город, состоящий из одних толстых стен, напоминающий сверху лабиринт. Город был полон бочкообразных существ, таскавших в приземистых колясках груды коричневых параллелепипедов. «Кирпичи», — усмехнулся про себя Диего.

Густой черно-зеленый лес, проткнутый во многих местах снежно-белыми шпилями...

Виом погас, но все продолжали рассматривать пустую стену, не сразу освобождаясь от груза впечатлений. Сергиенко, щурясь, оглядел аудиторию и хмыкнул.

— Эффективно, не правда ли? А ведь я показал всего лишь сотую часть того, что преподнес нам сверхобо-

ротень, и далеко не самое грандиозное и непонятное. Вот, например, полюбуйтесь.

Люди увидели фиолетово-черный, блестевший, как полированный металл, круг, на котором располагалась до жути странная, отталкивающая взор фигура: конус, сложенный из натеков лавы, поросший «пухом» мелких светящихся деталей, от которых рябило в глазах; этакий космический левиафан непонятного происхождения и назначения. Казалось, от фигуры исходит проникающий в мозг будоражащий взгляд, всеподавляющая, повелевающая, непреодолимая сила, отчего у зрителей невольно возникло желание спрятаться за какой-нибудь «крепостной» стеной.

Виом свернулся в светящуюся нить и погас.

— Необыкновенное впечатление, верно? Лично у меня всегда возникает ощущение, будто я вижу застывшее в хищном повороте тело, оглядывающееся через плечо... Последняя картина, показанная оборотнем, еще одна загадка. Вполне вероятно, что это разумное существо, жившее очень и очень давно, может быть, миллионы лет назад.

— Уж не своего ли бывшего хозяина показал сверхоборотень? — пробормотал Диего Пинегину. — А может, и настоящего?

Пинегин с удивлением посмотрел на товарища.

— А что, идея стоящая. Подари.

— Не возражаю.

Сергиенко в это время заканчивал сообщение.

— Последней своей трансформацией, — а все, что вы видели, не что иное, как материальные воплощения, а не просто изображения, — сверхоборотень показал, что обладает огромным информационным запасом. Выводы комиссии, занимающейся проблемой оборотня, я уже сообщил: он, очевидно, предлагает обмен — информацию на свободу. И, может быть, это единственный критерий истины, который нам доступен.

Сергиенко отошел от пульта, задумчиво сошел с возвышения. Кто-то кашлянул в тишине зала, слабо прозвенел звонок чьего-то индивидуального вызова.

— А почему он взорвался? — подал голос один из присутствующих на конференции работников планово-экономического комитета.

— Он не взорвался, — покачал головой Сергиенко. — Просто хотел вырваться в космос, создав векторный ТФ-канал, взрыв — вторичный эффект его броска. Кстати, на все эти действия нужна колоссальная энергия, расходовал ее сверхоборотень много, и сейчас он стал менее опасен и исследования его следует ускорить. Для многих отраслей науки он является ценнейшим кладом, отрицать этого нельзя. Вот и все, что я мог сегодня сообщить. На вопросы ответят сотрудники Института, непосредственные исследователи оборотня.

— У меня вопрос к Диего Вирту, — сказал бронзовый от загара физик-универсалист.

Диего молча поднялся.

— Каким образом вам удалось выбраться из оборотня?

— Не знаю, — ответил Диего.

УГЛУБЛЕНИЕ ТУПИКА

Диего сошел с пластолитовой дорожки на траву и быстро разулся, надеясь, что его никто не видит. Но тревожился он напрасно: в этот поздний утренний час веселые желтые дорожки, соединяющие отдельные здания Деснянска, были пусты — работа в учреждениях, институтах и на предприятиях города начиналась в восемь утра, и в девять редкий пешеход спешил к тайм-фагу или на стоянку такси.

От центральной станции тайм-фага Диего шел пешком, не прибегая к услугам транспорта. По пути встретил всего двух человек: серьезного молодого человека примерно шести лет от роду, который, заметив взрослого, опрометью кинулся в спасительную тень кустов, и древнюю старушку, подозрительно оглядевшую незнакомца.

Трава приятно холодила ступни, и Диего с наслаждением окунулся в древние запахи нагретой земли, травы и леса. Хотелось продлить удовольствие сколько возможно, забыть обо всех обязанностях, идти по траве, обходя стволы елей и сосен, и вспоминать полузабытые детские игры, товарищей по школе, ушедшее в прошлое детское единение с природой, слепое доверие

к ней, граничащее с восторгом... Диего не был слишком чувствительным, сентиментальным, но и рационалистом не был. Работа в погранслужбе многому его научила, в том числе бережно хранить в памяти прошлые радости, печали и переживания... и прошлые тревоги за жизнь близких друзей и людей совсем незнакомых, но землян, братьев по духу и крови, из-за которых работа пограничника, связанная с обеспечением безопасности работы первопроходцев, косморазведчиков, стала единственно важной и стоящей.

Правда, Диего давно тянуло перейти на работу к безопасникам, хотя назначение и цель погранслужбы и отдела безопасности в общем совпадали. Но одно дело — наткнувшись на опасное препятствие, обойти его, дав возможность Даль-разведке и всем ученым переднего края науки следовать своим курсом без потерь, и другое — изучить препятствие и уничтожить или блокировать его до лучших времен...

На окраине города Диего остановился. Перед ним, почти полностью скрытый кустами черемухи и сирени, стоял дом Грехова, выполненный в стиле древнерусского зодчества: три резные башенки, центральное строение с двускатной крышей и две низкие пристройки, светлые, все с резными стенами и высокими окнами с резными же наличниками. Похоже было, что вместо обычного стеклопластика все строение сделано из древесины — материала столь редко употребляемого во второй половине двадцать второго века, что Диего невольно прикинул ущерб, нанесенный строителями лесу.

Диего хмыкнул, критическим взглядом прошелся по ансамблю: все было безупречно, гармонировало с окружающим лесным великолепием и стал обуваться. «Лесопарковая зона, — подумал он с непонятным самому себе сожалением. — Древние брянские леса... Единственное, чего здесь не хватает — реки».

Но, подойдя к дому вплотную, Диего увидел, что выстроен он на крутом речном обрыве, невидимом ранее из-за лесной стены. Пограничник мысленно развел руками и шагнул в дверь.

Габриэля он нашел в центральной комнате, три стены которой служили окнами видеопласта, а четвертая — виомом связи. Пахло настоянной на солнце древеси-

ной, смолой и цветами. Грехов сидел на корточках перед полутораметровым хрустально-прозрачным шаром, в котором Диего узнал масштабную модель Галактики. Одет Габриэль был в шорты, сетчатую майку, хорошо загорел. Взглянув на вошедшего, он стремительно встал, и улыбка преобразила его тонкое, немного сумрачное лицо.

— Диего! Вот это сюрприз!

— Здравствуй, Ри, — улыбаясь в ответ, сказал Диего, и они обнялись. — Дом у тебя — высший класс! Возьму и перееду к вам из своего Заозерска. Правда, мелькнула мысль, — Диего смущенно взъерошил волосы, — что напрасно ты извел столько деревьев...

— Понятно. — В глазах Грехова вспыхнули и погасли веселые огоньки. Он прошел на середину комнаты. — Это все сделано из сухостоя, так что отбрось свою экономику и подсчеты. Проходи, садись. Полины нет, сегодня она дежурит.

— А где сын?

— Где ж ему быть — в яслях, конечно. Каждый день забираем вечером. Оставайся до вечера, сам увидишь.

— А что, и останусь. Я как раз сегодня свободен от всех обязательств. Кстати, Полина все там же?

— Оператор форм-стана металлокомплекса. Соку хочешь?

— Еще как! — закатил глаза Диего.

Грехов засмеялся, подошел к стене, открыл бар и достал бутылку и бокалы из мерцающего малиновым огнем стекла.

— «Северный букет», — прочитал Диего. — Хорошо живешь!

— А почему я должен жить плохо? — Грехов наполнил бокалы и поднял свой. — За встречу?

— За встречу. И за отсутствие тревог.

Диего выпил терпкий, пузырящийся, кисловатый напиток и поставил бокал рядом на низкий столик. Грехов, помедлив, выпил тоже и расположился напротив, на ворсистом толстом ковре.

— Рассказывай.

Никакой фальши в поведении Габриэля Диего не заметил. Заместитель начальника отдела безопасности выглядел, как и прежде, спокойным, уверенным в себе че-

ловеком. Почему же Пинегин говорил о нем с сожалением?

— Я слышал, ты уходишь из управления, — тихо сказал Диего. — Это правда?

Грехов задумчиво погладил ковер.

— Правда.

Диего несколько секунд рассматривал его лицо, потом опустил голову, скрывая вздох.

— Причину ты мне, конечно, раскроешь?

— Как-нибудь потом... Ну, как вы там, справляетесь?

Диего собрался с мыслями, затем принялся за неторопливое повествование. Времени до вечера у него было достаточно.

— Так, — сказал Грехов, когда он закончил, и это его «так» отозвалось в душе Диего эхом грусти: любимое слово Сташевского...

— Возникли две проблемы. — Диего встал и обошел прозрачный шар, внутри которого плыли золотистой пылью мириады звездочек. — Первая: оборотень задал вопрос, и надо решить, что ему ответить. Вторая: нельзя ли попытаться вызволить из плена всех похищенных им людей? Ведь я встречался с Батиевским вполне реально, без всяких там штучек с видеоконтурами и голографическими копиями.

— Это еще вопрос. Разве ты не знаешь, что такое гипноиндукция? Или наведенная галлюцинация?

— Но вся встреча записана на кристалл. И потом, ты тоже встречался с серым человеком, а он-то не менее реален, чем Батиевский.

— Не знаю, — подумав, ответил Грехов, — не уверен. Странные встречи, что еще можно сказать. Сколько вы уже возитесь с ним?

— «Вы», — усмехнулся Диего. — В основном не мы, а ученые. Около полугода... до взрыва. И месяц после.

— Ну вот. А узнали — с комариный чих. Может быть, дело не в том, что сверхоборотень не хочет вступать в контакт, а в том, что мы не можем уяснить себе его желания?

— Не знаю, — сказал теперь уже Диего. — Одни гипотезы, ты прав, ни одного мало-мальски пригодного факта. Я был на полигоне после своей неудачной вылазки, ничего нового. Оборотень лежит черной горой,

и никаких реакций. Энтузиасты бьются с ним, бьются, но...

— Псевдоинтеллект, — пробормотал Грехов неизвестно в чей адрес. — В конце концов ученые размотают и этот клубок. Ты же знаешь Сергиенко — настырный мужик и умница. Кстати, его мнение о том, что сверхоборотень — автомат для сбора информации, совпадает с моим.

— А кто тогда черный человек? Робот-служитель? — с иронией заметил Диего. — Автоматический уборщик, ассенизатор и так далее?

— Почему бы и нет?

— Да я не возражаю. — Диего щелкнул пальцем по шару и прислушался к его тонкому звону. — Серого призрака бы сюда, а? Слетать за ним на Тартар и... Он-то уж разобрался бы, кто такой сверхоборотень.

Отрешенное лицо хозяина вдруг изменилось. Он встал и уставился на огоньки в толще хрустальной сферы.

— Знаешь, хорошая мысль!..

Диего взглянул на него с удивлением.

— Что ты на меня так смотришь? — очнулся Грехов. — Давай лучше... — Внезапно Диего краем глаза заметил какое-то движение, обернулся и увидел Полину. Она молча смотрела на них с порога, и глаза у нее были большие и черные, такие же бездонные, как у мужа. Лишь тревогу скрывать они не могли.

Горизонт накренился, стремительно побежало навстречу гладкое поле полигона с черным эллипсоидом сверхоборотня в стороне от недостроенных зданий нового исследовательского комплекса.

— Тише, черт! — сердито сказал Пинегин. — Сплошь лихачи в вашем погранотряде.

Диего, сидящий слева от него, посмотрел на пилота и улыбнулся. Шебранн даже бровью не повел, продолжая ввинчивать пинасс в пространство, словно огромный штопор.

Они приземлились возле вновь отстроенного купола энергостанции, окруженного целью защитных решеток.

Пинегин мельком посмотрел на гору сверхоборотня в полукилометре, прищурился на низкое голубоватое

солнце и направился к лифту. Диего и Шебранн шагали следом.

В командном зале полигона было удивительно тихо, светло и просторно. Трое человек в голубом что-то обсуждали возле плоского, расчерченного координатной сеткой экрана. Еще трое сидели за пультом вычислителя, похожие в эмканах связи на застывших рыцарей. Остальные — в основном молодые ученые и инженеры, представители разных научных дисциплин — работали у стендов и пультов, не нарушая тишины. Зал был во многом похож на зал Центра дальней космосвязи.

Один из работающих у вычислителя снял эмкан, Диего узнал Торанца. Начальник погранслужбы пригладил волосы, подошел к ним и, жестом указав на группу пустующих кресел в углу зала, первым направился туда.

— Я вызвал вас вот по какому поводу, — сказал он, почесав свой длинный нос. — Сверхоборотень, как это ни досадно, не хочет «разговаривать». Вернее, он не хочет разговаривать так, как хотим мы. Возможно, он и говорит с нами — все эти «стеклянные» окна со звездами, радиогудение, вспышки и тому подобное, — но мы его не понимаем. Все попытки ученых исследовать его со всех сторон в последнее время терпят провал. Оборотень закапсулировался и не подпускает к себе никого, а роботов он просто уничтожает.

Прибывшие переглянулись. Торанц кивнул.

— Именно уничтожает. Скачок плотности гравиполя — и роботы плывут, превращаются в слитки металла. Многие институты пробовали на нем свою технику, тактику и стратегию. Отдача мизерная.

— Мы в курсе дела, — сказал склонный к прямоте Пинегин.

— Да, конечно. — Торанц не обратил внимания на реплику. — Вы больше других принимали участие в поисках сверхоборотня, знаете его слабые и сильные стороны. Что, по-вашему, заставит его раскрыться? Что нужно сделать? Мы не оставляем попыток освободить похищенных людей, хотя ученые и сомневаются в успехе.

— Не готовится ли оборотень к новой попытке освобождения? — сказал Пинегин, подумав. — Вы же помните, в системе кси Голубого Колодца они ушли, несмотря на плотнейший силовой заслон.

— Сейчас он никуда не уйдет. — Торанц поморщился. — Универсалисты разгадали способ его передвижения в пространстве — это необычный по исполнению ТФ-прокол. Ну и окружили его вдобавок к силовым полям еще и зеркальным ТФ-экраном.

— До взрыва? — спросил Шербанн.

— Конечно, иначе он, накопив энергию, ушел бы.

— Было мнение, что оборотень будто бы задал вопрос, — сказал Диего, — мол, существует возможность обмена: я вам — интересующую вас информацию, вы мне — свободу.

— Проверили и это. — Торанц вздохнул. — Как ни мудрили лингвисты — ничего, как об стенку горох.

— Ситуация! — пробормотал Пинегин. — Надо подумать.

В это время к ним робко приблизился молодой оператор связи.

— Кто из вас Диего Вирт?

— Я, — обернулся Диего.

— Вас запрашивает Земля.

Диего недоуменно пожал плечами.

— Земля? Может, Грехов? Вызов рабочий?

— Нет, личный.

Диего извинился и прошел вслед за оператором к пульту. Виом ввел его в дом Грехова, но вызывал его не Габриэль — Полина. Диего никогда не видел на ее лице такого выражения: боль и растерянность отражались в нем, как облака в воде.

— Диего, — сказала она тихо. — Почему ты не отговорил Габриэля?

— От чего?! — с изумлением спросил Диего.

— Он улетел на Тартар.

— Улетел на... — Диего замер с открытым ртом. — Ах ты, черт возьми!.. Извини, Поль... Но ведь это была только шутка — о сером призраке! Так он улетел на Тартар? Когда?

— Сегодня утром к Тартару ушел «Риман».

Диего машинально посмотрел на часы, перехватил взгляд Полины и покачал головой.

— Честное слово, я не знал, что он собирается на Тартар. Странно, что он полетел сам, там же работают безопасники... спецы из его отдела, мог бы дать зада-

ние им... — «Впрочем, не мог, — подумал Диего. — Если он полетел на контакт с серым призраком, то не вправе был рисковать ребятами, не посвятив их в свои планы. А посвящать он никого не стал, даже меня...»

— Верни его, Диего. Он столько раз... — Она хотела сказать «был на грани гибели», но не сказала. — Он уже не сможет нести нагрузки, какие нужны для вашей работы. Я не врач, но знаю.

— Я полечу за ним. — Диего отвел глаза. — Кстати, он мне сказал, что уходит из управления, так что полет к Тартару — его личная инициатива, ни о каком задании не может быть и речи. Я полечу за ним, Поль.

Грехова молча кивнула, зная, что Диего сделает все, чтобы выполнить обещание, и разговор прервался.

— Ну, что там? — подошел к пограничнику Пинегин. — Я видел Полину. А где сам Габриэль?

— Ушел на Тартар, — хмуро сказал Диего. — Хочет предложить «серому призраку» исследовать сверхоборотня. Вернее, это я так думаю, у нас с ним был разговор недавно. Когда пойдет очередной грузовик к Тартару?

— Он ходит раз в месяц, — только и сказал изумленный Пинегин. — Узнай в космоцентре, может, пойдет кто-нибудь вне графика?

ТАРТАР

Тихий, постепенно затухающий свист коснулся слуха. Это означало, что корабль вышел из тайм-фагового режима и включились разгонные двигатели, сообщающие трансгалактическому кораблю скорость, близкую к световой. Или наоборот — гасящие эту скорость.

Диего шевельнул рукой, прислушался и медленно встал. Прошел к виому, включил. Корабль подходил к окутанному розоватым туманом шару. Кольнуло тревогой сердце. «Тартар! — понял Диего. — Прыжок, равный одному сну, — и ты на Тартаре... Сташевский остался здесь навечно, Грехов оставил треть жизни... и вернулся. Что это — безрассудство? Потеря реальных представлений о своих возможностях? Нет, Габриэль

всегда рассчитывал свои шаги, наверное, рассчитал и теперь. На что же он надеется?»

Из-за горба планеты вынырнула серебристая искра — Станция, стала медленно расти.

Нет, после того памятного сообщения серого призрака, когда он открыл людям положение вещей на планете, исследования Тартара не прекратились. Просто люди стали осторожнее в выборе средств исследований. Станция осталась на орбите. Менялись экипажи, техническое оснащение, теории и мнения ученых, одно оставалось неизменным — жизнь Тартара. Молчаливо высились черные массивы Городов, плавали в дымной атмосфере планеты гигантские «паутины», скапливаясь иногда в колоссальные «паутинные» поля...

«Что дали нам прошедшие четыре года? — думал Диего, глядя на приближающийся выпуклый диск Станции. — Научились ли мы не нарушать покой Городов так, чтобы паутины не обращали внимания на наше присутствие? И остались ли на Тартаре серые призраки? Вдруг ушли уже, установив контакт с цивилизацией Тартара?.. Впрочем, если Габриэль прилетел сюда, то призраки не ушли, уж замначальника-то отдела безопасности обязан знать это... А я не знаю. Словно вычеркнул Тартар из жизни, отрезал от своей судьбы. — Диего оценивающе посмотрел на свое отражение в боковом зеркале каюты. — Почему? Неужто боюсь?»

Корабль остановил движение совершенно незаметно.

«Классные пилоты!» — Диего бросил взгляд на близкий, жемчужный в свете звезд щит планеты и покинул каюту.

Пассажиров было всего трое: сам Диего и двое ученых, судя по эмблемам на рукавах — врачей-универсалистов. Пограничник удивился, в его бытность на Станции не нуждались в специалистах-медиках, пропустил врачей вперед и зашагал в центральный командный зал спутника-базы, все больше волнуясь — не опоздал ли?

Зал почти пустовал. Главный виом показывал каменистую пустыню, редкую цепочку пальцеобразных скал, пятнистое темно-зеленое небо; видимо, на поверхность Тартара был опущен зонд с видеокамерой. У пультов управления сидели люди, ушедшие с головой в работу,

и Диего по ассоциации вспомнил центр управления полигоном: обстановка и там, и здесь была стандартной.

Навстречу пограничнику встал из кресла грузный, краснолицый человек с крупным носом и толстыми губами. Маленькие глазки беспокойно обшарили гостя, не узнавая, потом вдруг блеснули радостью, и Диего улыбнулся в ответ. Это был начальник погрангруппы Станции Свекольников.

— Сколько лет! — пророкотал он, пожимая руку Диего громадной волосатой лапой. — Сначала Грехов, теперь ты. Уж не с инспекцией ли?

— Есть тут одно дело... Кстати, где Грехов?

— Там, — кивнул Свекольников на центральный виом. — Это передача с его танка.

Вероятно, Диего переменился в лице, потому что Свекольников поспешил его успокоить:

— Не беспокойся, мы давно уже не даем себя в обиду. Иначе зачем я здесь? Научились и защищаться: от паутин, любопытников и синих чистильщиков. Видишь, какая чистая передача? Никаких искажений! А вспомни связь четыре года назад...

Диего вспомнил, и призрак взрыва танка Сташевского снова встал перед глазами. Нападения любопытников, гравистрелков, чистильщиков, паутин, взрывы, гибель друзей... ничего он не забыл...

Диего усилием воли вернулся к действительности и повторил:

— Значит, Грехов на Тартаре?

Свекольников усмехнулся.

— Он здесь собрал всех своих орлов и целую неделю пытался связаться с серыми призраками. Испробовал все средства, десятки вариантов передач, но так ничего и не добился.

— Зачем же вы пустили его вниз? — грубовато бросил Диего. — Я бы на твоем месте не пустил.

— По-моему, командует здесь он, — слегка обиделся Свекольников. — Я всего лишь исполнитель его приказов.

— Хорошо, хорошо. — Диего оглянулся на ряд пультов, отыскивая свободные кресла. — Мне нужно связаться с ним. Пошли посидим, расскажешь, что у вас нового.

Они уселись лицом к виому, и Свекольников неторопливо, в своем обычном стиле, пересказал Диего новости Станции.

За четыре года, прошедшие с тех пор, как Грехов и Диего покинули Тартар, многое изменилось. Ученые нашли способы защиты от излучения паутин, охраняющих Города, научились не мешать странной деятельности Городов. Значительно пополнились знания о физической природе многих странных образований на поверхности планеты, расширились возможности людей по исследованию недр Тартара, его удивительной флоры и фауны...

— Но до самостоятельного контакта с цивилизацией Тартара нам еще ой как далеко! — вздохнул Свекольников. — Да и таинственную природу серых призраков мы не постигли. Пробовали и сами с ними связаться, информативно такой контакт многое бы дал, ведь их культура опередила нашу на миллионы лет! Но никаких эмоций с их стороны! За все время призраков наблюдали всего три раза. По-моему, лишь Габриэлю и везло на контакт с ними, после него они вообще перестали обращать на нас внимание. Кстати, зачем Грехову понадобился такой срочный контакт с призраками? Он что-то говорил насчет этого, но так туманно...

Диего с минуту размышлял, потом сказал:

— О сверхоборотне что-нибудь слышал?

— Как-то в разговоре ребята упоминали об этом. Кажется, он охотится на людей?

— Их было десять, одного поймали, остальные путешествуют через Галактику. Странно, неужели вам не передают сводки важнейших событий?

Свекольников виновато заерзал в кресле.

— Передают, конечно. Видимо, я пропустил. Свободного времени почти нет, ты же знаешь службу пограничников.

— Знаю. — Диего вздохнул. — Покой нам действительно только снится... А Грехов прилетел сюда, чтобы уговорить серого призрака исследовать вместе с нами сверхоборотня. Нашим ученым он оказался не по зубам, тебе знакома эта ситуация по Тартару.

Они помолчали. Свекольников искоса посмотрел на твердое лицо Диего, порывался что-то сказать, потом наконец проговорил:

— Обязательно прослушаю сообщение о сверхоборотне...

А Диего вдруг отчетливо понял ход мыслей Грехова, почему тот решился на столь дерзкий шаг — вызов серого призрака. Серый человек... серый человек в сверхоборотне и серый призрак... Нет, дело не в названии, конечно, но сущность... Реликтовая форма разума — цивилизация серых призраков, и загадочный сверхоборотень — тоже реликт, по одной из гипотез ученых. Не было ли между ними точек соприкосновения? Пусть даже в глубоком прошлом, сотни веков назад?!

— Ай да Габриэль! — пробормотал Диего, поднимаясь. — Ну что ж, давай мне с ним связь.

Вином, все так же показывающий панораму скал с плывущими между ними белыми дымками, вдруг превратился в белое облако и свернулся в радужную нить.

— Седьмой, седьмой, — тотчас же подал голос оператор связи у пульта контроля. — Почему прекратили передачу? Седьмой...

Серые призраки разговаривать не хотели. Ни одна из серий программы контакта, запущенных Греховым, их не заинтересовала. Не помогли и прямые встречи, когда оперативники Шелгунова по командам наведения со Станции выходили на призраков лоб в лоб. Призраки легко избегали столкновений, исчезали, неутомимо занимаясь своей таинственной деятельностью возле Городов.

На пятый день пребывания у Тартара терпение Грехова истощилось. Он распустил группу Шелгунова и занялся проблемой сам. Вниз на Тартар его доставили парни Свекольникова, с уважением отнесшиеся к своему единственному пассажиру.

Габриэль нашел Шелгунова в машзале базы и без всяких предисловий сказал:

— Александр, мне необходимо спровоцировать черное извержение. Поможешь?

Глаза Шелгунова, всегда внимательные и добрые, сузились.

— Ты думаешь, что... — начал он.

— Да, — кивнул Габриэль. — Серый призрак наверняка примчится к этому месту.

Он не договорил, что сам он в это время выйдет из-под защиты — единственный способ обратить внимание призрака на себя.

— Авантюра, — сказал наконец Шелгунов, и непонятно было, осуждает он решение Грехова или одобряет. — Хотя, если это нужно для дела, я готов. Но все ли ты рассчитал до конца?

Грехов отвернулся, помолчал.

— В случае неудачи тебя дисквалифицируют. — Он искоса посмотрел на товарища и встретил его спокойный взгляд. — Но риск, я считаю, оправдан. Хотя, с другой стороны, официальную санкцию на этот эксперимент нам никто не даст.

— Ну, это-то понятно, — улыбнулся Шелгунов. — Вероятно, даже в случае удачи нам крепко достанется как ответственным лицам, но если заместитель начальника отдела рискует без оглядки, то что делать подчиненному?

Грехов хотел сказать, что он уже не замначальника отдела и вообще не состоит в отряде спасателей, но передумал. Видимо, Пинегин не распространял эту новость по секториату, надеясь, что Грехов вернется, и эта мысль вызвала у Габриэля горькую усмешку.

К десяти утра в танк загрузили антигравитационный генератор и нейтринный прожектор — то и другое было необходимо для проведения негласного рискованного эксперимента с вызовом черного извержения. Но перед этим Грехов с трудом доказал начальнику наземной базы Молчанову целесообразность применения этого оборудования (истинной причины, естественно, он не сообщил), выслушал получасовой инструктаж и, как мог, ответил на вопросы свободных от дежурств пограничников базы, не знающих, куда деть свою неуемную энергию и профессиональную готовность к рискованным операциям. Шелгунов тоже выдержал осаду на высшем уровне, и на базе так никто и не узнал, какой сюрприз подготовил Грехов Тартару.

Экипаж занял места, и тяжелая машина взяла курс на ущелье Чужих Следов. Именно в этот момент Диего Вирт входил в центральный зал орбитальной станции, главной базы исследователей Тартара.

— Не делаем ли мы ошибку? — негромко сказал Габриэль, когда «Мастифф» подходил к отвесной стене

скал. — Я ведь не просчитывал вариантов последствий эксперимента.

Думал он в это время о другом.

— Может быть, — помедлив, ответил Шелгунов. — Конечно, для всей планеты черное извержение меньше, чем булавочный укол, но кто знает, чем оно грозит аборигенам даже в малом масштабе. По некоторым данным, черное извержение — явление нежелательное для Тартара, нечто вроде аварийной ситуации, и очень редкое: я наблюдал его всего один раз, да и то в записи.

— Я тоже один, — пробормотал Грехов, вспоминая, как они мчались когда-то в танке прочь от страшной черной струи, ударившей из-под земли в сотне метров.

— Если ты не уверен, что затея удастся... — Шелгунов покосился на помрачневшего Грехова.

— Я понимаю, — ответил тот. — Выглядит это мальчишеством, но риск, повторяю, оправдан. Контакт с серым призраком необходим всем, он может полностью прояснить ситуацию со сверхоборотнем на полигоне Марса. Загадка его не решена до сих пор, и я очень надеюсь, что призрак нам поможет. Понимаешь? Не длинный, мучительный путь к истине, копание в фактах, аналогиях, поиск новых методов исследования, а мгновенный прыжок к вершине, всего один прыжок.

— Штурм и натиск, — без улыбки произнес Шелгунов. — Извини, Габриэль, но раньше я знал тебя не таким, и как руководителя, и как человека. Кстати, я знаю и то, что ты ушел из управления.

— Знаешь?

— Петр сообщил мне об этом две недели назад, когда ты только собирался на Тартар. Он не скрывал сожаления, надеется, что решение твое не окончательное. Но я не осуждаю тебя, ты знаешь. Так что мы сейчас равны в ответственности, не бери на себя больше, чем сможешь вынести.

— И многие знают?..

— Здесь только я один. Разговор с шефом был строго конфиденциальным.

Грехов долго молчал, глядя на плывущий мимо ландшафт. Вспоминал Сташевского, Диего, лицо Полины, когда он сказал ей, что летит на Тартар. Думал о словах Шелгунова. Потом проговорил:

— Понимаешь, Саша, человек смертен, и самое плохое, что иногда он смертен внезапно. Поэтому мне стало позарез необходимо узнать тайну сверхоборотня, это мучит меня так, словно жизнь моя зависит от ее разгадки.

Шелгунов промолчал, отключая автоводитель и берясь за ручное управление. Вскоре перед танком распахнулись мрачные ворота ущелья Чужих Следов.

Грехов надел сверкающий зеркальный балахон скафандра, посмотрел на третьего члена их маленькой группы — тот продолжал работать как ни в чем не бывало — и перевел взгляд на водителя:

— Я заметил, вы передаете панораму на Станцию? Это обязательно?

— Строжайшим образом! Приказ начальника погрангруппы Свекольникова. — Они переглянулись с улыбками. — На базе видят то же, что и мы — подстраховка.

— А нельзя на время передавать не весь круговой обзор, а только часть панорамы?

— Понял. — Шелгунов поколдовал над пультом. — Ущелья они не увидят. Пойдешь один?

— Возьму лишь робота, будет тащить генератор и излучатели. Пока я буду их устанавливать, сдай назад от Ущелья, под скалу.

— В таком случае ты окажешься вне защитного пузыря.

— Ничего, я ненадолго, едва ли паутины почуют меня так скоро. Уверен, что призрак после извержения пойдет на контакт. То, что они не отвечали на наши вопросы со Станции, еще ни о чем не говорит, они могли просто не вникать в смысл наших предложений или вообще не обращать внимания на надоедливых соседей. Извержение заставит их узнать причины нашей настойчивости.

Шелгунов молча встал, заставил третьего члена экипажа надеть скафандр, надел сам и снова сел.

— Иди, — сказал он. — Я подстрахую. Ни пуха, ни пера...

— К черту!

Грехов накинул капюшон, выбрался из кабины в грузовой отсек, задействовал робота, похожего на ин-

дийского бога Шиву, скомандовал ему взять двухметровый тор генератора антигравитации, излучатели частиц, и вылез в сумеречный день Тартара.

ЧЕРНОЕ ИЗВЕРЖЕНИЕ

Модуль падал вечность. Диего со злостью посмотрел на широкую спину пилота: ему казалось, что тот медлителен, как коала. На самом деле с момента старта от Станции прошло всего немногим более двух минут, а они уже пронзали атмосферу Тартара, направляя полет в сторону плато Спокойствия.

В рубке десантного когга находились всего три человека: пилот, сам Диего и пограничник из отряда Свекольникова Зубавин. Все трое были облачены в скафандры, и поэтому лиц товарищей Диего не видел, зато нет-нет да и вспоминалось ему лицо Грехова, упрямое и задумчивое, жесткое или улыбающееся...

Когг содрогнулся, некоторое время шел по спирали — каруселью закрутилась недалекая коричневая поверхность плато, — потом выровнялся.

— Магнитная воронка, — раздался в наушниках голос пилота. — До цели три минуты. Посадка по ранжиру?

— Аварийная, — отрывисто бросил Диего.

— Есть, — безразличным тоном отозвался пилот.

В нескольких километрах от вертикального гребня Кинжального хребта Диего наконец заметил исследовательский танк. Он был накрыт слоем паутин возле группы тонких свечеобразных скал, стоял спокойно, но Зубавин удивленно воскликнул:

— Паутины?! Паша, видишь? Здесь их никогда не было. И почему танк стоит без защиты?

Пилот кинул руку на пульт, когг отозвался на это быстрым скачком в воздухе. Мелькнули скалы, паутины, встала дыбом поверхность плато, и движение разом оборвалось.

— Есть финиш, — беднично сказал пилот.

Диего покрутил головой, нашел танк (они сели всего в сотне метров от него) и первым выбрался из рубки. Недоумевающий по поводу такой спешки Забавин последовал за ним.

Они были уже у «Мастиффа» — Диего заметил распахнутый люк, змеящийся из люка кабель, — как вдруг в двухстах метрах от них, в устье близкого ущелья, раскололась твердь плато и ввысь взметнулась гигантская черная струя. Толчок бросил людей на землю; грохот небывалого явления был так силен, что пробил звукозащиту скафандров, и Диего даже схватился руками за шлем: ему показалось, что скафандр лопнул. Второй толчок был сильнее первого, Диего, не успев сгруппироваться, налетел на скалу боком. Все же на ноги он встал, морщась от звукового урагана, бушующего над ущельем. Вокруг стали падать крупные обломки скал, грозя похоронить под собой и танк, и людей. Кто-то в машине, видимо, сообразил включить защитное поле, и камнепад прекратился, вернее, камни стали падать на зонтик силового поля и скатываться за границы защищенной территории. Земля тряслась так сильно, что трудно было сделать шаг. Диего включил антиграв, оторвался от скалы и направил полет вокруг растущего черного фонтана.

— В танк! — крикнул он, надеясь, что его услышат. Но Зубавин и без приказа сориентировался и нырнул в люк шелгуновского «Мастиффа». А Диего, чувствуя, как от грохота подступает к горлу дурнота, все же попытался отыскать в этой свистопляске Грехова. Он не сомневался, что именно Габриэль и является виновником черного извержения.

Впереди треснула почва, из образовавшегося кратера с воплем плюнул в небо еще один черный гейзер. Диего закричал в ответ от боли в ушах, земля под ним встала дыбом, отколовшаяся многотонная глыба увлекла его за собой в растущий кратер. Вторая плита вспорола склон холма, на который взобрался танк, ударила его в пузырь силового поля и отбросила от кратера. Диего ушел от брызнувшего из-под земли заряда каменного щебня, вывел регулятор мощности антиграва на максимум и тут наконец увидел Грехова. Тот висел в воздухе чуть поодаль от созданного им вулкана. Рядом плавал двухметровый металлический тор — генератор антигравитации. Внизу, под скалой, ползал многорукий робот-погрузчик, устанавливая излучатели частиц.

— Габриэль! — крикнул Диего.

Грехов метнулся в сторону, тотчас же новый заряд черного вещества выстрелил из-под земли в том месте, где он только что висел.

Как всегда при черном извержении, к месту происшествия примчались отряды паутин, пытаясь остановить развитие необычного «холодного» вулкана. Это им отчасти удалось, и тут же свободные от дела паутины обратили внимание на людей. Две из них бросились к Грехову, одна навстречу Диего.

— Защиту включи, защиту! — закричал Диего, снимая с пояса «универсал». Он уже мчался наперерез паутинам, выжимая из антиграва все, на что тот был способен, и все же понимая, что не успеет.

Первый силовой залп паутин застиг Грехова у вершины ограненной как кристалл скалы. Сила удара была столь велика, что скалу вывернуло из каменного пласта словно ураганом. Но Габриэль лишь отлетел немного в сторону, видимо, защиту он все-таки включил. Второй удар подбросил Грехова в небо, и Диего понял, что через пару шлепков Габриэля не спасет уже никакая защита: паутины будут наращивать мощь ударов до тех пор, пока не выбросят человека или его расплющенный труп за пределы атмосферы планеты.

Шедшая над Диего паутина наградила его чувствительным выпадом, и тот, бессильный помочь другу, поднял «универсал» и ответил на удар. Он мог бы еще успеть спрятаться в танке, но мысль мелькнула и ушла. И уже отбрасывая бесполезное оружие, Диего заметил нависшую над скалами кружевную тень серого призрака.

Черное извержение как-то сразу ослабело, вой и грохот прекратились, как по мановению волшебной палочки. Паутины образовали решетчатый купол над свежим кратером, и струи черной породы, бьющие из-под земли, постепенно иссякли, ушли в кратер. Черное извержение успокоилось.

Серый призрак был невелик: полупрозрачное, непрерывно меняющее форму серое облако, ось которого не превышала пятидесяти метров. Поражала текучесть его форм — от ажурного шара до эллипсоида, капли, сигары, плоской чечевицы. И снова — шар...

При его приближении паутины будто потеряли интерес к человеку и умчались к утихающим, дымящимся воронкам, изменившим местность до неузнаваемости: вокруг были навалены груды каменных обломков, странные черные блоки, у которых суетились паутины помельче. В почве появились глубокие трещины и разломы, вспученные неведомой силой широкие псевдобазальтовые плиты.

Грехов опустился у одного из обломков, сквозь багровый туман в глазах заметил приблизившийся танк и с трудом помахал рукой: говорить он не мог.

— Ну, ты себе и позволяешь! — сказал подбежавший Диего. — Сейчас здесь будет вся группа Свекольникова...

— Главного я достиг, — пробормотал Габриэль едва слышно.

Серый призрак завис над ними, словно раздумывая, что делать дальше, опустился рядом, стал ощутимо плотным, блестящим, как металл, и тут же из него вышел... человек без скафандра!

Диего ошеломленно перевел взгляд на друга, но Грехов уверенно пошел навстречу незнакомцу. Он уже имел контакт с серым призраком и знал, как выглядит эта процедура.

Они остановились друг против друга: Грехов в блистающем скафандре и незнакомец в меняющей цвет одежде. Человек как человек, ничего в ним не было особенного, тем не менее Диего почувствовал странное томление, давление на виски, сменившееся покалыванием под черепной коробкой.

Голос незнакомца прозвучал неожиданно, непривычно мягкий в плотной атмосфере планеты:

— Здравствуйте, люди. К сожалению, вы еще не способны на прямой мысленный контакт, что упростило бы разговор. Прошу прощения за опоздание. Итак, что вам нужно? Я понимаю, вы не пошли бы на риск с черным извержением, не имея на то важной причины. Какова же причина?

Тон, каким произносились эти слова, был безукоризненно вежлив, и все же и Диего, и Габриэль на миг ощутили себя виноватыми в том, что явились сюда с таким пустяком, как сообщение о сверхоборотне. «Впрочем, — подумал Диего, — сверхоборотень — да-

леко не пустяк, и будет обидно, если шкалы социальных и научных ценностей у нас и у призраков не совпадают...»

Грехов в это время, включив внешние звукопередатчики, сказал:

— Мы пытались связаться с вами с орбиты. Но ответа не получили, вот и пришлось пойти на этот жестокий шаг. А вы не помните меня? — спросил он вдруг.

— Помню, — ответил без запинки разноцветный незнакомец. — Вы — Габриэль Грехов, четыре года назад по вашему исчислению вы помогли нам оценить ситуацию на Тартаре. Контакт был недолгим, но мы помним все. Однако время уходит. Что же вынудило вас нарушить запрет? Даже собственно не сейчас — для вас это, видимо, действительно крайняя мера, — а вообще? Почему вы не покинули Тартар?

— Потому что для нас до сих пор существует тайна Тартара, — помедлив, сказал Грехов. — Потому что весь смысл нашей жизни — постижение тайн.

— Потому что мы не останавливаемся на полпути, — хрипло добавил Диего, забыв, что не включил свой звукопередатчик. Но его услышали: серый призрак посмотрел на него оценивающе, а Грехов обернулся и помахал рукой.

— Подойди, Диего, познакомься — это... по-моему, вы Сеятель?

Незнакомец засмеялся.

— Да, серых призраков, как вы нас называете, гораздо труднее распознать, чем людей. У вас значительно больше индивидуальных различий. Мы же все — клетки одного мозга, единой энергетической мыслящей системы, чисто внешних различий не имеем, и все же каждый из нас по-своему индивидуален. Зовите меня Сеятелем, смысл этого имени несколько отражает характер моей деятельности.

— Я понял, — с облегчением сказал Грехов. — У меня почему-то была уверенность, что именно вы придете на вызов... Теперь к делу. Вот объяснение нашего желания встретиться с вами. — Габриэль протянул руку в перчатке скафандра ладонью вверх, показывая кристалл видеозаписи. — Прочтите это сообщение.

Сеятель в ответ протянул свою руку и взял кристалл. На секунду он вдруг потерял четкие очертания, расплылся облачком, теряя цвет до прозрачности, потом снова обрел человеческий облик. Кристалла в его руке уже не было.

— Мы приняли информацию, — сказал он, улыбаясь так естественно, словно и вправду был человеком. — И принимаем предложение. Один из нас сможет участвовать в исследовании сверхоборотня.

— Когда? — спросил Грехов. — И кто?

— Вероятнее всего, я, — ответил Сеятель. — Когда вам будет удобно.

— Хоть сейчас, — проворчал Диего.

Сеятель кивнул и легким серым дымком втянулся в металлический шар основного тела. Мгновение все оставалось на местах, потом шар неуловимо быстро посветлел, превратился в переменчивое, полупрозрачное, как вуаль, облако и умчался вверх.

Люди молча смотрели ему вслед, обескураженные исходом встречи.

— Он что — уже полетел к Земле? — осведомился Диего.

— Не должен, — неуверенно произнес Грехов. — Ему ведь тоже надо подготовиться. Как и нам, кстати.

— Точно, надо еще определить, куда его поместить. Захочет ли он лететь в грузовом отсеке наших транспортников? Может быть, пойдет своим ходом?

К ним подошел танк, из него выпрыгнули на ходу Шелгунов и Зубавин.

— Это и был серый призрак? — спросил Зубавин. — Сижу здесь второй год, а вижу впервые.

— Габриэль добился своего, — сказал Диего.

— Я так и понял, — сказал Шелгунов. — Свекольников поднял по тревоге группу, надо сообщить ему, чтобы не гонял зря ребят.

— Пожалуйста, Саша, — кивнул Грехов. — Пусть даст отбой.

Шелгунов рысцой побежал к танку.

— Да, но что же делать дальше? — задумался Грехов.

И в это время между земной машиной, в которой скрылся Шелгунов, и людьми словно взмахнула крыла-

ми гигантская бабочка — из воздуха родился Сеятель в облике все того же человека без скафандра.

— Дьявольщина! — отпрянул в сторону Зубавин.

— Значит, летите вы? — спокойно констатировал Грехов, будто продолжая разговор.

— Я, — ответил серый призрак. — Если бы у вас были записаны координаты вашей звезды, то не пришлось бы ломать голову над проблемой доставки меня на вашу планету.

Он так и сказал — ломать голову, и Диего еще раз ощутил все превосходство этого странного разумного существа, превосходство его интеллекта и такого чисто человеческого качества, как великодушие. Он наверняка знал о людях многое, если не все, но ничем не выдал ни своего нетерпения, ни преимущества своего ума.

— Я предвидел это. — Грехов вытащил из кассеты на поясе еще один кристалл. — Здесь эфемеридные координаты Солнца и Марса — планеты, на которой в данный момент находится сверхоборотень.

— Тогда поехали? — Сеятель махнул рукой в сторону, и сквозь новый взмах «крыла бабочки» проявился серый шар его основного тела.

ЧУЖОЕ РЕШЕНИЕ

— Сообщи Свекольникову и Молчанову, — сказал Диего Зубавину. — Пусть передадут на Землю. Вполне возможно, что мы там окажемся и раньше, но... пусть передадут.

Из люка танка высунулся Шелгунов.

— Не беспокойтесь. — Он поднял над головой сцепленные руки. — Счастливого пути.

— Может, вас как-то подстраховать? — добавил Зубавин.

— Как? — улыбнулся Грехов. — Не надо, все идет нормально. Забирайтесь в танк и ждите нашего старта.

Диего помахал спасателям в ответ и кинул взгляд на безрадостный ландшафт Тартара, словно прощаясь с ним навсегда. Нет, он не грезил, все это происходило наяву: черное извержение, контакт с серым призраком, прощание с товарищами... Вон он ждет, громад-

ный серый шар — Сеятель. Кажется, дунь — и дым разойдется клубами и струйками... Но не расходится, не дым это — разумная энергосистема, наделенная сверхинтеллектом. Откуда же это странное ощущение нереальности происходящего...

— Пошли, что ли? — сказал наконец негромко Грехов.

— Куда? — отозвался Диего, смущенный словами друга.

Тотчас же шар серого призрака отвердел, в нем появилось круглое отверстие в рост человека. Грехов не колеблясь полез в него первым. «В ком я только не бывал, — подумал Диего, шагнув следом. — Сначала в сверхоборотне, теперь в сером призраке. Разница в том, что один из них друг, а другой... впрочем, врагом оборотня я бы не назвал... как и призрака другом...»

Внутри призрака оказалось небольшое кубическое помещение с зыбкими светящимися стенами. Грехов прошел на середину по пружинящему полу и остановился, с любопытством осматриваясь.

— Риск — благородное дело, — пробормотал подошедший Диего, так же рассматривая совершенно пустой куб. То, что его слышит «хозяин», уже не беспокоило: серый призрак должен был понимать их состояние, а в нетактичности упрекнуть его было нельзя.

Истекла минута, вторая, третья... Ничего не изменилось. Лишь показалось Диего, будто где-то слышится далекая знакомая мелодия. А затем стены помещения сомкнулись вокруг, так что люди не могли пошевелиться, и темное забытье погасило сознание. Очнулись они уже на небольшой возвышенности, окруженной привычным марсианским пейзажем. Рядом неподвижно парил серый призрак, размером почти вдвое меньше прежнего.

— Нормально! — сиплым голосом сказал Диего, посмотрев на часы. — По моим прошло всего две минуты! А? И никакой техники!

— Он сам себе и техника, и энергия, — пробормотал Грехов. — Что касается времени, я не уверен, что прошло всего две минуты. Однако, это Хриса? До полигона около тысячи километров...

Шар призрака превратился вдруг в ослепительно синюю стрелу с двумя сиденьями в носовой полости.

— Садитесь, — раздался голос в наушниках. — Я знаю, где находится полигон.

Через несколько минут ураганного полета на горизонте открылись высокие мачты силовых заградителей, за которыми простиралось бирюзовое поле полигона. В центре блестящей пустоши, рядом с бронированными колпаками вновь отстроенного исследовательского комплекса, покоился километровый «кокосовый орех» сверхоборотня.

Серый призрак бережно опустил их возле одного из куполов и скользнул к черной, как вход в ад, громаде.

Из купола выглянул человек в прозрачном пленочном скафандре, воздел руки к небу.

— Иди к ним, Диего, — сказал Грехов тихо. — Объясни Петру, Торанцу... Сергиенко, если они здесь. А я пройдусь, устал...

И он неторопливо зашагал прочь от куполов, в поблескивающую под лучами низкого солнца пустыню. Диего провожал его взглядом до тех пор, пока выбежавший Пинегин не окликнул его по имени.

Известие о прибытии на марсианский полигон серого призрака облетело всю Солнечную систему за полчаса. От нашествия любопытных полигон спасло только оперативное вмешательство Торанца, перекрывшего ТФ-каналы, связывающие Марс с остальными планетами.

На полигон срочно прибыла группа контакта Института внеземных культур. Вместе с обслуживающим полигон персоналом прибывшие составили солидную аудиторию, окружившую сверхоборотня, несмотря на уговоры и угрозы безопасников Пинегина.

Серый призрак, очевидно, проник внутрь черного исполина-оборотня и не показывался, но люди стояли у подножия гиганта, обсуждали случившееся, спорили и не расходились. Грехов тоже стоял в общей толпе и молчал. На него посматривали с недоверием и уважением, а Диего и Пинегин — с тревогой, оба знали, что нервные потрясения и нагрузки Грехову вредны как никому.

У Пинегина душа была не на месте. Он отвечал не только за осуществление официального контакта — как с призраком, так и со сверхоборотнем, — но и за без-

опасность участников контакта, поэтому он с тревогой посматривал на угрюмое марсианское небо, предвещавшее бурю, на кольцо окруживших сверхоборотня десантных коггов, на установки всеобщего видеовещания — всю процедуру контакта решено было показать по системе всесолнечного информационного оповещения.

Диего разделял тревогу руководителя отдела и потихоньку отдал приказ сотрудникам группы обеспечения безопасности понемногу теснить людей к защитным куполам, подальше от сверхоборотня.

Серый призрак появился через три часа. И хотя он не был сейчас ни серым, ни полупрозрачным — идеальный серебристый шар диаметром около двадцати метров, — все сразу поняли, что это за шар. Он скатился по горбу никак не реагирующего сверхоборотня, опустился на оплавленный песок и снова предстал перед людской толпой в облике гуманоида, но уже не человеком, не землянином: четырехметровый рост этого существа говорил сам за себя.

Разговоры все стихли, операторы видеокамер раздвинули толпу и направили стволы своей аппаратуры на Сеятеля; ученые выжидающе смотрели на представителя древней цивилизации серых призраков, ожидая, какой сюрприз он преподнесет им на этот раз.

Сеятель не торопился, он тоже думал, каким образом внушить людям ту мысль, которая владела им, убедить людей в правоте этой мысли. Наконец он сказал:

— Я знаю, что такое сверхоборотень. Но единственное мое преимущество перед ним, равно как и ваше, — то, что мы с вами в данный момент сильнее его, диктуем ему свою волю. Однако в любой последующий момент он может стать неизмеримо сильнее всей вашей технически развитой цивилизации! Ситуация настолько неопределенна и тревожна, что я не берусь судить о последствиях дальнейшего контакта со сверхоборотнем.

Во-первых: все ваши гипотезы о сущности оборотня несостоятельны, он не является ни автоматом — сборщиком информации, ни управляемым разумными существами межзвездным кораблем, ни живым существом-хищником. Во-вторых, для того, чтобы объяснить вам, что такое сверхоборотень, требуется сделать небольшое отступление, экскурс в прошлое.

Итак, около двенадцати миллиардов лет назад взрыв сингулярности, Большой Взрыв, как вы называете, породил нашу Вселенную. Уже через сто миллионов лет после этого момента в одном из образовавшихся после эры раздувания доменов, континуум которого нельзя назвать ни пространством-временем, ни космосом, появился первый разум. Праразум! Он совершенствовался не сто, не тысячу, не миллион — миллиарды лет! Мы не можем представить, какие задачи поставил перед собой этот разум, какие цели стояли перед ним, но результаты его деятельности видны всем.

Метагалактика, являющаяся одним из мириад родившихся во взрыве доменов, существующий космос — это всего лишь его полигон! А галактики, звезды, возможно, и пространство — все это результаты его экспериментов! Вы и мы тоже в таком случае — разум второго поколения, вторичные, еще слабые ростки всесильного в будущем разума, под силу которому будет другая перестройка части, а то и всей Вселенной, уже по другим меркам и законам.

Сеятель замолчал. Люди стояли не шевелясь. Низкое солнце гнало по оплавленной равнине голубые блики, небо наливалось чернотой, проступили звезды. Четырехметровый гигант смотрел на людей странно, с сожалением, словно ждал их реакции. Но молчания так никто и не нарушил. Не потому, что все сказанное Сеятелем было слишком удивительным, многое люди знали и сами, — они просто ждали продолжение.

— Извините, если я повторил известные вам истины. Это было необходимо. Теперь вернемся из дали времен. Сверхоборотень — это спора, зародыш, почка — называйте как угодно — того великого Конструктора и Строителя, кто строил наши звездные дома — галактики в нашей части Вселенной! Но самое главное — эта спора опасна! Она дрейфует в пространстве миллиарды лет, генетическая программа, наследственные структуры ее нарушены излучениями и полями. Претерпел изменения весь геном, отсюда и попытки «тихой охоты» за человеком, и теперь, если спора вдруг оживет, в чем я, правда, сомневаюсь, может произойти катастрофа! Я лишь в самых общих чертах могу предсказать, во что выльется рождение разумного существа той невообрази-

мо далекой эпохи. Не думаю, что вместо великого созидателя родится великий разрушитель, но не исключено и это!

Да, вы многое можете почерпнуть, изучая оборотня, он достаточно ценен для вашей цивилизации в информационном отношении. Но даже мы, ваши старшие братья, не в состоянии оценить и понять всю эту информацию полностью, и поэтому, возможно, действительность более грандиозна, чем я нарисовал. Мое мнение — сверхоборотня необходимо уничтожить!

Снова короткое молчание. Сожалеющая усмешка на лице Сеятеля.

— Понимаю, коллективная оценка вырабатывается у вас медленно, все-таки звуковая связь значительно беднее мыслесвязи. Что ж, решайте, и если уничтожение оборотня покажется вам слишком жестокой мерой — отпустите его. Остальные споры почти прошли Галактику, и я буду очень рад, если все они навсегда покинут этот мирный район.

И серого призрака не стало. Только слабенький воздушный смерч коснулся людей теплым дыханием.

— Я догадывался, — тихо сказал Грехов. — Но не счел возможным поверить в столь сумасшедшую идею... Зародыш Звездного Конструктора! Значит, серые призраки знали о сверхоборотнях и, наверное, встречались в прошлом... и нет больше тайны...

— Разве это плохо? — буркнул Диего, исподлобья глядя на гору сверхоборотня, словно прицеливаясь, как половчее выпихнуть ее за пределы марсианской атмосферы.

— Плохо тем, что не мы сами нашли решение задачи, — сухо проговорил Пинегин.

Грехов быстро взглянул на него и болезненно усмехнулся.

— К сожалению, я не мог поступить иначе. Мной вдруг овладело какое-то безумие — действовать, действовать, пока не поздно...

— Безумие — это избыток надежды, как выразился когда-то старик Дюма, — сказал сосредоточенный Диего. — Тебе не в чем себя упрекнуть, не для себя же старался. Мне почему-то кажется, что нам предстоят такие испытания, перед которыми прошлые беды — искры перед костром...

ИГРА С ОГНЕМ

Ажурные стрелы силовых антенн цепью уходили влево и вправо, теряясь в желтой дымке несущего пыль ветра. Небо позеленело, потеряло глубину; звезды, видимые на Марсе даже днем, несмотря на искусственно повышенную плотность атмосферы, исчезли, словно их поглотил надвигающийся песчаный ураган.

Диего подсоединил к разъему круглую коробку анализатора, посмотрел, как в боковом окошечке прибора в привычном порядке загораются цифры, и крикнул вверх:

— Порядок, можешь включать.

Через минуту с вершины антенны спустился на песок инженер полигона Мансуров.

— Ну что, выдержит? Имею в виду не ураган.

— Выдержит, — уверенно сказал Мансуров, кривя в полуулыбке загорелое лицо. — Даже если сверхоборотень вздумать взорваться по-настоящему.

— Это хорошо, — пробормотал Диего, погружаясь в свои мысли.

После разговора с серым призраком, когда тот ошеломил ученых короткой, в несколько минут, речью, всю Солнечную систему всколыхнул бум дискуссий и споров — что делать со сверхоборотнем? И можно ли относиться к сообщению неведомого облакообразного мыслящего пришельца с Тартара серьезно?

Всесолнечный научный совет положил конец почти двухмесячным спорам, и хотя решение совета было далеко не единодушным, резюме звучало кратко и одно-значно: информацию серого призрака принять к сведению, исследования оборотня продолжать, максимально обезопасив исследователей от любых угрожающих их жизни действий реликтовой споры. Но еще задолго до совета пограничная служба Даль-разведки и УАСС начали подготовку к новому этапу исследований, призвав на помощь весь технический гений человечества. Умудренные опытом пограничники и работники аварийно-спасательной службы решили, что во сто крат легче принять профилактические меры, чем ликвидировать последствия катастрофы.

Строительство силовых экранов вокруг полигонов, в котором участвовал и Диего Вирт, было звеном в цепи таких мер.

— Когда наконец здесь заработают макропогодные установки? — проворчал Мансуров, надвигая на лицо щиток респиратора. Воздух Марса был уже годен для дыхания, но пыль, поднятая с холмов воздушной волной — предвестницей приближающейся бури, забивала носоглотку, и работающим пришлось надеть респираторы; никто не хотел глотать эту железистую, пахнущую серой газопылевую смесь.

— Пошли к следующей?

— А успеем? — Диего с профессиональной тревогой посмотрел на запад, где клубилась желтая мгла. Солнце уже влезло в эту мглу, и свет его слабел на глазах. В долинах ложились синие холодные тени.

— Успеем, отсюда к лагерю всего пять минут хода.

— Рисковые молодцы в полигонной команде, — сказал Диего с восхищением. — Любят играть с огнем.

— При чем тут игра с огнем, — обиделся Мансуров. — Работы всего на четверть часа. Или перестраховка — основной принцип работы пограничников? — с сарказмом спросил он.

Диего засмеялся, включил антиграв и умчался к соседней ажурной башне. Мансуров, подождав, тоже прыгнул в небо.

«Игра с огнем, — повторил про себя Диего, шагая от башни к башне и вслушиваясь в зуммер искателя — ему досталась обязанность проверять волновод, соединяющий этажерки антенн на глубине в пять метров. — Именно так: дальнейшее копание в оборотне — игра с огнем. Доводы ученых на совете понятны: такого шанса исследовать спрессованную в одном кубическом километре Вселенную больше не будет! Но и риск велик. Говорили же об этом Пинегин и Торанц. Пожелание серого призрака — не шутка, это очень серьезно. Или ученые мужи почувствовали себя уязвленными? Как же: наука Земли, раскрывшая не одну тайну природы, — и спасует перед каким-то «черным ящиком»? С одной стороны, правильно, если бы людей не влекло неизведанное, человеческой цивилизации просто не существовало бы. С другой стороны, надо же знать,

какие задачи в какое время нам по плечу. Неужели год исследований сверхоборотня, год поисков наугад, вслепую, не давший почти ничего, кроме новых вопросов, неужели этот год ничему нас не научил? Что мы можем противопоставить сверхоборотню, не зная, на что он способен еще? Взрыв, стоивший жизни семи изыскателям... кто-нибудь смог его предугадать? Никто! Поведение оборотня не поддается никакому прогнозу, потому что еще не создана теория поведения зародышей сверхразума. А кто может предугадать, какие формы примет рождение Конструктора? Если даже серый призрак не знает, что произойдет?»

— Готово, — крикнул Мансуров, кончив возиться на вершине многолопастной решетчатой конструкции. — Подключаем и удираем. А то с высоты вид не очень уютный...

Диего повернул плоский ключ в соединительной коробке на одной из опор антенны, нажал кнопку пуска защиты и закрыл дверцу. Работа была закончена.

— Пошли, — сказал он и первым взлетел в помутневшее зеленое небо.

Ураган над пустыней Эллады бушевал вторую неделю. Но невидимые силовые стены, оградившие полигон от возможных катастрофических действий сверхоборотня изнутри, так же надежно защищали полигон и снаружи. Беснующиеся ветры, поднявшие в воздух миллионы тонн песка и пыли, проносились над силовым колпаком без вреда. Над территорией полигона, занимавшей восемьдесят квадратных километров, ограниченной тремя слоями защитных сооружений, воздух был тих и неподвижен. Лишь желто-оранжевая, стремительно несущаяся над ним пелена, рассеивающая ровный сумеречный свет, напоминала людям об урагане.

Диего стоял у прозрачной стены наблюдательного пункта и, сцепив руки на груди, рассматривал черную гору сверхоборотня в центре ровного лазурного пустыря. До него было около двух километров, тем не менее выглядел он внушительно и несколько необычно: так и казалось, что сверхоборотень сейчас под собственной тяжестью уйдет в песок, уж очень массивным и тяже-

лым он казался, не соответствующим своему строго геометрическому телу.

«Сколько же он весит?» — подумал Диего, мельком оглянувшись на чей-то возглас. Кроме него, под куполом наблюдательного пункта находились еще несколько человек: инженеры полигона, устанавливающие пульты дистанционного управления исследовательской техникой, и работники технической бригады отдела безопасности, занятые монтажом спецоборудования, разработанного в лабораториях УАСС.

Решение научного совета о продолжении исследований сверхоборотня легло на плечи пограничной и аварийно-спасательных служб тяжким грузом ответственности за безопасность ученых. И все действия спасателей сводились к тому, чтобы всем научным работникам были обеспечены все условия безопасности работы. «Вплоть до индекса Ад-ноль, — повторил про себя Диего, — что соответствует ловле бабочек на земном лугу. — Он усмехнулся. — Все, что можно предусмотреть, мы предусмотрим, но можем ли мы в принципе учесть все, вот вопрос? У купола опустился ярко-голубой флейт, и через минуту в помещение вошли Пинегин и Нагорин. Один контролировал работу безопасников, другой — своих специалистов.

— Тебе привет от Габриэля, — сказал Пинегин, здороваясь со всеми. — Как вы тут?

— Кончаем, — сказал Диего, пожимая руку универсалисту. — Интересно, сколько весит оборотень?

— Пятьсот миллионов тонн, — ответил Нагорин. — Но это здесь, на Марсе. Масса же его — семьсот миллионов тонн. Что это вдруг пограничников заинтересовал его вес?

— Вроде бы он погружен в песок непропорционально весу.

— Вероятно, уперся в скальное основание. Мы проверим. — Нагорин извинился и отошел к группе инженеров.

— Что-нибудь заметил? — спросил Пинегин, понижая голос.

— Просто неспокойно на душе. Интуитивно чувствую, что сверхоборотень приготовил нам еще немало сюрпризов. И если из него начнет вылупляться... как его назвал серый призрак?

— Звездный Конструктор... Да-а, не дай Бог, как говаривали в старину. Сверхразум, сверхинтеллект, сверхсозидатель...

— Что-то раньше ты стоял на другой позиции: мол, сверхоборотень — сверхподарок для науки. Надо-де его исследовать, изучать. Говорил?

— Ну, говорил. Это когда было... Язва ты, Диего. Тебе не в погранслужбе работать, а в СЭКОНе. Нет чтобы успокоить...

— Да уж какое там спокойствие. А если наоборот — из оборотня получится сверхразрушитель? Правда, если верить прогнозам серого призрака, спора не прорастет.

— Ученые тоже сделали вывод, что спора мертва. В том плане, что уже не способна прорасти. За миллиарды лет скитаний в космосе механизм воспроизведения наверняка стал нежизнеспособным. Да и для рождения Конструктора нужны специфические условия — это уже не гипотезы, а научно обоснованные выводы.

— Ничего не имею против, — усмехнулся Диего. — Один из ученых деятелей, молодой парень, с которым я недавно имел честь вести спор, ответил мне английской пословицей, когда я сослался на серого призрака: «Черт знакомый лучше черта незнакомого». В том смысле, что оборотень уже знаком, а серого призрака знают единицы, а как к нему относиться — не знает никто. Значит, относиться следует критически.

— Максимализм и скептицизм молодости общеизвестны, — задумчиво сказал Пинегин. — Меня в этом деле успокаивает лишь то, что мы в данный момент, как говорил Сеятель, сильнее оборотня. Конечно, ученым очень хочется, чтобы он вдруг начал расти, но... Ладно, Диего, эмоции — ничто против научно установленного факта. Надо делать свое дело, от этого нас никто не освобождал. Планомерное наступление на тайны — не это ли вывело человека в космос? Отними у человека возможность рисковать — и, я уверен, он затоскует и вымрет от скуки.

— Тяга к знаниям равнозначна тяге к риску? — Диего невольно посмотрел на оживленную группу ученых, обступивших Нагорина.

— Именно, — сказал Пинегин и перевел разговор на другую тему. — К концу дня с Земли прибудет пос-

ледний груз — новейшая аппаратура для медиков и биологов. Тебе нужно взять троих и сопровождать груз от Марсопорта до полигона. Ураган не ослабевает, и на автоматы полностью полагаться нельзя.

— Это я знаю, — вздохнул Диего.

Танк медленно подкатил к исполинскому, нависающему над песком боку сверхоборотня и остановился. Казалось, машина въехала под козырек каменной глыбы в теле горы: сразу стемнело, горизонт отодвинулся и засверкал желтым блеском.

— Интуиция тебя не подвела, — повернулся к Диего Нагорин. — Масса оборотня растет. Медленно, конечно, но растет.

— Это значит, что растет его энергопотенциал, — сказал Сергиенко. — Опасная тенденция. Что еще заметили автоматы?

— Сверхоборотень начал излучать в длинноволновом диапазоне, — сообщил один из физиков; в кабинете их было двое, кроме Нагорина и Сергиенко. — И что интересно — день ото дня частота излучения растет.

— Все это, очевидно, разные стороны одного процесса. — Нагорин встал и нагнулся над пультом. — Возрастание массы, запаса энергии, излучения... Только какого?

— Следовало бы с этого дня все походы к оборотню запретить, — вступил в разговор Пинегин. — Пора полностью переходить на дистанционные исследования. Мне кажется, прогнозы ученых и ваши, кстати, прогнозы насчет нежизнеспособности споры ошибочны. Когда на совете вы докладывали об этом, ваш вывод был обоснован, оборотень действительно был больше мертв, чем жив. Но теперь-то иное дело, не пора ли пересмотреть теории?

Пинегин махнул рукой водителю, и тот повел танк вокруг неправдоподобного яйца сверхоборотня.

— Может быть, стоит добиться постройки на полигоне стационарного ТФ-эмиттера? — добавил начальник отдела как бы про себя.

— Ну, а это еще зачем? — угрюмо полюбопытствовал Нагорин.

Пинегин поднял спокойные глаза.

— Я думаю, что мгновенного изменения метрики пространства в скалярном ТФ-поле сверхоборотень не выдержит.

— И ты надеешься, что под угрозой уничтожения оборотень сразу пойдет на контакт? Каким же он мыслится, этот контакт?

— Нет. — Пинегин подал знак Диего, подождал, пока тот вылезет из кабины, и продолжал: — Просто вероятна ситуация, когда, кроме как уничтожить его, нам не останется выбора. У меня нет причин сомневаться в информации серого призрака... то есть Сеятеля. Если сверхоборотень действительно представляет собой спору или зародыш какого-то необычайного существа...

— Ага, так ты все же сомневаешься в этом!

Петр пожал плечами.

— Не ловите меня на слове. Я привык мыслить категориями спасателя-безопасника, по мне, лучше перестраховаться, чем недооценить противника. С некоторых пор я уверен, что мы недооцениваем сверхоборотня, его возможности и потенциал. А все эти явления, которые улавливают приборы: рост массы, энергии, плотности излучений и так далее — суть явления одного порядка — спора пробуждается от спячки.

В молчании танк объехал глыбу сверхоборотня, минуя скопления универсальных роботов, и направился ко входу в подземное убежище основного центра управления полигоном.

— Еще раз убеждаюсь, что безопасники проницательнее, чем можно подумать, — грустно пошутил Нагорин, заворочавшись в кресле. — Мы пришли к такому же мнению — спора Конструктора оживает. Просто у нас еще мало четких доказательств, поэтому и не доводим имеющуюся информацию до всеобщего сведения. Но, Петр, ведь это должно быть грандиозное явление! Сколько нового может почерпнуть земная наука в результате рождения суперинтеллекта на наших глазах? И кстати, под нашим контролем.

— Не заблуждайтесь, — пробурчал Пинегин. — Еще неизвестно, кто находится под контролем — мы или сверхоборотень. Вас интересует только, что мы можем найти, и совсем не заботит, что можем потерять. А вы представляете себе — какая нужна мощь, чтобы экспериментировать в масштабе Галактики?! Да ведь Конструктор, родившись, раздавит не только Марс, но и

всю Солнечную систему, и даже не заметит! Что для него планеты? Он же Звездный Конструктор!

— Ну, это ты хватил, Петр, дружище, — укоризненно проговорил Сергиенко. — Я бы не стал оперировать такими масштабами, выбивая у Земплана средства на строительство ТФ-эмиттера.

Все засмеялись, только Пинегин молчал, прищуренными глазами вглядываясь в исполинское черное яйцо сверхоборотня, заслонявшее половину небосклона.

Часть третья

ДУРМАН НЕИЗВЕСТНОСТИ. ЛЮДИ

ПЕЙЗАЖ

Грехов сел в предложенное кресло и бегло огляделся. Зал центра управления полигоном, заполненный тонким пением приборов и шелестом переговоров, ничем не отличался от прочих залов управления любого исследовательского или производственного комплекса. Только пейзаж, отраженный громадным виомом, был необычен: мерцающее в свете Фобоса поле и жуткая, черная — чернее неба — гора сверхоборотня.

— Удивлен? — спросил Грехов, перехватывая взгляд Диего Вирта. Лицо пограничника было непроницаемо, но Габриэль безошибочно читал во взгляде друга интерес и надежду. Надежду на его возвращение в отряд спасателей. Что ж, не надо будет ни оправдываться, ни произносить высоких слов: призвание, долг, любовь, — которые живут в душе у каждого, но повергают в смущение, стоит их только произнести. Труднее всего бывает понять поступки близкого человека, но Полина поняла, поймет и Диего. Хотя он-то, наверное, не только понимал — знал, что Габриэль Грехов вернется.

— Нет, — помедлив, сказал Диего. — Хотя не ждал так скоро.

Грехов улыбнулся.

— Полгода — это скоро? А ведь сначала я действительно отдыхал, чувствовал себя заново родившимся. Исходил все брянские леса, удил рыбу, охотился... с фоторужьем. Как-нибудь покажу тебе великолепные снимки... Но потом был твой визит, и Тартар, и серый призрак... Встряска была такой, что Полина со-

звала консилиум невропатологов. Неприятная, скажу я тебе, штука — гипнолечение, не верь рекламе. Однако я вытерпел все.

— Понятно. — Диего остался бесстрастным и спокойным, таким, каким его знали всегда. Но в душе... Нет, он не задумывался над своими чувствами, характер уверенного в себе человека не приучил его к этому, но в душе он сознавал, как дорог ему Габриэль. Заместитель начальника отдела безопасности был частицей сознания, частицей собственного «я», и не будь этой частицы, Диего знал, — жизнь его была бы неполноценной. Точно так же, как стала она неполноценной после гибели Сташевского. Правда, тут они были равны: Сташевского в равной мере недоставало обоим. Да, встречи их редки, но так ли уж они важны? Память — вот главное, память и тонкий мостик биосвязи, позволявший чувствовать друг друга на громадных расстояниях, то, что когда-то люди назвали экстрасенсорной координацией или телепатией.

— Понятно, — повторил Диего. — А у нас тут закручивается пружина странных событий. С одной стороны, до сути многих загадочных явлений в сверхоборотне мы докопались, например: научились проникать внутрь него, вводить телезонды, нашли центры его памяти, определили механизм информационного накопления. Кстати, ты знаешь, из какого материала сделана оболочка оборотня? Гравихимики уже полгода воют от восторга. Это одна громадная молекула воды!

— Не воды, — поправил Диего Грехов мягко, — а гомополимера воды, а это совсем другое вещество, хотя и обладает некоторыми свойствами аш-два-о в определенных условиях.

— Все равно не могу представить, что оборотень на девяносто процентов состоит из воды! Ну, а с другой стороны — глобальные процессы, идущие внутри него, в необъятных его недрах, остаются нам неведомы. Тот же загадочный серый человек... кто он? Проглоченный оборотнем сапиенс или же симбиот споры, выполняющий какие-то определенные функции? Впрочем, если хочешь знать обо всем подробнее, я дам тебе копию отчета в ВКС, каждый месяц мы посылаем туда отчеты о ходе исследований. Будут вопросы — поговорим. Че-

рез полчаса у меня дежурство, не хочешь пойти со мной?

— Мог бы и не спрашивать, — сказал Грехов. — Патрулирование?

— Не совсем, но смысл тот же, увидишь.

— Я гляжу, работа у вас не прекращается и ночью. — Грехов кивнул на пульты, возле которых царило оживление.

— Нет, отбой в десять, вот и торопятся. Ночью все спят, кроме сверхоборотня. Ну что, пошли?

Сверхоборотень медленно вырастал в размерах — исполинский черный монолит, чудом сохраняющий свою форму эллипсоида вращения под давлением сотен миллионов тонн массы. Лишь вблизи становилось видно, что оболочка его изрыта ямками, бороздами, складками и буграми, словно сморщенная шкура древнего ящера. Да он и был ящером, древним, невообразимо древним реликтом эпох звездообразования!

— Впечатляет! — пробормотал Грехов, когда танк оказался накрытым ощутимо тяжелой тенью. — Или я отвык от него за полгода?

— Ну нет, — сказал Диего, поворачивая «Мастифф». — Привыкнуть к нему невозможно. И дело даже не в масштабах, подумаешь — гора высотой в километр, мы сами строим сооружения в десятки раз большие! Нет, проблема глубже, мы подсознательно догадываемся о мощи самого Конструктора; мы знаем, что она должна быть колоссальной, но какой? Какой?! Не потому ли стынет в жилах кровь, когда остаешься с ним один на один? И не потому ли нас тянет к нему, тянет не профессионально, как исследователей, вернее, не только профессионально, но и эмоционально — хочется потягаться с ним, сравниться, доказать, что и мы не пигмеи, не разумная протоплазма, мы — гиганты по духу!

— Может быть, — тихо проговорил Грехов. — Гиганты по духу и тем равны... Может быть, ты и прав, хотя я, честно говоря, просто не задумывался над этим. Но твоя концепция и уязвима: кто может знать, какие задачи волновали Конструкторов в те времена и какие цели появятся у нашего, когда он родится? Возвышенное и земное — удел человека, и оторваться от Земли,

от антропоцентристского взгляда на вещи, от опыта человеческой культуры ты не сможешь, как был ни хотел. И мысль, которая движет тобой, — это мысль идти вперед во имя всего человечества и во имя каждого человека в отдельности. А у него? Во имя чего жили Конструкторы? Во имя чего будет жить один из них, родившись в эпоху, в которой он будет одинок?

«Мастифф» медленно пересек границу тени и остановился у странной машины, напоминающей тяжелый старинный танк, только вместо пушки у него выдавалась вперед ферма с конструкцией, издали очень похожей на хищную морду. Машина достигала двадцати метров в высоту и метров пятидесяти в длину, и все же выглядела ничтожной рядом с километровым «орехом» сверхоборотня. От нее веяло угрозой и мощью.

Диего долго молчал, сосредоточенно работая с пультом. Грехов не мешал ему, со смешанным чувством сожаления и восхищения рассматривая «танк». Он уже догадался, что это такое, — ТФ-эмиттер, превращенный жесткими обстоятельствами и умом человека в оружие, равного которому не было в мире ничего. Даже аннигилятор не шел ни в какое сравнение с излучателем скалярного ТФ-поля, преобразующего любое вещество и физические поля в кварко-глюонные облака.

«Но справится ли ТФ-эмиттер с ним? — Грехов оглянулся на угрюмую выпуклую стену сверхоборотня. — С тем, кому когда-то подчинялись звезды? Ведь Конструктор был почти всемогущим. Смешная мысль... страшная мысль?»

Диего сидел, откинувшись в кресле, долго смотрел на медленно отступающую к горизонту тень сверхоборотня, потом повернул голову к Грехову:

— Я боюсь его, Ри. Иной раз хочется включить ТФ-эмиттер и — пафф! — Диего резко взмахнул рукой. — Может, ты и прав, у меня начинают сдавать нервы. Да и кто сможет остаться спокойным в ответ на это грозное молчание?! Холодное тяжелое молчание готового к прыжку чудовища! Да, я боюсь оборотня, не за себя лично, и даже не за сто моих товарищей, терпеливо, шаг за шагом изучающих его. Понимаешь, я боюсь, что Земля слишком близко от Марса, Ри...

Внезапно часть черного бока сверхоборотня прямо перед танком посветлела, на глазах превратилась в полупрозрачную глыбу стекла, в глубине которого поплыли хороводы искр. Одновременно с появлением искр Грехов ощутил давление на виски, возбуждающее покалывание в затылке, странное чувство невидимого, немо кричащего собеседника... Это чувство было знакомо ему по Тартару — отзвук излучения, действующего на нервную систему человека. Вероятно, и сверхоборотень излучал нечто такое, что влияло на мозг, вызывая странные и непривычные ощущения.

Габриэль заметил, что Диего не столько разглядывает феномен, сколько следит за его реакцией, за лицом, спросил:

— Что, не в первый раз? Почему не записываешь?

— Количество записей перевалило за сотню. Пробовали и расшифровывать, но однозначных результатов нет. Нагорин в ВЦ Академии пришел, например, к выводу, что этот звездный узор не что иное, как психологический тест.

Грехов хмыкнул, оценивающе разглядывая хрустальное окно. Искры в его глубине собрались в шары, шары в свою очередь стали сближаться, и вся эта система превратилась в красивый ажурный пояс, медленно вращающийся вокруг черного, как дыра в преисподнюю, пятна. Изменилось и внушаемое людям чувство. Теперь Грехову казалось, что за полупрозрачной стеной стоит человек и смотрит на них, упершись руками в «стекло» с той стороны и приблизив к нему заплаканное лицо...

Грехов мотнул головой, освобождаясь от навязчивого видения. Почти сразу же «окно» разгорелось алым сиянием и погасло.

— Все, — вздохнул Диего. — Представление окончено. Поехали по периметру, посмотрим хозяйство. Я, собственно, не только из-за этого повез тебя сюда, хотя и явление «окон» само по себе интересно: просто хочется знать, как ты ценишь нашу подготовку.

Они объехали полигон кругом, не встретив ни одного человека. Люди были надежно укрыты под толщей базальта от всех неожиданностей, но Грехов вдруг засомневался в этой надежности. Он знал Диего так давно,

что не верить ему не мог, к тому же не только одному Грехову было известно об интуиции Диего: еще в студенческие времена будущий пограничник удивлял преподавателей прогностики точностью прогнозов, а став работником погранслужбы, не раз доказывал, что он интуитив высшего класса. И сейчас, слушая его, видя, как взволнован «каменный» Диего, Грехов понял, что тот подсознательно уловил опасность, исходящую от сверхоборотня, и реакция его была реакцией спасателя.

— Экстрасенсорная система, — пробормотал он, когда Диего закончил. — У тебя очень хорошо развита экстрасенсорная система, Диего, именно поэтому ты так часто выходил целым и невредимым из самых опасных ситуаций. Но людям еще далеко до психосвязи, твои слова мало убедят ученых. Ну, а меня убеждать не надо, я ведь чувствую то же самое.

Диего виновато опустил голову.

— Извини, сорвался. Приму тонизирующий душ — и все пройдет. Но мне тебя не хватало, Ри. Некому было поплакаться в жилетку. — Он улыбнулся.

— Я это понял, — невозмутимо ответил Грехов.

Зонд походил на сверкающую каплю воды, сползающую по крутому горбу сверхоборотня. Внутренние его передатчики еще не работали, и поэтому второй виом справа от пульта, который должен был принимать передачу с зонда, создавал впечатление серой облачной стены. Изображение в первом виоме передавалось с телезонда, подвешенного над сверхоборотнем на высоте полукилометра.

«Капля» наконец перестала сползать, остановилась:

— Есть «окно»! — отозвался один из операторов, следивших у пульта за зондом.

— Укол! — скомандовал Сергиенко.

Зонд на мгновение вспыхнул ярким голубым светом, в оболочке оборотня, в так называемом «бродячем слепом пятне», появилось отверстие, и зонд провалился в его недра, исчез. Вспыхнул правый виом — автомат включил видеопередатчик.

Серый складчатый тоннель, кажущийся бесконечным. Детали затушеваны, видны словно сквозь туман.

— Инфракрасный диапазон, — пояснил Диего Грехову; оба стояли за рабочей зоной центра управления, возле зрительного амфитеатра. — Мы стараемся как можно меньше привносить «загрязнений» внутрь оборотня. Прожекторы у зонда, конечно, есть, но мы их не включаем. Иногда в некоторых помещениях есть свет, чаще — нет, тогда переключаются диапазоны видения.

Тоннель в виоме посветлел, сузился. Зонд замедлил движение.

— Тупик, — сказал кто-то из руководителей эксперимента. — Быстрее назад!

Зонд дернулся, в следующее мгновение тоннель погас. Виом снова превратился в туманное облачко.

— Так всегда, — вздохнул Диего. — Стоит зонду попасть в тупик — и конец! Сверхоборотень его уничтожает.

Исследователи в это время посылали второй автомат. Снова блестящая капля поползла по черной спине исполина. Через минуту приборы отметили резкое убывание магнитного поля — зонд набрел на «слепое пятно». Световой укол и — автомат-разведчик падает в серый тоннель, ничем не отличающийся от первого. Но скоро выясняется, что на этот раз его информационный путь богаче.

Сначала виом отразил обширную пещеру, всю обросшую колышущимися занавесками вуалей. Из-за этих занавесей выплыл серый человек, как торпеда ринулся на земной аппарат, раздался глухой удар. Зонд содрогнулся, изображение покрылось цветными пятнами.

Диего присвистнул.

— Таран! Ну и ну!..

Зонд поплыл дальше. Одна из видеокамер отыскала безвольное тело серого человека и передала увеличенное изображение. Серый урод не двигался, до жути человеческим жестом раскинув длинные руки.

— Может, это его жилище? — сказал Грехов.

— Может быть. Гадание не поможет.

Короткий, теперь уже заполненный синим светом коридор вывел зонд в бесформенный синий зал. Стены зала поросли сотнями плоских перепонок, пересекающихся самым причудливым образом. Все это на-

помнило Грехову плантации, и он поделился мыслью с Диего.

— Грибы? — развеселился тот. — То, что ты видишь — кладовая памяти оборотня. Каждый раз, когда зонд проникает в такую «грибницу», оборотень выдает нам каскад картин. О, видишь, зашевелились?

Внизу у пультов среди ученых началось оживление.

Зонд осторожно двинулся вперед, приблизился к стене, густо усеянной перепонками, — теперь Грехов увидел, что среда, в которой двигался аппарат, является какой-то прозрачной жидкостью. Из тела зонда выдвинулась лапа манипулятора, коснулась одной из перепонок, и в следующий миг произошла быстрая смена изображений в виомах: правый погас, сигнализируя, что зонд прекратил существование, а левый, на котором только что был виден купол сверхоборотня, взорвался фейерверком красок.

Верчение ярких радуг скоро замедлилось, буйство цветных вспышек прекратилось, и людям предстала удивительная картина!

Кошмарные существа над жутким ландшафтом — вот что увидел Грехов, жадно разглядывая пейзаж. На переднем плане созданной сверхоборотнем панорамы возносились в небо пушистые полупрозрачные стрелы, поддерживаемые гнутыми серебристыми перепонками. Тонкие золотые «канаты» во всех направлениях пересекали пространство между перепонками, пронизывали «стрелы», вплетались в узлы, веера и у самой «земли» создавали впечатление непроходимой чащи. За «стрелами» шел пологий склон холма, на котором вспыхивали разноцветными языками пламени облачка какой-то меняющей густоту субстанции. На самом холме громоздились угрюмые черные кубы, пирамиды, конусы, и оттуда время от времени проглядывали жуткие, выразительные морды с блюдцеобразными светящимися глазами. А над всем этим неземным кошмаром торчали на длинных суставчатых лапах брюхастые паучьи тела! Многометровые черные мешки на длиннейших ногах, похожие на пауков, — других земных аналогий Грехов не нашел. Лишь спустя несколько минут он начал различать детали: странного вида кусты синего цвета, плавающие шапки белого, как кипень, пуха,

мертвого леса или ржавые поваленные фермы. Главным во всей картине были безусловно «пауки» и высверкивающие из геометрического мрака блюдцеобразные глаза. Серебристые «стрелы» и «канаты» явно относились к растительному миру. И все, на что ни обращал бы взгляд Грехов, все четко укладывалось в рамки какой-то неслыханной гармонии, опирающейся на логику и мироощущения, чуждые тому, с чем приходилось сталкиваться людям прежде.

Снова Грехов и Диего почувствовали знакомый тяжелый взгляд, возбуждающий ощущение чьего-то незримого, но грозного присутствия. Картина чужого мира была вызывающе яркой и зловещей, все в ней было чуждо человеческому восприятию: формы, пропорции, движение; все, казалось, имело скрытый и ужасный смысл. И когда люди пресытились феерическим зрелищем — сверхоборотень крутанул свой обычный калейдоскоп. Пронеслись один за другим в немыслимом темпе пейзажи иных миров, звездных систем, галактик, непонятные сооружения, невиданные существа, и снова черный эллипсоид одиноко высился в центре полигона, угрюмый и неподвижный, словно не он только что претерпел удивительную множественную трансформацию, последовательно превращаясь в то, чему был свидетелем миллионы лет назад.

— Полнейший уход от всего человеческого! — пробормотал Диего, покосившись на Грехова. — Смело могу сказать, что такой картины мы еще не наблюдали. Что-то невероятное... интересно, как оценят ее ученые мужи?

— Уж не обиталище ли Конструктора показал нам сверхоборотень? А «пауки» — не его ли предки?

— Ты думаешь, оборотень показал палеопейзаж своей родины? Любопытно. Поделись своей догадкой с Сергиенко. Кстати, ты заметил? Изменился цвет оболочки оборотня. Теперь он темно-серый, а не черный, и оброс снизу каким-то белым пухом.

— Ну и что? Это еще раз доказывает, что внутри оборотня идет скрытая от нас перестройка организма. Спора Конструктора пробуждается от спячки. Интересно, когда она созреет?

— По расчетам, с теперешними темпами изменений Конструктор вылупится лет через двадцать. А по

моим... — Диего кинул последний взгляд на виом и направился к выходу из зала, — по моим, гораздо раньше. И будем ли мы готовы к этому — не знаю.

НАД СПЯЩИМ ВУЛКАНОМ

Тихое ночное небо Марса казалось бездонной пропастью, в которой навеки умер солнечный свет, раздробившись на мириады осколков-звезд. Грехов стоял на вершине крутого вулканического конуса, запрокинув голову, и мог бы простоять так еще долго, впитывая всем телом непреходящую красоту звездного города, если бы не раздавшийся в наушниках голос Диего:

— Ау, Габриэль, где ты?

— Здесь, — с опозданием ответил Грехов, с трудом отрываясь от влекущей бездны. «Становлюсь сентиментальным, — с досадой подумал он. — Не хватало, чтобы Диего поймал меня за столь бессмысленным, с его точки зрения, занятием».

— Я над кратером, — добавил он. — Надень инфраоптику и увидишь.

Надвинув очки, Грехов окунулся в призрачный мир алых, багровых, вишневых красок, сотен оттенков коричневого цвета. Теперь было заметно, что дно неглубокого кратера разогрето больше, чем остальной конус вулкана, об этом говорило пурпурное озерцо света в его центре.

Через несколько минут рядом возникла багрово светящаяся фигура пограничника.

— Еле нашел... Мне сказали, что ты совершаешь вечерний моцион, и я удивился. Раньше за тобой любви к одиноким прогулкам не замечалось.

— Все течет, все изменяется, — меланхолически сказал Грехов.

— Да, конечно, мысль интересная, свежая. Кстати, ты так и не удосужился сообщить, в качестве кого явился на полигон. Как рядовой спец или...

— Как рядовой, — спокойно ответил Грехов. — Руководить отделом я уже не гожусь, укатали сивку крутые горки. Ты же знаешь, какие у нас требования...

— Безопасники... конечно! — с невольной обидой заметил Диего.

— Безопасники, — тихо сказал Грехов. — Есть такое обширное понятие — безопасность цивилизации. Не государства, заметь, даже не союза республик и народов — всей цивилизации! Жестокая работа, работа, требующая полной самоотдачи, самообладания, призвания и всего остального, без чего человек не был бы человеком. Уж ты поверь. Многие не выдерживают... не выдержал и я...

— Ты — иное дело, не каждому перепадает на долю столько испытаний.

— И все же... Решив пойти к Тартару, я думал, что компенсирую свою прогрессирующую нерешительность... Не удалось. Понимаешь, я вдруг понял, насколько далеко право рисковать собой от права рисковать другими. И у меня родился страх, страх рисковать чужими жизнями, а это в нашей работе зачастую необходимо. И этот страх убил во мне руководителя.

Диего некоторое время молчал. Плыло мимо не нарушаемое ни одним звуком безмолвие марсианской ночи, плыли в вышине вереницы созвездий, мчался, качаясь, по двухлетней орбите вокруг Солнца каменный шар Марса.

— Я подал рапорт о переводе в отдел безопасности. Или специалистов моего класса у вас хватает?

Грехов шевельнулся, зашуршали, скатываясь в кратер, камни.

— Ты тоже работаешь на переднем крае, иначе наши дороги не пересекались бы. Что касается перехода... Торанц рапорт подпишет. Ну, а я отговаривать не стану. Другое дело — поймет ли тебя Анна?

Диего благодарно пожал плечо Габриэля, и снова они постояли молча, касаясь друг друга локтями.

— Я тебе зачем-то был нужен? — спросил Грехов.

Диего нагнулся, поднял камешек.

— Мне оборотень уже снится. Понимаешь, ученые сошлись во мнениях, что тот пейзаж, что мы с тобой видели позавчера, — это пейзаж родины Конструктора, а черные «пауки» — его далекие предки. Твоя догадка оказалась верной. Представляешь эволюцию?

— Нет. У тебя в связи с этим есть причины искать меня ночью?

— А с кем еще могу я поделиться тревогой, не рискуя быть непонятым? С одной стороны, мы убедились, что спора Конструктора созревает медленно, и энергетически мы сильнее ее, если только она не умеет черпать энергию из неведомых нам источников. А с другой — уж если серый призрак, стоящий на лестнице эволюции гораздо ближе к нам, чем к сверхоборотням, то есть Конструкторам, не идет с нами на обоюдовыгодный контакт, то почему все уверены, что пойдет Конструктор? Откуда такая уверенность?

— А ее и нет, — буркнул Грехов. — Всех загипнотизировало обладание такой чудовищной игрушкой, как оборотень. Но должны же мы, люди, шагать вперед? Сами! И кто как не исследователи делают этот шаг первыми? Изучение оборотня, которое уже многое принесло нашей науке, — тот же шаг. Рискованный, согласен. Но тут-то и выходим на сцену мы, пограничники и безопасники, и я должен спросить у тебя — все ли ты сделал для того, чтобы свести риск к минимуму? Если гибнут люди — это беда, но беда вдвойне, если они гибнут по нашей вине.

— Ты что, Ри? — опешил Диего. — Укор твой суров, но не обоснован. Ты же знаешь, как мы...

— Знаю, извини. Сердит я по другой причине. Ведь ты нашел меня не для того, чтобы делиться гипотезами об эволюции Конструкторов?

— Да, — признался Диего. — Я хотел сказать тебе, что вблизи оборотня со мной начинают происходить... мерещится всякая чертовщина! Иногда накатывает такая тоска — просто жуть берет! И мысль при этом — один! Один на весь космос!

— Я так и думал, — кивнул Грехов. — Нечто подобное испытывал и я. Снова наш тяжкий крест — экстрасенсорная система. Излучение оборотня воспринимается нами в гораздо большей степени, чем остальными. Не мерещилось ли тебе нечто вроде гигантской растущей трещины? Или взметнувшейся на километры ввысь каменной волны? Или жерла вулкана, извергающего тучу раскаленного пепла?

Диего шумно выдохнул.

— Я даже слышу при этом гул и грохот...

— Не только ты. Забара, Нагорин, Танич... я опросил всех спасателей, многие испытывают то же самое. Торанц называет это явление сверхчутьем, а Нагорин погружением дискурсивного мышления в подсознание. Когда-нибудь медики назовут это шестым чувством, например, диегозрением. Или виртосязанием.

Диего повертел в руке камешек и забросил его в кратер.

— А цунами... вулкан... что означают наши видения?

Грехов прошелся по кромке кратерного вала, остановился.

— Это значит, что сверхоборотень или кто-то внутри него предупреждает нас о последствиях пробуждения споры Конструктора.

— Серый человек?

— Не знаю, может быть. Одно знаю точно: испытание нашей готовности встретить опасность во всеоружии — еще впереди.

Назад они летели на высоте двухсот метров. На востоке уже засветилась серебристая полоса рассвета, на западе росло зарево полигона, и между двумя этими светлыми дугами прятал свою угрюмую ночную усмешку искалеченный древними извержениями великий лик бога войны Марса.

Зал был тих и темен. Панорамный виом был выключен, пульты и аппараты связи и контроля не работали. У малого виома сидел дежурный наблюдатель, изредка переключая изображение видеокамер, которые цепочкой расположились вокруг сверхоборотня. Изображение при этом не менялось: черное яйцо почти не выделялось на фоне ночного неба и мрака пустыни.

Диего подошел к своему пульту, эхо шагов заметалось между стен. Пограничник успокаивающе кивнул обернувшемуся наблюдателю и включил видеосистемы центра. Ночь Марса придвинулась вплотную, словно зал из-под километрового слоя базальта вынырнул вдруг на поверхность полигона. Диего коснулся пластины сенсора, и ожерелье прожекторов высветило четкую фигуру сверхоборотня.

— Влечет? — спросил напарник, молодой светло-русый парень, одетый в модную черную куртку с короткими рукавами и такие же черные с искрой брюки.

— Только с точки зрения борьбы с опасностью, — ответил Диего, подумал и добавил: — Хотя, неправда, конечно, влечет. Как-никак, загадка века.

Он погасил прожекторы и со вздохом сел в кресло.

Уже два месяца, как управление ввело обязательные двойные дежурства по ночам: наблюдатель-ученый и наблюдатель-пограничник. По мнению Диего, эти дежурства ничего не давали, один из наблюдателей был лишним, а именно — ученый. Потому что в случае непредвиденного поворота событий право решения принадлежало отвечающему за безопасность.

Диего перевел задумчивый взгляд на пульт. Спокойная россыпь зеленых и белых огней на панели говорила, что дежурный монитор защиты включен и работает нормально. Ни одно движение сверхоборотня не могло пройти незамеченным, и в случае необходимости автоматы сами смогли бы экстренно подключить дополнительные системы защиты — реактивные экраны, гравиконденсаторы и индукторы поля. Но заменить человека полностью компьютеры не могли. Диего покосился на приставку управления ТФ-эмиттером, усмехнулся. «Успеть бы! — подумал он. — Вся жизнь спасателя в этом «успеть бы!» Успеешь — и одной бедой меньше, и кто-то останется жить... И долго потом вспоминается молчаливый укор в глазах совершенно незнакомых людей — если не успеешь, если не сможешь победить время и обстоятельства...»

— О чем задумался? — напомнил о себе дежурный, вставая. — Как ты думаешь, если мы сгоняем партию-другую в шахматы, это не будет нарушением режима?

— Не будет, — подумав, ответил Диего. — Я поиграю черными.

Несколько раз звонки с пультов заставляли Диего и его напарника по имени Зигмунд бросаться к аппаратуре, но в первый раз оборотень просто усилил радиосвечение, во второй — изменил положение тела, пошевелился, и потом каждый час «вздыхал» — объем его то увеличивался, то спадал.

— Что-то новое, — задумчиво сказал Зигмунд. — Такое впечатление, будто ему что-то мешает.

Молодой ученый-экзобиолог некоторое время наблюдал за черным колоссом, потом сел за пульт многофункционального исследовательского комплекса и надел эмкан. Диего не мешал ему, зная столько же, сколько и Зигмунд. Недоброе предчувствие сжимало сердце, в такие минуты начинало казаться, что тьма готова хлынуть из всех виомов и затопить зал, пустыню, всю Вселенную! Диего напрягался, с трудом собирал волю в кулак и раз даже с ужасом подумал: уж не болен ли он?! Такого с ним не было никогда! За все двадцать два года работы он никогда не чувствовал такого страха, как теперь, особенно последние полгода на полигоне Марса... Так, может быть, все дело в том, что его нервная система пошла вразнос?.. Нервная... Нервы... Никогда не жаловался на нервы, и на тебе! А может, это первые признаки обыкновенной усталости и ничего более? Пришла пора искать другую работу...

— Вот так новость! — сказал Зигмунд, сбрасывая эмкан и торопливо приглаживая взъерошенные волосы. — Оборотень пророс!

— Что?! — спросил Диего, возвращаясь к действительности.

— Оборотень пророс! То есть, иными словами, пустил корень!

Несколько суток центр лихорадило. Известие о том, что сверхоборотень «пустил корень», всколыхнуло научные круги, и на полигон снова налетели десятки специалистов из многих институтов Земли. Размещать их было негде, да и пользы от нашествия не предвиделось, поэтому Пинегин и его безопасники здорово потрудились, прежде чем последние теоретики и жаждущие «громких» экспериментов практики покинули полигон. Снова в подземном хозяйстве Пинегина установилась рабочая тишина, пронизанная эмоционально давящим соседством споры Конструктора.

Ничего особенного со сверхоборотнем не происходило. Корень, если можно было его так назвать, был едва заметен в лучах интравизоров — маленькая трехметро-

вая опухоль в дне километрового эллипсоида, но опухоль эта постепенно прогрессировала, росла и спустя месяц достигла шестидесяти метров, привлекая к себе пристальное внимание ученых. И спасателей.

И тут случилось происшествие, сломавшее привычный ритм работы центра. Во время одного из ночных дежурств погиб Шебранн. Случилось это на глазах Диего и Грехова, которых вызвал растерявшийся дежурный, напарник Шебранна, Мансуров.

Когда Грехов прибежал в зал, там уже находился Диего. Видеосистемы работали, показывая белое от прожекторного света поле и мрачный выпуклый бок сверхоборотня.

— Назад! — кричал Диего. — Вильям, назад! Слышишь?

Только теперь Грехов заметил зависший над горбом оборотня маленький оранжевый пинасс.

— Кто это? — быстро спросил он побледневшего парня. — Зачем его туда понесло?

— Это Шебранн, — заторопился тот. — Понимаете, сам собой ожил один из виомов... тот, который служит для связи с зондами... Вчера мы запустили в оборотня два аппарата, они попали в тупики, замолчали... а сейчас один из них стал передавать изображение...

Они играли в шахматы — универсальный способ времяпрепровождения на любом дежурстве, — как вдруг ни с того ни с сего заработал метровый виом оперативной связи с телезондами. Возникшее объемное изображение могло свести с ума кого угодно: комната, полная людей! Длинное прямоугольное помещение, залитое желтым мигающим светом, и люди! Внутри сверхоборотня — люди! Двое в знакомых комбинезонах спасателей.

— Смотри. — Один из них обернулся. — Телезонд. Откуда он здесь? Ребята, где мы? Кто-нибудь может объяснить?

— Люди! — хрипло произнес Шебранн. — Это же Эрнест Гиро... Батиевский... Черт побери! Эрнест, мы меня слышишь? Гиро?

— Не слышит, — неуверенно произнес Мансуров. — Рация зонда работает только на передачу.

— Координаты! Можешь дать мне координаты зонда? Возьми пеленг, быстро!

— Попробую. — Мансуров метнулся к панели управления зондами. — Сейчас подключу машину...

Через минуту он определил примерное направление передачи, и Шебранн выскочил из зала, крикнув на ходу:

— Разбуди смену и Диего Вирта!

— Вильям, что ты собираешься делать? — продолжал звать Диего. — Да объяснись ты наконец!

— Там люди, внутри, — донесся голос Шебранна. — Попытаюсь пробиться. Пустите за мной телезонд и пустой куттер, всех на одной своей лошади я не увезу. Следите по видео, я пошел.

На горбу сверхоборотня сверкнула синяя вспышка, и пинасс провалился в черноту.

Диего действовал быстро. Мгновение спустя зонд ушел к сверхоборотню, отыскал не успевшее зарасти «слепое пятно» и нырнул в недра исполина. За ним ушел и ведомый киберпилотом пустой куттер. Снова зажегся виом, погасший, по словам Мансурова, как только Шебранн выскочил из зала. Поплыли по нему серые стены тоннеля, вывели в освещенную красным светом пещеру с бахромой черной паутины — ничего похожего на прямоугольную комнату с людьми. Пинасс Шебранна, накренившись, стоял на дне пещеры, порванные полотнища паутины, медленно колыхаясь, создавали видимость снегопада.

— Готовь когг, Ри, — сказал Диего, не оборачиваясь. — Может быть, успеем...

Но они не успели. Последнее, что увидели люди, — разверзлась бездна, поглотила пинасс, и виом погас. Вбежавшие в зал поднятые по тревоге спасатели молча остановились у пульта, освещенные белым сиянием главного виома. Сверхоборотень невозмутимо выпирал из тьмы черно-серой громадой, порождение стихии и мрака, волей случая столкнувшееся с человеком. Трагедии хомо сапиенс его абсолютно не волновали.

Запущенные Диего зонды и автоматический спасательный модуль не вернулись.

— С идеей вызволения похищенных оборотнем людей придется расстаться, — сказал хмурый Сергиенко. Обычное жизнерадостное выражение лица покинуло

его, сейчас он казался постаревшим и усталым, словно после длительной вахты на потерпевшем аварию корабле. — Решение Шебранна было бессмысленным, он никого не спас бы, потому что людей в оборотне нет, лишь информационные копии.

— Возможно, гибель Шебранна и была бесполезной, — сказал Пинегин, — но решение его бессмысленным назвать нельзя, он шел на помощь, не зная нынешних ваших выводов. Кстати, выводов запоздалых, так как, если бы он знал о них, трагедии бы не случилось.

— Не надо спорить — чья вина, — тихо сказал Нагорин. — Погиб человек, погиб в тот момент, когда мы сделали все, чтобы предотвратить чью бы то ни было гибель. Договориться с оборотнем «на предмет» возвращения им похищенных невозможно: спора сверхразума — не сам разум, сейчас она слепа и глуха. Впрочем, она и прежде была слепа и глуха по нашим меркам. Все ее действия, вроде «сбора информации», только кажутся осмысленными — опять же по нашим, человеческим меркам. Кто знает, следствием каких процессов внутри споры были эти действия? Что касается людей, которых видел Шебранн, по всем данным, это информационные копии когда-то существовавших реально личностей. До сегодняшнего дня я думал иначе, был уверен, что мы всегда сумеем укротить сверхоборотня, сможем с ним договориться на любой основе, хотя бы и с помощью силы — это, к сожалению, универсальный аргумент. Я думал, что сила слабого в умении замечать слабость у сильного, то есть, как ни слаб человек, он всегда сможет обнаружить слабые стороны даже у такого противника, как сверхоборотень. Да, мы нашли у него уязвимые места, но я вдруг понял — это все физика, материальный и энергетический перевес. Человек более слаб, чем он привык о себе думать, потому что ему не вырваться из круга антропоцентризма, потому что он мыслит как человек. Как ч е л о в е к, понимаете?

Теперь ответьте на такой вопрос: всегда ли гуманен разум? По лицам вижу, что быстро ответить не сумеете. Безусловно — говорили мы: разум гуманен, тем более высший разум. Но ведь это наш, человеческий вывод, потому что гуманны мы сами, гуманна вся наша циви-

лизация, несмотря на эпохи варварства, войн и насилия. Суть кровь и плоть нашей культуры — гуманизм, ибо в противном случае эволюции просто не под силу было бы поднять в человеке разум до нынешнего состояния. Но вернемся к сверхоборотню, который многому нас научил, но, к сожалению, не научил мыслить по-иному, иными, отличными от человеческих, категориями. Мы инстинктивно видим в этом сверхсуществе разум того же порядка, что и человеческий, и это психологически понятно, но ведь уже серые призраки отличаются от нас так же, как мы сами, скажем, от динозавров, а тут существо, возраст которого сравним с возрастом Вселенной! А если разум Конструктора гуманен по своим законам? И эти законы, в нашем понимании, — з а к о н ы з л а?!

В темном зале связи наступила тишина. Совещание было закрытым, присутствовали только руководители исследований и служб УАСС, работники СЭКОНа и правительства Земли, в том числе Банглин. Они, конечно, находились в настоящий момент не на Марсе: кто на Земле, кто на других планетах Системы, но иллюзия присутствия их в зале была полной — вплоть до осязания — новые приемы объемной видеосвязи позволяли сделать это без труда.

— Серьезное заявление, — сказал наконец Банглин, переглядываясь с членами ВКС. — Видимо, придется пересмотреть решение совета о сверхоборотне, его эволюции как споры Конструктора. СЭКОНу необходимо провести тщательный анализ информации и дать прогноз возможных осложнений по индексации спасателей. Возражений нет?

— Погранслужба и УАСС давно настаивали на пересмотре решения совета, — сказал Торанц. — К тому же у нас есть сведения, которых нет у научного центра.

— То есть? — прищурился Банглин.

— Некоторые оперативные работники — пограничники обладают нервной организацией типа «интуитив». Поступающая от них информация достаточно тревожна и может дать многое для анализа ситуации.

— Экстрасенсы? — спросил Банглин. — Я забыл, что у нас есть люди с повышенной чувствительностью к излучениям и физическим полям. Хорошо, познакомьте с

вашей информацией комиссию. Итак, срок — месяц. Через месяц плановое заседание совета, будем решать...

Зал опустел, все «немарсиане» выключили свои каналы связи, остались только те, на которых лежала прямая ответственность за правильность выбора дальнейшей стратегии и тактики работы, за комплекс проблем под названием сверхоборотень.

— Он ничего не сказал о гибели Шебранна, — пробормотал Пинегин.

— Потому что на нас нет формальной вины, — глухо сказал Торанц. — Но отвечать нам придется, если не перед советом, то перед собой. Шебранн не был идеальным работником и, вероятно, для многих был даже просто несимпатичен, но он всегда был готов пожертвовать собой ради других и доказал это, не зная, что бессилен помочь тем... в темнице оборотня. А если бы и знал — наверное, решил бы так же. Долг, понимаете? И я не знаю, плохо это или хорошо.

— Я тоже решил бы так же, — сказал молчавший до сих пор Грехов.

— Ладно, ладно, — махнул рукой Сергиенко. — Все вы всегда на все готовы, рыцари риска и мгновенной реакции... Но надо же иногда и думать! Думать, что делаешь! Всегда ли вы знаете точно, правильно действуете или нет? Иной раз труднее, рискованнее и вернее остаться, а не кидаться сломя голову в пропасть, зная, что ничем никому не поможешь.

— Всякое бывало, — нехотя ответил Пинегин. — Может быть, и Шебранн был не прав, даже наверняка был не прав, — что это доказывает? Ночные дежурства безопасников я отменить не могу.

— А, да не о том я! — Сергиенко поморщился и замолчал.

— Не можете ли вы подробнее рассказать об ощущениях интуитивов? — тихо спросил Нагорин. — Их информация может действительно оказаться важной.

— Вот он расскажет. — Торанц мотнул головой в сторону Грехова. — Как бывший замначальника отдела безопасности он знает всех спасателей на полигоне. Ну что, закончили? Второй час ночи...

— Закончили, — вздохнул Сергиенко. — Да разве сейчас уснешь...

— Подожди, Петр, — пробормотал Торанц, задерживая Пинегина, когда в зале остались только они одни. — Вы не пробовали еще раз... пройтись тем путем, что и Шебранн?

— Мы потеряли пять зондов...

— Я не о зондах.

— Без официального разрешения СЭКОНа?

Торанц покривил губы, но глаз не отвел.

— Пробовали, конечно... на когге. Ничего. То ли «слепое пятно» переместилось, то ли оборотня раздражают наши уколы. Модуль тоже застрял в тупике, и вытащить его не представляется возможным.

— Понятно... Кто ходил на когге, Диего?

— А кто еще у нас может рискнуть побороться с оборотнем?

— Он?..

— В порядке, жив и здоров.

— Если бы в верхах об этой твоей инициативе...

Пинегин согнал с лица усмешку и совсем тихо спросил:

— Что бы это изменило?

СЕРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Утром Диего проснулся от едва заметного толчка: качнулась кровать. Он полежал с закрытыми глазами, ожидая, повторится ли толчок. Решив, что все это является результатом сновидений, повернулся на бок, но тревога не покидала его, вернее, не тревога, а отзвук какой-то не схваченной еще мысли, комариным жужжанием пробудившей сознание в реальности наступившего утра.

Он встал, выгоняя из тела остатки сна, и в это время мягко зазвенел интерком. Пограничник шагнул к универсальной стойке домашнего комбайна и включил связь. Угол комнаты «перестал существовать», вместо него появилась вторая такая же комната и стоящий босиком посредине Грехов.

— Проснулся? Мне показалось, что дом колыхнулся.

— Мне тоже. Но, случись что серьезное, нас подняли бы по тревоге. Подожди, узнаю у дежурного.

На этот раз в центральном зале дежурил Нагорин. Он не удивился вопросу Диего.

— Был толчок, силой около трех баллов. Мизер, конечно, спите спокойно.

— Но, насколько я осведомлен, марсотрясения в районе Эллады не случались ни разу — толстая континентальная кора. Не следует ли связать толчок с нашим любезным гостем?

— Вы правы, я только что получил данные от автоматической сети сейсмографов: эпицентр толчка в районе полигона с точностью до километра.

— Значит, оборотень. Как он сейчас выглядит?

— Как обычно, ничего внешне не изменилось.

— Может, шевельнулся корень? Все-таки длина его достигла четырех сотен метров. Проверьте.

Одевшись, Диего встретил Грехова в коридоре, и они направились в столовую, на ходу делясь впечатлениями утреннего подъема. После завтрака пошли в центр, постепенно заполнявшийся работниками исследовательского комплекса. Вычислители и задатчики программ для киберов уже работали, наполняя зал тихим звоном и писком.

— Вот человек, который, по-моему, что-то знает, — пошутил Диего, подходя к Сергиенко, наблюдавшему за одним из виомов.

— Это вы о толчке? — спросил тот, оборачиваясь. — Скорость роста корня резко возросла, думаю, это и породило колебание почвы.

— Вот как? — нахмурился Грехов. — И как велика скорость роста на данный момент?

— Четыре метра в час. А была три сантиметра...

Некоторое время все молчали, разглядывая грузный бочонок геолого-разведывательного робота. Не верилось, что робот свободно проникает под землю на несколько сот метров и движется сквозь горные породы так же легко, как игла сквозь воду.

— Долго будет расти корень? — спросил Грехов.

— Не знаю, — с неохотой сказал Сергиенко. — Может быть, он решил достичь мантии — для эффективного пополнения энергозапаса, а может быть, скоро остановится.

— А вы представляете, что будет, если корень оборотня в самом деле проткнет кору Марса до мантии?

Сергиенко посмотрел на губы Грехова и не ответил.

— Я уже сообщил Пинегину, — сказал подошедший Нагорин, более угрюмый, чем всегда. — До заседания ВКС осталось шесть дней... — Он замялся.

— Договаривай, — скривился Сергиенко.

— Картина остается неясной, вот и все, собственно. Но вывод комиссия сделал однозначный: мы будем требовать удаления сверхоборотня с поверхности Марса в открытый космос.

— Тогда лучшее место для нового полигона — девятый сектор Пояса астероидов, — сказал Грехов. — Самый безлюдный уголок Солнечной системы. А базой для полигона может послужить древняя станция солидного патруля. Правда, метеоритная опасность там повыше, чем в других секторах Пояса.

— О размещении полигона решит совет, хотя при веском обосновании подойдет и Пояс астероидов. Что же касается вашего вполне уместного волнения по поводу роста корня оборотня... — Нагорин посмотрел на Сергиенко.

— Говори все, — махнул тот рукой. — Все равно ничего изменить нельзя. Все-таки человечество заметно усредняется... В прошлые века гениев, возвышавшихся над средним уровнем науки, умеющих верно оценивать основные направления развития общества, было больше. Здесь я не вижу никого, кто смог бы оценить реальные объемы того богатства, которое заключено в сверхоборотне; даже не в самом Конструкторе — только в его споре! Оценить тот толчок, который даст науке овладение тайнами величайшего экспериментатора и строителя во Вселенной!

— Один толчок мы сегодня уже ощутили, — с иронией заметил Диего.

— Не согласен с вами, — сказал Грехов. — Я не социолог, но по сравнению с прошлыми веками уровень знаний и задачи человечества существенно изменились, от дифференциации наук мы идем к их интеграции, и любой ученый-универсалист нашего времени способен на то, на что были способны великие умы прошлого. Сегодня не до полемики, но, вероятно, в данной ситуации следует прогнозировать не пользу сверх-

оборотня для науки, а тот вред, который может принести человечеству рост споры Конструктора. Это гораздо трудней... и ответственней. Давайте вернемся к корню.

Сергиенко сжал побелевшие губы в линию, отвернулся. Напряжение разговора стало спадать. Диего понимал ученого, да и как его не понять, когда обстоятельства дают в руки человеку прекрасный материал для исследований, цена которому — рост могущества цивилизации?! Но, с другой стороны, можно так обжечься на этом невидимом огне любопытства! Сколько погибло при изучении того же сверхоборотня? Но сколько еще может погибнуть в результате катастрофы, связанной с рождением Конструктора? «Черт возьми, как ты бываешь слеп и недальновиден, человек!» — подумал Диего.

— Сегодня стало известно, — виноватым тоном сказал Нагорин, не глядя на спасателей, — что оборотень начал активно поглощать энергию всей поверхностью своего тела. В результате вокруг него температура понизилась на пятьдесят два градуса. Плюс к этому возросло энергопотребление силового пояса.

— Это значит, — Грехов переглянулся с Диего, — что полигон фактически остался без защиты? Так вас понимать?

— Ну, остаются реактивные экраны, гравиконденсаторы... хотя вполне возможно, что он может поглощать все виды материи — от полей до вещества. Растворяет же он породы континента! Единственная мера, с которой ему не справиться, — удар скалярного ТФ-поля.

— Веселенькое дело, — пробормотал Диего. — Неужели мы опоздали?

В зале вдруг произошло какое-то замешательство. У одного из виомов столпились люди, работа прекратилась.

— Что там у них случилось?

Грехов первым подошел к мигом собравшейся толпе и замер от изумления. В боку сверхоборотня распахнулись «ворота», часть корпуса опустилась пандусом на песок, и по этому наклонному желобу шествовали серые люди, вереницей вытягиваясь у купола одного из

наблюдательных пунктов! Было их много, около сорока, а они все шли и шли, и наконец остановились толпой у купола и замерли, превратившись в «глиняные» уродливые статуи, ни одним движением не напоминая, что они живые существа.

— Сто тридцать три! — подсчитал кто-то у пульта.

Дыра в боку оборотня закрылась, и все замерло. Толпа серых монстров не шевелилась, словно в них выключили жизненные центры. Молчание плыло по полигону, омывая зал центра управления волной немого удивления и ожидания.

— Роботы они, что ли? — пробормотал кто-то. И снова тишина...

Грехов очнулся первым.

— Прилипалы, — пробормотал он. — Рыбы-прилипалы на шкуре акулы, очищающие ее от паразитов. Симбиоты. Так? Существо-чистильщик — вот что такое серый человек. И не только чистильщик, а в зависимости от требований хозяина и чистильщик, и охранник, и связной, и существо для контакта, и, возможно, приманка, и, вероятно, множество профессий, которых я не знаю... Оборотень попросту выгнал их, выдворил своих добровольных помощников, потому что больше не нуждается в их заботе.

— А это значит, надвигаются кардинальные события. Надо что-то решать, и решать быстро, времени у нас, кажется, нет совсем!

— Что же нам с ними делать? — пробормотал Сергиенко. Диего впервые увидел растерянность на его лице.

— О них позаботятся экзобиологи, — сказал он, выступая вперед. — Срочно запросите ВКС и СЭКОН. — Он повернулся к Грехову. — Кто возьмет на себя смелость сообщить об этом Банглину?

— Я, — пожал плечами Грехов. — Вот только не знаю, успеем ли мы. — Он подошел к пульту монитора, тронул алый сенсор и негромко, но так, что у каждого в зале побежал озноб по спине, сказал:

— Тревога по форме А на все базы патруля! Экстренный вызов руководства управления! Готовность центрам пояса энергостанций Марса и всей зоны к перебросу энергии на полигон Эллады! Повторяю...

Из-за горизонта доносился глухой рокот, мелко-мелко тряслась почва, иногда вздрагивая более ощутимо. Над северным горизонтом вставало в фиолетовое небо удивительное цветное зарево: шатер, сотканный из радужных нитей, полос и шарфов света, над которым изредка вспыхивали, расплываясь, зонты чистого голубого пламени.

— Пора, — сказал Грехов, с трудом отрывая взгляд от феерии.

Диего Вирт молча кивнул. Постояв с минуту, он повернулся, быстро прошел к «Мастиффу», помахал рукой и скрылся в куполе башни. Громада танка дрогнула, звенящий гул двигателей тугой волной ударил в уши.

Головной «Мастифф» разогнался и скрылся в пелене взвихренного песка. За ним поползли остальные машины, веером расходясь по пустыне. Рев двигателей постепенно стих, вал гонимых танками пыли и песка уползал к световому шатру на горизонте и вскоре скрылся в ночном пространстве, высвечиваемый полосами прожекторного света. Остался лишь далекий, нестихающий рокот, там, где люди вступили в титаническую битву с выползающим из бутылки джинном — прорастающим из споры сверхоборотня Конструктором.

— Заградители не помогут, — помолчав, сказал Грехов.

— Знаю, — зло сказал Пинегин. — Но если ничего не предпринять...

— Боишься, что обвинят в бездействии?

Петр пошевелил губами, черными в сине-зеленом освещении грандиозного пожара, хотел ответить резкостью и сник.

— Не боюсь. Я боюсь другого — что мы окажемся бессильными.

— Сергиенко сейчас рассчитывает свою зону активного поглощения энергии. Сверхоборотню для роста нужна энергия, и все наши экраны ему ее поставляют. Вот если вокруг него создать вакуум-зону, которая со своей стороны будет отнимать у него самого... Возможно, это и в самом деле остановит его рост.

— Ты уверен? Сергиенко в этом уверен? Вот то-то же...

— Если не поможет вакуум-зона — не поможет ничто.

— ТФ-эмиттер? — пробормотал Пинегин.

Грехов некоторое время разглядывал цветное зарево взбунтовавшегося исполина, до которого было около двадцати пяти километров, потом сказал:

— А кто нам позволит привести его в действие? Даже не так: кто из нас способен привести его в действие, зная, что этим он убивает величайшее из существ, живших когда-либо на свете?

Грехов не ждал ответа. Пинегин не ждал продолжения. Ночь плыла над марсианской Элладой, тряслась почва, далекий глухой рокот рождающегося Конструктора будил отголоски в пустыне; казалось, каменистый шар Марса, раскачиваясь и кренясь, летит в бездну, и ничто не может остановить этот его ужасный, гремящий полет...

— Две тысячи квадратных километров! — тихо произнес Пинегин. — За десять суток!.. И расширяется... Кто его остановит? Ведь если он не остановится сам, он сожрет весь Марс! Это же катастрофа, Габриэль! Катастрофа! Нет, ты не прав, я не буду ждать. Пусть я буду трижды убийцей неведомого мне Конструктора, чем стану убийцей тысяч, может быть, миллионов людей! Я включу ТФ-эмиттер! И даже если не миллионов, не тысяч, а единиц! — Пинегин уже почти кричал, и Грехов его не останавливал. Десятые сутки без отдыха, бесконечные попытки остановить экспансию сверхоборотня, рискованные эволюции заградительных отрядов вблизи его расширяющейся границы измотали руководителей управления вконец. Пинегин мог позволить себе сорваться... пока они были одни, вдвоем. Слишком велика была нервная нагрузка этих десяти дней, слишком велико бремя обязанностей, тысячекратно возросших после первых неудачных попыток преградить путь жуткому явлению. Ответственность... жесткое испытание человеческого бесстрашия, мужества и ума, умения правильно и быстро решать, ориентироваться в обстановке.

Проблему не выразить двумя словами: победа или гибель, она гораздо сложнее, потому что на этот раз

перед человеком не просто слепая стихия, перед ним разумная стихия, понять которую он не успел, и успеет ли — неизвестно.

— Ирония судьбы, — грустно сказал Грехов. — Бороться с врагом, разум которого настолько отличен от твоего, что тебя не видит и не понимает. Да и можно ли назвать оборотня врагом? Разве годятся человеческие мерки для подобного случая? В который раз убеждаюсь, насколько некорректно применение наших этических формул к поведению негуманоида...

Пинегин уже остыл, сгорбившись смотрел на далекий переливающийся костер, имеющий неповторимый и ужасный смысл. Он ни о чем не думал, просто смотрел, зная, что скоро, может, уже через минуту, придется окунуться в океан спешки, новых распоряжений, тревоги и муки управления человеческой метелью и ожидания неумолимого прихода того часа, когда ты начинаешь расплачиваться сединой и сердцем за свое и чужое решение и за гибель друзей.

Из общего ровного гула вдруг выделился басовый удар, ощутимо дернулась земля: снова удар и снова толчок.

— Что там еще?

Грехов обернулся. В стоящем сзади в полусотне шагов триере открылась дверца, высунулся Нагорин и крикнул:

— Планетологи сообщают, что корень достиг второго обращающего слоя! Это около сорока километров!

— Пошли, — буркнул Пинегин.

В кабине Грехов потеснил пилота, сам сел за управление и поднял машину в воздух. В виоме связи молодой ученый из центра наблюдения продолжал комментировать событие:

— ...электростатический прокол. Уже сейчас заметны изменения общего магнитного поля Марса, активизировались древние сейсмические и вулканические зоны в районах Хриса, Тарсиса, Элизиума, Аргира и других. В экваториальном поясе начались пылевые бури, сопровождаемые вихрями и смерчами...

Грехов выключил связь и увеличил скорость аппарата. Внизу промелькнули расходящиеся цепочкой огни танковой группы, выходящей на позицию для силового заграждения.

По мере приближения к световому куполу рев усиливался, к нему добавился тонкий вой и грохот взрывов, и наконец шум стал настолько непереносим, что пришлось надеть звуконепроницаемые шлемы. Триер стало болтать в воздухе. С высоты в три километра перед глазами предстала грандиозная панорама гигантской строительной площадки, которую представлял сейчас растущий Конструктор.

Идеальный черный круг диаметром в полсотни километров, окаймленный ослепительной огненной стеной — там, где края развивающейся споры вгрызались в породу плоскогорья. А в центре этого круга странный бесформенный нарост, ежесекундно меняющий форму и цвет, создающий тот самый красочный фейерверк, из-за которого эволюционирующий Конструктор был виден за десятки километров от этого места. Мрачной угрозой веяло от нароста, уже превысившего высоту Джомолунгмы — восемь тысяч восемьсот метров.

Грехов медленно поднял триер над световым куполом и остановил его точно над вершиной рожденной оборотнем горы. Без оптических усилителей с высоты в пятнадцать километров можно было заметить лишь пляску огненных протуберанцев над ней, но в кабине все зримо представляли себе, как кипит раскаленная добела масса, как непрерывно течет снизу вверх, образуя многосотметровые пузыри, вздутия и острые пики... и нигде не выплескивается за край незримо очерченного ею пространства. «Вулкан, — подумал Грехов. — Живой действующий вулкан в ретроспективе...»

«Ад! — подумал Пинегин. — Так, наверное, рождалась Земля... и Марс, и все планеты. Если Конструкторы могли переделывать Вселенную, то рост нашего остановить невозможно. Прав был серый призрак. Но если уже сейчас это явление вызывает трепет, то с чем сравнить его тогда, когда Конструктор вырастет величиной с планету?! И остановится ли потом его рост?»

— Ад! — проговорил Пинегин вслух с горьким восхищением.

Грехов пристально разглядывал огненную гору под ногами. Потом оглянулся, бросил сквозь зубы:

— Зарастите скафандры, я опущусь немного ниже, — и повел триер на снижение.

На высоте полутора километров над мечущим колоссальные языки огня наростом грохот достиг апогея, не спасали даже шлемы и звукозащита машины. Но не это заставило Грехова прекратить спуск. Ощущение постороннего присутствия усилилось настолько, что казалось, триер будет сейчас разорван чьей-то грозной и неумолимой силой, что уже занесен гигантский кулак, удар — и аппарат с людьми будет сброшен вниз и втоптан в гору!

Под триером с неистовым треском расцвел многосотметровый алый фонтан, машину подбросило вверх и потащило боком.

— Возвращайся, — прокричал Пинегин. — Нашел время заниматься гусарством.

Грехов не ответил, с упорством одержимого решив добиться своего — чтобы и Пинегин, и пилот прочувствовали то же, что и он в первой вылазке. Они миновали металлическую «черепаху», утыканную рогами антенн, — один из автоматических зондов-наблюдателей. Теперь уже к голосу Пинегина присоединился и голос Сергиенко, заметившего их триер через видеотрансляторы зонда. Стиснув зубы, Грехов продолжал опускать дергающийся, рыскающий из стороны в сторону, вверх и вниз аппарат. Страха он не чувствовал, верил, что все обойдется, и наконец поймал то, что искал.

Люди в кабине ощутили болезненный удар по сознанию, чувство одиночества охватило их с такой непередаваемой силой, что хотелось кричать и бежать куда глаза глядят, бежать изо всех сил, лишь бы выбросить из головы этот ужас, ужас одиночества!..

Опомнились они уже далеко от исполинского костра, зажженного волей неведомого существа. Грехов угрюмо вел триер в ночь, окаменев над панелью управления. «Теперь и вы знаете, — думал он, — как бывает велико отчаяние, как оно чудовищно, не по-человечески огромно, когда заслоняет весь мир. Еще не родившись, Конструктор знает, что одинок, и боюсь, эта его реакция на одиночество, пожалуй, единственное, что мы способны воспринять!»

— Я понял, — сказал Пинегин, заворочавшись на сиденье. — Ты хотел доказать, что сверхоборотень — жи-

вое существо, способное ощущать боль? Я знал это и без твоих экспериментов.

— Одно дело знать теоретически... — пробормотал Нагорин. — Простите...

Пинегин посмотрел на него с удивлением.

— Он летал со мной, — пояснил Грехов. — Он и Диего. Не обижайся, Петр, иначе как бы я смог убедить тебя, что выстрел из ТФ-эмиттера не альтернатива для нас.

Внизу под триером загорелась редкая россыпь огней Марсопорта. Чуть поодаль светился квадрат финишного поля спасательных модулей, эвакуирующих население города. Жизнь на Марсе замирала: УАСС не стало рисковать, и, как только принятые меры оказались недостаточными для остановки роста сверхоборотня, последовал приказ об эвакуации колонистов. К началу второй декады из двенадцати миллионов жителей возрожденной для обитания планеты на Марсе осталось не более сорока тысяч человек, в основном персонал энергостанций, центров связи и автоматических горнорудных комплексов.

Сажая триер на освещенную полосу, Грехов оглянулся. Но отсюда факел сверхоборотня не был виден, лишь в появившихся облаках мелькали иногда всполохи — отражения бушующего за сотни километров от города живого вулкана.

— Все тот же черный круг, — сказал Диего, отрываясь от окуляра перископа.

Спасательный модуль висел в стратосфере Марса на высоте шестидесяти километров. Под ним по вертикали почти все видимое пространство занимал двухтысячекилометровый диск Конструктора, продолжавший расти с прежней скоростью. Центральная гора на плоскости черного круга выросла до тридцати девяти километров, превысив величайший из вулканов Марса — вулкан Олимп! Даже с расстояния в миллионы километров из космоса на поверхности планеты было заметно зарево ядерного огня: диск Конструктора, разрастаясь, продолжал уничтожать породы горных массивов, а его «корень» достиг глубины двухсот километров. Марс трясла лихорадка планетотрясений и гигантских пылевых бурь. Пробудились древние вулка-

ны Тарсиса и Большого Сырта, заливая старые ландшафты новой лавой. Оранжево-фиолетовая пелена пыли, дыма и пепла затянула лик Марса, разрушались многочисленные города и поселки, созданные людьми за полтора века выхода в космос.

— Высота шапки уже сорок, — продолжал Диего. — Он и не думает останавливаться. Помнишь, оборотень показывал нам облик Конструктора? Уже тогда его взгляд было трудно переносить, даже его изображение создавало психологическое давление. Представляю, как велико сейчас его влияние на психику вблизи шапки, если и на этой высоте я постоянно ощущаю на себе его взгляд...

— Вероятно, мы потеряем-таки Марс, — сказал Грехов. — Не пора ли снова идти на поклон к серому призраку?

— Сегодня очередная «пятиминутка» руководителей отделов, — сказал Нагорин, колдуя у своих приборов, загромоздивших рубку модуля. Непонятным образом он ухитрялся следить за показаниями приборов, записывать результаты и не терять нить разговора. — Вот и выскажетесь.

— Он пошутил, — сказал Диего, покачав головой.

Грехов покосился в его сторону, отстегнул карабины страхующих ремней и выбрался из кресла.

— Выскажусь, конечно. Только едва ли мой совет примут. Многие не только в ВКС, но и в УАСС все еще уверены, что мы способны укротить сверхоборотня, хотя его уже нет, нет споры, есть младенец-Конструктор, растущий не по дням, а по часам.

Нагорин оторвался от созерцания экранов и мельком посмотрел на Грехова.

— Вы что же, считаете, что мощь сверх... э-э... Конструктора беспредельна?

— Я считаю, что Конструктор не даст нам ни одного шанса, как только поймет, что мы решили его уничтожить.

— Разве мы уже решили его уничтожить? — пробормотал Нагорин.

— Я готов молиться всем богам, — проворчал Диего Вирт, — чтобы этого не случилось! Но боюсь, у нас не будет выбора.

Несколько минут по рубке струилась шелестящая тишина. Потом Нагорин с треском произвел несколько переключений на панелях приборов и сказал неприветливо:

— Не слишком ли экстравагантное слово появилось в лексиконе спасателей — боюсь? Что это — дань моде или психологическая обработка собеседника? Если уж спасатели, да еще те из них, которых я уважаю, твердят «боюсь», то не пора ли нам, простым смертным, сложить руки и спокойно ждать конца?

Диего с интересом взглянул в колючие глаза врача-универсалиста, подумал и проговорил:

— Если бы спасатель не пребывал в постоянном страхе, не только за жизнь спасаемого, но и за свою собственную, то спасательной службы не было бы. — Диего невольно улыбнулся, заметив тень озадаченности, промелькнувшую на лице Нагорина. — Я пошутил, хотя, как говорили издавна, — в каждой шутке есть доля правды. Конечно, «боюсь» — нетипичное слово в устах спасателя, но тут уж ничего не поделаешь. Бояться, кстати, надо уметь. Так же важно, как и вовремя останавливаться, а не упорствовать при движении по неправильному пути.

— Что ты называешь неправильным путем?

— Всю возню со сверхоборотнем, особенно после предупреждения серого Сеятеля, то бишь призрака.

— Эта возня — шаг человека к новому знанию. Как может быть неправильным путь человечества в будущее?

— Может, если он связан с неоправданным риском. У меня сейчас не то настроение, чтобы спорить, мы и так погрязли в спорах, а истины что-то не видно. Я, например, считаю, что уже нет смысла создавать вокруг Конструктора вакуум-зону: дело не только в том, что она потребует колоссальных энергетических затрат, но и в том...

В это время вспыхнул виом связи с центром управления аварийными патрулями, находившимися на Деймосе.

— Каковы результаты? — спросил усталый Сергиенко.

— Ниже сорока двух километров зонды опустить не удастся, — сказал Нагорин, — перепады полей над Кон-

структором сбивают настройку электроники, зонды входят в вихревые слои и падают.

— Мы поставим дополнительную защиту...

— Автономные панцири? Они, пожалуй, выдержат, но где взять столько корпусов?

— Это уже забота Совета. Свяжусь с приземельскими заводами, заказ пустим вне всякой очереди. Скорость роста не упала?

— Центры слежения в Северске, Первомарске и Викингтауне отмечают некоторое замедление, — ответил Диего. — Незначительное, сантиметров на десять, но все же есть надежда.

Пинегин скептически поджал губы, но снова промолчал.

— Поднимайте модули за критическую границу, — приказал Сергиенко, вопросительно посмотрев на Пинегина. — Будем опускать вакуум-заградители.

Диего кивнул, и виом погас. Вошел Грехов.

— Поднимать так поднимать, — пробурчал Нагорин. — Приказ — идти вверх, — пояснил он в ответ на вопросительный взгляд спасателя и повернулся к Диего: — Ну что ж, сообщи нам и вторую причину, по которой создание вакуум-зоны бесполезно.

Диего надел шлем мыслеуправления и с неохотой произнес:

— Просто мы опоздали с зоной, вот и все. Надо было создавать ее в тот момент, когда корень Конструктора достиг всего двух десятков метров, вот тогда эта превентивная мера помогла бы. Но не сейчас. Перекрыть рост сверху мы перекроем, но движение корня вглубь уже не остановить.

— Что-то я вас обоих не пойму. То вы стоите на максималистских позициях, высказываясь в пользу уничтожения Конструктора, то вдруг поворот на сто восемьдесят градусов!

— Да потому, что никто из нас не знает, как предотвратить катастрофу, — мягко сказал Грехов. — А сидеть сложа руки мы не умеем, да и не имеем права. Отступать не можем только в том случае, когда испробуем все средства, предоставленные наукой. Наука дает нам вакуум-зону — мы ее используем. Что она может дать еще?

— ТФ-эмиттер, — усмехнулся Диего.

Нагорин, отвернувшись, возился над приборной панелью.

— Приготовьтесь, — сказал Грехов. — Идем вверх...

ПРЕДЕЛЫ ТЕРПЕНИЯ

В зеркальной глади поля карикатурно отражались передвигающиеся по залу люди, аппаратные стойки и пульты. Грехов посмотрел на свое волнистое отражение и подумал, что такой эффект может сразить любого оптимиста, довольного своей внешностью.

— Любуешься? — остановился рядом Сергиенко. — Пошли к видео, минут через десять будут транслировать включение зоны.

Они пересекли зал, поражающий новичков тишиной и голубизной центроплана. Несмотря на то что здесь постоянно царила атмосфера лихорадочной человеческой деятельности, десятки людей были заняты работой с вычислителями, виомами, связывающими зал с десятками патрульных кораблей, баз, абонентных пунктов, зондов-автоматов во всех уголках Солнечной системы, — неведомым техническим ухищрением строители обеспечили такую общую тишину в зале, какая редко бывает даже в лесу перед грозой.

Пояс главного виома слева был залит тушью пространства, справа нависла красно-оранжевая с фиолетовыми и черными тенями выпуклая стена Марса.

Очевидно, кто-то подал общую команду, и суета в зале стала стихать. Грехов заметил у главного пульта Торанца и направился к нему. Рядом с начальником погранслужбы стояли Банглин, Пинегин, председатель ВКС Тимур Северов, высокий, бронзоволицый, с шапкой совершенно белых волос.

— Внимание! — проговорил Торанц: только теперь, стоя в пяти метрах, Грехов услышал его голос.

— Включаю трансляцию. Первый горизонт...

Картина в виоме изменилась: все пространство заняла поверхность Марса, на месте Эллады простиралась странная черная плоскость, окруженная неэффектной с высоты огненной змейкой. В центре плоскости светил-

ся голубовато-призрачным светом широкий конус. Все это казалось накрытым тонкой вуалью или сеткой, едва видимой в просветы легких перистых облаков.

— Второй горизонт.

Изображение передавалось с телезондов, зависших ярусами на разных уровнях над поверхностью планеты. Несмотря на то что Деймос в данный момент пролетал над другими районами Марса, казалось, он висит над Элладой, скачками передвигаясь в глубь потревоженной, потерявшей былую прозрачность атмосферы.

— Третий горизонт!

Теперь черный диск разросся до размеров планеты. Конус в его центре оказался колоссальным горным пиком, состоящим из святящегося «льда». Но, вглядевшись, можно было увидеть, как поверхность его непрерывно струится от подножия к вершине, истекая дрожащим копьем голубого света. Иногда в толще горы загорались злые пронзительно-зеленые звезды, отзывающиеся в зале звонками регистраторов радиации.

Вуаль оказалась металлической решеткой, окутывающей всего Конструктора гигантским ажурным куполом.

— Патруль готов?

— Готов, — донесся голос из динамиков.

— Включаю.

И... ничего не изменилось. Минуту, другую... А потом Грехов заметил, как изображение черного диска стало постепенно затягиваться белой мутью, тускнеть все быстрее и быстрее, пока вовсе не скрылось под белой пеленой.

— Что это? — спросил Банглин.

— Зона начала отнимать энергию в первую очередь у атмосферы, — пояснил Сергиенко. — Температура в воздушном слое под поглотителями понижается, начинает конденсироваться влага... Потом и газы.

— Но ведь это вызовет струйные течения в атмосфере, — сдержанно сказал Северов. — Ураганы, песчаные бури усилятся... Все это учтено?

— Учтено, — кивнул Торанц, — приняты все меры безопасности...

— Нет, я не то имел в виду. Как работа зоны отразится на Марсе? На городах и поселках?

— Ураганы, конечно, усилятся, — осторожно начал Сергиенко, переглядываясь с Банглиным. — Но по мере энергопоглощения мощность их тоже будет падать... почти до нуля. Правда, все равно все высокоширотные поселения, включая Первомарск и Тревор, пострадают. Лесные массивы в долинах, очевидно, будут уничтожены полностью.

— Не зона основной виновник катастрофы, а Конструктор, — своим металлическим высоким голосом сказал Банглин.

— А может быть, все же мы сами? — тихо произнес Северов.

Перекликались инженеры связи, операторы слежения и координации патрулей. Метались в пределах слышимых зон рабочие пописквания и пересвистывания автоматов, универсальных счетно-решающих машин, но Грехову показалось, что в зале наступила полнейшая тишина. У него было такое ощущение, будто ему отвесили пощечину, и предстояло еще разобраться — справедливо или несправедливо. Хотя... если уж Северов говорил что-нибудь, он отвечал за свои слова.

— Переключите на какой-нибудь пост на поверхности, — попросил председатель ВКС.

Бело-желтая пелена в виоме сменилась коричневой. Под куполом сразу стало темно. Оператор подключил и звук, и в зал ворвался рев урагана, проносившегося над прозрачной башней поста. Башня вздрагивала и вибрировала — судя по миганию изображения.

— Радиодиапазон, — приказал Торанц в микрофон. — В обычном свете мы ничего не увидим.

В коричневой с черными струями стене появились просветы, потом рыжая пелена стала светлеть по всей поверхности и почти полностью исчезла. На горизонте показалась удивительная ярко-алая завеса, колеблющаяся, как занавес северного сияния.

— Двадцать два километра. Если Конструктор не остановится, через три часа граница диска снесет башню поста.

— Когда будут известны результаты эксперимента?

— Примерно через час. Станции не сразу развивают предельную мощность.

Северов кивнул и покинул зал. Вместе с ним ушел и Торанц.

Грехов остался. До начала дежурства оставалось около часа, и он решил узнать, чем закончится сражение вакуум-зоны с Конструктором.

Вакуум-зона не остановила Конструктора. Рост его сначала замедлился до трех сантиметров в час, потом постепенно достиг прежней величины. Колоссальная система поглотителей энергии, созданная людьми, оказалась неэффективной, она отбирала энергию отовсюду, только не из тела Конструктора, а так как площадь последнего все время росла — вместе с ее ростом падала и мощность системы. Через двое суток с момента запуска вакуум-зоны люди вынуждены были прекратить эксперимент, довольствуясь лишь наблюдениями с безопасных орбит.

В кабинете начальника УАСС Джаваира состоялся неконфиденциальный разговор, в котором приняли участие глава правительства Земли председатель ВКС Северов, председатель СЭКОНа Бардин, Сергиенко, Торанц и Пинегин.

Северов был на вид спокоен и уравновешен. Бесстрастный, как монгольский божок девятнадцатого столетия, Джаваир изредка посматривал на руководителя правительства сквозь узкие щелочки глаз и кивал головой, словно соглашаясь со всем, что тот говорил.

— Пора наконец решаться на радикальные меры, — говорил Северов чуть медленнее обычного, обводя собеседников пристальным взглядом. — Так дальше продолжаться не может. Кто-нибудь из вас способен проанализировать ситуацию до конца?

После некоторого молчания заговорил сосредоточенный Сергиенко.

— Возможны только два выхода из создавшегося положения. Первый — катапультировать Конструктора хотя бы за пределы орбиты Юпитера; другой — уничтожить его с помощью ТФ-эмиттера.

— Или просто ждать... — пробормотал Торанц.

— Не слышу предложений, — чуть резче сказал Северов. — Договаривайте, Сергей. Что вас смущает?

Сергиенко сжал большие руки в кулаки, посмотрел на них и вздохнул.

— На первое у нас не хватит энергии, масса Конструктора оценивается сейчас в триллионы тонн. В результате второго мы... станем убийцами. Подходит вам такая перспектива?

Красноречивая тишина была ответом.

— И все же, — нарушил молчание Бардин. — Объясните поподробней, что значит — не хватит энергии?

— Это значит, что всех энергетических запасов Дальразведки и УАСС не хватит, чтобы выбросить четыреста триллионов тонн Конструктора даже за пределы самого Марса. Формула Ромашина, расчет прост... можете убедиться сами.

— А на то, чтобы уничтожить — хватит?

— Ни одно материальное тело не выдержит удара скалярного ТФ-поля, когда взрывается, изменяется даже вакуум! И никакая, самая фантастическая защита не поможет Конструктору, убежден. Мы живем в реальном физическом мире, в котором законы физики едины и для нас и для него.

Джаваир продолжал молчать. У него было свое мнение, но он ждал, пока выскажутся другие.

— Зато я далеко не уверен, что та физика, которую мы знаем, — это истинная физика космоса, — сказал Северов. — Как часто мы заблуждались, объявляя, что знаем о каком-то явлении все! Примеры, надеюсь, приводить не нужно? Перед нами же не просто какое-то физическое явление — иная Вселенная! Вдумайтесь — иная Вселенная! А если не поможет и ТФ-эмиттер, тогда что?

Перемигивались на пульте видеоселектора огни индикаторов — нервных окончаний глобальной сети контроля за безопасностью человеческих жизней; тихий непрерывный шелест переговоров доносился из динамиков; стенные виомы то вспыхивали цветными волнами, то гасли — за стенами кабинета кипела жизнь миллиардов человеческих существ, в большинстве своем не предполагающих, что над ними, над их спокойным бытием навис дамоклов меч неизвестности.

— Так что мы решим? — очень тихо и спокойно спросил Северов. — Мы, понимаете? Не полумифический Сеятель, серый призрак, — мы сами?

— Ждать, — холодно и тоже спокойно отозвался Джаваир. — Выигрывает в конечном итоге тот, кто не имеет пределов терпению. Непосредственной опасности нет, мы эвакуировали всю рабочую примарсианскую зону. Вот если Конструктор вздумает выйти за пределы Марса... Что ж, тогда остается последний шаг, о котором почему-то никто из вас не произнес ни слова. Никто! А ведь вы руководители главных организующих центров человечества!

— Не кори, — нахмурился Северов. — Мы тоже способны ошибаться. К сожалению. Разве что ошибки наши обходятся дороже... в этом ты прав. Что же это за шаг?

— Контакт!

По наступившему молчанию Джаваир определил всю глубину замешательства собеседников.

— Вы не так меня поняли, друзья, — мягко сказал он. — Я имею в виду контакт с остальными сверхоборотнями.

— Ты с ума сошел, — сказал Торанц. — Они же вышли из нашего звездного Рукава.

— Да, вышли, но все же догнать их можно. Догнать и попытаться убедить забрать с собой Конструктора. Шанс невелик, но он есть.

— Думайте, — сказал Северов. — Думайте, асы. Времени у нас нет. Вступайте в контакт со сверхоборотнями, с серыми людьми, с чертом и дьяволом, но придумайте что-нибудь!

Грехов включил запись, и распахнувшиеся стены комнаты ввели его в концертный зал Большого Кремлевского дворца в Москве, заполненный до отказа. Три века служил этот зал искусству, и даже в век совершеннейшей видеопередачи, эйдопластической техники и сенсорных эффектов он не устарел; было что-то трогательно-нежное в том сложном комплексе чувств, с которым люди приходили в этот зал: словно ветер старины, древности и... детства овевал его, заставляя с особой остротой чувствовать приобщение к прекрасному, вспоминать подернутые пеплом времени страницы жизни древней столицы мира, и приходить сюда снова и снова...

Грехов не раз бывал во дворце, был и в тот вечер, когда впервые дал о себе знать ансамбль «Василиск», рожденный талантом его руководителя, композитора и певца Веселина Ярова. Эту запись он тоже смотрел не однажды, но для Диего Вирта концерт «Василиска» был откровением.

После того как замолк ручей хрустальных звуков и замер голос певца, Диего долго сидел в темноте без движения, думал о чем-то своем, словно забыл о существовании друга. Когда наконец свет вспыхнул и вокруг них сомкнулись стены комнаты, затерянной в недрах деймосской базы, Диего поднял голову и посмотрел на Грехова, глядевшего на него со странным выражением на лице.

— Ты что-то задумал, — утвердительно сказал он.

Грехов усмехнулся, выключил видеорейдер и спрятал кристалл записи в карман. Походив по комнате, в которой ничего не было, кроме трех кресел и пульта управления домашней робототехникой, встроенного в стену, он поколдовал над пультом, и стенной виом воспроизвел вид Марса с высоты орбиты Деймоса: громадный пухлый оранжевый шар, на котором уже нельзя было разобрать ни морей, ни горных хребтов, ни каньонов и метеоритных кратеров. Лишь чередующиеся полосы оранжевого и бурого цвета — свидетели глобального урагана, поднявшего в воздух планеты веками накапливавшуюся силиконовую пыль и песок.

— Музыка — универсальный язык человечества, — сказал наконец Грехов, — как и математика. Чьи слова — не помню, но ты мог их оценить, слушая запись. Пока наши попытки контакта с Конструктором заканчивались неудачами, а я хочу на всех мыслимых диапазонах, в том числе и в звуковом, передать Конструктору шедевры человеческой музыки.

— Идея не новая, — с едва заметным колебанием сказал Диего.

— Это если использовать ее прямо, буквально. Я же хочу дать не просто музыку, а ту, которая по тысячелетнему опыту человечества наиболее восприимчива детьми. Понимаешь? Ведь Конструктор — еще малыш, ребенок, мать ему требуется или отец, уж не знаю, кто у них был. Но был! Я дам ему колыбельную, материнские

песни без слов и со словами, успокаивающие мелодии, песни, несущие нежность и любовь. Пусть прислушается и поймет, что не одинок, что мы предлагаем помощь. И еще хорошо бы дать психомузыку последних лет, соответствующую устойчивой полосе положительного спектра эмоций.

— Детская музыка?.. Что ж, по-моему, неплохо. Может быть, он хоть чуть-чуть притихнет, посмотрит на свою разрушенную колыбель. Только сможешь ли ты убедить ученых, занятых контактом, имеющих собственные, разработанные до мелочей теории, что твоя гипотеза имеет право на существование?

Грехов сжал кулаки, в глазах его мелькнул знакомый упрямый огонек.

— Я не собираюсь никому доказывать. Пусть ученые пробуют свои программы на оборотнях, как предложил Джаваир, а я попробую проверить свою идею сам, монтаж записи почти готов.

Диего грустно покивал, тяжело поднялся и подошел к Габриэлю.

— Ты все-таки здорово изменился, Ри. Извини, но у тебя был великолепный дар убеждения окружающих в своей правоте, этот дар меня всегда удивлял. А теперь его нет, ты все хочешь сделать сам, по-своему, и тверд ли в собственной правоте — неизвестно.

— Может быть, все дело в том, что раньше я управлял людьми, а теперь только самим собой?

— Может быть. Не знаю, легче ли от этого...

— Кому?

— Нам всем. Мне тоже... тебе самому.

Грехов резко толкнул пальцем пульт, постоял, хмуро глядя, как тот самостоятельно прячется в стену, потом вдруг посветлел лицом и достал из кармана небольшую видеокассету.

— Хочешь посмотреть на сына? Уже разговаривает!

Диего улыбнулся и взял кассету...

Через час модуль Грехова снялся со стартодрома деймосской базы и устремился к Марсу, туда, откуда взирал на космос не затронутый ураганом исполинский черный глаз Конструктора. Вслед за ним стартовал и патрульный когг Диего. В их обязанности входило наблюдение за участком околопланетного пространства

над Конструктором, чтобы суета его исследователей не превратилась в бедствие: очень часто лихие научные сотрудники опускались со своими приборами слишком низко во взбаламученную атмосферу Марса, пересекая границу безопасности и норовя сесть Конструктору «на голову», и тогда спасателям приходилось чуть ли не силой возвращать их на прежние высоты.

Дежурство Диего совпало по времени с ночью в том широтном поясе Марса, где зловещим грибом рос Конструктор.

Когг медленно дрейфовал в тени планеты. В ходовой рубке на этот раз находились лишь пилот модуля и сам Диего: патрулей не хватало и дежурить приходилось по двое, иногда и по две смены подряд. Приемник работал в режиме радиотраления, и голоса переговаривающихся людей глухим жужжанием заполняли рубку. По экранам локаторов ползли столбцы цифр — координаты попадающих в луч локатора модулей, и если некоторые из них вспыхивали красным светом — Диего настораживался, а пилот рефлекторно поправлял на голове эмкан управления.

Уже с час Диего наблюдал странное свечение в районе центральной горки Конструктора. Там зажглось переливчатое облако света, всплывающее из глубины атмосферы. Оно разошлось волшебным букетом, мерцающие шары которого повисли на длинных светящихся шлейфах. Частые зеленые полосы побежали вдоль пелены свечения, разбили «букет», и вот уже эфемерное море катит сине-зеленые волны, постепенно гаснущие в ночи...

— Наблюдаю необычные световые эффекты, — донесся сквозь рабочее бормотание эфира чей-то близкий голос.

— Записываем, — отозвался другой.

— Каждый день что-то новое, — пробормотал пилот. — Вчера на месте «моря» я видел самый настоящий костер, разве что в тысячу раз больше...

— Габриэль! — окликнул Диего, переводя передатчик на особую волну, на которой переговаривались только пограничники и спасатели.

— Диего? — откликнулся Грехов. — Ты где?

— ДИС-сектор, квадрат Эллады, высота сто сорок.

— Значит, я под тобой, высота сто. Что случилось?

— Ничего особенного, проверка связи. Ты не следишь за Конструктором?

Грехов не отвечал минуты две.

— Ты об этом свечении? Красиво... Кстати, наблюдатели на поверхности отмечают ослабление песчаных бурь. Уж не ответ ли это Конструктора на наши попытки контакта?

— Спроси у Сергиенко, он тебе ответит.

Динамики донесли смешок, и Грехов отключился.

В это время локаторы засекли уползающий за границу сектора «панцирник», и Диего погнался за ним, сообщив на базу номер машины нарушителя. Догнав неповоротливую полусферу, Диего заставил ее пилота бежать вверх со всей скоростью, на которую она была способна, а сам огляделся, прикидывая, где может находиться в этот момент модуль Грехова.

Они опустились ниже восьмидесяти километров, Грехов по идее должен был идти выше, но что-то подсказывало Диего, что это не так. Он покачал локаторами, пронзая муть атмосферы в направлении Конструктора. В створе черного окна азимутального локатора мелькнула зеленая искра, и тотчас же алые цифры показали координаты чьего-то корабля.

Пилот выжидающе смотрел на Диего, пока тот вызывал «наглеца». Неожиданно отозвался Грехов:

— Я борт-117, высота пятьдесят семь... Диего, ты, что ли?

— Веду вас на луче. Помощь нужна?

— Почему ты решил, что нам нужна помощь? Здесь, правда, здорово трясет... Еще пару километров — и я снова пущу запись. Понимаешь, о чем речь?

— Ри, высота Конструктора уже сорок восемь! Там вихревые поля! Поднимись выше и крути свою запись...

— Не могу, хочу убедиться, что запись будет принята. Ты же знаешь, модность передатчиков имеет пределы... а тут вихревые поля... корона помех...

— Вниз! — шепотом скомандовал Диего пилоту, прикрыв ладонью микрофон.

— За мной не идти... — продолжал говорить Грехов, голос его постепенно слабел, пока не пропал совсем.

— О черт! Габриэль! — крикнул Диего, не заботясь о нервах дежурного на базе. — Габриэль, отвечай!

Тишина на аварийной волне. И новый взрыв переливающегося свечения над Конструктором. В ответ на передачу Грехова? Или совпадение? Где же они?

— Вниз, быстрее!

Когг набрал скорость. Бок Марса приблизился вплотную, прорвалась легкая пелена рыжих облаков. Чуть в стороне, справа по ходу движения, люди увидели колоссальный пик центральной надстройки Конструктора, исторгающий ввысь струи холодного огня.

Удар! Зловещий треск под пультом! Волна мучительной вибрации, потрясшая корпус аппарата! Качнуло влево, потом вправо, завертело штопором... Где верх, где низ — не разберешь... Еще удар!

— Падаем, — будничным тоном сказал пилот. — Уходим аварийно...

— Вниз! — яростно прохрипел Диего, на которого навалилась душная волна страха и боли — влияние излучения Конструктора. — Я их вижу. Переходи на ручное...

Бесшумные огненные змеи пронеслись рядом, осыпали модуль фонтаном искр. Диего включил внешние акустические приемники, и рубку заполнили странные звуки: гулы, свисты, трески, бульканье, множественное эхо... музыкальные аккорды!

И снова удары, толчки, слепое кружение вокруг невидимого смерча... Потонул в шуме голос вахтенного базы, вызывающий патрули Диего и Грехова. Диего торопливо сообщил ему о своих действиях и начисто забыл о его существовании.

Они нашли модуль Грехова случайно. Диего включил прожекторы, и на совсем близкой черной поверхности диска Конструктора, абсолютно не отражающей свет, показался корпус модуля: конус, плавно переходящий в блюдцеобразную решетку ускорителя.

— Финиш! — бросил Диего.

У диска трясло не так сильно, но пилот посадил когг только с третьей попытки: приборы давно перестали показывать действительное положение вещей.

Динамики доносили лишь тысячеголосый электронный вопль потревоженной радиокороны Конструктора,

сквозь эту адскую музыку передатчики земных машин пробиться, конечно, не могли. Диего проверил герметичность скафандра и выскочил из рубки.

Спрыгнув с трапа на невидимое, но ощущаемое твердое нечто, он огляделся.

Кругом царил полный мрак, до горизонта — абсолютно черное поле, в котором бесследно тонули лучи прожекторов. И черное небо над головой, корчащееся в судорогах лиловых зарниц. Только на западе прорезал этот мрак грозный огненный конус, вокруг которого вились вихри голубого и зеленого пламени, дробясь на уносящиеся вверх струи, стрелы и копья.

Диего сделал шаг и... упал! Удар по нервам был так силен, что на некоторое время он почувствовал себя падающим в грохочущую бездну. Внезапно тьма отступила, тело пугающе выросло. Диего увидел разом сначала всю поверхность Марса, потом простор космоса, близкие шары планет, Солнце... Границы обозрения все расширялись, появились кипящие шары других звезд, все больше и больше, одни звезды вокруг... Ушли звезды, приблизились галактики, света все меньше, мрака все больше... Угол зрения охватил Метагалактику, похожую на светящуюся ячеистую сеть, потом и «сеть» сжалась, потускнела, сплошной мрак вокруг, лишь вдали, как грани исполинского куба, посверкивают призрачные контуры «стен» — границы Метагалактического домена, за которыми прятались другие метагалактики...

Диего очнулся лежащим на черном монолите. Бешеный гул крови постепенно стихал, он встал, шатаясь на ослабевших ногах, но что-то мешало, заставляло оглядываться в поисках неведомого препятствия, и тогда он окончательно пришел в себя и понял, что взгляд Конструктора может быть тяжелее горного хребта!

Налетевший воздушный вал едва не сбил пограничника с ног. Он включил генератор защиты, стало легче идти. Если бы не прожекторы когга — он, наверное, заблудился бы, хотя до корабля Грехова было всего с километр. Уже подходя, Диего наконец заметил, как изуродован модуль. Садился он правильно, кормой вниз, но от страшного удара весь оплыл к корме, сплющив решетчатое тело ускорителя, став чуть ли не в полтора раза короче!

Диего обошел корабль раз, другой, отыскивая люки. Ему вдруг показалось, что все это уже с ним было: разбитый модуль Грехова, темнота кругом, ощущение нависшей беды... Впрочем, действительно было — в сверхоборотне. События повторяются на новом витке...

— Габриэль! — позвал Диего, стараясь перекрыть вой в наушниках.

— Пиу, пиу, тю-лю-лю-у-у! — ответила ночь.

Нижний, кормовой, люк модуля превратился в узкий овал, второй вообще не был виден, лишь верхний, аварийный, выгнувшийся пузырем, еще мог послужить выходом.

Диего достал «универсал», направил ствол излучателя на горб люка и выстрелил два раза подряд. Люк оплыл, открыв черный зев входа.

— Габриэль! — еще раз крикнул Диего, обернулся, помахал рукой в сторону ослепительных солнц прожекторов и полез в густую черноту сплюснутого коридора. Взгляд Конструктора уже не занимал его, хотя и давил невыносимой ношей. Ярость, и гнев, и желание быстрее найти друга, и боль, и ожесточение, и вызов — вот что представлял собой Диего Вирт в этот момент.

ЧЕЛОВЕК НЕПРЕДСКАЗУЕМ

Когг бросало из стороны в сторону, трясло и раскачивало. Толчки следовали один за другим, словно Конструктор не хотел отпускать людей из своих объятий.

Диего, закусив губу и ощущая во рту солоновато-сладкий привкус крови, медленно выводил модуль по наклонной траектории в светлеющее небо. А в соседнем кресле, слева, моталось плохо закрепленное тело мертвого Забары, и справа в другом кресле лежал Грехов, и был ли он жив, никто не знал.

Пилот виртовского когга сидел на полу рубки, глядя на экраны равнодушным взором: шок не отпускал его, и пилот тоже был как мертвый.

Когг пробил тропосферу, стратосфера встретила его слабым шорохом человеческих голосов, усиливающихся с каждой секундой.

— Держитесь, ребята, — шептал Диего в полузабытье, и все увеличивал и увеличивал скорость, не надеясь на свои силы, зная, что работает на пределе.

— Держитесь... держитесь...

Он потерял сознание уже над базой. Но кораблю не дали упасть: спасательные шлюпы перехватили его и бережно отнесли в ангар техобслуживания.

Очнулся Диего через несколько часов, сразу поняв, что лежит в медцентре одного из крейсеров флота УАСС.

— Грехов? — требовательно проговорил он в спину врача.

— Жив, — не удивился его вопросу врач; это был Нагорин. Он кивком отпустил коллегу и присел рядом с «саркофагом».

— Остальные?

— Забара... в гипотерме, мозг отстоять не удалось.

Диего застонал и отвернулся. Но тут же снова повернулся к Нагорину.

— Почему вы здесь? Вы же в комиссии по безопасности...

Нагорин сидя проверил показания кибердиагноста, переключил что-то на панели автомеда и откинул прозрачную крышку «саркофага». Ванна «саркофага» со всем ее оборудованием откатилась к стене комнаты. Диего остался лежать на трубчатой раме постели, поддерживаемой спиралями гашения колебаний.

Нагорин встал, сел снова и, поколебавшись, сказал:

— Прилетели серые призраки. Все наши базы на Марсе свернуты, центр координации перенесен на «Витязь», ты в его медсекторе.

— «Витязь»? Я так и подумал. А чем занимаются серые призраки? Поглядеть бы...

— Я включу связь с рубкой, — вздохнул Нагорин без улыбки. — Иначе ведь тебя здесь не удержишь.

Нагорин повернул кровать в другое положение, придал ей небольшой наклон, чтобы удобно было смотреть, и вскрыл в стене универсальную подставку виома. Стена напротив стала зыбкой, подернулась перламутровым туманом и исчезла. Вместо нее появился «вход» в экс-

педиционный зал крейсера. Главный виом зала показывал черноту космоса, бурый с оранжевым глобус Марса и рядом еще один белесоватый шарик, имеющий нечеткие границы. Шар этот внезапно распался на десятки «снежных хлопьев», и Диего понял, что это серые призраки.

«Снежинки» призраков стали уменьшаться в размерах, направляясь к громаде Марса. В северном полушарии планеты виднелось проглядывающее сквозь космы пыли и облаков черное пятно, занимающее площадь едва ли не с половину ее видимого диска.

— Зонд! — сказал кто-то в зале. Диего узнал Торанца.

Крейсер выстрелил несколько телезондов вслед уходящим к Конструктору серым призракам, изображение в виоме разбилось на четыре сектора: в каждом своя картина, в зависимости от расстояния между зондами и Марсом.

Серые призраки скрылись в дымке атмосферы. Зонды остановились на ее границе, стабилизировали по-ложение, и виом переключился полностью на прием от одного из них.

Черный, идеально правильный круг на красно-буром фоне, похожий на вход в пещеру, — вот что представлял собой уже четырехтысячекилометровый круг Конструктора. Атмосфера Марса перестала быть прозрачной, волны мутных воздушных течений пронизывали ее в широтном направлении, поэтому иногда Конструктор казался скатом-хвостоколом, погружавшимся в придонную муть морских глубин...

Внезапно то тут, то там по границам черного круга начали вспыхивать колоссальные факелы белого пламени. Динамики донесли далекие гулы потревоженной воздушной толщи.

В зале крейсера произошло общее движение.

— Дайте максимальное увеличение! — бросил Торанц.

Операторы быстро нашли очередной растущий факел, поверхность Марса рванулась навстречу, расползлась во все стороны, факел вырос до размеров солнечного протуберанца, на него больно было смотреть, так он был ярок. Вытягивался он откуда-то из неведомых

глубин атмосферы, детали которых не просматривались. Вот он съежился, опал и исчез. Сквозь вихрящиеся белые полосы облаков проступил край черного диска Конструктора.

— Ничего не видать, — сказал Пинегин с сожалением. — Может, это работа серых призраков?

Картина в виоме снова изменилась, появилась вся панорама Марса с непередаваемо черным зрачком Конструктора. Диего вгляделся, и по центру пятна явственно разглядел непрерывное изменение форм центральной надстройки. Было такое впечатление, будто там кипит и вспучивается черная смола, выдувая пузыри, сигаровидные отростки, купола и острые иглы, каждая из которых была величиной с крейсер, а то и больше; гигантский кипящий котел, извергающий в небо черные струи, опадающие зализанными, округленными волнами...

Вдруг виом мигнул, изображение исказилось, и все исчезло, остался ровный белый фон холостого режима.

— Что там у вас? — повысил голос Торанц.

— Разбило зонд!

Прием переключили на другой зонд, но и этот аппарат через минуту прекратил существование.

— Отведите их подальше, — посоветовал Пинегин. — Видимо, серые призраки в самом деле начали свои эксперименты. Что показывают приборы?

— Свистопляска! — отозвался кто-то у пульта. — Оставшиеся на поверхности автоматы передают такое, что просто глазам не верится!

Диего почувствовал слабость и прикрыл глаза.

— Может, выключить? — спросил Нагорин, озабоченно читая показания автомеда.

— Не надо. Лучше дай чего-нибудь укрепляющего из твоего медицинского арсенала и иди туда, к ним, с меня хватит и кибернянькн. Если понадобится, я выключу сам.

Нагорин поколдовал над автомедом, убедился, что Диего чувствует себя лучше, и вышел. Пограничник остался один. «Жив! — подумал он. — Главное, что Габриэль жив... я вытащил его чудом... если только Конструктор не приложил к этому свою «руку»... Жив, а там посмотрим, медицина еще не сказала своего последнего слова. Знал бы он, что тут сейчас творится!»

В виоме ничего не менялось. Шар Марса отодвинулся, превратившись в странную голову с единственным зловещим черным глазом.

Спустя сутки, в течение которых от серых призраков не поступало никаких вестей, словно они бесследно растворились в атмосфере Марса, наблюдатели с крейсеров УАСС, окруживших планету, доложили, что Марс потрясли новые серии марсотрясений силой свыше десяти баллов! Кора планеты не выдерживала чудовищных напряжений, гигантские многосоткилометровые трещины рвали ее на отдельные платформы, из трещин кое-где вырывались исполинские языки огня и потоки вязкой вишневой лавы. В атмосферу было выброшено за несколько часов столько пыли и пепла, что она стала полностью непрозрачной.

— Агония, — тихо сказал Пинегин.

В экспедиционном зале крейсера находились лишь руководители погранслужбы и УАСС, ученые и члены экипажа. Диего чувствовал себя вполне сносно, что дало ему возможность покинуть медсектор и тоже присоединиться к руководству.

Все понимали, что решается судьба Марса, судьба отношений Конструктора с людьми, а может быть, и судьба человечества. Никто не знал, каковы размеры взрослого Конструктора, может быть, он способен расти до размеров Солнечной системы, может, планетарной материи ему окажется мало и он примется за Солнце!.. Неизвестность — вот что терзало людей — худшая из пыток!

— Если Сеятели не помогут — не поможет никто, — сказал Торанц. — Завтра, возможно, будет уже поздно начинать войну.

— Разве ТФ-удар уже решен? — спросил Нагорин, испытывающим взором обводя лица руководителей операции.

— Решен. Сначала в качестве предупреждения, потом...

— Но уничтожение Конструктора — это мера, которую требуют, как вы сами говорили, только чрезвычайные обстоятельства! Да, Марс мы потеряли, как новый

дом, новую базу отдыха, экспериментальную базу и так далее... Но разве не мы сами виноваты? Разве не мы спровоцировали, если так можно выразиться, развитие Конструктора из яйца сверхоборотня?

— И все же вопрос уничтожения Конструктора решен. — Угрюмые глаза Торанца скользнули по фигуре ученого. — Как только возникнет прямая угроза Земле — удар будет нанесен. Иного выхода у нас нет!

— Возможно, мы все же сумеем объяснить Конструктору, чем грозит его присутствие в Системе?

— Все попытки контакта окончились неудачей, — пробормотал один из ученых ИВК. — Мы и сейчас не оставляем таких попыток, но результат...

— А свечение сутки назад? — спросил Диего. — Я помню, тогда ваш институт пытался его анализировать.

— Да, — нехотя признался ученый. — Свечение — это, возможно, его реакция на какой-то из наших сигналов. Мы смогли выявить несколько гармонических рядов свечения, поддающихся сложнейшим пространственным формулам, но дальше дело не пошло... А продолжения не последовало, и на какой именно сигнал прореагировал Конструктор, мы не знаем. Пробовали повторить программу дня — ничего похожего.

— Я, кажется, догадываюсь, на какой сигнал он прореагировал. Именно в тот день... — Диего рассказал о попытке Грехова передать Конструктору запись, включающую лучшие музыкальные произведения человечества для детей и психосигнал, содержащий волну нежности и любви.

— Вот это любопытно, — оживился ученый. — Ведь Конструктор действительно еще дитя, а мы ему все время долдоним взрослые истины. Где же этот ваш экспериментатор?

— Он... в реанимации, в медцентре управления. Во время патрулирования его модуль упал на диск Конструктора.

— Извините, я не знал. Вы разрешите повторить эксперимент? — обратился ученый к Торанцу.

— Если есть хоть малейший шанс, его надо использовать. Жаль, что Грехов не поделился своей идеей раньше. Действуйте.

Ученый отошел к пульту технических операций, потом подозвал Диего:

— Запись у вас сохранилась?

— К сожалению, нет, модуль Грехова остался... внизу, и тогда мне было не до аппаратуры воспроизведения.

— Жаль, но мы попытаемся синтезировать новую запись.

В течение последующих двух часов крейсер несколько раз менял позицию вокруг Марса, вскипающего по всей поверхности султанами дыма, пара и огня. А потом в зале появился серый призрак.

Произошло это неожиданно для всех — ни одна сторожевая установка не отметила приближения к крейсеру какого бы то ни было тела. Главный виом зала вдруг словно раскололся, впустив в зал сгусток серого тумана. «Туман» собрался посередине зала в причудливое облако, из которого к людям вместе с волной теплого воздуха вышел человек! Не великан-гуманоид, как в прошлый раз, на полигоне, а обыкновенный человек с усталым лицом, одетый в серебристо-голубой комбинезон спасателя. Он сделал несколько шагов, остановился, оглядел присутствующих в зале и сказал:

— Странные вы существа — люди. Вы не останавливаетесь на достигнутом даже в том случае, если материальные издержки превышают моральный выигрыш. Нам казалось, что в прошлую встречу мы хорошо объяснили ситуацию, что ваше стремление обуздать силы, многократно превышающие ваши собственные, не более чем своеобразная реакция вашего сообщества на сопротивление окружающей среды, что разумные доводы понятны всем разумным существам. И снова убеждаемся — человек непредсказуем! Не потому ли, что разум ваш еще не закончил эволюцию социальных форм?

Нам надо было еще в первые встречи обратить на вас, на ваше движение к познанию пристальное внимание, ведь мы знаем — история сохранила факты: познание может принимать столь уродливые формы, что подобные цивилизации гибли в чрезвычайно короткие промежутки времени, не успев даже осознать причин своей гибели. Мне кажется, переоценка своих сил и возможностей тоже ведет к отклонениям в развитии цивилизаций, и

вот об этом вам придется подумать всерьез, и думать не после развязанных событий, а до их свершения. Как ни горька преамбула, примите ее такой, какова она есть.

Сеятель прищурился, прошелся перед сбившимися в группу людьми, озабоченный и усталый, как человек, на которого неожиданно свалилось бремя ответственности за жизни других. Поднял голову.

— Конструктор родился. Он еще не созрел, но и от этого ребенка можно ожидать любого действия, сравнимого по мощности со вспышкой новой звезды! Уничтожить его не удастся, я слышал — в качестве экстренной меры вы были готовы пойти на это. Не удастся даже локализовать его в пространственном коконе, как только что пытались мы. Он слышит нас, но то ли не хочет понимать, то ли занят более важными делами — у сверхразума их более чем достаточно. Но вернее всего, он не может ответить так, чтобы мы поняли, ибо живет уже и в ином времени, и в ином пространстве...

Сеятель замолчал, к чему-то прислушиваясь.

— Чтобы оценить дорогу, надо ее пройти, — тихо сказал Торанц. — Как же иначе? И выхода... нет?

— Мы подстрахуем вас, но только что мне сообщили... кажется, Конструктор сам нашел выход. Я покидаю вас, но не верю, что в последний раз. До свидания, следите за Конструктором...

Облако вспыхнуло радугой, Сеятель расплылся в ленту дыма, и в зале стало пусто. И тотчас же донеслись чьи-то тревожные запросы и крики наблюдателей с других кораблей СПАС-флота.

— Конструктор поднимается!

— Он зашевелился!..

— Уходит!

Сориентировавшийся Пинегин включил сигнал тревоги, крики стали стихать.

— Внимание! Всем кораблям немедленно покинуть примарсианскую зону! Координаты выхода по базисному расписанию — вектор Юпитер — Земля. Как поняли?

Вокруг пылающего Марса стали зажигаться огоньки: крейсеры отвечали своему флагману и покидали примарсианское пространство в ТФ-режиме. Через несколько минут остался только их корабль, малым ходом уходящий прочь от Марса, к Земле.

Внезапно из багровой пелены атмосферы выпрыгнул, как поплавок из воды, белый шар серых призраков, перестроился в кольцо, и оно поплыло в сторону от планеты. А вслед за ним всплыл жуткий в своем неземном, нечеловеческом величии, исполинский диск Конструктора. Впрочем, не диск — обращенный острием вниз черный конус, на гладком торце которого вырос странный нарост; на людей повеяло ощутимым ветром властной, всепокоряющей силы!

Марс кипел, выбрасывая в космос щупальца смерчей, словно пытаясь удержать странного и страшного пришельца, а тот медленно и торжественно всплывал над ним, окутанный бледным голубым сиянием и короной гигантских молний.

Серые призраки — снежинки рядом с айсбергом — окружили его со всех сторон, потом снова собрались в кольцо, уже под ним. А он все поднимался и поднимался, волоча за собой сверкающий воздушный шлейф, прошел мимо крейсера, качнув его волной гравитационного возмущения, и, постепенно уменьшаясь в размерах, затерялся в пространстве, направляясь в сторону северного Галактического полюса. Мимо Земли, мимо Солнца... А потом из тьмы космоса в том месте — все увидели это совершенно отчетливо — проявилась колеблющаяся фигура, полупрозрачная, сотканная из света... нет, не фигура — печальное лицо ребенка! И растаяла...

— Господи, он понял! — проговорил Торанц сдавленным голосом. — Он понял нас!..

И словно в ответ Конструктор вдруг передал в эфир отрывок из песни, одной из тех, что записал для него Грехов. И ушел. И во всем мире остался лишь этот печальный звук — тонкий и нежный, хватающий за душу, замирающий человеческий голос...

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИКТ

Роман

Книга вторая. ПРИШЕСТВИЕ

Головачев В.В.

Г61 Реликт: Роман. В 3-х томах. — Т. 1. — «Классическая библиотека приключений и научной фантастики». — М.: Центрполиграф, 1996. — 345 с.

ISBN 5-218-00081-7 (Т. 1)

Это остросюжетный фантастический роман-эпопея в шести книгах, показывающий развернутую панораму жизни человечества в двадцать втором — двадцать четвертом веках.

Начинается роман встречей землян с реликтовой формой жизни в космосе, спора которой сохранилась со времени рождения Вселенной, а заканчивается грандиозным противостоянием разумных Вселенных, в котором люди пытаются отстоять свое право на жизнь.

Это роман о мужестве и бесстрашии, просчетах и ошибках людей, об их любви и ненависти, безумии и надежде.

Это роман, воспевающий жизнь во всех ее проявлениях, о воспитании человека в экстремальных условиях, об отношениях людей с космосом и с теми, кто его населяет.

Это роман приключений, полный активного действия и философских размышлений о смысле жизни, отрицающий равнодушие к последствиям любого шага человека.

ББК 84.Р7

Литературно-художественное издание

Василий Васильевич
Головачев

РЕЛИКТ

Роман в трех томах

Том 1

Редактор *Д.О. Хвостова*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *В.Ф. Нефедова*

Корректор *Т.С. Дмитриева*

ЛР № 064206 от 10.08.95 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 28.05.96.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48.
Уч.-изд. л. 19,21. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2497.

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГМП «Первая Образцовая типография»
113054, Москва, Валовая ул., 28

РУССКИЙ ТРИЛЛЕР

СЕРИЯ «РУССКИЙ ТРИЛЛЕР»

Частные детективы и воры в законе, спецслужбы и мафия, политики и «новые русские». Это темы острых криминальных сюжетов книг известных мастеров российской остросюжетной прозы и восходящих звезд, за которыми будущее: Эдуарда Хруцкого, Василия Головачева, Анатолия Степанова, Василия Веденеева, Алексея Дроздецкого, Данила Корецкого, Андрея Молчанова, Петра Катериничева, Александра Ушакова и других авторов.

В.Веденеев	«Лабиринт»
В.Головачев	«Смерш-2»
В.Головачев	«Перехватчик»
Л.Гурский	«Убить президента»
П.Катериничев	«Редкая птица»
В.Веденеев	«Дикое поле»
А.Ушаков	«Крестные братья»
Л.Гурский	«Перемена мест»
А.Ушаков	«Цветы лотоса в грязном пруду»
В.Веденеев	«Бальзам Авиценны»
Д.Корецкий	«Антикиллер»
А.Степанов	«Любить и убивать»
А.Молчанов	«Схождение во ад»
А.Кивинов	«Танцы на льду»
А.Тюрин	«Фюрер Нижнего Мира»
В.Головачев	«Разборки третьего уровня»
Д.Корецкий	«Пешка в большой игре»
А.Кивинов	«Кошмар на улице Стачек»
В.Сухнев	«Убийство в общих интересах»
Е.Месяцев	«Последний козырь»
А.Молчанов	«Падение Вавилона»

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм, обьем 400—500 стр.

__Цена одной книги 15000—20000 руб.__

СЕРИЯ «ОСИРИС»

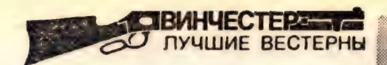

По многочисленным просьбам любителей фантастики, «Центрполиграф» возобновляет выпуск серии «Осирис», хорошо известной поклонникам фантастики. В серии выходили лучшие романы английских и американских авторов, таких как Р.Желязны, К.Саймак, Э.Гамильтон, Р.Хайнлайн. Продолжая лучшие традиции издания фантастики, «Центрполиграф» удивит читателей новыми изданиями произведений блестящих мастеров, корифеев мировой фантастики, таких как Норман Спинрад, Деймон Найт, Томас Диш, Ф.Дик и другие.

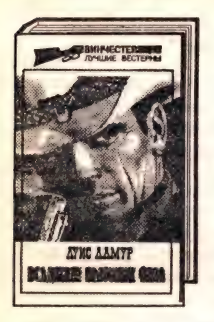
М.Муркок	«Бегство из сумерек»
Н.Спинрад	«Стальная мечта»
Ф.Дик	«Мастер всея Галактики»
Д.Найт	«Билет куда угодно»

Твердый целлофанированный переплет, формат 145 x 200 мм, обьем 500 стр.

__Цена одной книги 19000—20000 руб.__

СЕРИЯ «ВИНЧЕСТЕР»

Вестерны — это легенды о мужественных людях, покоривших необозримые просторы американского Дикого Запада.

Открывают серию 18 томов Полного собрания сочинений Луиса Ламура — одного из самых известных во всем мире писателей в жанре вестерна. Герои его романов — ковбои и стрелки, надежные друзья и защитники обиженных, люди, отстаивающие правду и справедливость, ибо в годы Гражданской войны (1861—1865 гг.) они сражались на стороне северян против рабства, за свободу и независимость Америки. Простота сюжетов компенсируется точностью исторических и географических подробностей, так как Луис Ламур, по его собственному признанию, видит себя представителем устного жанра — этаким рассказчиком, витийствующим в отблесках походного костра.

Луис Ламур

том 1 «Кровавое золото»
том 3 «Ганфайтер»
том 5 «Всадники высоких скал»
том 6 «Дьявол с револьвером»
том 7 «Горящие холмы»
том 8 «Мустанг»
том 9 «След Кайова»

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 500—560стр.

Цена одной книги 18000—20000 руб.

СЕРИЯ «МАСКАРАД»

Завораживающие романтические истории, великосветские интриги, любовные страсти и трагические семейные драмы, увлекательно и ярко описанные на фоне реальных исторических или современных событий — в Англии, Шотландии, Америке и Франции, — несомненно вызовут живой интерес у читателя.

В серию войдут лучшие любовно-исторические романы зарубежных авторов, блистательных исторических романисток, таких как Диана Гейблдон, Виктория Хольт, Сара Харрисон, и Полное собрание сочинений уже известной нашим читателям Джорджетты Хейер.

Э.Энтони «Орлы летают высоко»
Э.Энтони «Виктория и Альберт»

Твердый целлофанированный переплет, формат 145 x 210 мм, объем 500 стр.

Цена одной книги 19000—19500 руб.

СЕРИЯ «АДАМ И ЕВА»

ЛИНДА ГУДМЕН

Двенадцать Таинств Любви» в 2-х книгах

Бог сотворил Адама и Еву, Мужчину и Женщину, каждый из них мечтает встретить «Женщину своей мечты» и «Героя своего романа». Как найти свою половину? Как не потеряться в огромном мире, как не пройти мимо человека, дарованного судьбой?

Ответы на эти вопросы читатель найдет в произведениях серии «Адам и Ева». Серия открывается двухтомником талантливой писательницы и астролога Линды Гудмен «Двенадцать Таинств Любви», известной российскому читателю по бестселлеру «Знаки Зодиака или астрология с улыбкой».

«Двенадцать Таинств Любви» — результат многолетнего и всестороннего исследования Линдой Гудмен человеческой личности в связи с влиянием космических сил как на взаимоотношения представителей разных полов, так и всего общества в целом.

Объем первого тома — 585 стр., второго — 460 стр.
Формат 135 x 210 мм. Твердый целлофанированный переплет.

Цена двухтомника 40000 руб.

ДЖЕЙМС ХЕДЛИ ЧЕЙЗ

Собрание сочинений в 23-х томах

Наиболее полное и верное собрание сочинений Джеймса Хедли Чейза на русском языке (89 романов и сборник рассказов).Издательство «Центрполиграф» обладает эксклюзивными правами на русское издание произведений этого выдающегося английского писателя, чьи произведения пользуются самой большой популярностью в России, как и во всем мире.

Твердый целлофанированный переплет,
формат 135 x 210 мм. Объем 480—650 стр.

Принимаются заявки на полное собрание сочинений.

Цена одного тома 19000—21000 руб.

й

з
е
м.
е

о

–

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ
РЕЛИКТ
ТОМ
ПЕРВЫЙ